

73

СОБРАНИЕ ВОЛЬФА.

РУССКІЕ БЕЛЛЕТРИСТЫ.

СОЧИНЕНІЯ

А. Ѳ. ПИСЕМСКАГО.

ТОМЪ V.

СОЧИНЕНИЯ
А. ПИСЕМСКАГО.

ПОСМЕРТНОЕ ПОЛНОЕ ИЗДАНИЕ.

ТОМЪ V.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ.

INSTYTUT
BADAŃ LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA ▲
00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 72
Tel. 26-68-63

ИЗДАНИЕ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,

МОСКВА,

Гостиный дворъ, №№ 17 и 18. Петровка, д. Михалкова, № 5.

1884.

<http://rcin.org.pl>

24.186/5

Типографія Товарищества М. О. Вольфъ (Спб., В. О., 16 л., № 5).

СТАРЧЕСКІЙ ГРѢХЪ.

(СОВЕРШЕННО РОМАНИЧЕСКОЕ ПРИКЛЮЧЕНІЕ).

I.

Если вамъ когда-нибудь случалось взбираться по крутой и постоянно чѣмъ-то воняющей лѣстницѣ зданія присутственныхъ мѣстъ въ городѣ П—ѣ, и тамъ, на самомъ верху, повернувъ направо, проникать сквозь неуклюжую и съ вѣчно-надломленнымъ замкомъ дверь въ цѣлое отдѣленіе низенькихъ и сильно грязноватыхъ комнатъ, помѣщавшихъ въ себѣ мѣстный Приказъ Общественнаго Призрѣнія, то вамъ, конечно, бросался въ глаза сидѣвшій у окна, передъ дубовой конторкой, чиновникъ, лѣтъ уже далеко за сорокъ, съ крупными чертами лица, съ включенными волосами и бакенбардами, широкоплечій, съ жилистыми руками и съ болѣе еще неуклюжими ногами. Это былъ бухгалтеръ Приказа Юсафъ Юсафычъ Ферапонтовъ. На немъ, какъ и на прочей канцеляріи,

былъ такой же истасканный вицмундиръ, такіе же уродливые, съ сильно выдавшимся большимъ пальцемъ, сапоги, такіе же засаленные брюки, съ слѣдами чернилъ и табаку на колѣняхъ, и только въ довольно мрачномъ выраженіи лица его (какъ-то не было видно того желчнаго раздраженія отъ безпрестанно воливающейся мелкой мысли, которое, надобно сказать, было присуще почти всей остальной приказной братіи. Видимо, что бухгалтеръ думалъ и размышлялъ о болѣе возвышенныхъ и благородныхъ предметахъ, чѣмъ его подчиненные. Не смотря на это, кажется-бы, преимущество съ его стороны, онъ собственно за свою наружность и былъ не совсѣмъ любимъ начальствомъ. Всѣ новые губернаторы, вступая въ должность и посѣщая въ первый разъ Приказъ, получали объ немъ самое невыгодное мнѣніе, можетъ быть потому, что въ то время, какъ всѣ прочіе чиновники встрѣчали ихъ съ подобострастно веселымъ видомъ, одинъ только Юсафъ стоялъ у своей конторки, какъ медвѣдь, на котораго шли съ рогатиной.

— У васъ бухгалтеръ должно-быть скотина, — замѣчалъ обыкновенно губернаторъ члену Приказа.

— Для службы-то, ваше превосходительство, очень ужъ полезенъ, — отвѣчалъ тотъ на это тономъ глубокаго сожалѣнія: — у насъ тоже дѣло денежное: вотъ, бывало, и предмѣстникъ вашего превосходительства, какъ за каменной стѣной, за нимъ спокойно почивать изволили.

— Гм!.. — произносилъ глубокомысленно губернаторъ, и только этимъ бухгалтеръ спасался на своемъ мѣстѣ. Каждый день, съ восьми часовъ утра до

двухъ часовъ пополудни, Ферапонтовъ сидѣлъ за своей конторкой, то просматривая съ большимъ вниманіемъ лежавшую передъ нимъ толстую книгу, то прочитывая какія-то бумаги, то, наконецъ, устремляя печальный взглядъ на довольно продолжительное время въ окно, изъ котораго виднѣлась колокольня, нѣсколько домовыхъ крышъ и клочекъ неба. О чемъ бухгалтеръ думалъ въ это время, — сказать трудно; но по всему замѣтно было, что мысль его была шире того небольшого пространства, въ которомъ являлся ему Божій міръ сквозь канцелярское окно, шире и глубже даже тѣхъ мыслей, которыя заключались въ цифрахъ лежавшей передъ нимъ книги.

Часовъ съ одиннадцати обыкновенно въ Приказъ начинала собираться публика, и первые являлись купцы съ вкладами. Случалось такъ, что какой-нибудь изъ нихъ, забѣжавъ наскоро въ Приказъ, тяжело дыша и съ безпокойными глазами, прямо обращался къ бухгалтеру:

— Членъ здѣся-тко-сь, али нѣтъ?

— У губернатора, — отвѣчалъ Ферапонтовъ.

— Эхма-тка! — говорилъ купецъ, прищелкнувъ языкомъ и почесавъ въ затылкѣ: — деньжонки бы внести надо... задержать, пожалуй!.. а дѣловъ-то... дѣловъ...

— Давайте, — говорилъ ему на это лаконически Иосафъ, и купецъ, нимало не задумываясь, вытаскивалъ изъ кармана иногда тысячь пять, шесть, десять серебромъ и отдавалъ ихъ ему на руки, твердо увѣренный, что завтра же получить на нихъ билетъ.

Всѣ помѣщики, имѣнія которыхъ были заложены въ Приказъ, тоже знали Иосафа и тоже прямо обра-

щались къ нему. Болѣе смирные изъ нихъ даже чувствовали къ нему нѣкоторый страхъ.

— Асафъ Асафичъ! а Асафъ Асафичъ! — говорили они, подходя не безъ робости въ его конторкѣ. (Бухгалтеръ не любилъ на первый зовъ откликаться). — А что имѣніе мое назначено въ продажу? — заключалъ проситель уже жалобнымъ голосомъ.

Ферапонтовъ взглядывалъ на него. Имени онъ почти ни у кого не спрашивалъ и каждаго узнавалъ по лицу.

— Сахаровыхъ? — произносилъ онъ, развертывая толстую книгу.

— Сахаровыхъ, — отвѣчалъ робко помѣщикъ.

— 17 апрѣля назначено въ продажу, — отвѣчалъ Ферапонтовъ.

Помѣщикъ окончательно терялся.

— Да какъ же это, ей-богу, вотъ-те и разъ! — произносилъ онъ почти со слезами на глазахъ.

Бухгалтеръ, иногда, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, снова развертывалъ книгу и, просмотрѣвъ ее внимательно, произносилъ:

— Перезаложите. Перезаложить можно.

— Можно? — спрашивалъ помѣщикъ съ расцвѣтающимъ лицомъ.

— Можно. А вы и не знали того? — говорилъ Юсафъ Юсафичъ: въ голосъ его слышалась легкая насмѣшка.

Помѣщикъ отъ радости почти въ прискочку уходилъ изъ Приказа.

— Предъ сѣннымъ ковчегомъ скакаше, играя!.. — произносилъ ему въ слѣдъ столоначальникъ перваго стола, большой шутникъ и зубоскалъ. При этомъ

молодые писцы самымъ искреннимъ образомъ зыркали себѣ подъ носъ, а которые постарше, улыбались и качали головами. Одинъ только Юсафъ въ подобныхъ случаяхъ хоть бы бровью поводилъ. Онъ вообще съ канцеляріей никогда не вступалъ ни въ какого рода посторонніе разговоры и былъ строгъ: въ особенности, почти что гоненію съ его стороны подвергались молодые, недоучившіеся дворяне, поступившіе на службу такъ только, чтобы вилять отъ нея хвостомъ. Въ концѣ почти каждаго мѣсяца, онъ вдругъ входилъ въ присутственную комнату и начиналъ мрачно смотрѣть въ окно.

— Что вы тутъ: на что глядите? — спрашивалъ его непремѣнный членъ.

— Такъ, ни на что-съ, — отвѣчалъ Юсафъ, и потомъ, послѣ короткаго молчанія, прибавлялъ: — Петрова бы, вотъ, надо совѣмъ изъ службы выгнать.

— А что такое? — спрашивалъ непремѣнный членъ съ нѣботымъ испугомъ. — Петровъ былъ, какъ извѣстно, личнымъ протеже начальника губерніи.

— А то, что ужъ ружье завелъ, — отвѣчалъ Феррапонтовъ.

— Скажите, пожалуйста! — произносилъ непремѣнный членъ горестно удивленнымъ тономъ и звонилъ.

— Позвать Петрова! — говорилъ онъ, и Петровъ, очень молодой человѣкъ, съ вольнодумно-отпущенными усиками и съ какою-то необыкновенно-длинною шеей, въ тоненькомъ, легонькомъ галстукѣ и въ прюнелевыхъ ботинкахъ вмѣсто сапогъ, являлся.

— Вы ужъ ружье завели? — спрашивалъ его непремѣнный членъ.

Петровъ вспыхивалъ до самыхъ ушей.

— Я, помилуйте, Михайло Петровичъ, взялъ только у товарища на поддержаніе... Помилуйте-съ! — отвѣчалъ онъ прерывисто нетвердымъ голосомъ.

— На поддержаніе вы взяли!.. — возражалъ ему бухгалтеръ: — цѣлый день продуваете да замокъ отвинчиваете... Что-нибудь одно: либо за утичьими хвостами бѣгать, либо служить.

— Я служить стараюсь! — говорилъ Петровъ, обращаясь болѣе въ непремѣнному члену.

— Кабы старались, такъ бы не тои было, — возражалъ ему снова бухгалтеръ. — Мать-то, этта, пріѣзжала и почестъ что въ ногахъ валялась и плакала: послѣднюю послѣ отца шубенку въ три листика проиграли!.. Еще дворянинъ! точно зараза какая... только другихъ портите и развращаете.

— Что-жь, маменька, конечно что вольна все говорить, — отвѣчалъ Петровъ, опуская невиннѣйшимъ образомъ глаза въ землю.

— Всѣ на васъ говорятъ! — произносилъ съ досадою Иосафъ и уходилъ изъ присутствія.

За такого рода суровость, а главное, я думаю, и за образъ своей жизни, онъ и прозванъ былъ отъ своихъ подчиненныхъ «*отче Иосафій*».

Но въ самомъ ли дѣлѣ этотъ человекъ былъ таковъ?.. Нѣтъ, и тысячи разъ нѣтъ!!!

II.

Какъ ни давно это было, но мы еще очень хорошо помнимъ севернѣйшій сентябрьскій день, сырой.

холодный: помнимъ длинную залу, тоже сырую и холодную, съ распростертыми надъ нами по потолку ея всевозможными богами Олимпа, — залу почти безъ всякихъ слѣдовъ жилья человѣческаго. Посрединѣ ея стоялъ огромный столъ, покрытый краснымъ сукномъ. По двумъ стѣнамъ шли сплошь шкафы съ книгами и съ стоявшими наверху ихъ греческими мудрецами. Тщетно старался я прочитатъ заглавія нѣкоторыхъ книгъ и ничего не понималъ. Какая-то экзегетика, герминевтика и тому подобное... Богъ знаетъ что такое. По третьей стѣнѣ, подъ портретомъ Государя, нарисованнаго въ коронѣ и порфирѣ, стояли мы, человѣкъ тридцать мальчиговъ, въ новенькихъ вицмундирчикахъ, и съ глубокой тоской на сердцѣхъ отъ грядущей намъ будущности. По четвертой стѣнѣ, у оконъ, размѣщались на креслахъ наши родители. Маменька Сокальскаго, на примѣръ, очень полная и нарядная дама, чрезвычайно важничала: развалившись въ креслахъ, она съ такимъ видомъ играла своей лорнеткой, которымъ явно хотѣла сказать, что она дѣлаетъ величайшую честь этому мѣсту, въ которое, по чувству материнской любви, рѣшилась придти и просидѣть полчаса. Папенька Арнаутова, кривой помѣщикъ, сдавалъ сына на выучку, кажется точно съ такимъ же чувствомъ, съ какимъ онъ засыпалъ и рожь на мельницѣ «Было-бы-де всыпано, а тамъ и баста; само смеетъ, какъ надо!» Вице-губернаторскихъ дѣтей, двухъ братьевъ, привелъ худощавый французъ гувернеръ, и видимо не желая, чтобы они смѣшались съ плебеями, поставилъ ихъ вдали отъ нашей группы, а самъ присѣлъ на окнѣ и съ какимъ-то особеннымъ эффектомъ вывернулъ

голени у ногъ. Я съ большимъ любопытствомъ смотрѣлъ на его узенькія, нѣжно-пепельнаго цвѣта брюки, и невольно сравнивъ ихъ съ сильно-вытянутыми на колѣняхъ штанами учителя математики, а также и съ толстыми, сосиско-подобными ногами учителя нѣмецкаго языка, я тутъ же убѣдился, что одна только французская нація достойна носить узенькія панталоны, тогда какъ прочему человѣчеству рѣшительно слѣдуетъ ходить въ шароварахъ. Дѣтей жандармскаго полковника, тоже двухъ братьевъ, привелъ солдатъ жандармъ и почему-то очутился тутъ же въ залѣ между родителями. Онъ преспокойно стоялъ въ простѣнкѣ и стѣснялся отчасти только тѣмъ, что носъ его, болѣе привыкшій находиться на улицѣ и въ холодныхъ сѣняхъ, чѣмъ въ теплыхъ апартаментахъ, очень ужъ разнѣжился, такъ что онъ безпрестанно принужденъ былъ подтирать его своей бѣлой рукавицей. Вблизи отъ него, и даже очень дружелюбно обращаясь къ нему съ разнаго рода семейными разговорами, сидѣлъ секретарь гражданской палаты, доже приведшій сынишку, съ отгнившими почти отъ золотухи ушами.

— Ты, вѣрно, дядькой при дѣтяхъ? — говорилъ онъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, я на кухнѣ, при поварахъ; поварамъ подсобляю, — отвѣчалъ жандармъ.

— Такъ, такъ... а что полковница-то родила, али еще нѣтъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, ждется еще пока... что Богъ дастъ.

— Такъ, такъ! — заключалъ секретарь и начи-

налъ играть серебряной табакеркой, внушавшей сильное подозрѣніе, что это былъ даръ за измѣнуThemidь.

Между всѣми этими лицами, надобно сказать, болѣе всѣхъ поразилъ мое дѣтское вниманіе мизерный чиновничшко въ поношенномъ вицмундиришкѣ, въ худенькихъ штанахъ и въ дырявыхъ сапогахъ. Онъ безпрестанно ежился, шевелился, какъ будто бы его сейчасъ только круто посолзили и посыпали сверху перцемъ. Онъ то садился на самый краешекъ стула, то вскакивалъ и подбѣгалъ къ секретарю, кланялся передъ нимъ, что-то такое рассказывалъ ему, и тотъ на все это отвѣчалъ ему съ обязательнымъ полупрезрѣніемъ. Не ограничиваясь секретаремъ, чиновничшко относился даже къ м-те Сокальской, но та ужъ ему ничего не отвѣчала. Отъ родителей чиновникъ перебѣгалъ къ нашей группѣ и, обдавъ насъ сильнымъ запахомъ водки, прямо обращался къ довольно шершавому малому, лѣтъ 16-ти, одѣтому тоже въ вицмундирчикъ; но, Боже мой! въ какой вицмундирчикъ: сшитый не только что изъ толстаго, но даже разноцвѣтнаго сукна, такъ что туловище у него приходилось темноснее, а рукава голубые. Чиовничшко съ самымъ строгимъ видомъ что-то такое, должно быть, внушалъ ему. Мальчикъ, въ свою очередь, тоже строго смотрѣлъ на него и сохранялъ упорное молчаніе. Вошли директоръ (черноволосый мужчина, съ необыкновенно густыми и длинно-отросшими бровями), и за нимъ, какъ гіена, выступалъ сутуловатый и какъ бы вся и все высматривающій инспекторъ. Мы всѣ невольно сдѣлали движеніе вытянуть руки по швамъ. Родители привстали. Жан-

дармъ проворно отнялъ отъ носу бѣлую рукавицу. Чиновничшко поклонился ученому начальству самымъ унизительно-подлымъ образомъ. Директоръ началъ читать списокъ поступившихъ въ гимназію:

— Павелъ Аскановъ?

— Я! — пискнулъ бѣлокуренькій мальчикъ.

— Гавріилъ Бѣляевъ?

— Я! — отвѣчалъ еще тоньше уже черноволосый мальчикъ.

— Михаилъ Гавренко?

— Я! — отвѣчалъ тоже тонко и тоже брюнетикъ.

Словомъ, постоянно почти слышались нѣжные дисканты, но вдругъ директоръ, нѣсколько замывшись въ языкѣ, произнесъ:

— Иосафъ Ферапонтовъ?

— Я! — отвѣчалъ на это почти мужской уже басъ, такъ что мы всѣ невольно оглянулись. Это отделился мальчикъ съ разными рукавами. Директоръ тоже, кажется, былъ озадаченъ.

— Г. Ферапонтовъ? — повторилъ онъ.

— Я-съ, — отвѣчалъ мальчикъ тѣмъ же возмужалымъ голосомъ.

— Подойдите сюда.

Ферапонтовъ подошелъ.

Въ это время, нѣсколько съ боку, къ директору приблизился и чиновничшко.

На лицѣ почтеннаго педагога вдругъ изобразился ужасъ. Пожимая плечами и все болѣе и болѣе закидывая голову назадъ, онъ произнесъ:

— Что такое? Что такое? Гдѣ мы? Не въ эфіопскихъ ли степяхъ? Какіе у васъ рукава? Гимназистъ вы или арлекинъ?

Все лицо мальчика загорѣлось стыдомъ. Видимо, что это была самая больная для него струна. вмѣсто него сталъ отвѣчать чиновничшко.

— Ну, батюшка, чтожь? виновать, не имѣю состоянія. Не погубите, благодѣтель: не имѣю чѣмъ одѣть лучше, — проговорилъ онъ, и не много, не мало, бухъ директору въ ноги.

Я видѣлъ, что мальчикъ при этомъ вздрогнулъ. Директоръ тоже возмущился подобнымъ самоуниженіемъ.

— Встаньте, я не Богъ вашъ и не царь! — произнесъ онъ недовольнымъ голосомъ, и потомъ, обращаясь къ мальчику, прибавилъ: — который вамъ годъ?

— Шестнадцатый, — отвѣчалъ онъ.

Директоръ нѣсколько времени смотрѣлъ ему прямо въ лицо самымъ оскорбительнымъ образомъ:

— Гм!... Шестнадцатый годъ и всего только въ первомъ классѣ! — произнесъ онъ насмѣшливо. — Зачѣмъ ужъ было въ такомъ случаѣ поступать къ намъ и своей шерстью портить цѣлое стадо?

— Говорено было, благодѣтель, ему это, такъ вѣдь упрямецъ, — подхватилъ вмѣсто сына чиновничшко, чуть не до земли кланаясь директору: — лучше бы въ службу шелъ да помогаль бы чѣмъ-нибудь отцу, а я что? Не имѣю состоянія, — виновать!

— Ступайте на свое мѣсто! — обратился директоръ къ мальчику.

Тотъ пошелъ. Какъ ни старался онъ смигнуть слезы, но онѣ противъ воли текли по его щекамъ!

Когда насъ распустили, и мы стали въ прихожей надѣвать наши шинельки, мнѣ очень хотѣлось по-

смотрѣть, что надѣнетъ на себя Ферапонтовъ, но онъ пошелъ такъ, въ одномъ только вицмундирчикѣ. «Такъ вотъ отчего, — подумалъ я, — отъ него такъ пахнетъ сыростью. Онъ и въ гимназію, видно, пришелъ насквозь пробитый дождемъ.» Чиновничшко, накинувъ на себя какое-то вретиче вмѣсто шинели, пошелъ тоже за нимъ и началъ опять ему что-то толковать и внушать. Мальчикъ пошелъ, потупя голову.

Очень скоро послѣ того между всѣми нами узналось, что гадкій чиновничшко былъ нѣкогда служившій въ консисторіи архивариусъ, исключенный изъ службы за пьянство и дебоширство, а *разношерстный* Ферапонтовъ (прозвище, которое мальчикъ получилъ на самыхъ первыхъ порахъ) былъ родной сынъ его. Жили они въ слободѣ, версты за четыре отъ гимназіи, въ маленькомъ развалившемся домикѣ, и мальчикъ, говорятъ, даже стряпалъ у огня за кухарку. Каждое утро онъ являлся въ классъ, облитый потомъ, хотя попрежнему ходилъ въ одномъ только вицмундирчикѣ. Нанковая чуйка, съ собачьимъ воротникомъ, появилась на его плечахъ только въ началѣ ноября. Онъ приходилъ обыкновенно съ объдомъ, и мнѣ всегда очень хотѣлось узнать, что такое онъ приносилъ съ собою, старательно завернутое въ сахарную бумагу. Мы всѣ, напримѣръ, очень хорошо знали, что дѣтямъ жандармскаго полковника, съ тѣмъ же жандармомъ, присылали всегда изъ родительскаго дома и котлетъ, и жареной курицы, вкусный запахъ которыхъ, пробиваясь изъ оловянной миски, сильно раздражалъ наши голодные ноздри; но что ѣлъ Юсафъ и гдѣ совершалъ этотъ актъ, никому было неизвѣстно!

Однажды мы сидѣли въ классѣ математики. Учитель ея, жестокосердѣйшій меланхоликъ, сидѣлъ погруженный въ глубокую задумчивость. Собственно учениемъ онъ насъ не обременялъ, но наблюдалъ болѣе всего тишину и спокойствіе въ классѣ. Мы всѣ сидѣли какъ мухи, прихваченныя морозомъ. Вдругъ бѣлобрысый Аксановъ, оказавшійся ужасно гадкимъ мальчишкой, всталъ.

— Никита Григорычъ, — началъ онъ пищать своимъ тоненькимъ голосомъ: — позвольте мнѣ переѣсть. Съ Ферапонтовымъ сидѣть нельзя-съ: онъ луку наѣлся.

Учитель мрачно и вопросительно взглянулъ на него.

— Лукомъ дышетъ на меня-съ, сидѣть около него невозможно-съ, — объяснилъ Аксановъ.

Учитель наконецъ понялъ его.

— Ферапонтовъ, подите сюда, — проговорилъ онъ. Ферапонтовъ, весь вспыхнувъ, подошелъ.

— Дохните на меня.

Ферапонтовъ дохнулъ.

— Фай! — произнесъ учитель, проворно отворотивъ носъ. — И не стыдно вамъ это?... Не стыдно благородному мальчику дѣлать такія гадости?

Ферапонтовъ молчалъ.

— Подите на колѣни.

Ферапонтовъ, не поднимая глазъ, пошелъ и всталъ, а учитель снова погрузился въ свою задумчивость.

Съ ударомъ звонка Ферапонтовъ всталъ и сѣлъ было на свое мѣсто, но Аксановъ опять къ нему привязался:

— Луковникъ, луковникъ! — дразнилъ онъ его, вертясь передъ нимъ.

— Отстань! — повторялъ ему нѣсколько разъ Иосафъ, съ тѣмъ терпѣливымъ выраженіемъ, съ какимъ обыкновенно большія собаки гоняютъ маленькихъ шапокъ. Но Аксановъ не унимался.

— Луковникъ, луковникъ!... разноперый луковникъ!... — говорилъ онъ и дернулъ Ферапонтова за его голубой рукавъ.

Движенія этого было достаточно. Я видѣлъ, какъ лицо Иосафа мгновенно вспыхнуло, и въ ту же минуту раздался страшнѣйшій ударъ пощечины, какой когда-либо я слыхивалъ, и, мнѣ кажется, что въ этомъ беспощадномъ ударѣ у Иосафа выразилась не столько злоба къ врагу, сколько ненависть и отвращеніе къ гадкому человѣчишку. Аксановъ перелетѣлъ черезъ скамейку. Изъ рта и изъ носу его брызнула кровь. Заревѣвъ во все горло, онъ бросился жаловаться къ инспектору, отъ котораго и снизошло приказаніе: стать Ферапонтову на колѣни на цѣлую недѣлю. Иосафъ снесъ это наказаніе, ни разу не попытавшись ни оправдаться, ни попросить прощенія. А между тѣмъ учиться онъ началъ лучше всѣхъ насъ: запинаясь, заикаясь и конфузясь, онъ обыкновенно начиналъ отвѣчать свои уроки, и всегда ихъ зналъ, такъ что къ концу года за прилежаніе, а главное, я думаю, за возмужалый возрастъ онъ и сдѣланъ былъ у насъ въ классѣ *старшимъ*. Какъ теперь помню я его неуклюже-добродушную фигуру, когда онъ становился у кафедры наблюдать за нашимъ поведеніемъ, повторяя изрѣдка: «пожалуйста, перестаньте, право, придуть!» Въ черновую книгу онъ никогда никого

не записывалъ, и только когда какой-нибудь шалунъ начиналъ очень ужъ бѣситься, онъ подходилъ къ нему, самолично схватывалъ его за волосы, стягивалъ ихъ такъ, что у того кровью наливались глаза, и молча сажалъ на свое мѣсто, потомъ снова становился у каеэдры и погружался въ ему только извѣстныя мысли.

Съ третьяго класса насъ вдругъ начали учить маршировать и кричать въ одинъ голосъ: «ура!» и «здравія желаемъ!» Инспектору (особѣ, кажется бы, по происхожденію своему изъ духовнаго званія) чрезвычайно это понравилось. Онъ мало того, что лично присутствовалъ на нашихъ ученьяхъ, но и самъ пожелалъ упражняться въ сихъ экзерциціяхъ и нарочно пришелъ для этого въ одну изъ переѣмъ между классами.

— Погодите, дѣти, — сказалъ онъ, сдѣлавъ намъ лукавую мину: — я взойду къ вамъ, аки-бы генераль, и вы привѣтствуйте меня единогласнымъ: ура!

Распорядясь такимъ образомъ, онъ ушелъ.

«Не вставать! не откликаться ему!» раздалось со всѣхъ сторонъ. Юсафъ почесалъ только голову.

Между тѣмъ два сторожа торжественно отворили дверь, и инспекторъ въ полномъ мундирѣ, при шагѣ, съ треугольной шляпой и съ глупоулыбающимся лицомъ вошелъ.

— Здравствуйте, дѣти! — произнесъ онъ добродушнѣйшимъ голосомъ.

Никто ни слова.

Инспекторъ позеленѣлъ.

— Говорятъ вамъ, здравствуйте, скоты этакіе, — повторилъ онъ.

Новое молчаніе.

— А! заговоръ! — могъ только выговорить онъ и ушелъ.

«Въ третьемъ классѣ бунтъ, заговоръ!» — разнеслось страшнымъ гуломъ по всей гимназіи. — «Завтра будетъ разборка,» — слышалось затѣмъ, — и дѣйствительно: на другой день насъ позвали въ залу съ олимпійскими богами. Проходя переднюю, мы замѣтили всѣхъ трехъ сторожей въ новыхъ вицмундирахъ и съ сильно нафабранными усами. Между ними виднѣлась и злобѣщая скамейка, а въ углу лежало такое количество розогъ, что ихъ достало бы запороть на смерть цѣлую роту. Сердца наши невольно ёкнули. Когда мы вошли въ залу, директоръ, инспекторъ и весь сонмъ учителей былъ уже въ сборѣ. Суrowsое выраженіе лицъ ихъ не предвѣщало ничего добраго. Насъ построили въ три шеренги.

— Поступокъ вашъ, — началъ директоръ, насупливая свои густыя брови и самымъ злобѣщимъ тономъ: — выше всякой мѣры, всякаго описанія!... Это не простая шалость, которую можно простить и наказать. Тутъ стачка!... заговоръ!... Это дѣйствіе противъ правительства... шагъ противъ царя. Вы всѣ пойдете подъ красную шапку. Не рассчитывайте на то, что вы дворяне и малолѣтки. Мы всѣхъ васъ упечемъ въ кантонисты!

Произнося послѣднія слова, онъ пріостановился и нѣсколько времени наблюдалъ эффектъ, который произвелъ этой рѣчью. Что это за дѣйствіе противъ правительства, и почему это шагъ противъ царя, мы рѣшительно ничего не поняли, но сочли за нужное тоже имѣть съ своей стороны лица мрачныя.

— И только святая обязанность, — продолжалъ директоръ: — которую мы, присягая крестомъ и Евангеліемъ, приняли на себя... (при этихъ словахъ онъ указалъ на образъ)... обязанность, — повторилъ онъ съ удареніемъ: — исправлять вашу нравственность, а не губить васъ, заставляетъ насъ предполагать, что большая часть изъ васъ были вовлечены въ это преступленіе неумышленно, а потому хотимъ только наказать зачинщиковъ. Извольте выдавать ихъ.

Прошло нѣсколько минутъ, но отвѣта на этотъ вызовъ не послѣдовало.

— Г. Ферапонтовъ, выйдите на средину! — проговорилъ директоръ, какъ бы на что-то рѣшившись.

Ферапонтовъ вышелъ.

— Вы, какъ старшій класса, должны отвѣчать первый.

Иосафъ сначала посмотрѣлъ ему въ лицо, потомъ отвелъ глаза въ уголъ на печку, потупилъ ихъ и ни слова не отвѣчалъ.

— Я васъ спрашиваю: кто зачинщики? — повторилъ директоръ.

— Я не знаю-съ, — проговорилъ наконецъ Ферапонтовъ.

— А! не знаете! Розогъ! — произнесъ директоръ, сколько только могъ снокойнымъ голосомъ.

Иосафъ слегка поблѣднѣлъ, но молчалъ.

— Розогъ! — повторилъ директоръ, уже болѣе грознымъ голосомъ.

Учитель чистописанія и рисованія успѣшилъ исполнить его приказаніе. Вошли сторожа съ скамейкой и съ дозами.

— Я васъ спрашиваю въ послѣдній разъ: кто зачинщики? Извольте или отвѣчать, или раздѣваться.

Ферапонтовъ не дѣлалъ ни того, ни другаго.

— Раздѣваться! — крикнулъ наконецъ директоръ, стукнувъ по столу.

— Нѣтъ-съ, я не дамся съчъ, — произнесъ вдругъ Юсафъ. Мы всѣ невольно вздрогнули. Директоръ откинулся на задокъ кресла. Инспекторъ сдѣлалъ только жестъ удивленія руками, а законоучитель возвелъ очи свои горе и вздохнулъ.

— Раздѣть его! — произнесъ директоръ уже шипящимъ голосомъ.

Два сторожа подошли къ Ферапонтову.

— Что-жь, ваше благородіе, разболокайтесь! проговорилъ одинъ изъ нихъ и взялъ было его за бортъ сюртука. Но Юсафъ въ ту же минуту ударилъ его наотмашь по мордѣ, а другаго толкнулъ въ грудь, такъ что тотъ едва устоялъ на ногахъ; а самъ, перескочивъ черезъ скамейку, убѣжалъ. Двое остальныхъ сторожей погнались за нимъ. Мы слышали ихъ тяжелые и быстрые шаги по корридору.

Весь ученый комитетъ поднялся на ноги. Директоръ и инспекторъ нѣсколько времени стояли другъ противъ друга и ни слова не могли выговорить, до того ихъ сердца преисполнились гнѣва и удивленія. Учителя, которые были поумнѣй, незамѣтно усмѣхались. Прошло по крайней-мѣрѣ четверть часа тяжелаго и мрачнаго ожиданія. Наконецъ двое запыхавшихся сторожей возвратились и донесли, что Ферапонтовъ сначала перескочилъ черезъ одинъ заборъ, потомъ черезъ другой, черезъ третій и скрылся въ переулокъ.

— А! хорошо! — проговорилъ директоръ, снова совладѣвъ собой.—Хорошо! — повторилъ онъ, — и затѣмъ началась разборка; стали сѣчь черезъ четвертаго пятаго: Ахтуровъ указалъ на Вистулова и Пеклиса; Вистуловъ сказалъ, что зачинщиками были Кантыревъ и Жилловъ; Жилловъ оговорилъ Пеклиса; словомъ, всѣ сподличали и всѣхъ пересѣкли. Обильное количество розогъ было сполна употреблено въ дѣло. Мы всѣ разошлись по домамъ, кто прихрамывая, кто вехлипывая, и всѣ съ глубоко-ожесточенными сердцами, а когда на другой день насъ снова потянули въ залу, мы дали другъ другу смертельную клятву поступить такъ же, какъ и молодецъ Ферантовъ. Но насъ ожидало совершенно другое зрѣлище. Директоръ, инспекторъ и учителя сидѣли попрежнему на своихъ мѣстахъ. Попрежнему въ залѣ была свамейка и розги, а нѣсколько въ сторонѣ три сторожа держали связаннаго по рукамъ и ногамъ Ферантова. Отецъ его, еще въ изорванномъ вицмундиришкѣ, былъ тутъ-же и безпрестанно кланялся директору.

— Я, батюшка-благодѣтель, только и прошу о томъ: накажите его, подлеца, хорошенько!... Хорошенько его!...

— Вы будете видѣть, какъ этотъ господинъ будетъ примѣрно наказанъ, — объяснилъ намъ коротко директоръ и сдѣлалъ знакъ рукой сторожамъ. Иосафу на этотъ разъ не было никакой возможности сопротивляться. Съ нимъ мгновенно распорядились. Оказалось, что на немъ бѣлья порядочнаго не было: полинялая, ситцевая, рѣденькая рубашенка висѣла на немъ хлопьями и больше ничего. Наказаніе послѣдо-

вало дѣйствительно примѣрное. До сихъ поръ я не могу забыть этого возмущающаго душу зрѣлища. Бѣднаго мальчугана привязали крѣпчайшими веревками за руки, за голову, за ноги къ скамейкѣ. Двое огромныхъ сторожей начали наказывать. Директоръ съ включенными волосами и съ развирѣпѣвшимъ лицомъ всталъ на ноги.

— Говорятъ вамъ, назовите зачинщиковъ и просите прощенія! — говорилъ онъ повременамъ, задыхающимся отъ бѣшенства голосомъ, но не получая отвѣта, махалъ рукой, и сторожа продолжали свое дѣло.

Отецъ Иосафа тоже повторялъ за нимъ: «Хорошенько его, хорошенько!» Иногда онъ подбѣгалъ къ солдатамъ и, выхвативъ у нихъ розги, самъ начиналъ съчь сына жесточайшимъ образомъ. Все это продолжалось около получаса. Ручьи крови текли по полу. Иосафъ отъ боли изгрызъ цѣлый уголокъ скамейки, но не сказалъ ни одного слова и не произнесъ ни одного стона.

— Бросьте этого скота, — проговорилъ наконецъ директоръ. Ферапонтовъ старикъ бросился ему въ ноги, умоляя его: «батюшка, не погубите, отецъ мой, благодѣтель, не погубите на вѣки!» И когда директоръ пошелъ изъ залы, онъ поползъ за нимъ на колѣняхъ.

Иосафа тоже на той же скамьѣ куда-то унесли, и насъ распустили.

Три недѣли потомъ онъ не являлся. Мы слышали, что онъ больной лежитъ въ пансіонской больницѣ и когда пришелъ, то былъ блѣденъ и замѣтно похудѣлъ. О томъ, что съ нимъ случилось, онъ почти ни съ

кѣмъ не проговорилъ ни слова, хоть и былъ рѣшительно героемъ денька. Не говоря ужъ объ насъ маленькихъ, начавшихъ смотрѣть на него съ какимъ-то благоговѣніемъ, даже шестиклассники и семиклассники приходили и спрашивали: «который у васъ Ферापондовъ?» и мы имъ показывали. Я далъ себѣ рѣшительное слово, во что бы-то ни стало, сблизиться и подружиться съ нимъ. Но какъ было это сдѣлать? Единственнымъ пріателемъ и другомъ Іосафа былъ и оставался, тоже зарѣчный житель, пятиклассный гимназистъ Мучениковъ. Малый этотъ, весьма тупой на ученье, отличался тѣмъ, что постоянно ходилъ въ широчайшихъ шальварахъ, стригся въ кружокъ и накалывалъ себѣ сзади шею булавкой, для того, чтобы она распухала и казалась болѣе толстою, и все это съ единственною цѣлью быть похожимъ на казака, а не на гимназиста. Каждую перемѣну между классами они сходились и все время ходили по корридору, разговаривая между собою задушевнѣйшимъ образомъ. Я нѣсколько разъ пытался подслушать ихъ бесѣду. Они толковали то о томъ, гдѣ лучшія мѣста для грибовъ, то продавали или покупали что-то такое одинъ у другаго, и при этомъ всегда платили другъ другу самыми мелкими монетами: денежками, полушками. Оказалось потомъ, что оба они были итицеловы.

— На конопляное сѣмя лучше всего пдетъ итица! — говорилъ Мучениковъ.

— Ну ибтъ! ужъ это сколько разъ испытано было: овсяная крупа скуснѣй для нихъ всего! — возражалъ ему басомъ Іосафъ.

— Чижу! — возражалъ въ свою очередь Мучениковъ.

— Не чижу, а вообще всякой птицѣ, — говорилъ настойчиво Юсафъ. — У меня, слава Богу!... Я заиася этимъ добромъ! — прибавлялъ онъ съ удовольствіемъ и вытаскивалъ изъ кармана цѣлую пригоршню овсяной крупы, которую они съ Мучениковымъ сейчасъ же раздѣляли и тутъ же ее съѣдали.

Однажды Юсафъ какъ-то особенно таинственно былъ вызванъ своимъ пріятелемъ изъ класса. Я потихоньку тоже вышелъ за ними. Сначала они походили по корридору, поговорили между собой о чемъ-то шепотомъ и прошли въ физическій кабинетъ. Тамъ Мучениковъ сначала вытащилъ изъ своихъ широчайшихъ штановъ какой-то ящичекъ съ дырочками, осторожно открылъ его, и изъ него выпрыгнула мышь на ниточкѣ, нотомъ вынулъ онъ оттуда что-то завернутое въ бумажку — развернулъ — оказалось, что это былъ варганчикъ, на которомъ онъ и началъ потихоньку наигрывать, а мышка встала на заднія лапки и принялась какъ бы плясать. Ферাপонтовъ смотрѣлъ на все это съ пожирающимъ вниманіемъ. Меня нѣсколько удивило, что такіе большіе гимназисты и чѣмъ занимаются? Самъ я, хотя и былъ гораздо моложе ихъ, давно уже отсталъ отъ всякихъ дѣтскихъ игръ и даже презиралъ имп...

Такъ дѣло шло до 5-го класса. Къ этому времени у Юсафа сильно уже проросъ подбородокъ бороною: середину обыкновенно онъ пробривалъ, оставляя на щекахъ довольно густыя бакенбарды, единственныя между всѣми гимназистами. Разъ мнѣ случилось наконецъ идти съ нимъ по одной дорогѣ.

— Ферапонтовъ! зайдите ко мнѣ, — сказалъ я почти умоляющимъ голосомъ.

— Что? нѣтъ-съ! зачѣмъ? — отвѣчалъ онъ.

— Мы покуримъ, потолкуемъ.

— Я не курю-съ.

— Ничего, вы попробуйте! Пожалуйста, зайдите.

— Пожалуй-съ, — проговорилъ наконецъ Іосафъ, какимъ-то нерѣшительнымъ тономъ, и зашелъ, но какъ-то чрезвычайно робко. Встрѣтившей насъ нашей дворовой женщиной Авдотью онъ поклонился самымъ почтительнымъ образомъ, и когда мы вошли въ мою комнату, онъ, кажется, не рѣшался сѣсть.

— Садитесь, пожалуйста, Ферапонтовъ, — сказалъ я и началъ старательно выдувать и закуривать для него трубку.

Іосафъ два раза курнулъ и возвратилъ ее мнѣ.

— Нѣтъ-съ, горько, я не умѣю! — сказалъ онъ.

— Да вы вотъ какъ! — объяснилъ я ему и, ради поученія его, отчаянно затынулъ.

— Я не умѣю-съ, — повторилъ Іосафъ. Онъ, видимо, болѣе всего, въ эту минуту былъ занятъ тѣмъ, чтобы спрятать подъ кресло свои дырявые и сильно загрязненные сапоги.

— Послушайте, — сказалъ я, небрежно разваливаясь на диванѣ: — что вы дома дѣлаете, когда изъ класса приходите?

— Да что? уроки учу; ну и по дому тоже кое-что подѣлаешь.

— А читать вы любите? — спросилъ я, никакъ не предполагая, что Іосафъ даже не пойметъ моего вопроса.

— Что читать-съ? — спросилъ онъ меня самымъ невиннѣйшимъ тономъ.

— Повѣсти, романы, вотъ какъ этотъ, — сказалъ я, показывая на лежавшій въ то время у меня на столѣ «Фрегатъ Надежда», который я только-что накануне проглотилъ съ неистовою жадностью.

— Нѣтъ-съ, я не читывалъ, — отвѣчалъ Ферапонтовъ.

Въ это время Авдотья подала намъ чай. Иосафъ вдругъ сталъ отказываться.

— Отчего же вы не пьете? пейте! — сказалъ я.

Ферапонтовъ, конфузясь, взялъ чашку, проворно выпилъ ее и, покрывъ, возвратилъ, неловко раскладываясь передъ Авдотьей.

— Кушайте еще, — сказала та улыбаясь.

Иосафъ окончательно растерялся.

— Пейте, Ферапонтовъ. Налей! — проговорилъ я.

Иосафъ и эту чашку также поспѣшно выпилъ и, закрывъ, возвратилъ, снова расшаркавшись передъ Авдотьей.

— Знаете что, Ферапонтовъ, — сказалъ я, рѣшившись никакъ не выпускать изъ рукъ новаго пріятеля: — давайте заниматься вмѣстѣ по-латыни. Вы вотъ этакъ заходите ко мнѣ послѣ класса, а мы станемъ переводить.

— Хорошо-съ, пожалуй, — отвѣчалъ подумавши Иосафъ и взялся за фуражку.

Я предложилъ ему покурить. Онъ сдѣлалъ это, кажется, болѣе для моего удовольствія и ушелъ.

— Что это у васъ какой баринъ-то былъ? — сказала мнѣ Авдотья, послѣ ухода его.

— Что же? — спросилъ я.

— Да и на барыча-то совсѣмъ непохожъ, словно лакеишка какой, — рѣшила она.

— Напротивъ, это славный малый! — возразилъ я и не счелъ за нужное объяснять ей болѣе.

Дни черезъ два мы принялись съ Ферапонтовымъ за латынь. Оказалось, что въ этомъ дѣлѣ онъ гораздо дальше меня ушелъ. Знанія входили туго въ его голову, но, разъ уже попавши туда, никогда оттуда не выскакивали: всѣ знакомыя ему слова онъ помнилъ точнѣйшимъ образомъ, во всѣхъ ихъ значеніяхъ; таблицы склоненій, спряженій, всѣ исключенія были у него какъ на ладони.

Меня впрочемъ въ Иосафъ интересовалъ совсѣмъ другой предметъ, о чемъ я и рѣшился непременно поговорить съ нимъ.

— А что, Ферапонтовъ, были вы когда-нибудь влюблены? — спросилъ я, воспользовавшись однимъ праздничнымъ послѣ-обѣдомъ, когда онъ пришелъ ко мнѣ и, по обыкновенію, сидѣлъ молча и задумавшись. Самъ я былъ въ это время ужасно влюбленъ въ одну свою кузину и даже отрѣзалъ себѣ клочекъ волосъ, чтобы похвастаться имъ передъ Ферапонтовымъ и сказать, что это подарила мнѣ она.

— Были вы влюблены? — повторилъ я, видя, что Иосафъ покраснѣлъ и молчалъ.

— Нѣтъ-съ, я не знаю этого... не занимаюсь этимъ, — отвѣчалъ онъ какимъ-то недовольнымъ тономъ и потомъ сейчасъ же поспѣшилъ прибавить: — давайте лучше заниматься-съ.

Мы принялись: Иосафъ началъ съ невозмутимымъ вниманіемъ скандовать стихи, потомъ разбивалъ ихъ на предложенія, отыскивалъ подлежащее, сказу-

мое. Переводъ онъ писалъ аккуратнѣйшимъ почеркомъ, раза два принимался для этого чинить перо, прописывалъ сполна каждое слово и ставилъ всѣ грамматическіе знаки.

— Что это, — думалъ я, глядя на него: — какой умный малый и не понимаетъ, что такое любовь!

— Вы, Фералонтовъ, конечно въ университетъ поступите? спросилъ я его вслухъ.

— Нѣтъ, гдѣ же-съ! я состоянія не имѣю.

— Да вамъ только доѣхать до Москвы, а тамъ васъ сейчасъ же примутъ на казну.

— Нѣтъ-съ, невозможно это... Я несмѣлый такой! Гдѣ мнѣ! — отвѣчалъ онъ и вздохнулъ.

Вскорѣ около этого времени съ нимъ случилась по гимназіи новая бѣда. Пріятель его Мучениковъ, и съ виду, какъ мы знаемъ, довольно суровый, имѣлъ при этомъ рѣшительно какія-то кровожадныя наклонности. Не проходило почти ни одной на площади казни, на которой бы онъ не присутствовалъ и обыкновенно стоялъ, молодцовато подбоченившись рукой, и съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ прислушивался, какъ стоналъ преступникъ. Во всѣхъ кулачныхъ бояхъ между фабричными онъ непременно участвовалъ и нерѣдко возвращался оттуда съ сильно помятыми боками, но всегда очень довольный. Любимой его прогулкой было ходить на городскую скотобойню и наблюдать тамъ, какъ убивали скотину. Говорятъ даже, онъ иногда самъ выпрашивалъ у мясниковъ топоръ и собственными руками убивалъ огромнѣйшихъ быковъ.

Не имѣя вѣроятно долгое время подобныхъ развлеченій, онъ придумалъ новую штуку: былъ въ

гимназіи нѣкто маленькій и ужасно паршивый гимназистикъ Красноперовъ, который, чтобы какъ нибудь отбиться отъ ученія, вдругъ вздумалъ притвориться нѣмымъ: его и упрашивали, и лечили; но онъ показывалъ только знаки руками, дѣлалъ гримасы, какъ бы усиливаясь говорить, но не произносилъ ни одного звука. Мучениковъ все это намоталъ себѣ на усъ и разъ, когда они, по обыкновенію, проходили по бульвару съ Юсафомъ домой, впереди ихъ шелъ именно тотъ самый гимназистикъ, очень печальная фигурка, въ дырявой шинелькѣ и съ сумкой черезъ плечо; но ничто это не тронуло Мученикова.

— Попробуемъ его! — сказалъ онъ вдругъ Юсафу, сдѣлавъ знакъ глазами.

— Ну нѣтъ, что! — отозвался было тотъ сначала.

— Право, попробуемъ... — проговорилъ Мучениковъ.

Юсафъ отвѣчалъ на это одной уже только улыбкой, и Мучениковъ, понагнавъ Красноперова, сталъ его приманивать.

— Поди-ка сюда, поди: я тебѣ пряничка дамъ! — говорилъ онъ, и когда тотъ, не совсѣмъ довѣрчиво, подошелъ, онъ схватилъ его за шиворотъ, повернулъ у себя на колѣнѣ, и велѣвъ Юсафу нарвать тутъ же растущей крапивы, насовалъ ее бѣдному нѣмому за пазуху, подъ рубашенку, въ штанишки, въ сапоги, а потомъ началъ его щекотать. Тотъ закорчился, зашевелился; крапива принялась его жечь во всевозможныхъ мѣстахъ. Сначала онъ визжалъ только на цѣлый бульваръ, наконецъ не вытерпѣвъ, заговорилъ и забранился.

— А! такъ ты, бестія, не нѣмой... говоришь!

проговорилъ Мучениковъ, и затѣмъ, давъ своей жертвѣ еще нѣсколько шлепковъ въ задъ, отпустилъ. Несчастный мальчикъ, забывъ всякую нѣмоту, прибѣжалъ къ отцу и все рассказалъ. Тотъ повхалъ къ директору. Мученикова сейчасъ же исключили изъ гимназiи, а Юсафъ спасся только тѣмъ, что былъ первымъ ученикомъ. Его однако смѣнили изъ старшихъ и записали на черную доску.

— Зачѣмъ вы это сдѣлали? — спросилъ я его однажды.

Ферапонтовъ покраснѣлъ.

— Такъ, чортъ знаетъ зачѣмъ! — отвѣчалъ онъ и потомъ, помолчавъ, прибавилъ, щупая у себя голову: — у меня впрочемъ, кажется, есть шишка жестокости. Я, пожалуй, способенъ убить и себя, и кого другаго.

Взглянувъ на его нѣсколько сутуловатую и широкоплечую фигуру, я невольно подумалъ, что врядъ ли онъ говоритъ это фразу.

Въ дальнѣйшемъ моемъ сближенiи съ Ферапонтовымъ онъ оставался тѣмъ же, и бывая у меня довольно уже часто, попрежнему или ничего не отвѣчалъ на всѣ мои вопросы, которыми я пробовалъ его со всѣхъ сторонъ, и только однажды, когда какъ-то случайно рѣчь зашла о рыбной ловлѣ, онъ вдругъ разговорился.

— Ночь теперь если тихая... — началъ онъ съ замѣтнымъ удовольствiемъ, вода не колыхнется, какъ зеркало... Смола на носу у лодки горитъ... огромнымъ такимъ кажется пламенемъ... Воду всю освѣщаетъ до самаго дна: какъ на тарелкѣ все рассмотреть можно, каждый камешекъ, и рыба теперь

попадется... спитъ... щука всегда противъ воды... ударишь ее острогой... встрепенется... кровь изъ нея брызнетъ въ воду — розовая такая...

— Вамъ бы, Фералонтовъ, на вакацію куда-нибудь въ деревню ѣхать, — иеребилъ я его, рѣшившись тоже напридумать и насказать ему, какъ и я ловлю рыбу.

— Что деревня; мы теперь съ Мучениковымъ все равно — почестъ что всю вакацію дома не живемъ... Разъ такъ на Афоньковской горѣ цѣлую недѣлю съ нимъ жили, — прибавилъ онъ съ улыбкой.

— Что-жь вы дѣлали тамъ?

— Ничего не дѣлали... извѣстно... по ягоды ходимъ, молока себѣ потомъ купимъ, съѣдимъ ихъ съ нимъ. Виды тамъ отличные; верстъ на 60 кругомъ видно. Городъ здѣшній, какъ на ладони, да окромя того селъ двадцать еще видно.

— А какъ вы птицъ ловите? спросилъ — я.

— Птицы что!.. тоже охоту на это надо имѣть, отвѣчалъ Іосафъ уклончиво.

Я какъ-то передъ тѣмъ имѣлъ неосторожность посмѣяться надъ его птицеловствомъ, и онъ постоянно по этому предмету отмалчивался.

Другой разъ, это было впрочемъ въ 7-мъ уже классѣ, Іосафъ пришелъ ко мнѣ, чего съ нимъ прежде никогда не бывало, часу въ одиннадцатомъ ночи. На лицѣ его была написана тревога. Съ первыхъ же почти словъ онъ спросилъ меня робкимъ голосомъ:

— А что, можно у васъ ночевать?

— Сдѣлайте одолженіе. Но что такое съ вами, Фералонтовъ? Вы какой-то разстроенный.

Иосафъ сначала ничего было мнѣ не отвѣчалъ, но я повторилъ свой вопросъ.

— Да такъ!.. съ отцомъ неудовольствіе вышло... пришелъ пьяный... разсердился на меня, да взялъ мои гусли и разбилъ топоромъ... на мелкіе куски изрубилъ... а у меня только и забавы по зимамъ было.

— И что-жь вы? играли на нихъ?

— Игралъ немного!..

— Кто-жь васъ училъ?

— Кое-что самъ дошелъ, а другое отецъ дьяконъ отъ Преображенія поучилъ... Есть же, Господи! такіе на свѣтѣ счастливые люди, — продолжалъ онъ съ горькой улыбкой: — вонъ Пеклису отецъ и скрипку новую купилъ, и учителя нанямаеъ, а мой благовѣрный родитель только и выискиваетъ, нельзя ли какъ нибудь разобидѣть... Лучше бы меня избилъ, какъ хотѣлъ, чѣмъ это сдѣлалъ. Никакого терпѣнья не достаеъ... Богъ съ нимъ.

На глазахъ Иосафа навернулись слезы. Прежде онъ никогда на отца не жаловался, и вообще ничего не говорилъ о немъ. Я сталъ его утѣшать, говоря, что ему лучше на чемъ-нибудь другомъ выучиться, что нынче на гусяхъ никто уже не играетъ.

— Что-жь мнѣ дѣлать, коли у меня ничего другаго нѣтъ. И то, спасибо послѣ покойнаго дѣдушки достались... Берегъ ихъ, какъ зеницу ока, а теперь что изъ нихъ стало?.. однѣ щепки!

Всю ночь потомъ, какъ я прислушивался, Иосафъ не спалъ, и на другой день куда-то очень рано ушелъ: врядъ ли не пріискивать мастера, который бы взялся у него починить гусли.

— Вотъ чудакъ-то! подумалъ я, очень еще смутно въ то время понимая, что мой высокорослой другъ, такъ уже сильно поросшій бороною, былъ совершенный еще ребенокъ и въ то же время чистѣйшій идеалистъ.

III.

Спустя полгода послѣ выпуска, Ферапонтовъ, какъ я слышалъ, поступилъ въ Демидовскій лицей. Онъ прѣшелъ для этого въ Ярославль пѣшкомъ, и здѣсь его, на самыхъ первыхъ порахъ, выбрали въ пѣвчіе — пѣть самую низкую октаву. Это очень заняло Иосафа. Воже мой, съ какимъ нетерпѣніемъ онъ обыкновенно поджидалъ подпраздничной всенощной. Встанеть, бывало, на клиросъ, нѣсколько въ глубь его. Церковь между тѣмъ начинаетъ наполняться народомъ! Впереди становятся дамы, хотъ и разодѣтыя и раздушенныя, но старающіяся придать своимъ лицамъ кроткое и истное выраженіе. За ними слѣдуютъ купцы съ сильно намасленными головами и сзади ихъ лакеи въ ливреяхъ или солдаты въ своихъ сермягахъ. Выходить изъ алтаря дьяконъ со свѣчей и священникъ съ кадиломъ. Оба они въ дорадоровыхъ ризахъ. Обоняніе Иосафа начинаетъ пріятно щекотать запахъ ладана; съ какимъ-то самоуслажденіемъ онъ тянетъ свою ноту и въ то же время прислушивается къ двумъ мягкимъ и складнымъ тенорамъ.

Наступившая потомъ страстная недѣля принесла ему еще большія наслажденія. Почти съ восторгомъ

онъ ходилъ за эти маленькія вечерни. Весеннее солнце, свѣтившее съ западной стороны въ огромныя и уже выставленныя окна, обливало всю церковь яркимъ, янтарнымъ блескомъ, такъ что снѣватые и едва колеблющіеся огоньки зажженныхъ передъ иконостасомъ свѣчей едва мерцали въ немъ. Говѣльщики стояли по большей части съ потупленными головами: одни изъ нихъ слегка и едва замѣтно крестились, а другіе, напротивъ, дѣлали огромныя крестныя знаменія и потомъ вдругъ ни съ того, ни съ сего начинали до поту лица кланяться въ землю. Иосафъ вмѣстѣ съ хоромъ пѣлъ столь любезныя ему пѣсни Дамаскина. *«Блюди убо, душе моя, да не емоу тяготишися»*, или *«Чертогъ твой вижду, Спасе мой, украшенный»* держалъ онъ крѣпко на своей октавѣ, ниразу не срываясь. Но вотъ въ пятницу вынесли плащаницу. Хоръ запѣлъ: *«Не рыдай мене, мати, зряще во гробъ»*. Иосафъ, нѣсколько прячась въ воротникъ своей шинели, тоже басилъ, стараясь смигнуть наверхнувшіяся на глазахъ слезы. Онъ чувствовалъ, что изъ груди его выходятъ хотя и низкіе, но одушевленные звуки.

Помнилъ онъ также и Троицынъ день. Народу въ церкви было яблоку упасть негдѣ: все больше женщины, и всѣ, кажется, такія хорошенькія, всѣ въ бѣлыхъ или свѣтлоголубыхъ и розовыхъ платьяхъ и всѣ съ букетами въ рукахъ благоухающей сирени — прекрасно.

За этими почти единственными, поэтическими для бѣднаго студента, минутами слѣдовала бурсацкая жизнь въ казенныхъ номерахъ, безъ семьи, безъ всякаго развлечения, кромѣ вѣчнаго долбленія про-

фессорскихъ лекцій, мрака и смерти преисполненныхъ, такъ что Юсафъ почти несомнѣнно полагалъ, что всѣ эти мелкіе примѣры изъ исторіи Греціи и Рима, весь этотъ строгій разумъ математики, всѣ эти толки въ риторикахъ объ изящномъ — сами по себѣ, а жизнь съ колотками въ дѣтствѣ отъ пьяныхъ папенокъ, съ безтолковой школой въ юности и наконецъ съ этой вѣчной бѣдностью, обрывающей малѣйшій расцвѣтъ вашихъ юношескихъ надеждъ, — тоже сама по себѣ, и что между этимъ нѣтъ, да и быть никогда не можетъ ничего общаго.

Въ этомъ нравственномъ полуусыпленіи не суждено было однако Юсафу заглухнуть навсегда: на второмъ, кажется, курсѣ онъ какъ-то вечеромъ вышелъ прогуляться и на одной изъ главныхъ улицъ встрѣтилъ цѣлую ватагу студентовъ. Впереди всѣхъ шелъ нѣкто своекоштный студентъ Охоботовъ, посланный въ училище на выучку отъ Войска Донскаго и остававшійся въ ономъ лѣтъ уже около пяти, такъ что начальство его наконецъ спросило бумагой училищное начальство: какъ и что Охоботовъ и скоро ли наконецъ выучится? Его призвали въ совѣтъ и спрашиваютъ: что отвѣчать на это?

— Да пишите, что начинаю подавать надежды, — отвѣчалъ онъ очень спокойно. Всѣ разсмѣялись, но такъ и написали. Охоботовъ же попрежнему продолжалъ почитать и заниматься, чѣмъ ему хотѣлось, а главное — пребывать въ извѣстномъ студенческомъ трактирѣ «Бычекъ», гдѣ онъ съ другими своими товарищами, тоже постоянно тутъ пребывавшими, игралъ на билліардѣ, спорилъ, разсуждалъ

и вообще слылъ между ними за очень умнаго и душевнаго малаго.

Въ настоящемъ случаѣ онъ шелъ что-то очень мрачный, скоро шагая и нахлобучивъ фуражку. Поровнявшись съ Ферапонтовымъ, онъ остановилъ его.

— Пушкинъ раненъ на дуэли и умеръ, сказалъ онъ какимъ-то глухимъ голосомъ.

Иосафъ молча посмотрѣлъ на него: онъ не безъ удивленія замѣтилъ, что глаза у Охоботова были какъ бы воспалены отъ слезъ.

— Сейчасъ идемъ къ Вознесенью служить панихиду по немъ. Идемъ съ нами! — проговорилъ Охоботовъ.

Иосафъ механически повернулъ и все еще хорошенько не могъ понять, что это значитъ. На улицахъ между тѣмъ царствовала совершенная тишина. Неторопливо и въ какомъ-то молчаніи прошли всѣ до самой церкви. Передъ домомъ священника Охоботовъ взялся вызвать его, и дѣйствительно черезъ нѣсколько минутъ вышелъ со священникомъ, который только моталъ отъ удивленія головой.

— Ну ужъ вы, господа студенты, народецъ! — говорилъ онъ, отирая огромнымъ ключемъ огромную церковную дверь. Вошли. Всѣхъ обдало мракомъ и сыростью. Засвѣтили нѣсколько свѣчекъ. Иосафу и другому еще студенту, второму басу послѣ него, поручили исполнять обязанность дьячковъ. Священникъ надѣлъ черныя ризы и началъ литію. Послѣ возгласа его: *«упокой, Господи, душу усопшаго раба Александра,»* Ферапонтовъ и товарищъ его, громко, такъ что потряслись церковные своды, запѣли: *«вѣчная память!»* Прочіе студенты тоже имъ подтягивали и всѣ почти навзрыдъ плавали.

— Ну, панихидка — не лицемѣрная... не фальшивая! — говорилъ священникъ, кончивъ службу и пожимая руку то у того, то у другаго изъ студентовъ.

Выйдя изъ церкви, Охоботовъ распорядился, чтобы всѣ шли въ извѣстный ужъ намъ «Бычевъ». Иосафъ тоже послѣдовалъ туда. Въ заведеніи этомъ была даже отведена особая для студентовъ комната, въ которую не многіе уже изъ посторонней публики рисковали входить.

— Господи! — проговорилъ Охоботовъ, садясь на свое обычное мѣсто, на диванъ и грустно склоняя голову: — вчера еще только я читалъ съ Машей его «Онѣгина»... точно онъ напророчилъ себѣ смерть въ своемъ Ленскомъ... Гдѣ теперь «и жажда знанья и труда... и вы, завѣтныя мечтанія, вы — признакъ жизни неземной, вы — сны поэзіи святой» — все кончено! кусокъ мяса и глины остался только, и больше ничего!

— Это ужасно! — воскликнулъ молоденькій студентъ, тоже садясь и ероша волосы.

— Да, свверниссимо, — подтвердилъ второй басъ.

Иосафъ на все происходившее смотрѣлъ, выпуча глаза.

— Не свверниссимо, а подлссимо! — воскликнулъ вдругъ Охоботовъ: — Вотъ онъ! — прибавилъ онъ, ударивъ кулакомъ по лежавшему на столѣ номеру «*Съверной Пчелы*»: — этотъ паукъ, скорпіонъ, жалившій всю жизнь его, живъ еще, когда онъ умеръ, и между нами нѣтъ ни одного честнаго Занда, который бы пошелъ и придавилъ эту гадину.

— Это чортъ знаетъ, что такое! — опять повто-

рилъ молоденькій студентъ, застучавъ руками и ногами.

— Да разстрѣляемте-жь, коли то... портретъ его собачьяго сына, якъ робять то въ Хранціи съ дурнями, якій убѣгъ, — проговорилъ вдругъ смиреннѣйшій студентъ хохоль, все время до того молчавшій.

Всѣ посмотрѣли на него съ недоумѣніемъ.

— Онъ же тутъ виситъ! — объяснилъ онъ: — показывая на одну изъ стѣнъ, на которой дѣйствительно, между нѣсколькими портретами писателей, висѣлъ и портретъ извѣстнаго антагониста Пушкина. Мысль эта всѣмъ очень понравилась.

— Отлично, неподобно, — раздалось со всѣхъ сторонъ.

Охоботовъ, хоть и не совсѣмъ довольный этой полумѣрой, тоже согласился.

Молоденькій студентъ взялся домой сбѣгать за ружьемъ. Пришли было половые и самъ хозяинъ трактира и стали упрашивать господъ: сдѣлать милость, не буянить. Но имъ объявили, что за портретъ имъ заплатятъ, а самихъ прогнали только что не въ шею. Ружье было принесено. Оказалось, что это былъ огромный, старинный карабинъ: послѣдовалъ вопросъ — кому стрѣлять?

Всѣмъ хотѣлось.

— Ферাপонтову, — распорядился Охоботовъ.

— Пожалуй-съ! — отвѣчалъ тотъ съ замѣтнымъ удовольствіемъ, — и взявъ ружье, неторопливо прицѣлился и выстрѣлилъ. На мѣстѣ лица очутилась пуля.

— Ура Ферাপонтову! браво! — прокричала почти въ одинъ голосъ вся ватага.

Иосафъ продулъ ружье и поставилъ его къ сторонкѣ. Попадись, кажется, въ эту минуту ему и самъ оригиналь, онъ и съ тѣмъ бы точно такъ же спокойно распорядился. Домой онъ пришелъ въ сильномъ раздумьѣ: какъ человѣкъ умный, онъ хорошо понималъ, что подобнаго энтузіазма и такой неподдѣльной горести нельзя было внушить даромъ; но почему и за что все это? Къ стыду своему, Иосафъ долженъ былъ признаться самому себѣ, что онъ ни одного почти стихотворенія и не читывалъ, кромѣ тѣхъ, которыя задавались ему въ гимназіи по риторикѣ Кошанскаго. Онъ на другой же день потихоньку сходилъ къ бібліотекарю и выпросилъ у него всѣ, какія были, сочиненія Пушкина и принялся: читалъ онъ день... два и — странное дѣло, какъ-будто бы цѣлый міръ новыхъ ощущеній открылся въ его душѣ, и больше всего ему понравились эти благородныя и въ высшей степени поэтичныя отношенія поэта къ женщинѣ. Искусившись такимъ образомъ, Иосафъ рѣшительно уже сталъ не въ состояніи зубрить лекціи, и безпрестанно канючилъ то у того, то у другаго изъ своихъ товарищей дать ему что-нибудь почитать: будь-то романъ, или рукописная въ стихахъ поэма, или книжка какого-нибудь разрозненнаго журнала. Долго и потомъ Иосафъ вспоминалъ это время, какъ счастливѣйшее въ своей жизни. Почти въ лихорадкѣ отъ нетерпѣнія, онъ запасался обыкновенно отъ сторожа на цѣлую ночь свѣчкой и, улегшись на своей койкѣ, принимался читать. Сколько прелестныхъ мѣстностей возсоздалось въ его воображеніи; передъ нимъ проходили какъ бы живыя, совершенно новыя и незнакомыя ему лица, но понятныя по обще-

человѣчности страстей людскихъ. И только черезъ полгода такого какъ бы запоя читательскаго, онъ отвлеченъ былъ нѣсколько въ другую сторону. Къ нему присланъ былъ новый профессоръ, молодой, энергическій. Онъ на первой же лекціи горячо заговорилъ о равенствѣ людей, о Христѣ, ходившемъ по песчанымъ степямъ, среди нищей братіи и блудницъ; кромѣ того сталъ приглашать къ себѣ на домъ студентовъ, читалъ съ ними, толковалъ имъ разныя свои задушевные убѣжденія. Главнымъ и почти единственнымъ оппонентомъ ему въ этихъ бесѣдахъ явился Охоботовъ, который, по свойству своей упрямой казачьей натуры идти всѣмъ и во всемъ напротивъ, вдругъ вздумалъ отстаивать то положеніе, что *все на свѣтѣ благо и истинно, что существуетъ*. Профессоръ страшно громилъ противъ этого. Топая ногами и стуча кулаками, онъ кричалъ, что подло и низко всякое ярмо, которое надѣнуть на васъ и которое безпрестанно третъ вамъ шею, считать благомъ и истинною.

Желудки казенныхъ студентовъ, кажется, первые изъявили на эту мысль свое полное согласіе и подстрекнули своихъ владѣльцевъ объявить наконецъ протестацію эконому, начавшему ихъ кормить только что не осиновыми дровами, поджаренными на водѣ. Ферапонтовъ сначала было не принималъ никакого участія въ этомъ; но въ рѣшительную минуту, когда за однимъ изъ обѣдовъ начался заранѣе условленный шумъ, и когда эконому началъ было кричать: «не будетъ вамъ другой говядины. Ъдите и тавую... Вотъ она, тутъ, на столѣ стоитъ... Что вы съ ней сдѣлаете?»

— А вотъ что! — вскричалъ вдругъ Іосафъ — и, схвативъ со стола блюдо, швырнулъ его въ окно, такъ что оно пролетѣло возлѣ самаго виска эконома, и затѣмъ, по тому же направленію, послѣдовали ломти хлѣба, солонки, тарелки и даже ножи. Экономъ едва спасся бѣгствомъ. Начальство было чрезвычайно сконфужено этимъ дѣломъ и потому ограничилось только тѣмъ, что студентовъ пожурило, эконома смѣстило, но за то на молодого профессора была послана такого рода бумажка и такъ здобно приправленная, что ему сейчасъ же предложили выдти въ отставку; но, какъ бы то ни было, толчекъ ужъ былъ данъ: въ головѣ Іосафа, какъ вѣроятно и у многихъ другихъ его товарищей, перевернулось многое. Онъ уже ясно сталъ понимать, что свойство жизни вовсе не таково, чтобы она непременно должна быть гадка, а что напротивъ тутъ очень многое зависитъ отъ заведеннаго порядка. Кончивши курсъ такимъ образомъ, онъ очутился какъ бы на какомъ-то нравственномъ распутіи: въ немъ было множество возбуждено прекрасныхъ инстинктовъ, но и только! Протестантъ почти противъ всего, но во имя какого знамени, и самъ того хорошенько не зналъ. Вольнодумецъ, въ отношеніи религіи на словахъ, онъ въ то же время передъ каждымъ экзаменомъ бѣгалъ къ мѣстной чудотворной иконѣ въ соборъ и молился тамъ усерднѣйшимъ образомъ. Ненавидя до глубины души всякій начальствующій авторитетъ, я не знаю, врядъ ли бы и самъ удержался, если бы только случай выпалъ, обнаружить грубѣйшій произволь. Зналъ онъ, пожалуй, и многое, но все какъ-то отрывочно, случайно и не пригодно ни для какого практическаго

дѣла, а между-тѣмъ угрожающее ему впереди житейское положеніе было почти отчаянное. Онъ едва-едва успѣлъ уговорить одного лодочника свезти его въ родной городъ, съ прокормомъ за послѣдніе, находившіеся у него въ карманѣ, три цѣлковыхъ, и то потому только такъ дешево, что онъ взялся вмѣстѣ съ тремя другими мужиками грести вмѣсто бурлаковъ на суднѣ, а въ случаѣ надобности, при противномъ вѣтрѣ, тянуть даже бичевую. Когда причалили къ пристани и Иосафъ вступилъ на родную землю, трое мужиковъ съ хозяиномъ лодки весело пошли въ харчевню выпить и пообѣдать, а онъ и этого сдѣлать не могъ: у него не было ни копѣйки. Взойдя со своей скудной сумочкой и понуренной головою на городскую гору, онъ даже всплакалъ. Къ кому было обратиться? Гдѣ преклонить голову? Отецъ его, давно уже пропившій свой послѣдній домишко, умеръ нищимъ на церковной паперти; изъ знакомыхъ своихъ Иосафъ только и припомнилъ одного зарѣцкаго дьякона, который нѣкогда такъ великодушно поучилъ его играть на гусяхъ. Онъ поплелся къ нему, робко постучался въ запертую калитву и, терзаемый глубочайшимъ стыдомъ, только что не Христа ради, попросился у него ночевать.

— Сдѣлайте милость, войдите, — отвѣчалъ отецъ дьяконъ. Впрочемъ тутъ же сейчасъ ему посоветовалъ на другой день идти къ начальнику губерніи и объяснить ему все.

— Славный человекъ, славный, и къ духовенству прерасположительный; отличнѣйшій генералъ, — говорилъ онъ.

Иосафъ только вздохнулъ. Онъ еще въ училищѣ

насмотрѣлся и насышался, каковы эти отличнѣйшіе генералы. Впрочемъ на той же недѣль, какъ только его физиономія, заглублая и загорѣлая во время рѣчнаго пути, приняла нѣсколько болѣе благообразный видъ, онъ пошелъ къ губернатору. Часа три по-крайней-мѣрѣ ожидалъ онъ въ приѣмной. Наконецъ генераль вышелъ. Онъ очень любезно пожалъ руку инженерному поручику, такъ уже прекрасно успѣвшему обезпечить себя на дорожной дистанціи, сказалъ даже довольно благосклонно: «хорошо, хорошо» на какой-то молебный вопль исправнику, только-что передъ тѣмъ преданному за мздоимство суду. Но, замѣтивъ Ферапонтова, онъ вдругъ насупился, не удостоилъ даже обратить къ нему всего своего лица, а повернулъ только нѣсколько правое ухо. Губернаторъ какое-то органическое отвращеніе чувствовалъ къ студенческимъ мундирамъ.

Иосафъ изложилъ ему свою просьбу.

Генераль попятился назадъ.

— Какое же я могу вамъ мѣсто дать? Какое? Какое? — повторилъ онъ все болѣе и болѣе строгимъ голосомъ.

— Я, ваше превосходительство, почти куска хлѣба не имѣю! — вздумалъ было Иосафъ тронуть его сердце.

— А я виноватъ въ томъ? я виноватъ? я? — повторялъ губернаторъ, какъ бы чувствуя какое-то особенное наслажденіе дѣлать подобные вопросы.

Иосафъ молчалъ.

— Я, ваше превосходительство, медаль получилъ! — проговорилъ онъ наконецъ и самъ хорошенько не зная зачѣмъ.

Лицо генерала мгновенно приняло нѣсколько бо-

лѣе благопріятное выраженіе. Онъ вообще высоко цѣнилъ въ людяхъ всякаго рода награды отъ начальства.

— Медаль? — спросилъ онъ.

— Да-съ, — отвѣчалъ Іосафъ.

— Покажите мнѣ ее.

— Ея нѣтъ со мной-съ, — отвѣчалъ Іосафъ, нѣсколько удивленный подобнымъ желаніемъ.

— Подите, и принесите мнѣ ее сейчасъ же! — рѣшилъ губернаторъ и ушелъ.

— Чортъ знаетъ что такое! — подумалъ неволью Іосафъ и, сходявъ за медалью, снова возвратился въ приемную. Тамъ уже никого не было. Его допустили въ кабинетъ къ губернатору. Онъ подалъ ему медаль. Начальникъ губерніи нѣсколько времени весьма внимательно разсматривалъ ее, взвѣшивалъ ее на рукѣ и даже зачѣмъ-то понюхалъ.

— Подайте просьбу въ Приказъ, тамъ есть вакансія писца, и васъ зачислятъ... Надѣюсь, что вы не обманете моего довѣрія, — проговорилъ онъ и сдѣлалъ Іосафу знакъ головою, чтобы онъ удалился.

«Что-жь это онъ мнѣ за особенное довѣріе оказываетъ?» — разсуждалъ Іосафъ, идя домой, и когда на другой день онъ пришелъ въ Приказъ, десятки любопытныхъ глазъ сейчасъ же устремились на него. Морозъ неволью пробѣжалъ по всему тѣлу Феропонтова. Человѣка три, четыре изъ старенькихъ чиновниковъ показались ему, какъ двѣ капли, похожими на его покойнаго отца.

Между тѣмъ пріѣхалъ непремѣнный членъ, очень добродушный старикъ, но передъ тѣмъ только пришибленный параличемъ. Онъ что-то такое больше

промычалъ, чѣмъ сказалъ бухгалтеру, тоже старику, рябому, толстому и, должно быть, крутѣйшему человѣку. Тотъ ткнулъ Иосафу пальцемъ на пустой стулъ, — проговоривъ: — «садитесь вотъ тутъ.» Иосафъ смиренно сѣлъ. Сначала сочинилъ онъ просьбу о своемъ опредѣленіи, потомъ переписалъ поданную ему тѣмъ же бухгалтеромъ бумагу, потомъ еще и еще, такъ что, къ концу присутствія, почти совершенно примкнулъ къ канцелярской машинѣ.

IV.

Не знаю, извѣстно-ли читателю, что по разнаго рода канцеляріямъ, начиная отъ неблагообразныхъ каморъ земскихъ судовъ до паркетныхъ апартаментовъ министерствъ, въ этихъ плѣшивыхъ, завитыхъ и гладко стриженныхъ головахъ, такъ прилежно наклоненныхъ надъ черными и красными столами, зачало и погребено романтизму и всякаго рода иныхъ возвышенныхъ стремленій никакъ не менѣе, чѣмъ и въ воинственныхъ строяхъ, такъ ярво блистающихъ на Марсовомъ полѣ. Какъ и что происходитъ тамъ съ этими нѣжными растеніями нашей души, я не знаю, но канцелярскій воздухъ, положительно можно сказать, неблагопріятенъ для нихъ. Изъ сотни товарищей Иосафа, нѣкогда благородныхъ и умныхъ малыхъ, садившихся до и послѣ его на подобный ему стулъ, очень немногіе прошли благополучно этотъ житейскій искусь: сколько изъ нихъ мы видали отъ непрерывно раздражаемой печени и отъ надсаженной груди пустою, бесполезной работой, умирающими

въ своихъ скудныхъ квартирахъ или даже, по бѣдности, въ городскихъ больницахъ. Другіе являли изъ себя еще болѣе печальный примѣръ: рали утѣхи душевной, они, прямо изъ присутствія, обыкновенно проходили въ какое-нибудь, въ кредитъ вѣрящее трактирное заведеніе, а оттуда уже ночью по заборахъ, а иногда и на четверенькахъ переправлялись домой, или попадали въ часть. Такъ дѣло шло до окончательнаго выгона изъ службы, за которымъ слѣдовали кабакъ, нищета и смерть гдѣ-нибудь на тротуарѣ или пропажа безъ вѣсти! Наконецъ третьи, и врядъ ли не большая изъ нихъ часть, благоразумно подлѣли: въ какой-нибудь годъ отращали себѣ брюшко, женились на дочеряхъ какихъ-нибудь совсѣмъ уже отпѣтыхъ экзекуторовъ и надсмотрщиковъ гражданскихъ палатъ, и сами потомъ дѣлался такими же скрозьземельными, какъ говоритъ народъ, плутами. Иные изъ нихъ уѣзжали даже въ Петербургъ, дослуживать тамъ до довольно видныхъ мѣстъ; но печать позорнаго опоздѣнія все-таки горѣла на ихъ челѣ.

Иосафу былъ сужденъ нѣсколько иной, болѣе оригинальный, выходъ. Чтобы лучше познакомиться съ его душевнымъ состояніемъ, я считаю здѣсь не лишнимъ привести два, три отрывка изъ его записокъ, которыя онъ велъ для себя какъ бы въ родѣ дневника. Вотъ что писалъ онъ вскорѣ послѣ вступленія своего на службу:

«Едва вышедъ изъ стѣнъ училища, я сразу долженъ былъ окунуться въ житейскую болотину. Къ чему послужило намъ наше образованіе? Не похоже-ли это на то, какъ если бы, въ какой-нибудь для грубаго солдатскаго сундука устроенной фабрикѣ,

завели розовый питомникъ. Вотъ розы поспѣли, ихъ срѣзали и свалили въ одинъ уголь съ грубыми су-
конными свитками; завянуть онѣ тамъ и не истре-
бить имъ своимъ благоуханіемъ запаха сермяги. Я
пребываю въ отчаяніи, въ какомъ и вы, мои друзья
и товарищи, вѣроятно все теперь находитесь.»

Но какъ бы то ни было, Иосафъ, затая все на
душѣ, кинулся на трудъ: съ какимъ-то тупымъ не-
человѣческимъ терпѣніемъ онъ сталъ цѣлые дни ни-
сать доклады, переписывать исходящія, подшивать
и нумеровать дѣла и даже, говорятъ, чтобъ держать
все въ порядкѣ, мелъ иногда въ непрлеутственное
время комнаты. Долгое время старикъ бухгалтеръ
какъ-будто бы ничего этого не замѣчалъ; наконецъ
умилился сердцемъ, и однажды на вопросъ непре-
мѣннаго члена: «что, каковъ новобранецъ-то?» — от-
вѣчалъ: — «воротить какъ лошадь, малый отлич-
нѣйшій.»

Съ теченіемъ времени онъ сталъ даже какъ-будто бы
заигрывать съ Иосафомъ на словахъ.

— Жарконько сегодня, отче Иосафій, — говорилъ
онъ, давъ ему первый это прозвище, но рѣшительно
въ видѣ ласки и съ тѣмъ, чтобы опредѣлить имъ
солидный характеръ своего любимца.

— Да, жарко, — отвѣчалъ Иосафъ, стаскивая съ
полки огромную связку дѣлъ. Вухгалтеръ смотрѣлъ
ему въ спину съ какой-то нѣжной улыбкой, и какъ
ни мгновенна она была на суровомъ лицѣ его, но
въ ней одной въ мірѣ начало было созрѣвать благо-
состояніе Иосафа. Дѣло началось съ того, что ста-
рикъ послѣ лѣтняго Николина дня, храмоваго въ
ихъ приходѣ праздника, какъ-то попрошибся и очень

ужь сильно перепилъ съ своимъ другомъ и товарищемъ архіерейскимъ пѣвчимъ, такъ что заболѣлъ послѣ того на цѣлые полгода. Исполненіе его должности, по личному его настоянію, было поручено Іосафу и потомъ, когда старій служака чувствовалъ окончателное приближеніе смерти, то нарочно позвалъ къ себѣ своего начальника, непремѣннаго члена, и съ клятвой наказывалъ ему не дѣлать никого бухгалтеромъ, кромѣ Ферапонтова. Желаніе это было исполнено. Такое быстрое повышеніе сильно было расшевелило Іосафа на первыхъ порахъ. Онъ сшилъ себѣ все съ иголочки новое платье, и началъ даже подумывать о женитьбѣ: здѣсь мнѣ придется объяснить довольно щекотливое обстоятельство касательно того, что герой мой, не смотря на свое могучее тѣло и слишкомъ тридцатилѣтній возрастъ, находился въ самыхъ скромныхъ и отдаленныхъ отношеніяхъ ко всему женскому полу. Какъ и отъ чего это произошло: обстоятельства ли жизни, или нѣкоторая идеальность міросозерцанія и прирожденныя чувства цѣломудрія и стыдливости — были тому причиной, но только, не говоря уже о гимназій, но и въ училищѣ, живя въ сотовариществѣ такихъ повѣсь, какъ студенты, Іосафъ никогда не участвовалъ въ ихъ разныхъ любовныхъ похожденіяхъ и даже избѣгалъ разговора съ ними объ этомъ; а потомъ, состоя уже столько времени на службѣ, онъ только разъ во все это время, пришедши домой нѣсколько подгулявши, вдругъ толкнулъ свою кухарку, очень еще не старую крестьянскую бабу, на диванъ. Та посмотрѣла на него съ удивленіемъ.

— О полноте-ка, полноте! туда же! — прогово-

рила она, и Іосафъ до того сконфузился, что сейчасъ же надѣлъ шляпу и ушелъ изъ дому, и до глубокой ночи не возвращался. Предаваясь мысли о бракѣ, онъ между прочимъ такъ разсуждалъ объ этомъ предметѣ.

«И сегодня видѣлъ еще свадьбу... — писалъ онъ въ одномъ мѣстѣ своего дневника. «Счастливыцы! — но для меня нѣтъ, и никогда не будетъ возможно это счастье. Дѣвица, какую я представляю себѣ въ моихъ мысляхъ, за меня не пойдетъ. Невѣсты же, приличныя для меня, изъ нашего подлаго приказнаго званія противны душѣ моей: онѣ не домовиты и нетрудолюбивы, потому что считаютъ себя барышнями, и сколько ни стараются наряжаться, но и этого къ лицу сдѣлать не умѣютъ, будучи глубоко необразованы. Много разъ я прислушивался къ ихъ разговору и убѣдился, что онѣ ни о чемъ съ мужчинами не могутъ говорить, кромѣ неблагопристойностей, ибо имѣютъ уже развращенное воображеніе. О мать природа! тѣ мнѣ единая утѣха и услада!»

Такъ проходили дни за днями: каждое утро Іосафъ ходилъ на службу, приходилъ затѣмъ домой, обѣдалъ, спалъ немного, потомъ опять на службу и опять домой. Всѣ поползновенія повыше уровня обыденной жизни въ немъ какъ бы придавлились подъ этимъ вѣчно движущимся канцелярскимъ жерновомъ и изъ него уже началъ мало-по-малу выковываться старый холостякъ-чиновникъ: хладносердый (по крайней мѣрѣ по наружности) ко всему Божьему міру, онъ ни съ кѣмъ почти не былъ знакомъ и ни къ кому никогда не ходилъ; цѣлые вечера, цѣлые дни онъ

просиживалъ въ своей неприглядной сѣренькой квартиркѣ одинъ-однихонекъ, все о чемъ-то думая и какъ-будто бы чего-то ожидая. Самымъ живымъ и почти единственнымъ его развлеченіемъ было то, что отправится иногда, лѣтнимъ временемъ, поудить рыбу, оттуда пройдетъ куда-нибудь далеко-далеко въ поле, полежитъ тамъ на муравъ, пройдетъ по сѣнокоснымъ лугамъ, нарветъ цвѣтовъ, полюбуется ими, или заберется въ рожь и съ наслажденіемъ по-вдыхаетъ въ себя запахъ поспѣвающаго хлѣба; но съ наступленіемъ осени и то прекращалось. Въ безконечно длинные зимніе вечера, напрасно Іосафъ изобрѣталъ раза по два въ недѣлю ходить въ баню, и пробывалъ тамъ часа по три, напрасно принимался иногда пить чай чашекъ по пятнадцати, — время проходило медленно. Наскучавшись такимъ образомъ почти до сумасшествія, онъ наконецъ не вытерпывалъ и на другой день, придавъ своему лицу, вмѣсто суроваго, нѣсколько просительское выраженіе, спустился изъ Приказа внизъ, въ Губернское Правленіе, къ экзекутору.

— А что члены читали «Отечественныя Записки»? — спрашивалъ онъ.

— Свободны кой-какія, — отвѣчалъ тотъ.

— Снабдите меня, коли можно, — говорятъ Іосафъ, какъ-то странно улыбаясь.

— Можно, можно, — отвѣчалъ экзекуторъ и вытаскивалъ ему изъ шкафа двѣ, три книги. Іосафъ на этотъ разъ шелъ изъ присутствія домой нѣсколько проворнѣе. Пообѣдавъ наскоро, онъ сейчасъ же принимался за чтеніе, и если тутъ что-нибудь приходилось ему по душѣ, сильно углублялся въ это занятіе,

и потомъ вдругъ иногда вставалъ, начиналъ взволнованными шагами ходить по комнатѣ, ерошилъ себѣ волосы, размахивалъ руками и даже что-то такое декламировалъ и затѣмъ садился за свои гусли и начиналъ наигрывать и подпѣвать самымъ жалобнымъ басомъ извѣстную чувствительную пѣсню: «Среди долины ровныя». На томъ мѣстѣ, гдѣ говорится, что высокій дубъ растетъ

«Одинъ, одинъ, бѣдняжка, на гладкой высотѣ,
«Ни сосенки, ни елочки, ни травки близъ него,»
у Иосафа по щекамъ текли уже слезы; но тѣмъ все и кончалось. На другой день онъ просыпался по-прежнему суровый и съ окаменѣло-неподвижнымъ лицомъ шелъ въ Приказъ.

V.

— Былъ прелестнѣйшій іюньскій день. Городъ съ своими ярко освѣщенными желтыми, бѣлыми и сѣренькими домами, съ своими блистающими серебряными и золотыми главами церквей, представлялъ собою рѣшительно какой-то праздничный видъ. Воздухъ напоенъ былъ запахомъ цвѣтушихъ въ это время липъ; повременамъ чирикали какія-то птички и раздавался рѣзкій звукъ проѣзжающихъ по мостовой дрожекъ. Въ однихъ только присутственныхъ мѣстахъ было какъ-то еще душнѣй и грязнѣй. Иосафъ сидѣлъ, по обыкновенію, передъ своей конторкой и посматривалъ на виднѣвшійся въ окно клочекъ неба. Въ Приказъ вошелъ чрезвычайно франтоватый молодой мужчина, перетянутый какъ оса, съ англійскимъ

проборомъ, съ усиками, съ эспаньолкой, въ шитою кружевной рубашкѣ, въ черномъ фракѣ, съ маленькою красною кокардою въ петличкѣ, и въ свѣтлѣйшихъ, лаковыхъ сапогахъ. Онъ, нѣсколько по-военному, сначала отнесся къ одному изъ писцовъ и потомъ подошелъ къ Иосафу.

— Я, кажется, имѣю удовольствіе видѣть г. Феррапонтова? — проговорилъ онъ.

— Да-съ, — отвѣчалъ тотъ своимъ обычнымъ медвѣжьимъ тономъ.

— Позвольте и мнѣ съ своей стороны имѣть честь представиться: ковенскій помѣщикъ Бжестовскій!... — произнесъ новобрывшій, расшаркивая и протягивая Иосафу свою чрезвычайно красивую руку, на мизинцѣ которой нельзя было не замѣтить маленькаго и, должно быть, женскаго сердоликоваго перстенька. Иосафъ на это полупривсталъ ему и, подавъ неуклюже и не совѣмъ охотно тоже свою руку, снова сейчасъ же сѣлъ.

— У васъ есть дѣло... сестры моей... Фамилія ея по мужу Костырева, — продолжалъ Бжестовскій. Иосафъ сталъ было припоминать...

— Имѣніе ея назначено въ продажу, — помочь тотъ ему.

Иосафъ почесалъ въ головѣ.

— Да, назначено-съ, — отвѣчалъ онъ неторопливо.

— Позвольте мнѣ объясниться съ вами въ нѣсколькихъ словахъ по этому дѣлу, — произнесъ Бжестовскій, и въ голосъ его уже замѣтно послышался заискивающій тонъ.

Иосафъ молчаливымъ наклоненіемъ, головы изъ-явилъ согласіе. <http://rcin.org.pl>

— Эта женщина рѣшительно несчастная!...— продолжалъ проситель, пожимая плечами.— Можете себѣ вообразить: прелестная собой, изъ прекраснаго, образованнаго семейства, она выходитъ замужъ за этого господина Костырева, и съ сожалѣніемъ еще надобно сказать, улана русской службы... пьяницу... мота... злеца.

Бухгалтеръ слушалъ, не совсѣмъ, кажется, хорошо понимая, зачѣмъ все это ему говорятъ.

— Потомъ-съ,— снова продолжалъ Бжестовскій,— прїѣзжаютъ они сюда. Начинаетъ онъ пить — день... недѣлю... мѣсяць... годъ. Наконецъ умираетъ, — и вдругъ она узнаетъ, что доставшееся ей послѣ имѣньице, и имѣньице дѣйствительно очень хорошее, которое она, можно сказать, кровью своею купила, идетъ съ молотка до послѣдней нитки въ продажу. Должно ли, спрашиваю я васъ, правительство хоть сколько-нибудь вникнуть въ ея ужасное положеніе? Должно или нѣтъ?

Иосафъ нѣсколько затруднился отвѣчать на подобный вопросъ.

— Что же тутъ правительству за дѣло? — проговорилъ было онъ.

— Какъ что?— перебилъ его, уже вспыхнувъ въ лицѣ, Бжестовскій. — Законы, кажется, пишутся для благосостоянія гражданъ, а не для стѣсненія ихъ.

Иосафъ въ отвѣтъ на это уставилъ глаза въ книгу. Бжестовскій поспѣшилъ перемѣнить тонъ.

— Я и сестра моя,— началъ онъ:— такъ много наслышаны о добротѣ вашей и о благородствѣ вашей души, что рѣшились прямо обратиться къ вамъ и просить вашего соизволенія.

— Что-же я тутъ?... Надо или деньги внести, или продадутъ.

— Очень многое, Юсафъ Юсафычъ, очень многое, — произнесъ Бжестовскій, прижимая руку къ сердцу: — въ имѣніи есть мельница... лѣсъ... нѣсколько отхожихъ сѣнокосныхъ пустошей, которыя могли бы быть проданы въ частныя руки.

Ферапонтовъ задумался.

— И что же, это отдѣльныя статьи отъ имѣнія? — спросилъ онъ.

— Совершенно, кажется, отдѣльныя, — отвѣчалъ Бжестовскій: — и потому я только о томъ и прошу васъ, чтобъ посѣтить насъ. Я напередъ увѣренъ, что когда вы разсмотрите наше дѣло, то увидите, что мы правы и чисты, какъ солнце...

Юсафъ продолжалъ думать; онъ хаживалъ иногда къ помѣщикамъ для совѣта по ихъ дѣламъ, и даже любилъ это, какъ бы все-таки нѣсколько адвокатское занятіе.

— Сдѣлайте милость, — повторялъ между тѣмъ Бжестовскій: — и ужь конечно мы благодарить будемъ, какъ это дѣлается между порядочными и благородными людьми...

Юсафъ посмотрѣлъ ему въ лицо.

— Хорошо-съ, пожалуй! ужь вечеркомъ зайду, — проговорилъ онъ неторопливо.

Бжестовскій рассыпался передъ нимъ въ выраженіяхъ полнѣйшей благодарности.

— Мы живемъ на набережной, въ домѣ Дуриндиныхъ, — заключилъ онъ, и еще разъ раскланявшись передъ Юсафомъ, молодцовато вышелъ изъ Приказа.

VI.

Большой каменный домъ Дурындиныхъ былъ вупеческій. Какъ большая часть изъ нихъ, онъ, и самъто неизвѣстно для чего выстроенный, имѣлъ сверхъ того еще въ своемъ бель-этажѣ (тоже, Богу вѣдомо для какихъ употребленій) нѣсколько гостиныхъ — подиныхъ, запыленныхъ, съ тяжеловатою краснаго дерева, мебелью, имѣлъ огромное зало съ паркетнымъ, во многихъ мѣстахъ треснувшимъ, поломъ, съ дѣвнымъ и частію уже обвалившимся карнизомъ, съ мраморными столами на золотыхъ ножкахъ, съ зеркалами въ старинныхъ бронзовыхъ рамахъ, тянущимися почти во всю длину простѣнковъ. Введенный именно въ эту залу казачкомъ-лакеемъ, Іосафъ нѣсколько сконфузился, тѣмъ болѣе, когда послышался шелестъ женскаго платья, и изъ гостиной вышла молодая и очень стройная дама.

— Братъ сейчасъ будетъ... извините, пожалуйста, — проговорила она, прямо подходя къ нему и подавая ему руку. Іосафъ окончательно растерялся: въ первый еще разъ въ жизни, онъ почувствовалъ въ своей жесткой рукѣ — женскую ручку и такую, кажется, хорошенькую! Подшаркнувши ногой, какъ только можно неловко, онъ проговорилъ:

— Помилуйте-съ, ничего!

— Пойдемте однако въ боскетную, — сказала Костырева и пошла.

Іосафъ послѣдовалъ за нею. Комната, въ которую они пошли, дѣйствительно была, съ самаго потолка до полу, расписана яркою зеленью, посреди

которой летало нѣсколько птицъ и гуляло нѣсколько звѣрей. Хозяйка сѣла у маленькаго стола, на угловомъ, очень уютномъ диванчикѣ, и пригласила сдѣлать то же самое и Иосафа, и даже очень невдалекѣ отъ нея. Исполнивъ это, Фералонтовъ наконецъ осмѣлился поднять глаза и увидѣлъ передъ собой рѣшительно какую-то ангело-подобную блондинку; бѣлокурые волосы ея, нѣсколько зачесанные назадъ, спускались изъ-за ушей двумя толстыми локонами на правильнѣйшимъ образомъ очерченную шейку. Нѣжный цвѣтъ лица... полуприподнятые мечтательно вверху голубые глаза... эти, наконецъ, ямочки на щекахъ... этотъ носикъ и розовыя, толстоватыя, какъ бы манящія васъ на поцѣлуй, губки — все это имѣло какое-то чрезвычайно милое и осмысленное выраженіе. Одѣта она была въ кисейную блузу, довольно низко застегнутую на груди и перехваченную на стройномъ станѣ поясомъ. Широкіе, разрѣзные рукава почти обнажали, какъ бы выточенные изъ слоновой кости, ея длинныя руки; а изъ-подъ опустившейся безконечными складкамъ юбки замѣтно обрисовывалось круглое колѣнчко, и какое должно быть колѣнчко! такъ что Иосафъ и самъ не понималъ, что такое съ нимъ происходило.

— Братъ говорилъ вамъ о моемъ дѣлѣ? — начала хозяйка.

— Да-съ, — отвѣчалъ Иосафъ: — двѣ тысячи семьсотъ рублей на имѣніи недоимки, — прибавилъ онъ.

— Какъ много! Но скажите: тамъ у меня есть мельница и огромная лѣсная дача. Я сейчасъ бы готова была съ удовольствіемъ продать ихъ и заллатила бы этимъ. <http://rcin.org.pl>

— Онѣ у васъ значатся въ описи?

— Не знаю. Я ничего не понимаю въ этихъ дѣлахъ.

— Но вѣдь опись у васъ есть?—спросилъ Иосафъ, замѣтно уже участвующимъ тономъ.

— Право, и того не знаю. Есть какія-то бумаги, — отвѣчала Костырева и торопливо, съ безпокойствомъ, вынула изъ своего рабочаго столика нѣсколько исписанныхъ листовъ. Иосафъ чуть было не задрожалъ, когда она, подавая ему ихъ, слегка прикоснулась своимъ пальчикомъ до его руки.

Это была въ самомъ дѣлѣ опись имѣнію: Ферантоновъ началъ внимательно просматривать ее.

— Мельница на рѣкѣ Шекснѣ? — спросилъ онъ.

— Да, — отвѣчала Костырева.

— Лѣсная дача называется «Матренкины Доли»?

— Да, — повторила Костырева.

— Онѣ значатся въ описи-сѣ, проговорилъ Иосафъ грустнымъ голосомъ.

— Что-жь, намъ не разрѣшатъ продажи?—спросила Костырева съ такимъ испугомъ на лицѣ, какъ будто бы сейчасъ же рѣшилась ея участь.

Иосафъ чувствовалъ только, что отъ жалости у него вся кровь бросилась въ голову.

— Врѣдъ-ли-сѣ!—произнесъ онъ и постарался насильно улыбнуться, чтобы хоть этимъ смягчить свой отвѣтъ.

Прекрасные глаза хозяйки наполнились слезами.

— Какъ-же мнѣ, несчастной, быть? — произнесла она и, окончательно заплакавъ, закрыла лицо руками.

У Иосафа сердце готово было разорваться на части. Онъ тупо и какъ-то бессмысленно смотрѣлъ на

нее, но въ залѣ раздались мужскіе шаги. Костырева торопливо вынула изъ своего кармана тонкій, съ вышитыми концами, батистовый платокъ, и поспѣшно обтерла имъ свои глазки. Иосафъ при этомъ почувствовалъ прелестный запахъ такихъ-то духовъ.

— Это братъ пріѣхалъ, онъ не любитъ, когда я плачу, — проговорила она; и въ боскетную, въ самомъ дѣлѣ, вошелъ Бжестовскій, который показался на этотъ разъ Иосафу какъ-то еще франтоватѣй и красивѣе.

— Добрый день, — проговорилъ онъ, дружески подавая Иосафу руку и потомъ протянулъ ее сестрѣ. Та ударила по ней своей ручкой. Бжестовскій поцѣловалъ ее у ней, и при этомъ она съ такою нѣжностью прижала къ его лбу свои губки, что у Иосафа поджилки задрожали. «Что, еслибъ этотъ поцѣлуй достался ему», безумно подумалъ онъ.

Бжестовскій между тѣмъ небрежно разсѣлся въ креслахъ и вытянулъ свои, въ тѣхъ же щегольскихъ, лаковыхъ сапогахъ, ноги.

— Что, пане добредзею, — будьте такой добрый, — скажите: — придумали ли вы что-нибудь?

Иосафъ нѣсколько приподнялъ свою наклоненную голову.

— Покупщика вы на мельницу и на лѣсъ вѣрнаго имѣете? — спросилъ онъ.

— Очень вѣрнаго... сосѣдъ нашъ по имѣнію... прекраснѣйшій человекъ... отличный семьянинъ... — отвѣчалъ Бжестовскій.

Иосафъ началъ соображать.

— Извольте съ, — началъ онъ, разводя руками: —

я изготовлю вамъ прошеніе въ такомъ родѣ, — что вотъ вы представляете деньги по оцѣнкѣ, значащейся въ описи этимъ предметамъ, просите разрѣшить продажу ихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ пріостановить и самый аукціонъ.

— Такъ... такъ... — повторялъ за нимъ Бжестовскій: — но вы говорите — деньги представляя... Для насъ это рѣшительно невозможно, потому что, откровенно сказать, мы теперь совершенно безъ копѣйки.

— Да что тутъ? Деньги пустыя: — всего какихъ-нибудь по оцѣнкѣ за мельницу пятьсотъ рублей, да за пустошь двѣсти... Такія найти можно-съ... я, пріищу вамъ... — говорилъ Іосафъ, самъ, кажется, не помнившій, что дѣлаетъ, и имѣвшій въ этомъ случаѣ въ виду свой маленькій капитадецъ, нажитой и сбереженный имъ въ пятнадцать лѣтъ, на случай тяжкой болѣзни или выгона изъ службы.

Бжестовскій всталъ передъ нимъ съ удивленіемъ на ноги.

— Я словъ даже не нахожу выразить вамъ мою благодарность, — проговорилъ онъ.

Іосафъ тоже поднялся и неуклюже раскланывался.

— О, благородный человекъ! — произнесла Костырева, протягивая ему руку, и когда онъ подалъ ей свою лапу, она крѣпко, крѣпко сжала ее. У Іосафа начинало ужъ зеленѣть въ глазахъ. Въ это время вошелъ лакей-казачекъ, въ бѣлыхъ, нитяныхъ перчаткахъ и доложилъ, что чай готовъ.

— Пойдемте! — сказала хозяйка и, проходя мимо Іосафа, легонько задѣла его за колышко своимъ платьемъ. Въ залѣ, на кругломъ среднемъ столѣ,

стоялъ свѣтло вычищенный самоваръ и прочій чайный приборъ, тоже чрезвычайно чистый. Костырева принялась хозяйничать: сначала она залила чай въ серебряный чайникъ, накрыла его бѣлой салфеточкой и сверхъ того еще положила на него свою чудную ручку. Иосафъ и Бжестовскій усѣлись на другомъ концѣ стола. Герою моему никогда еще не случалось видѣть, чтобы, въ присутствіи его, молодая, пре красная собой, женщина разливала чай; и Боже мой! какъ понравилась ему вся эта картина.

— Не хотите ли вы сливокъ или рому, — проговорила хозяйка и сама, проворно вставъ, подошла къ Иосафу и, немного наклонившись, стала подливать ему изъ маленькаго графинчика въ стаканъ. При этомъ грудь ея была почти передъ самымъ лицомъ его; онъ видѣлъ, какъ она слегка колыхалась, и даже чувствовалъ, что его опахивала какая-то обаятельная теплота. Что съ нимъ было въ эти минуты, и сказать того невозможно.

Послѣ чаю Бжестовскій предложилъ сестрѣ:

— Не лучше ли, душа моя, намъ идти посидѣть на балконъ?

— Хорошо, — отвѣчала она и очень милымъ движеніемъ пригласила и Иосафа, проговоря: — угодно вамъ?

Тотъ пошелъ. Сначала его провели черезъ длинную гостиную, въ которой онъ успѣлъ только замѣтить люстру въ чехлѣ да огромную изразцовую печь, на которой вылѣплена была Церера, съ серпомъ и съ какимъ-то необыкновенно толстымъ и внизъ опустившимся животомъ. Слѣдующая комната вѣроятно служила уборной хозяйки, потому что ка

столикъ стояло въ серебряной рамкѣ кокетливое женское зеркало, съ опущенными на него кисейными занавѣсками; а на другой сторонѣ, что неволью бросилось Іосафу въ глаза, онъ увидѣлъ за ситцевой перегородкой за чѣмъ-то двуспальную кровать и даже съ двумя изголовьями. Объ этомъ онъ впрочемъ сейчасъ же забылъ, какъ вышли на балконъ. Вечерній воздухъ начиналъ уже свѣжѣть. Не спавшая еще съ воды рѣка подходила почти къ самому дому, такъ что балконъ какъ-будто бы висѣлъ надъ нею. Неустанно и торопливо катила она свои сѣроватая и небольшія волны. Противъ самаго почти города теперь проходилъ цѣлый караванъ барокъ, которыя, съ надувшимися парусами, какъ гигантскіе бѣлогрудые лебеди, тихо двигались одна за другой. Вдали виднѣлся, какъ бы на островку, монастырь. Освѣщенный сзади солнцемъ, онъ со своей толстой стѣной, съ виднѣвшимися изъ-за нея деревьями, съ своими церквами и колокольнями, весь отражался нѣсколько изломанными линіями въ рябоватой зыби.

— Какой прекрасный видъ! — рѣшился Іосафъ уже прямо отнестись къ Костыревой.

— Да, чудный: я не налюбуюсь имъ, — отвѣчала она, и вслѣдъ затѣмъ устремила разсѣянный взглядъ на рѣку: но потомъ вдругъ поблѣднѣла, проворно встала и едва успѣла опереться на косякъ.

Іосафъ тоже вскочилъ.

— Что съ вами-съ? — проговорилъ онъ съ меньшимъ ея испугомъ.

— Ничего... я засмотрѣлась внизъ на воду, и у

меня закружилась голова, — отвѣчала она, все еще блѣдная, но уже съ милой улыбкой.

— Въ такомъ случаѣ лучше уйти отсюда, — сказалъ Бжестовскій.

— Да, — согласилась Костырева.

Всѣ возвратились въ залу. «Боже мой, какое это нѣжное и деликатное созданіе!» думалъ про себя Іосафъ и, чтобы скрыть волновавшія его ощущенія, заговорилъ опять о дѣлѣ.

— Теперь надо просьбу написать-съ, — сказалъ онъ.

— Будьте такой добрый, — подхватилъ Бжестовскій и, проворно сходявъ, принесъ чернильницу и бумагу. Іосафъ написалъ прошеніе прямо на-бѣло.

— Подписать вамъ надобно-съ, — отнесся онъ съ улыбкой къ Костыревой.

— Ахъ, сейчасъ, — отвѣчала она, и осторожно взяла въ свою бѣленькую ручку загрязненное перо. Іосафъ сталъ у нея за плечами. Онъ видѣлъ при этомъ ея чудную сзади шейку, ея толстую косу, едва уложенную въ три кольца, и наконецъ часть ея груди, гораздо болѣе уже открывшейся, чѣмъ это было, когда она наклонялась передъ нимъ за чаемъ.

— Къ сему прошенію... — диктовалъ онъ смущеннымъ голосомъ: — имя ваше-съ и отечество?

— Эмилія Никтополоіоновна Костырева руку приложила-съ, — додиктовалъ Іосафъ.

Эмилія написала все это тоненькимъ, мелкимъ и не совсемъ грамотнымъ почеркомъ.

— Мерсі, m-g Фералонтовъ, мерсі, — повторила она нѣсколько разъ и, взявъ его за обѣ руки, долго, долго пожимала ихъ. Іосафъ не выдержалъ и поцѣ-

ловаль у ней ручку, и при этомъ, о счастье! онъ почувствовалъ, что и она его чмокнула своими божественными губками въ его замѣтно уже начинавшую образовываться плѣшь. Растерявшись до-нельзя, онъ сейчасъ же началъ раскланиваться. Бжестовскій пошелъ провожать его до передней и самъ даже подаль ему шинель. Эмилиа, когда Юсафъ вышелъ на дворъ, нарочно подошла къ отворенному окну.

— До свиданья, m-г Ферапонтонъ, — говорила она, привѣтливо кивая ему головою, и Юсафъ нѣсколько разъ снималъ свою шляпу, поводитъ ею въ воздухъ, но сказать ничего не нашелся и скрылся за калитку.

VI.

Проснувшись на другой день поутру, Юсафъ съ какой-то суетливостью собралъ всѣ свои деньжонки, положилъ ихъ въ прошеніе Костыревой и, придя въ Приказъ, до пріѣзда еще присутствующихъ, самъ незаконно помѣтилъ его, сдалъ сейчасъ же въ столъ, самъ написалъ по немъ докладъ, въ которомъ, прямо опредѣляя — продажу Костыревой разрѣшить и аукціонъ на ея имѣніе пріостановить, подсунулъ было это вмѣстѣ съ прочими докладами члену для подписи, а самъ, замѣтно взволнованный, все время оставался въ присутствіи и не уходилъ оттуда. Старикъ, начальникъ Приказа, лѣтъ уже семнадцать тому назадъ, какъ мы знаемъ, пришибенный параличемъ, былъ не совсѣмъ твердъ въ языкъ и памяти, но на эготъ разъ однако какъ-то вдругъ прозрѣлъ:

— Асафъ Асафичъ, это что такое? — спросилъ онъ, остановясь именно на интересномъ для Иосафа докладѣ. Ферапонтонъ поблѣднѣлъ.

— Прошенье Костыревой... деньги она представляетъ... просить тамъ остановить торги, — проговорилъ онъ нетвердымъ голосомъ.

— Какъ-же это такъ? — спросилъ его опять непрѣмный членъ, уставляя на него свои безсмысленные глаза.

— Да такъ... надо остановить... тутъ вотъ прямая статья насчетъ этого подведена...

— Все же, братъ, надо прежде доложить губернатору.

— Зачѣмъ же губернатору-то докладывать? Всякими пустяками беспокоить его, — возразилъ Иосафъ, и у него уже сильно дрожали губы.

— Какіе пустяки... хуже, какъ самъ насочить... тогда и не спасешься отъ него.

— Спасаться-то тутъ не отъ чего. Не первый годъ, кажется, служатъ съ вами... Никогда еще ни подъ что васъ не подводилъ.

— Что-жъ ты на меня-то сердишься!.. — возразилъ ему добродушно старикъ: — я съ своей стороны готовъ бы хоть сейчасъ, какъ бы не этакой башки-бузукъ спидѣлъ у насъ наверху. Этта вонъ при мнѣ за пустую бумажонку на правителя канцеляріи взбѣсился: затоналъ... залопалъ... пѣна у рта... Тигръ, а не человекъ.

— Да хоть бы онъ разтигръ былъ. Это дѣло правое... я и самъ не восьмигодовой какой... Нечего тутъ сомнѣваться-то, подписывайте! — прого-

ворилъ было Іосафъ, привышій почти безусловно командовать своимъ начальникомъ.

Но старикъ на этотъ разъ однако уперся.

— Нѣтъ, братъ, какъ хочешь: доложить я доложу, а самъ собой не могу, — проговорилъ онъ. Іосафъ только сплюнулъ отъ досады и вышелъ было изъ присутствія; но вскорѣ опять воротился.

— Пожалуйста, Михайло Петровичъ, подпишите, сдѣлайте для меня хоть разъ это одолженіе. Я еще никогда не просилъ васъ ни о чемъ, — произнесъ онъ какимъ-то жалобно умоляющимъ голосомъ.

— Только не это, братъ, не это! — сказалъ старикъ орончательно рѣшительнымъ тономъ. Не со всѣмъ уже ясно понимая самъ дѣла и видя такое настояніе отъ бухгалтера, онъ прямо заподозрилъ, что тотъ вѣрно хватилъ тутъ какой-нибудь значительный кушъ и хочетъ теперь его подвести.

— Вотъ отсохни мой языкъ, коли такъ!.. — воскликнулъ вдругъ Іосафъ, крестясь и показывая на образъ. — Слова теперь не скажу вамъ ни по какому дѣлу... Подписывайте сами, какъ знаете.

— Ну что-жь? Богъ съ тобой, — говорилъ старикъ растерявшись... Іосафъ, сердито хлопнувъ дверями, опять вышелъ и конецъ присутствія досидѣлъ какъ на иголкахъ. Возвратясь домой, онъ тоже, кажется, рѣшительно не зналъ, что съ собою дѣлать: то дождался на диванъ, то, въ какомъ-то волненіи, вставалъ и начиналъ глядѣть на свой маленькій дворикъ. Тамъ, на протянутой отъ погреба до забора веревкѣ висѣли и сушились его зимняя шинель, шуба, валеные сапоги и даже его восьми-классный мундиръ и треугольная шляпа. Нѣсколько

дальше въ тѣни, около бани, двое маленькихъ пѣтушковъ старательнѣйшимъ образомъ производили между собою драку: по-крайней-мѣрѣ по полчаса стояли они, лукаво не шевелясь и нахохлившись другъ передъ другомъ, потомъ вдругъ наскакивали другъ на дружку, разскакивались и снова уставляли головенки одна противъ другой; но ничто это не заняло, какъ бывало прежде, Иосафа. Часовъ въ семь онъ кликнулъ свою кухарку и велѣлъ себѣ дать умываться. При этомъ онъ до такой степени теръ себѣ шею, за ушами и фырвалъ, что даже всю бабу забрызгалъ.

— Чтой-то, больно ужъ сегодня размылись, — говорила она и принесла было, по обыкновенію, ему старые штаны.

— Давай новые, все давай новое, — проговорилъ Иосафъ и, поставивши ногу на столъ, самъ принялся себѣ чистить сапоги. Надѣвъ потомъ фракъ, онъ по-крайней-мѣрѣ съ полчаса причесывалъ бакенбарды, вытащилъ изъ нихъ до десятка сѣдыхъ волосъ, и затѣмъ, надѣвъ нѣсколько на-бекрень свою шляпу, вышелъ и прямѣйшимъ путемъ направилъ стопы свои къ дому Дурындиныхъ. Тамъ его встрѣтили совершенно какъ роднаго: Эмилія показалаъ Иосафу еще прелестнѣе; она одѣта была въ черное шелковое платье. Талія ея до того была тонка, что казалось, онъ могъ бы обхватить ее своими двумя огромными пальцами; на ножкахъ ея были надѣты толстыя на высокихъ каблукахъ ботинки, которыми она ходя постукивала. Бжестовскій былъ тоже, по обыкновенію, разодѣтъ, но только нѣсколько по-домашнему: онъ былъ въ башмакахъ, въ широкихъ шальварахъ,

завязанныхъ шелковымъ снуркомъ, безъ жилета, но въ отличнѣйшемъ бѣльѣ и наконецъ въ коротенькомъ сюртучкѣ, кругомъ выложенномъ краснымъ снуркомъ. Иосафъ даже и не предполагалъ никогда, что мужчина можетъ быть такъ одѣтъ. Чтобы не встревожить Эмилию, онъ объяснилъ ей только то, что пресъбу онъ подалъ и деньги представилъ.

— Но, Боже мой! мнѣ по-крайней мѣрѣ надо вамъ дать росписку въ нихъ, — проговорила Эмилія сконфуженнымъ голосомъ.

— Зачѣмъ же-съ? когда станете платить въ Приказъ, деньги ваши черезъ мои же руки пойдутъ, тогда я и вычту свои, — отвѣчалъ Иосафъ.

Бжестовскій при этомъ посмотрѣлъ на него пристально и ничего не сказалъ, а Эмилія еще болѣе сконфузилась. За чаемъ она попрежнему угощала Иосафа самымъ радушнымъ образомъ и при этомъ онъ своими глазами видѣлъ, что она какъ-то тайно и секретно взглядывала на него и полудукаво улыбалась ему. На лицѣ Бжестовскаго тоже была написана какая-то странная усмѣшка.

Когда стемнѣло, человекъ подалъ лампу съ абажуромъ. Эмилія усѣлась передъ ней съ работою. Прекрасныя ручки ея, усиленно освѣщенные свѣтомъ огня, проворно и ловко вырѣзывали на батистѣ дырочки и обшивали ихъ тончайшей бумагой; Иосафъ и эту картину видѣлъ еще первый разъ въ жизни.

— Скажите, вы давно служите въ Приказѣ? — спросилъ его Бжестовскій.

— Давно-съ! Былъ тоже когда-то студентомъ...

учился кой-чему, — проговорилъ Иосафъ и, не докончивъ, потушилъ голову.

— Вы были студентомъ? — произнесла съ участіемъ хозяйка. — Какъ я люблю студентовъ! Когда мы жили въ Кіевѣ, ихъ такъ много ходило къ намъ въ домъ.

Иосафъ на это только вздохнулъ, какъ паровая машина: о, если бы хоть частичка этой любви выпала на его долю!

— А что вы, женатый или холостой? — спросила Эмилія, и ей-богу, кажется, говоря это, покраснѣла.

— Нѣтъ-съ, я старый холостякъ, — отвѣчалъ онъ.

— Почему же старый? — сказала Эмилія и устремляла на него взглядъ. — Можетъ быть, вы много жили? — прибавила она.

При этомъ ужъ Иосафъ весь вспыхнулъ.

— Напротивъ-съ, — отвѣчалъ онъ.

Съ лица Бжестовскаго попрежнему не сходила какая-то насмѣшливая улыбка.

— И вы даже въ виду не имѣете никакой партіи? — вмѣшался онъ въ разговоръ, какъ бы вторя сестрѣ.

— Нѣтъ-съ, какая партія, — отвѣчалъ Иосафъ, какъ бы нѣсколько даже обиженнымъ тономъ.

— Отчего же? — простодушно спросила Эмилія.

— Судьбы, вѣроятно, нѣтъ-съ.

— Ну — нѣтъ! Вы, кажется, такой добрый, что можете составить счастье каждой женщины... — проговорила Эмилія.

Иосафъ чувствовалъ, что у него потъ холодными каплями выступалъ на лбу. Бжестовскій между тѣмъ всталъ и, какъ бы желая походить, прошелъ въ даль-

нія комнаты. Юсафъ остался съ глазу на глазъ съ Эмилиєю.

— И вы никогда не были влюблены?—спросила она, низко, низко наклоняясь надъ работой.

Вопросъ этотъ окончательно дорѣзалъ Юсафа.

— Можетъ быть-съ не былъ, а теперь есть... — пробормоталъ онъ и отъ волненія зашевелилъ ногами подъ столомъ.

— Теперь?—повторила многозначительно Эмилія. Бжестовскій въ это время возвратился; Юсафъ, какъ-то глупо улыбаясь, сталъ глядѣть на него. Однако замѣтивъ, что Бжестовскій позѣвнулъ, Эмилія тоже, по известной симпатіи, закрывъ ручкой ротъ, сдѣлала миленькую гримасу, онъ не счелъ себя въ правѣ долѣе беспокоить ихъ и сталъ прощаться. При этомъ онъ опять осмѣлился поцѣловать у Эмилии ручку и опять почувствовалъ, что она чмокнула его въ темя. Бжестовскій опять проводилъ его самымъ любезнымъ образомъ до дверей.

Проходя домой по освѣщеннымъ луною улицамъ, Юсафъ весь погрузился въ мысли о прекрасной вдовѣ: онъ самъ ужъ теперь очень хорошо понималъ, что былъ страстно, безумно влюбленъ. Все, что было въ его натурѣ поэтическаго, всѣ эти задержанныя и разбитыя въ юности мечты и надежды, вся способность идти на самоотверженіе, — все это какъ бы сосредоточилось на этомъ божественномъ, по его мнѣнію, существѣ, служить которому рабски, безпротестно, онъ считалъ для себя наибліжайшимъ долгомъ и какой-то своей святой обязанностію.

VIII.

Скрипя перьями и шелестя, какъ мыши, бумагами, писала канцелярія Приказа доклады, исходящія. Наружная дверь безпрестанно отворялась. Сначала было ввалился въ нее мужикъ въ овчинномъ полушубкѣ, которому, впрочемъ, слѣдовало идти къ агенту Общества Кавказъ, а онъ, по разпросамъ попалъ въ Приказъ. Писцы, конечно, сейчасъ же со смѣхомъ прогнали его.

Послѣ его вошла старушка — мѣщанка, принесшая тоже положить въ Приказъ, себѣ на погребенье, десять цѣлковинныхъ, и по-крайней-мѣрѣ съ полчаса пристававшая къ Иосафу, отдадутъ ли ей эти деньги назадъ.

— Отдадутъ, отдадутъ, — отвѣчалъ онъ.

— Не обидьте ужь, государь мой, меня, — говорила она и положила было ему четвертачекъ на конторку.

— Поди, старый чортъ, что ты! — крикнулъ онъ и бросилъ ей деньги назадъ.

— Виновата, коли такъ, кормилецъ мой... — проговорила старуха, и, подобравъ деньги, убралась.

Двери наконецъ снова отворились и вошелъ непремѣнный членъ съ озабоченнымъ лицомъ и съ портфелемъ подъ мышкой. Вся канцелярія вытянулась на ноги, Иосафъ тоже поднялся, чего онъ прежде никогда не дѣлалъ. Членъ прошелъ въ присутствіе, Феррапонтовъ тоже послѣдовалъ за нимъ.

— Что, какъ-съ? — спросилъ онъ, глядя на начальника.

— А на-те, вотъ, посмотрите... полюбуйтесь, — отвѣчалъ тотъ и вынулъ изъ портфеля журналы Приказа, разорванные на нѣсколько клочковъ.

— Ей Богу, служить съ нимъ невозможно! — продолжалъ старикъ, только-что не плача: — прямо говорить: «мошенники вы, взяточники!... Кто, говорить, какой мерзавецъ писалъ докладъ?» — Помилуйте, говорю, писалъ самъ бухгалтеръ. — «На гаубтвахту, говорить, его; уморю его тамъ.» На гаубтвахту велѣлъ вамъ идти на три дня. Ступайте.

Въ продолженіе этого разсказа, Іосафъ все болѣе и болѣе блѣднѣлъ.

— Спасибо вамъ, благодарю — подо-что подвели да насказали, — проговорилъ онъ.

— Что же я тутъ виноватъ?... чѣмъ?

— Чѣмъ?... да! — проговорилъ Іосафъ, почти что передразнивая начальника. — Для васъ, кажется, все было дѣлано, а вы въ какомъ-нибудь пустомъ дѣлшкѣ не хотѣли удовольствія сдѣлать. Благодарю васъ!

— Что-жь ты ужь очень разблагодарствовался! — прикрикнулъ наконецъ старикъ, принявъ нѣсколько начальнической тонъ: — тебѣ сказано приказанье: ступай на три дня на гаубтвахту, — больше и разговаривать нечего!

— Это-то я знаю, что вы съумѣете сдѣлать, знаю это!.. — произнесъ почти съ бѣшенствомъ Іосафъ и ушелъ: но, выйдя на улицу и нѣсколько успокоившись на свѣжемъ воздухѣ, онъ даже разсмѣялся своему положенію; онъ самъ долженъ былъ идти и сказать, чтобы его наказали. Подойдя къ гаубтвахтѣ, онъ рѣшительно не находилъ, что ему дѣлать.

Однако его вывелъ изъ затрудненія стоявшій на плацу молоденькій гарнизонный офицерикъ, съ какой-то необыкновенно глупой, круглой рожей, и съ совершенно прямыми, огромными ушами, но тоже въ каскѣ, въ шарфѣ и съ значкомъ на груди.

— Что вамъ надо? — спросилъ онъ его строго.

— Меня на гаубтвахту прислали, чтобы посадили, — отвѣчалъ Иосафъ.

— А! ступайте! Вѣроятно за взяточки... хапнули этакъ немного, — говорилъ юный дуралей, провожая своего арестанта въ офицерскую комнату, которая, какъ водится, имѣла желѣзную рѣшетку въ окнѣ; стѣны ея, когда-то, давно уже, должно быть, покрашенныя желтой краской, были по всевозможнымъ мѣстамъ исписаны карандашемъ, заплеваны и перепачканы раздавленными клопами. Деревянная кровать, съ голыми и ничѣмъ не покрытыми досками, тоже, повидимому, была обильнымъ вмѣстилищемъ разнообразныхъ насѣкомыхъ. Изъ полупритворенныхъ дверей, въ темномъ углу слѣдующей комнаты, виднѣлось нѣсколько мрачныхъ солдатскихъ физиономій. Чувствуемый оттуда запахъ махорки и какими-то провислыми щами, дѣлали почти невыносимымъ жизнь въ этомъ мѣстѣ. Иосафъ сѣлъ и задумался. Всего грустнѣй ему было то, что онъ три дня не увидитъ своего божества: но въ это время вдругъ на плацъ-формѣ послышался нѣжный, женскій голосъ. Иосафъ задрожалъ, и вслѣдъ же за тѣмъ въ комнату вошла Эмилія, въ бѣломъ платьѣ, въ бѣлой шляпкѣ и бѣломъ бурнусѣ, совершенно какъ бы фея, прилетѣвшая посѣтить его въ темницѣ.

Иосафъ могъ встрѣтить ее только какимъ-то не совсѣмъ искреннимъ смѣхомъ.

— Боже мой, что такое съ вами? — говорила Эмилія съ безпокойствомъ.

— Такъ, ничего-съ! — отвѣчалъ Иосафъ, продолжая смѣяться.

— Какъ ничего? Братъ сейчасъ былъ въ Приказѣ, тамъ говорятъ, что васъ посадили за мое дѣло! — возразила Эмилія и съ замѣтнымъ чувствомъ брезгливости присѣла на кровать.

— Ничего-съ, такъ себѣ, потѣшиться захотѣли... — отвѣчалъ Иосафъ. — Всѣ, вѣдь, мы-съ, чиновники, таковы!... Не то, чтобы сдѣлать что-нибудь для кого, а нельзя ли каждаго стѣснить и сдавить... точно войско какое, пришли въ завоеванное государство и полонили всѣхъ.

— О нѣтъ, вы не такой! — говорила Эмилія, смотря на него почти съ нѣжностью.

— Я васъ прошу и умоляю, — продолжалъ Иосафъ, прижимая руку къ сердцу: — только объ одномъ не безпокойтесь — о вашемъ дѣлѣ. Я для васъ жизни готовъ пожертвовать.

— Да, вы чудный человѣкъ, — подхватила Эмилія и задумалась.

Иосафъ молча глядѣлъ на нее: сколько бы ему хотѣлось и надо было сказать ей, но ничего однако не осмѣливался. Эмилія наконецъ встала.

— Какъ здѣсь нехорошо... грязно... — проговорила она и вздумала было прочесть одну изъ надписей на стѣнкѣ, но въ ту же минуту сконфузилась и отвернулась.

— Прощайте, мой другъ! я буду еще у васъ, —

сказала она. Иосафъ, по обыкновенію, поспѣшплъ поцѣловать у нея ручку и при этомъ она уже чмокнула его не въ темя, не въ щеку даже; но Иосафъ такъ успѣлъ пригнать, что прямо въ губы.

— О, какой вы хитрый, вы умѣете воровать поцѣлуп! — проговорила она, вся вспыхнувъ и проворно убѣжала. Иосафъ въ восторгѣ упалъ на диванъ и закрылъ себѣ лицо руками.

IX.

Дня черезъ два послѣ того Ферापонтонъ шелъ по одному изъ самыхъ глухихъ переулковъ. Почти уже на выѣздѣ изъ города, онъ остановился передъ старымъ, полуразвалившимся деревяннымъ домомъ, съ заколоченными на половину окнами и съ затворенною калиткою. Иосафъ торгнулся было въ нее; но оказалось, что она была заперта. Зная вѣроятно хорошо обычай хозяина, онъ обошелъ домъ кругомъ и перескочивъ, на задней его сторонѣ, черезъ невысокій заборъ, очутился въ огромнѣйшемъ огородѣ, — пахлухо заросшемъ капустою, картофелемъ и морковью. Пройдя его, онъ вышелъ на дворъ, на которомъ то тутъ, то тамъ видѣлись почти съ отвалившимися углами надворныя строенія. У колодца, передъ колодой, неопрятная баба мыла себѣ судомойкой ноги.

— Климъ Захарычъ Фарфоровскій дома? — спросилъ ее Иосафъ.

— Дома, — отвѣчала баба. Онъ пошелъ было на парадное крыльцо.

— Не туда, съ задняго ступайте! — научила его баба.

Иосафъ взошелъ по развалившейся лѣсенкѣ на заднее крыльцо и попалъ прямо въ темную переднюю. Чтобы дать о себѣ знать, онъ прокашлянулъ, но отвѣту не послѣдовало. Онъ еще разъ кашлянулъ, снова тоже; а между-тѣмъ у него чѣмъ-то уже ужасно ёло глаза, такъ что слезы даже показались.

«Что за чортъ такой», подумалъ про себя Иосафъ и что есть силы началъ стучать ногами.

— Кто тамъ? — слышался наконецъ изъ соседней комнаты разбитый голосъ, и вслѣдъ за тѣмъ дверь изъ нея отворилась, и въ нее выглянулъ бѣлокурый, мозглявый старичекъ, съ поднятыми вверху тараканьими усами, въ худенькомъ, старенькомъ, бѣличьемъ халатѣ.

— Ферапонтовъ изъ Приказа! — объяснилъ ему Иосафъ.

— А! ну войдите, войдите, — сказалъ старичекъ и впустилъ его.

Первое, что бросилось Ферапонтову въ глаза — это стоявшіе на столикѣ маленькіе, какъ бы аптекарскіе вѣски, а въ углу, на комодѣ, помѣщался весь домашній скарбъ хозяина: грязный самоваришко, двѣ, три полинялыя чашки, около полдюжины обгрызанныхъ и треснувшихъ тарелокъ. По другой стѣнѣ стоялъ диванъ съ глубоко просиженнымъ къ одному краю мѣстомъ.

— Да! такъ вотъ какъ! — сказалъ старичекъ, сядя именно на это, именно, просиженное мѣсто и утирая кулакомъ свои слезливые и какъ-бы воспаленные глаза.

— Вотъ какъ-съ, да! — отвѣчалъ ему въ тонъ Иосафъ и тоже сѣлъ и утеръ слезы.

— Это вы отъ луку плачете? У меня тутъ лукъ въ наугольной сушится, — сказалъ ему хозяинъ, какъ-то кисло усмѣхаясь.

— Зачѣмъ же тутъ? развѣ нѣтъ другаго мѣста? — спросилъ было Ферапонтовъ.

— А гдѣ же? Въ какомъ мѣстѣ? — возразилъ Фарфоровскій и уже злобно оскалился.

Какъ ни много Иосафъ слышалъ объ этомъ чудака, однако почти съ удивленіемъ смотрѣлъ на его сморщенное и изнуренное лицо, на его костлявыя и въ то же время красныя, съ совершенно обкусанными ногтями, руки. Собственно по чину Фарфоровскій былъ даже статскій совѣтникъ и нѣкогда переселился въ губернію изъ Петербурга, но всюду являлся какимъ-то несчастнымъ: оборванный, перепачканный. Не столько, кажется, скупецъ, сколько человѣкъ мнительный, онъ давно уже купилъ себѣ этотъ домишко и съ тѣхъ поръ поправки свои въ немъ ограничилъ только тѣмъ, что поставилъ, по-крайней-мѣрѣ, до шести подпорокъ въ своей обитаемой комнатѣ, и то единственно изъ опасенія, чтобы въ ней не обвалился потолокъ и не придавилъ его. Въ жаркій майскій день Иосафъ нашелъ его, какъ мы видѣли, въ мѣховомъ тулупчикѣ и сверхъ того онъ безпрестанно боялся, что его отравятъ, и для этого каждое скудное блюдо, которое подавала ему его единственная прислужница-кухарка, онъ заставлялъ ее самое прежде пробовать. Покупая какую-нибудь ничтожную вещь, онъ десять разъ придумывалъ, давалъ за нее цѣну, отпирался потомъ; иногда купивъ совсѣмъ, снова возвращался въ лавку и умолялъ, чтобы ее взяли назадъ, говоря, что онъ ошибся. Дрожа каждую

минуту, чтобы его не обокрали, онъ всю дрянъ держалъ у себя въ домѣ, даже дрова хранилъ въ залѣ. Лукъ сушился въ наугольной по той же причинѣ. Въ отношеніи денегъ онъ болѣе всего, кажется, предпочиталъ государственныя кредитныя установленія, какъ самыя уже вѣрныя хранилища, а потому въ Приказѣ обыкновенно бѣгалъ по нѣскольکو разъ въ недѣлю, внося то сто, то двѣсти рублей и даже иногда не брезговалъ сохранный книжкой, кладя подъ нее по цѣлковому, по полтиннику.

— Вотъ вы все жаловались, что въ Приказѣ проценты малы, — началъ Юсафъ.

— Али велики? — спросилъ Фарфоровскій и опять злобно оскалился.

— Ну, такъ вотъ отдайте въ частныя руки. Я вамъ смаклерю это... пятнадцать процентовъ получать будете.

Глаза у старика разгорѣлись.

— А залогъ какой? — спросилъ онъ торопливо.

— Да залогу тутъ совсѣмъ никакого нѣтъ, — отвѣчалъ Юсафъ.

— Какъ же безъ залогу-то? — спросилъ Фарфоровскій, какъ бы мгновенно исполнившись глубочайшаго удивленія.

— А вотъ какъ, — отвѣчалъ Ферапонтовъ и объяснилъ было ему все дѣло Костыревой; но старикъ въ отвѣтъ на это только усмѣхнулся.

— Самъ ты, милый человекъ, — началъ онъ уже наставительнымъ тономъ: — служишь приденьгахъ, а того не знаешь... Ну-ка, дай-ка мнѣ изъ твоего Приказа-то хоть тыщеникѣ двѣ безъ залога-то. Дай ко!

— То мѣсто казенное

— А, казенное? то, вотъ видишь, казна, — зашипѣлъ Фарфоровскій. — Казну сберегать надо; она у насъ бѣдная... Только частнаго человѣка грабить можно.

— Кто-жь васъ грабить? — спросилъ Иосафъ.

— Всѣ вы! Вонъ эта полиція... у ней у самой сто лѣтъ передъ домомъ мостовая не мощена; а меня заставляють: мости, гдѣ хошь бери, да мости!

— Вамъ-то пуще негдѣ взять.

— Много у меня; ты считаль въ моемъ карманѣ-то?

— Извѣстно, что считаль. Умрете, все, вѣдь, останется, — сказалъ Иосафъ, уже вставая.

— Умрешь и ты! что ты меня этимъ пугаешь! Молодой ты человѣкъ, пришелъ къ старику и огорчаешь его. Для чего? — вскинулся на него хозяинъ.

— Съ вами видно не сговоришь, — проговорилъ Иосафъ и пошелъ.

— Да нечего: стыдно! стыдно! — стыдилъ его хозяинъ.

Выйдя отъ Фарфоровскаго и опять пройдя дворомъ и огородами и перескочивъ черезъ заборъ, Иосафъ прямо же пошелъ еще къ другому человѣчку — сыну покойнаго и богатѣющаго купца Саввы Родионова. Самъ старикъ очень незадолго передъ смертью своею, служа въ Приказѣ засѣдателемъ, ужасно полюбилъ Иосафа за его басистый голосъ и знаніе церковной службы. Каждое воскресенье онъ звалъ его къ себѣ въ гости, поилъ, кормилъ на убой, и потомъ разчувствовавшись, усиленнѣйшимъ образомъ упражнялъ его прочесть ему, однимъ тономъ, не переводя духу, того дня Апостола, и когда Ферапонтовъ

исподнялъ это, онъ, очень довольный, выворотивъ съ важностью брюхо, махая руками и почти со слезами на глазахъ, говорилъ: — «Асафушка! мой домъ! — твой домъ! Самъ умру — сыну накажу это!...» Но, увы! Иосафу и въ голову не приходило, что сынъ этотъ вовсе не походилъ на своего папеньку, мужа простаго и размашистаго. По своей расчетливости, юный Родионовъ былъ аспидъ, чудовище, могущее только породиться въ купеческомъ, на деньгахъ сколоченномъ, сословіи: всего еще какихъ-нибудь двадцати-пяти лѣтъ отъ роду, весьма благообразный изъ себя, всегда очень прилично одѣтый и даже довольно недурно воспитанный, онъ при этомъ какъ бы не имѣлъ ни одной изъ страстей человѣческихъ. У него, напримѣръ, былъ прекрасный экипажъ и отличныя лошади, но онъ и того не любилъ. Жилъ онъ въ цѣломъ бель-этажѣ своего огромнаго дома съ мраморными косяками, съ новомодными обоями, съ коврами, съ бронзой, съ дорогой мебелью; но на всемъ этомъ, гдѣ только возможно, были надѣты чахлы, посланы подстилки, которыя никогда не снимались, точно такъ же какъ никогда ни одного человѣка не бывало у него въ гостяхъ. Аккуратнѣйшій въ своей жизни, какъ часовая машина, онъ каждый день обѣзжалъ свои лавки, фабрики. Въ субботу обыкновенно раздѣлывалъ всѣхъ мастеровыхъ самъ, и если какому-нибудь мужику приходилось съ него 99¹/₂, то онъ именно ему 99¹/₂ и отдавалъ, имѣя для этого нарочно намѣненныя денежки и полушки. Въ отношеніи значительныхъ лицъ въ городѣ Родионовъ былъ чрезвычайно пскателенъ; но это продолжалось только до перваго приглашенія въ

пожертвованію. Напрасно тутъ его ласкали, страдали, онъ откланивался, отшучивался, но не подавался ни на одну копѣйку. Даже ни одной приближенной женщины онъ не имѣлъ у себя, и когда по этому случаю, нѣкоторые зубоскалы-помѣщики смѣялись ему, говоря: «что это, Николай Саввичъ, хоть бы ты на какую-нибудь черноглазую Машеньку размахнулся отъ твоихъ милліоновъ.» — Зачѣмъ же съ это? женюсь, такъ своя будетъ, — отвѣчалъ онъ обыкновенно. Кто бы съ нимъ ни говорилъ, особенно изъ людей маленькихъ, и почему либо отъ него зависящихъ, всякій чувствовалъ какую-то смертельную тоску, какъ-будто бы передъ нимъ стоялъ автоматъ, котораго ничѣмъ нельзя было тронуть, ничего втолковать и который только и повторялъ свое, одинъ разъ имъ навсегда сказанное.

Въ свѣтлой, съ дубовой мебелью, передней его, Іосафъ нашелъ стараго еще знакома своего, любимаго прѣдшественника покойнаго Саввы Лукича, совсѣмъ ужъ посѣдѣвшаго и плѣшиваго.

— Здравствуйте батюшка, Іосафъ Іосафычъ, — сказалъ тотъ, тоже признавъ его.

— А что, хозяинъ дома? — спросилъ Ферапонтовъ.

Въ отвѣтъ на это старикъ вынулъ изъ кармана круглые, старинные часы и, посмотрѣвъ на нихъ, произнесъ:

— Теперь еще нѣтъ, а черезъ двадцать минутъ будутъ дома!

— Да вѣрно ли это?

— Вѣрно... Это ужъ у насъ вѣрно! — отвѣчалъ

старикъ. Въ голосъ его въ одно и тоже время слышалась грусть и насмѣшка.

Черезъ двадцать минутъ Родіоновъ дѣйствительно пріѣхалъ.

— А, здравствуйте! сюда пожалуйста! — сказалъ онъ, увидѣвъ Іосафа и проходя скорымъ дѣловымъ шагомъ... Далѣе, впрочемъ, залы онъ не повелъ его, а остановившись у дверей въ гостиную, небрежно облокотился на нее.

— Что скажете? — спросилъ онъ.

— Я къ вамъ, Николай Саввичъ, съ просьбой, — началъ Іосафъ, переминаясь съ ноги на ногу.

— Слушаемъ-съ! — произнесъ Родіоновъ.

Ферапонтовъ рассказалъ ему откровенно и подробно положеніе Костыревой.

— Такъ-съ, понимаемъ, — проговорилъ Родіоновъ, все какъ-то гордѣй и бездушиѣе начиная смотреть.

— А между тѣмъ изъ имѣнья... — продолжалъ Іосафъ, убѣдительношимъ кажется, по его мнѣнію, тономъ: — есть тамъ покупщики — купить дѣсь и мельницу, такъ что вся недоимка сейчасъ бы могла быть покрыта.

— Такъ, такъ-съ!.. — повторилъ Родіоновъ, и какъ бы отъ нетерпѣнія принялся качать ногою.

— Не можете ли вы, — договорилъ наконецъ Іосафъ: — одолжить ей на какіе-ибыдъ полгода двѣ съ половиной тыщенки, а что это вѣрно, такъ третью тысячу я за нее свою вношу.

— Денегъ-то у меня такихъ нѣтъ-съ, — отвѣчалъ наглѣйшимъ образомъ Родіоновъ. Іосафъ даже попытался назадъ и услыхнулся.

— Какъ нѣтъ... помилуйте. Въ одномъ Приказѣ у васъ лежитъ во сто разъ больше того...

— Что-что лежитъ? Тѣ деньги на другое нужны... Что тебѣ надо? — крикнулъ вдругъ Родіоновъ, перемѣнивъ тонъ и обращаясь къ оборванному мужику, который вошелъ было въ переднюю и робко пробирался по подстилкѣ.

— Я, Миколай Саввичъ, пропорцію свою, выходитъ, теперь выставилъ, — заговорилъ мужикъ, прижимая къ сердцу свою скоробленную руку.

— Ну, и прекрасно.

— Управляющій вашъ тоже теперь говоритъ: ступай, говоритъ, къ Миколаю Саввичу.

— Зачѣмъ же къ Николаю-то Саввичу?

— Такъ какъ тоже, выходитъ, время теперь спѣшное: хоша бы тоже завашка теперь идетъ... хлѣбца мы покупаемъ.

— А вамъ что сказано при заподрядяхъ? — спросилъ Родіоновъ, устремляя на мужика леденящій душу взглядъ. — Что сказано?

— Мы тоже, ваше степенство, хошь бы и напередъ того, завсегда, выходитъ, ваши покорные рабы, — ломилъ между тѣмъ мужикъ свое.

— Да ты мнѣ за деньги-то всегда покоренъ. Что ты меня тѣмъ ублажаешь? Нечего тутъ разговаривать... пошелъ вонъ!

— Такъ какъ тоже на знакомствѣ выходитъ; вонъ, хошь бы и Калошинскій баринъ; хорошо, говоритъ, везите, говоритъ, я, говоритъ, покупаю.

— Ну, коли покупаетъ, такъ и ступай къ нему. Убирайся.

Мужикъ однако постоялъ еще немного; почесалъ

у себя затылокъ и потомъ неторопливо поворотилъ и пошелъ назадъ.

— У богатыхъ, указываютъ, денегъ много, — снова обратился Родіоновъ къ Юсафу: — да вѣдь у богатаго-то человѣка и дыръ много: всѣ ихъ надобно заткнуть. Тебѣ что еще?.. — крикнулъ онъ опять на высокаго уже малаго, стриженаго, въ усахъ, и съ ногъ до головы перепачканнаго въ кирпичъ, который какъ-бы изъ-подъ земли выросъ въ передней. Кто ты такой?

— Солдатъ... пѣшникъ, ваше благородіе, — отвѣчалъ тотъ, молодцовато вытягиваясь.

— Что же тебѣ?

— Сложилъ печку-съ; совѣзмъ готова.

— Ну и ладно. Деньги, вѣдь, къ командиру пойдутъ.

— Точно такъ-съ, ваше благородіе.

— Ну, и ступай, значить.

— На водочку бы, ваше благородіе, — проговорилъ солдатъ просительнымъ уже тономъ.

— А не хочешь лина прянички?.. Ты бы лучше на прянички попросилъ, — проговорилъ Родіоновъ.

Солдатъ сконфузился.

— Обнакиовеніе ужъ, ваше благородіе, такое, — пробормоталъ онъ.

— Никакихъ и ничьихъ обыкновеній я знать не хочу, а у меня свое; значить, налѣво кругомъ и маширь на гаусъ!

Солдатъ, дѣйствительно, повернулся налѣво кругомъ и вышелъ.

Во все это время Юсафа точно съ головы до ногъ обливали холодной водой и только было онъ хотѣлъ

еще разъ попробовать повторить свою просьбу, какъ изъ гостинной вышелъ худощавый и очень, должно быть, изиуренный, молодой человекъ.

— Что? вы написали расчетъ? — спросилъ его Родіоновъ, перенося на него свой леденящій взглядъ.

— Написалъ-съ. — отвѣчалъ тотъ почтительно.

— До свиданья, — обратился Родіоновъ къ Юсафу и сейчасъ же ушелъ съ себѣ.

Х.

Нѣсколько минутъ Ферапонтовъ оставался, какъ бы ошеломленный на своемъ мѣстѣ: на Родіонова онъ возлагалъ послѣднюю свою надежду. Однако вдругъ, съ совершенно почти несвойственнымъ ему чутьемъ, онъ вспомнилъ еще объ одномъ отставномъ маіорѣ Одинцовѣ, такомъ на видъ, кажется, добромъ, проживавшемъ въ Порховскомъ уѣздѣ, въ усадьбѣ Чурилинѣ, который, бывая иногда въ Приказъ, все разспрашивалъ лисцовъ, кому бы ему отдать въ вѣрныя руки деньги на проценты. Не откладывая времени, Ферапонтовъ рѣшился сейчасъ же ѣхать къ нему. Утомленный, измученный, онъ сбѣгалъ наскоро домой, почти ничего не пообѣдалъ, и сейчасъ же отправился искать извозчика. Не обращая вниманія на то, что съ него сходилъ въ тотъ день по крайней мѣрѣ уже девятый потъ, что его немилосердно жгло и палило солнце въ бока, въ затылокъ, онъ быстро шагалъ по распаленному тротуару около постоянныхъ дворовъ, изъ которыхъ въ растворенныя ворота его сильно обдавало запахомъ дегтя, кожи и

навоза. Заходя то въ тотъ, то въ другой, онъ наконецъ нашелъ парня, который зналъ усадьбу Чурилино; но самого парня еще надобно было отыскать: онъ пилъ гдѣ-то въ харчевнѣ чай съ землянками, такъ что только въ вечерни выѣхала къ услугамъ Иосафа, тамъ, откуда-то, съ задовъ, телега, запряженная парю буланыхъ лошадей. Сидѣвшій на облучкѣ извозникъ, съ продолговатымъ лицомъ и съ длиннымъ, кривымъ носомъ, оказался такимъ огромнымъ мужчиной, что скорѣй пригоденъ былъ ворочать жернова, чѣмъ управлять своими кроткими животными. Выѣхавъ изъ города они сейчасъ же своротили на проселокъ. Иосафъ, въ чиновничьемъ пальто, съ включенными и запыленными бакенбардами и въ фуражкѣ съ кокардой, полулежалъ на своей кожаной подушкѣ и смотрѣлъ въ даль... Какъ ни горько было у него на душѣ, но свѣжій, загородный воздухъ проникъ въ его грудь, и сердце невольно забилось радостью. Почти пятнадцать лѣтъ онъ не выѣзжалъ изъ города, а между тѣмъ открывающіеся виды все становились живописнѣе и живописнѣе.

Вотъ они спускаются по ровному скату, расходившемуся во все стороны. На немъ, живописно оживляя всю окрестность, гуляло по крайней мѣрѣ до ста коровъ. Дорога шла, направляясь къ кирпичному, краснаго цвѣта, строенію, съ бѣлѣвшимъ передъ нимъ прудомъ. Путникамъ нашимъ пришлось проѣзжать почти по самому краю его, такъ что они даже напугали плававшихъ тутъ въ осокѣ гусей, которые, при ихъ приближеніи, шумно и быстро отплыли въ сторону. Поднявшись отъ пруда въ гору, они увидѣли маленькую кузницу и закоптѣ-

лаго, въ кожаномъ колпакѣ, кузнеца, возившагося у станка съ лошадыю. При видѣ ихъ, онъ имъ поклонился и молча погрозился извозщику, какъ чело-вѣку вѣроятно ему знакомому, молотомъ. Тотъ тоже погрозилъ ему кнутомъ. Далѣе потомъ пошли уже настоящія сельскія, хлѣбныя поля. Въ деревнѣ, по вытянутой въ прямую линію улицѣ, бѣжали мальчишки, отворятъ имъ ворота.

— Славно, ребята, славно! — говорилъ имъ извозчикъ, быстро проѣзжая.

Мальчики бѣжали за ними вперегонку отворить и другія воротцы.

— Ай-да, ребята! назадъ поѣду, безпремѣнно по трѣпкѣ каждому привезу! — отблагодарилъ онъ ихъ на прощанье, и въ то же время, кажется, ему ужасно хотѣлось заговорить съ своимъ сѣдокомъ.

— Это, вонъ, Гавриловскаго барина усадьба-то, — сказалъ онъ, показывая на видѣвшіяся далеко-далеко строенія. — Вся, братецъ ты мой, каменная, — прибавилъ онъ.

— Что-же, онъ богатъ, видно? — спросилъ Го-сафъ.

— И Господи, сколько деньжищевъ; а холостой... не хочетъ жениться-то!...

И затѣмъ они проѣхали около какихъ-то, должно быть, заводовъ, и какъ-то пробравшись задами, мимо гуменъ, хмѣльниковъ, вдругъ наткнулись опять на деревню, но уже съ отворенными воротцами. У крайней избы, на прилавкѣ, стоялъ прехорошенькій мальчикъ и ревмя ревелъ.

— Не плачь, не плачь, воротимся, — сказалъ ему ямщикъ.

— Да я не объ васъ, а объ мамонькѣ, — отвѣчалъ ребенокъ.

— Эко, братъ, а я думалъ, что объ насъ, — говорилъ зубоскаль. На половинѣ улицы они очутились ровно передъ тремя дорогами.

— О чортъ! тутъ, пожалуй, заплутаешь, надо спросить, — сказалъ извозчикъ и, ловко соскочивъ съ передка, подошелъ къ одной избѣ и началъ колотить въ подоконникъ кнутовищемъ.

— Эй, баушка, гдѣ ты тутъ засохла, — выглянь-ка! — произнесъ онъ, и въ окно, въ самомъ дѣлѣ, выглянула старуха.

— Какъ тутъ ѣхать въ Чурилово: направо, налево, или прямо въ зубы?

— Ой чтой-то, Господь съ тобой, зачѣмъ въ зубы?... поѣзжай налево, — отвѣчала старуха.

— А какъ разстоянье-то ты обозначишь? далеко ли еще?

— Да верстъ пять...

— Это ладно! Кабы не такъ спѣшно было, такъ въ гости бы къ тебѣ заѣхали; прощай! Поворотовъ не будетъ?

— Ну, какіе повороты! — заключила старуха, смотря на него съ замѣтнымъ удовольствіемъ, когда онъ опять молодцовато вскочилъ на передокъ и поѣхалъ.

Въ перелѣскѣ потомъ они встрѣтили идущаго по опушкѣ мужика съ топоромъ. Извозчикъ не утерпѣлъ и съ нимъ заговорилъ.

— Что, дядя, далеко-ли до Чурилова?

— Верстъ семь будетъ, — отвѣчалъ тотъ, сердито уходя за вѣсты.

— Спасибо, что мало накиннулъ, зкой добрый, — говорилъ балагуръ... Рѣчка-то какая славная, — прибавилъ онъ, подвѣзжая къ мосту. — Вотъ напиться бы: вода какая чистая...

— Ну, напейся, — сказалъ ему Юсафъ, и извощикъ, кинувъ возжи, прямо съ телеги соскочилъ черезъ перила на берегъ и, наклонившись, напился изъ пригоршней.

— Солонины этой проклятой на постояломъ дворѣ налопаешься, ужасть какъ пьется! — сказалъ онъ и, съ полнѣйшимъ удовольствіемъ подобралъ возжи, погналъ лошадей во всѣ лопатки.

— Вонъ оно самое Чурилово и есть! — сказалъ онъ, мотнувъ головой на открывшуюся совершенно голую усадьбу, торчавшую на гладкомъ мѣстѣ, безъ деревца и ручейка и даже, кажется, безъ огорода.

Юсафъ между тѣмъ начиналъ чувствовать всю щекотливость своего положенія: ѣхать въ первый разъ въ домъ и прямо просить денегъ, чортъ знаетъ что такое! Но за то извощикъ не унывалъ: какъ-будто бы везя какого-нибудь генерала, онъ бойко подлетѣлъ къ воротамъ на красный, огороженный простымъ огородомъ, дворъ, и сразу остановилъ лошадей. Окончательно растерявшійся Юсафъ началъ выѣзжать изъ телеги и странная, совершенно неожиданная сцена представилась его глазамъ: на задней галлерей господскаго дома, тоже какого-то обглоданнаго, сидѣла пожилая, толстая и съ сердитымъ лицомъ дама и вязала чулокъ; а на рундучкѣ крыльца стоялъ самъ майоръ Одинцовъ, въ отставномъ военномъ сюртукѣ, въ широкихъ шальварахъ и въ спальныхъ сапогахъ. Онъ выщелкивалъ языкомъ камарин-

скую и въ тоже время представлялъ рукой, что какъ-будто играетъ на балалайкѣ, между тѣмъ какъ молодой дворовый малый, съ истощеннымъ и печальнымъ лицомъ, въ башмакахъ на босу ногу, отчаянно выплясывалъ передъ нимъ на песокъ. По временамъ маіоръ взмахивалъ рукой и малый, пріостановясь въ ухарской позѣ и вскинувъ руками, шевелясь всѣмъ тѣломъ, какъ дѣлаютъ это цыгане, начиналъ гагайкать: ха, ха, ха, ха! ха, ха, ха, ха! Маіоръ при этомъ тоже прихлопывалъ въ ладоши и прикрикивалъ: ха, ха, ха, ха! ха, ха, ха, ха!

— Иванъ Дмитричъ, прекратите наконецъ это! Къ намъ кто-то пріѣхалъ, — сказала ему вполголоса дама.

— А, извините! — проговорилъ маіоръ, увидѣвъ подходящаго Иосафа и сходя къ нему съ крыльца.

— Извините!

Иосафъ въ свою очередь тоже извинился и назвалъ свою фамилію.

— Вы меня, можетъ быть, не узнали? — прибавилъ онъ.

— Напротивъ, душевно радъ... Каково пляшетъ? — прибавилъ маіоръ, указывая на стоявшаго уже въ вытяжку малаго.

Иосафъ не могъ при этомъ не замѣтить, что лицо хозяина сильно пылало, а изъ рта несло какъ изъ винной бочки.

— Однако позвольте же вамъ представить: супруга моя, Настасья Ардальоновна! — сказалъ, расшаркиваясь, маіоръ и показывая на даму. — Прошу покорнѣйше въ комнаты. Ты тоже иди! — прибавилъ онъ парню.

Всѣ вошли въ залу: Феррапонтовъ впереди, а хозяинъ сзади его и все продолжая расшариваться. Хозяйка явилась черезъ другія двери и сейчасъ же сѣла и приняла какъ бы наблюдательный постъ. Въ комнатѣ этой, не смотря на ходившій всюду сквозной вѣтеръ, почему-то сильно пахло кошками.

— Позвольте мнѣ передъ вами потанцовать? — проговорилъ вдругъ маіоръ, усадивъ гостя.

— Сдѣлайте одолженіе, — отвѣчалъ Іосафъ.

— Мазурку вамъ угодно? — продолжалъ хозяинъ.

— Что вамъ угодно, — отвѣчалъ Іосафъ.

— Иванъ Дмитричъ, надобно бы, кажется это оставить, — произнесла хозяйка, — но маіоръ только махнулъ ей рукою.

— Митька! — крикнулъ онъ.

Въ залу вошелъ тотъ же малый.

— Мазурочный вальсъ! играй и учись у меня!

Парень подошелъ къ стоявшему въ углу*полянному ящику, похимостилъ что-то тутъ около него и, воткнувъ въ дыру висѣвшій на стѣнѣ ключъ, началъ имъ вертѣть. Оказалось, что это былъ небольшой органчикъ: «Тримъ-тримъ! тримъ-тримъ!» заигралъ онъ мазурку Хлопицкаго, и маіоръ, какъ-бы ведя подъ руку даму, нѣжно дѣлая ей глазками, пошелъ, пристукивая ногами, откалывать танецъ.

— Но, можетъ быть, вамъ скучно это? Угодно вальсъ? — сказалъ онъ, сдѣлавъ нѣсколько туровъ и обращаясь къ Іосафу.

— Иванъ Дмитричъ, прекратите это, — молила его жена.

— Мнѣ все равно-съ, — отвѣчалъ Іосафъ.

— Вальсъ! — скомандовалъ маіоръ малому и тотъ, онять что-то похимостивши у ящика, заигралъ,

вальсь. Маіоръ, держа нѣсколько голову на богъ, началъ вертѣться въ три па.

— Ухъ! нынче уставать сталъ: не могу много, — сказалъ онъ, останавливаясь передъ Іосафомъ.

— Позвольте же однако предложить вамъ рюмку водки. Малый, водки!

— Нѣтъ ужъ, этого по-крайней-мѣрѣ не будетъ! — сказала хозяйка, какъ-то рѣшительно вставая.

— Чего-съ? — произнесъ маіоръ и всю правую щеку у него подернуло.

— А того, что этого нельзя, — проговорила она и вышла.

— Ты, харя, пошелъ, подавай! — повторилъ маіоръ малому. Тотъ нехотя вышелъ.

— Какъ ваше здоровье? — обратился маіоръ опять къ Іосафу.

— Слава Богу-съ, — отвѣчалъ тотъ.

— Очень радъ съ вами познакомиться, — прибавилъ маіоръ, протягивая ему руку.

— Митька!

Митька снова показался.

— Водки! убью!

— Барыня заперла и не изволить-съ давать.

— Цыцъ! убью! Поди, стань передо мной на колѣни.

Малый, совсѣмъ ужъ блѣдный, подошелъ и всталъ.

— Кто такой я?... Говори!.. Я села Чурилова Семень маіоръ Одинцовъ... Водки — живо!

— Да помилуйте, сударь, развѣ-я-съ?... Барыня.

— Убью! вотъ тебѣ! — крикнулъ маіоръ и ударилъ бѣдняка въ ухо, такъ что тотъ повалился.

— Полноте, что вы дѣлаете? — вскричалъ наконецъ Іосафъ, вскакивая и подходя къ маіору.

— Кто ты такой? — проговорилъ тотъ, обращая уже къ нему свое ожесточенное лицо.

— Я Ферапонтовъ, а вы не шумите.

— Какъ ты смѣлъ ко мнѣ прїѣхать! Кто ты такой? Пошелъ вонъ! убью! — кричалъ маіоръ и кинулся было къ Іосафу драться, но тотъ, и самъ весь день раздражаемый, вышелъ изъ себя.

— Прежде, чѣмъ ты убьешь меня, я тебя самого задушу, — сказалъ онъ и, схвативъ хозяина за шиворотъ, оттолкнулъ отъ себя.

— Караулъ! рѣжутъ! — завопилъ маіоръ, падая со всего размаха между стульями головой.

— Ну — да, покричи еще! — говорилъ Іосафъ и, оборотись къ малому, прибавилъ:

— Поди, братъ, пожалуйста, скажи, чтобы мои лошади ѣхали за мною.

Тотъ побѣжалъ.

— Пошелъ вонъ! убью! — кричалъ между тѣмъ маіоръ.

Іосафъ, выйдя на крыльцо, всплеснулъ только руками.

— Что это такое, Господи ты Боже мой! зачѣмъ я прїѣзжалъ къ этому скоту, — произнесъ онъ и пошелъ одинъ по дорогѣ. Невдолгъ, впрочемъ, его нагналъ и извощикъ, и едва Іосафъ усѣлся въ телегу, какъ онъ сейчасъ же началъ болтать.

— Попали же мы, паря, на гости... Седьмое ведро, братецъ ты мой, на этой недѣлѣ ужъ оторачиваетъ.

— Что-жь онъ запоетъ что-ли пьеть? — спросилъ Іосафъ.

— Должно быть, есть маненько... парить чорта-то въ брюхѣ... Съ утра до вечера на каменку-то подаетъ. Я теперь побѣжалъ, такъ словно ополченный

какой ходить по двору, только то и ореть: «убью, перерѣжу всѣхъ!» Людишки ужъ всѣ разбѣжались, а барыня такъ ажно въ сусѣкъ, въ рожь, зарылась. Вотъ бы кого хлестать-то!

— Ужь именно, — подтвердилъ Ферапонтовъ.

— Куда же ѣхать однако? — заключилъ извозчикъ, повертывая къ нему свое добродушное и вмѣстѣ съ тѣмъ насмѣшливое лицо.

Юсафъ, подумавъ нѣкоторое время, проговорилъ:

— Поѣдемъ къ Гавриловскому барину; авось тотъ не таковъ.

— Извѣстно, тотъ баринъ крупичастой, а вѣдь это что?... аржановики! — объяснилъ извозчикъ и погналъ рысцой своихъ лошадокъ, бѣжавшихъ врядъ ли ужъ не шестидесятую версту не кормя.

Солнце между тѣмъ садилось, слегка золотя яркорозовымъ цвѣтомъ края кучковатыхъ облаковъ, скопившихся на горизонтѣ. По влажнымъ сѣнокошнымъ лугамъ началъ подниматься бѣловатый, густой туманъ росы, и кричали то тутъ, то тамъ коростели. Версты черезъ четыре показалось наконецъ и Гаврилково. Точно феодальный замокъ возвышалось оно своимъ огромнымъ домошъ съ идущими отъ него вправо и влѣво крыльями флигелей. Прямо отъ него начиналъ спускаться подъ гору старинный, густо разросшійся садъ, а подъ нимъ шумно и бойко протекала лучшая во всемъ околосѣ рѣка. Проѣхавъ по мосту и взобравшись въ гору по дорожкѣ, обсаженной липами, Юсафъ не осмѣлился подѣхать прямо къ дому, а велѣлъ своему извозчику сходить въ какой-нибудь флигель и сказать людямъ, что запоздалъ проѣзжій, губернскаго чиновникъ изъ Приказа, Фера-

понтонъ, и просить, что не примутъ ли его почевать.

— Извоцъгъ сбѣгалъ.

— Въ домъ, къ барину велѣли васъ звать, — повѣстилъ онъ Иосафа съ удовольствіемъ.

Тотъ пошелъ.

На нижнихъ ступеняхъ далеко выдающагося крыльца стоялъ уже и дожидался его ливрейный лакей. Онъ провелъ Иосафа по широкой лѣстницѣ, устланной ковромъ и уставленной цвѣтами, и снявъ потомъ съ него, безъ малѣйшей гримасы, старое, запыленное пальтишко, проговорилъ тихо: «Въ гостиную пожалуйте!» Иосафъ робко прошелъ по темной залѣ съ двумя просвѣтами и въ гостиной, слабо освѣщенной столовой лампой, онъ увидѣлъ на стѣнахъ огромныя, масляной краски, картины, въ золотыхъ рамкахъ, на которыхъ чернѣли надписи: Мурилло, Корреджіо. Висѣвшая надъ дверьми во внутреннія комнаты толстая, ковровая портьера наконецъ заколыхалась и изъ-за нея показался хозяинъ, высокій мужчина, съ задумчивыми, но пріятными чертами лица, нѣсколько уже плѣшивый и съ просѣдью; одѣтъ онъ былъ въ черное, наглухо застегнутое пальто и по начинавшей уже тогда вврадываться между помѣщиками модѣ носилъ бороду.

— Я васъ немножко знаю, — сказалъ онъ, любовно подавая Иосафу руку.

Тотъ тоже объявилъ, что имѣлъ счастье видать его иногда въ Приказѣ.

— Прощу васъ, — сказалъ Гавриловъ, показывая гостю на одну сторону дивана и садясь самъ на другой его конецъ.

— Вы, вѣроятно, были у кого-нибудь изъ род-

ныхъ или знакомыхъ вашихъ въ нашемъ уѣздѣ? — спросилъ онъ его мягкимъ и ровнымъ голосомъ.

— Нѣтъ-съ, я ѣзжу-съ по одному адвокатному дѣлу, въ которомъ и къ вамъ бы имѣлъ покорнѣйшую просьбу, — началъ прямо Юсакъ, вставая передъ Гавриловымъ на ноги.

— Вашъ покорнѣйшій слуга, — отвѣчалъ тотъ, потупляя свои умные глаза.

— Дѣло-съ это принадлежитъ г-жѣ Костыревой... Можетъ быть, даже вы изводите ее знать.

— Костыревой?.. — повторилъ Гавриловъ. — Костырева я знаю.

— Это ея покойный мужъ. Онъ оставилъ ей теперь очень запутанное имѣнье, изъ котораго она желала-бы продать лѣсъ и мельницу, и вотъ именно по этому предмету поручила мнѣ обратиться къ вамъ.

— Ко мнѣ? — спросилъ Гавриловъ, какъ бы нѣсколько удивленный.

— Да-съ, продать она готова весьма дешево и съ ея стороны единственное условіе, чтобы деньги доставить ей теперь же, а купчую получить послѣ, когда имѣнье будетъ очищено по Приказу.

— Но что меня удостовѣритъ, что имѣнье будетъ очищено? — сказалъ Гавриловъ уже съ улыбкой.

— Вы сами можете, если вамъ угодно, внести прямо отъ своего имени деньги въ Приказъ.

— Да, — произнесъ Гавриловъ размышляющимъ тономъ; но въ такомъ случаѣ, что меня обезпечить, что эти мельница и лѣсъ будутъ именно мнѣ проданы.

— Насчетъ этого-съ вы позволите съ продавицей заключить домашнее условіе.

— Да, — повторилъ Гавриловъ еще болѣе про-

тяжно и задумчиво, но объ этомъ надо подумать, — прибавилъ онъ, и прося снова Юсафа садиться, сейчасъ же перемѣнилъ разговоръ. Онъ сталъ разспрашивать его о капиталахъ Приказа, его оборотахъ, не высказывая съ своей стороны ни одной мысли, но за то съ самымъ вѣжливымъ вниманіемъ прислушиваясь ко всѣмъ отвѣтамъ Ферапонтова. За ужиномъ, который послѣдовалъ часовъ въ 11, были поданы на серебряныхъ блюдахъ разварная рыба и жареная дичь, такъ прекрасно приготовленные, что Юсафъ даже никогда ничего подобнаго и не ѣдалъ. Кромѣ того Гавриловъ нѣсколько разъ изъ своихъ рукъ подливалъ ему въ стаканъ весьма высокой цѣны медаку, такъ что герой мой даже началъ конфузиться отъ такого рода вниманія. Когда вышли изъ-за стола, онъ осмѣлился еще разъ повторить свою просьбу и спросить, когда онъ можетъ получить отвѣтъ.

— Я вамъ завтра же скажу, — отвѣчалъ Гавриловъ, и чрезвычайно радушно приказалъ одному изъ своихъ лакеевъ проводить гостя въ приготовленную для него комнату. Какъ ни мило и ни уютно было прибрано въ этой спаленкѣ, какъ ни покойна была приготовленная постель, съ чистымъ, какъ снѣгъ, бѣльемъ, однако Юсафъ всю ночь проворочался, задавая себѣ вопросъ: дастъ-ли Гавриловъ денегъ или нѣтъ? Поутру, узнавъ отъ лакея, что баринъ еще не выходилъ, онъ, чтобы какъ-нибудь сократить время, вышелъ въ садъ и, выбравъ случайно одну дорожку, прямо пришелъ къ оранжереѣ. Боже мой! сколько увидалъ онъ тутъ цвѣтовъ и за стеклами, и на вольномъ воздухѣ, въ стройномъ порядкѣ рассаженныхъ

по куртнамъ. Половина изъ нихъ Иосафъ даже и названія не зналъ; но все-таки, безмѣрно восхитившись душой, началъ разсматривать то тотъ, то другой, нюхать ихъ, заглядывать во внутрь ихъ махровыхъ чашечекъ. Въ самой оранжереѣ, при видѣ гигантской зелени, растущей то широкими лопастями, то ланцетовидными, длинными листьями, у Иосафа омончательно разбѣжались глаза, и въ то время, какъ онъ такъ искренно предавался столь невинному занятію, почти забывъ о своемъ дѣлѣ, самъ хозяинъ думалъ и помнилъ о немъ, ходя по своему огромному кабинету.

Глядя на умное и выразительное лицо Гаврилова, на его до сихъ поръ еще величественный станъ, конечно, каждый бы почувствовалъ къ нему невольное сердечное влеченіе; а между тѣмъ какъ странно и безвѣстно прошла вся жизнь этого человѣка: еще въ чинѣ поручика гвардіи, глубоко оскорбившись за то, что обойденъ былъ ротой, онъ вышелъ въ отставку и поселился въ Бакалайскомъ узвѣдѣ, и съ тѣхъ поръ про него постоянно шла такого рода молва, что онъ былъ примѣрный сынъ въ отношеніи своей старушки-матери, женщины очень богатой, нѣкогда бывшей статсъ-дамы, а потомъ безвѣстно проживавшей въ своей Гавриловкѣ, и больше ничего объ немъ нельзя было сказать.

Даже небогатые сосѣди и сосѣдки, допускаемые иногда статсъ-дамою до своей особы, безмѣрно удивлялись, видя, что такой умный молодой человѣкъ, въ полномъ развитіи силъ и здоровья, цѣлые дни сидитъ у старушки, въ ея натопленной спальнѣ, обитой по всѣмъ четыремъ стѣнамъ коврами, съ лампадами,

съ иконами, и сохраняетъ къ ней такое обращеніе, какого они отъ своихъ сынковъ во всю жизнь и не видывали. Раза четыре по крайней мѣрѣ въ годѣ, Гавриловъ ѣздилъ съ матерью на богомолье, не позволяя при этомъ случаѣ никому ни посадить, ни высадить ее изъ экипажа. Узнавъ ея желаніе, чтобы хозяйство шло нѣсколько построжее, онъ объѣхалъ всѣ деревни, выбилъ тамъ самую старую недоимку, смѣнилъ и пересѣкъ нѣсколькихъ старость, докладывая ей о каждой мелочи и спрашивая на все ея разрѣшенія.

О женитьбѣ, такъ какъ сама старушка никогда не намекала на это, онъ не смѣлъ, кажется, и подумать и даже обыкновенную легкую помѣщичью любовь не позволилъ себѣ завести у себя дома, а устроилъ это въ уѣздномъ городкѣ, версть за тридцать отъ Гаврилова, съ величайшею тайнственностью и платя огромныя деньги, чтобы только какъ-нибудь это не огласилось и, чего Боже сохрани, не дошло до мамы!

30 марта 48 года старуха наконецъ умерла. Ударъ этотъ, казалось бы, долженъ былъ сильно нравственно потрясти Гаврилова. Однако нѣтъ! Съ глубокою огорченностью выраженіемъ въ лицѣ, онъ всѣми приготовленіями къ параднымъ похоронахъ распоряжался самъ; своими собственными руками положилъ мертвую въ гробъ, въ продолженіе всей церемоніи ни одной двери, которую слѣдовало, не забыть притворить, и тотчасъ же, возвратясь послѣ похоронъ домой, заперся въ спальнѣ покойницы, отворилъ и пересмотрѣлъ всѣ ея хитро и крѣпко запертыя комоды и шифоньеры. Сколько онъ тамъ нашелъ,

неизвѣстно, но только въ продолженіе довольно значительнаго времени во всей его благородной фигурѣ было видно выраженіе какого-то самодовольства, какъ бы отъ сознанія новой, до сихъ поръ еще неиспытанной имъ силы, а затѣмъ страсть къ корысти замѣтно уже стала отражаться во всѣхъ его дѣйствіяхъ. Точно также, какъ прежде *повиноваться матери*, теперь *дѣлатъ деньги*, сдѣлалось какъ-бы девизомъ его жизни. Ни съ кѣмъ почти изъ сосѣдей не поддерживая тѣснаго знакомства и только слегка еще оставляя заведенную старухою въ домашней жизни роскошь, онъ то и дѣло, что хозяйничалъ: распространялъ усиленіемъ барщины хлѣбонашество, скупалъ съ аукціона небольшія сиротскія имѣнья, вступалъ въ сподручные къ его деревнямъ подряды, и все это онъ совершалъ какъ-то необыкновенно тихо, спокойно и даже нѣсколько задумчиво, какъ будто бы онъ вовсе ничего и не дѣлалъ, а все это ему плыло въ руи.

Стяжавъ отъ всего почти дворянства имя прекраснѣйшаго человѣка, Гавриловъ въ самомъ дѣлѣ, судя по наружности, не поддавалъ никакого рода укору не только въ какомъ-нибудь черномъ, но даже хоть сколько-нибудь двусмысленно-честномъ поступкѣ, а между тѣмъ, если хотите, вся жизнь его была преступленіе. «Рабъ лѣнивый», ни разу не добылъ своимъ плечикомъ копѣйки, онъ постоянно жилъ въ богатствѣ; мало того: скопилъ и довелъ свое состояніе до милліона, никогда ничѣмъ не жертвуя и не рискуя; какой-нибудь плантаторъ южныхъ штатовъ по крайней мѣрѣ борется съ природою, а иногда съ дикими племенами и звѣрями,

наконецъ улучшаетъ самое дѣло, а тутъ ровно ничего! ни дѣла, ни борьбы, ни улучшенія, а сиди себѣ спокойно и копи, Богъ знаетъ зачѣмъ и для чего! и какъ всегда въ этомъ случаѣ бываетъ: чѣмъ больше подрасталъ золотой телецъ Гаврилова, тѣмъ самъ онъ къ нему становился пристрастнѣй и пристрастнѣй; даже въ настоящемъ случаѣ (смѣшно сказать) онъ серьезно размышлялъ о грошевомъ предложеніи Іосафа, изъ котораго, по его расчетамъ, можно бы было извлечь выгоду, и только все еще нѣсколько остававшійся въ немъ аристократическій взглядъ на вещи помѣшалъ ему въ томъ.

«Какая-то Костырева, которой мужа онъ зналъ за гадкаго пьяницу; наконецъ этотъ неуклюжій шаршавый ходатай, и связываться съ этими господами... Нѣтъ, чортъ съ нимъ!» — рѣшилъ онъ мысленно и проворно позвонилъ.

— Попроси ко мнѣ этого господина чиновника, — сказалъ онъ вошедшему лакею.

Черезъ нѣсколько времени Іосафъ явился блѣдный и съ замирающимъ сердцемъ.

— Я не могу идти на предлагаемое вами дѣло, — началъ Гавриловъ.

Іосафа покорило.

— Отчего же-съ?... номилуйте, — проговорилъ онъ до смѣшнаго жалобнымъ голосомъ.

— Оттого, что это совершенно выходитъ изъ заведеннаго мною порядка, — сказалъ Гавриловъ такимъ покойнымъ и рѣшительнымъ тономъ, что Іосафъ окончательно замеръ, очень хорошо понимая, что съ пьянымъ маіоромъ, съ жидоморомъ Фарфоровскимъ, даже съ аспидомъ Родіоновымъ можно было

еще говорить и добиться отъ нихъ чего-нибудь, но съ Гавриловымъ нѣтъ. Забывъ всякую деликатность, Иосафъ сейчасъ же началъ раскланиваться.

— Зачѣмъ же? Вы позавтракайте у меня, — проговорилъ Гавриловъ опять уже привѣтливимъ голосомъ.

Иосафъ болтнулъ ему что-то такое въ извиненіе и сталъ раскланиваться.

— Очень жаль, — говорилъ Гавриловъ, неторопливо вставая и провожая его до половины гостиной.

Добравшись до своего экипажа, Ферапонтовъ, какъ тяжелый хлѣбный кулъ, опустился на него — и сказалъ глухимъ голосомъ своему возницѣ: «пошелъ!» Тотъ обернулся и посмотрѣлъ на него.

— Да что вы, съ дѣлами, что ли, съ какими вздите по господамъ этимъ? — спросилъ онъ.

— Ъзжу денегъ занимать и нигдѣ не могу найти, — отвѣчалъ неторопливо Иосафъ.

— И здѣшній не далъ?

— Нѣтъ.

— Поди-жь ты! — произнесъ извозчикъ и покачалъ головой. — Къ старухѣ, братецъ ты мой, развѣ къ одной тутъ, небогатой дворяночкѣ, заѣхать, — прибавилъ онъ, подумавъ. — Старѣйшая старуха, съ усами сѣдыми, какъ у солдата; имѣнья-то всего двѣ дѣвки.

— А деньги есть?

— Есть! Прежде даывала, одолжала кой-кого, по знакомству. Тогда покойному батькѣ — скотской падежъ былъ, двѣ лошади у него пали — слова, братецъ ты мой, не сказала, ссудила ему тогда 150 руб. сер., — мужику какому-нибудь простому.

— Вези къ ней, — сказалъ Иосафъ.

— Ладно, — отвѣчалъ извозчикъ и съ замѣтнымъ удовольствіемъ сейчасъ же поворотилъ на другую дорогу, по которой, проѣхавъ съ версту, они стали спускаться съ высочайшей горы въ такъ называемыя рѣки. Пространство это было верстъ на тридцать кругомъ раскинувшіеся гладкіе, поемные луга, испещренные то тутъ, то тамъ пробѣгавшими по нимъ небольшими рѣчками. Со всѣхъ сторонъ ихъ окружали горы, на вершинахъ которыхъ чернѣли деревни, а по склонамъ разстилались, словно бархатные ковры, поля, — то зеленѣющія хлѣбомъ, то какого-то бураго цвѣта и только-что, видно, передъ тѣмъ вспаханныя. Выбравшись изъ этой ложбины, путники наши поѣхали по страшной уже безтолочи: то вдругъ шли, ни съ того, ни съ сего, огромнѣйшія поля, тогда какъ и жилья нигдѣ никакого не было видно; то начинался передѣсокъ, со вѣзда довольно рѣдкій, но постепенно густѣвшій; вмѣсто мелкаго березняка появлялись огромныя осины и сосны, наконецъ представлялась совершенная ужь глушь; но потомъ и это съ разу же начинало рѣдѣть и открывалось опять поле. Утомленный безсонницей нѣсколькихъ ночей, Юсафъ задремалъ и затѣмъ, совсѣмъ ужь повалившись на свою кожаную подушку, захрапѣлъ. Его разбудилъ ужь извозчикъ, говоря: «баринъ, а баринъ!» Онъ открылъ глаза и привсталъ. Они ѣхали по узенькому прогону къ какому-то, должно быть, селу. На крылечкѣ новенькаго, деревяннаго и нѣсколько на дворянскій ладъ выстроеннаго домика, стояла здоровая дѣвка, съ лентой въ косѣ, съ стеклянными сережками и въ босовикахъ съ оторочкой.

— Здорово, краснопогая гусыня! — сказалъ из-

вошикъ, подъѣзжая къ ней и останавливая лошадей.

— На-ка кто? Михайло! Откуда нелегка не сеть?

— Съ бариномъ ѣзжу.

— Еще, песь, словно выше выросъ, — продолжала дѣвка.

— Да въ тебѣ-то ужь очень больно рвался, такъ и повытянуло, знать, маненько. Дома барыня-то?

— Дома!

— Вылѣзайте, — сказалъ извощикъ Иосафу, но тотъ медлилъ.

— Ты сходи прежде самъ и объясни ей прямое мое дѣло, а то мнѣ вдругъ неловко, — произнесъ онъ нерѣшительнымъ голосомъ.

— Пожалуй-сь! — отвѣчалъ извощикъ и, откашлянувшись, пошелъ на крыльцо.

— О, чертъ, толстая какая! — сказалъ онъ и ударилъ дѣвку по плечу.

— Ой, да больно! чтой-то лѣшій! — сказала та, взглянувъ на него ласково. Изъ комнаты потомъ послышались усиленные восклицанія извощика: «съ бариномъ ѣзжу-сь»; затѣмъ послѣдовалъ какой-то гулъ, потомъ снова голосъ извощика, и опять восклицаніе: «съ бариномъ — право-сь».

Дѣвка между тѣмъ, поджавъ руки на груди, глядѣла на Иосафа.

— Нови, что ли, вы собирать пріѣхали? — спросила она.

Тотъ вспыхнулъ.

— Нѣтъ, — отвѣчатъ онъ, отворачиваясь и стараясь избѣгнуть ея взоровъ.

— Пожалуйте-съ! — крикнулъ ему извощикъ изъ сѣней. Иосафъ не совсѣмъ смѣло пошелъ.

Въ первой же со входа комнатѣ, онъ увидѣлъ старуху, въ самомъ дѣлѣ, съ усами и бородой, стриженую, въ капотишкѣ, и безъ всякихъ слѣдовъ женскихъ грудей. Она сидѣла на диванчикѣ, облокотившись одной рукой на столикъ, и совершенно по-мужски закинувши нога на ногу.

Ферапонтовъ раскланялся ей.

— Здравствуйте! — проговорила она почти басомъ.

Иосафъ, утирая съ лица платкомъ пыль, сѣлъ на дальнѣй стулъ.

— Что вы изъ самой губерніи, что ли?

— Изъ губернскаго города-съ.

— Поштоже вы отъ Гаврилова-то ѣдете?

— Я ѣзжу по дѣлу, о которомъ вамъ, можетъ быть, говорилъ мой извощикъ...

— Не знаю... — Болталъ онъ что-то такое тутъ... Я и не разобрала хорошенько... Какія у меня деньги!

— Мы бы вамъ были самые вѣрные плательщики, — сказалъ Иосафъ, сдѣлавъ при этомъ, по обыкновенію, умилительное лицо.

— Никакихъ у меня денегъ нѣтъ, что онъ вретъ? Марeutка!

Въ горницу вошла та же дѣвка, но что-то ужь очень раскраснѣвшаяся, какъ-будто бы она сейчасъ только съ кѣмъ-нибудь сильно играла.

— Готово ли тамъ у тебя?

— Готово, барыня, — отвѣчала она.

— Ну, вы посидите тутъ; а я въ баню схожу!—

сказала старуха, обращаясь къ Иосафу. И затѣмъ, слегка протонавъ, приподнялась и ушла.

Ферапонтовъ въ слѣдъ ей только вздохнулъ и отъ нечего дѣлать пересѣлъ къ растворенному окну. Въ другое окно изъ избы, выстроенной въ одной связи съ барской половиной, выглядывала улыбающаяся и довольная рожа его извощика. Такимъ образомъ прошло около двухъ часовъ. Въ это время Иосафъ видѣлъ, что Марeutка, еще болѣе раскраснѣвшаяся, съ намоченной головой и съ подтыканнымъ подоломъ, то и дѣло что прибѣгала изъ бани на ирудъ за холодной водой, каждый разъ какъ-то подозрительно переглядываясь съ извощикомъ.

Наконецъ старуху, наглухо закутанную и съ опущенной, какъ бы въ безчувственности, головой, двѣ ея прислужницы — Мареа, совсѣмъ уже пылавшая, и другая, нѣсколько постарше и посолиднѣй ея на видъ, — втащили въ комнату подъ руки и прямо опустили на диванчикъ. Отъ нея такъ и несло распареннымъ тѣломъ и бобковой мазью. Нѣсколько минутъ она не подымала головы и не открывала глазъ, такъ что Иосафъ подумалъ, не умерла ли ужъ она.

— Не дурно ли имъ? — спросилъ онъ.

— Нѣту-тка-съ! — отвѣчала Мареа. Семь вѣниковъ исклестала объ нее, за неволю очекурѣешь! — прибавила она шопотомъ и вышла.

— Палагея! — произнесла наконецъ старуха.

— Я здѣсь, матушка, — отвѣчала другая дѣвка, почтительно приближаясь къ барынѣ.

— Заварила ли травки?

— Заварила, матушка барыня, заварила.

— Подавай. Чаю у меня нѣтъ, а я богородицыну травку пью, — объявила старуха Иосафу.

Пелагея между-тѣмъ возвратилась и принесла въ пригоршняхъ, прихвативъ передникомъ, муравленный съ рыльцомъ горшечекъ, аккуратно разостлала потомъ передъ барыней на столѣ толстую салфетку и вынула изъ шкафчика чайную чашку и очень немного медовыхъ сотовъ на блюдечкѣ.

— Налей! — приказала ей та. Пелагея налила въ чашку какой-то буроватой жидкости.

Старуха, беря по крошечкѣ сотовъ и сося ихъ, начала запивать своимъ напиткомъ и послѣ каждаго почти глотка повторяла: Ой, хорошо! такъ и жжетъ въ брюшкѣ-то. Можетъ и вы хотите? — отнеслась она къ Иосафу; но тотъ отказался.

— Ну, такъ вы поѣли бы чего-нибудь, — продолжала старуха и взглянула на свою прислужницу.

— Въ печкѣ у тебя брюква-то?

— Въ печкѣ, матушка, съ утра не вынимала.

— Принеси.

Пелагея опять вышла и на этотъ разъ ужъ приворотила цѣлую корчагу съ пареной брюквой, до такой степени провонявшей, что душина отъ нея перебила даже запахъ бобковой мази. Она своей грязной рукой выворотила Иосафу на тарелку огромнѣйшую брюкву, подала потомъ ему хлѣба и соли; но какъ онъ ни былъ голоденъ, однако попробовавъ и не могъ болѣе продолжать.

— Что вы не ѣдите? Съ масломъ оно скуснѣй. Подай масла-то.

Дѣвка подала; но Иосафъ и съ масломъ не могъ; зато сама старуха взяла никакъ не менѣе его кусище

и почти съ нѣжностію принялась его ѣсть... По возрасту своему она дожила уже видно до того полудѣтскаго состоянія, когда все сладковатое начинаетъ нравиться.

— Вы ступайте спать на сѣновалѣ. У меня тамъ хорошо, — сказала она Іосафу и потомъ сейчасъ-же вскрикнула: — Мареутка! Та явилась и была уже совершенно расфранченная: съ причесанной головой, въ чистой рубашкѣ и въ новомъ сарафанѣ.

— Проводи вотъ ихъ! — приказала барыня.

Іосафъ видѣлъ, что со старухой о деньгахъ нечего было и разговаривать: онъ печально поклонился ей и пошелъ. Мареутка провела его черезъ сѣни и когда онъ нѣсколько затруднился прямо безъ лѣсенки влѣзть на помость, она слегка подсадила его. Въ полутемнотѣ Іосафъ разсмотрѣлъ посланную ему на сѣнѣ постель. Онъ снялъ съ себя только фракъ и легъ; подъ нимъ захрустѣло и сейчасъ же къ одному боку скатилось пересохлое сѣно; надъ головой его что-то такое шумѣло и шелестѣло; онъ съ большимъ трудомъ успѣлъ наконецъ догадаться, что это были развѣшанные сухіе вѣники по всевозможнымъ перекладинамъ. Къ утру его началъ пробирать сильный холодъ; во всѣхъ членахъ онъ уже чувствовалъ какую-то сжимающую, непріятную ломоту, и совершенно бесполезно старался поукутываться маленькимъ, худенькимъ одѣялишкомъ, не закрывавшимъ его почти до половины ногъ. «Ахъ, ты, старая чертовка, куда уложила,» думалъ онъ, и въ это время вдругъ раздались шаги то туда, то сюда и послышался гулъ сиповатаго голоса хозяйки. Наконецъ онъ явственно услышалъ, что она кричала: «г. чиновникъ! г. чиновникъ! по-

жалуйте сюда!» Иосафъ проворно накинулъ на себя свой фракшико и спустился съ помоста въ сѣни. Здѣсь онъ увидѣлъ, что въ растворенныхъ на отмахъ дверяхъ стояла, растопыривъ руки, разсвирѣпѣлая старуха. Она была въ одной рубашкѣ и босикомъ. Передъ ней, какъ-то смиренно поджавъ животъ и опустивъ глазки въ землю, но точно такая же нарядная, какъ и вчера, предстояла Марѳа. Нѣсколько поодаль, и тоже, должно быть, чѣмъ-то очень сконфуженный, стоялъ извозчикъ его Михайло.

— Г. чиновникъ! я вотъ вамъ свидѣтельствую, что этотъ мерзавецъ... съ этой моей подлой тварью... помилуйте, что это такое? — объяснила Иосафу старуха, показывая на извозчика и на дѣвву.

— Да. чтой-то, сударыня, какія вы, барыня, право! — говорилъ Михайло, отворачивая глаза въ сторону. — Только себя, право, беспокоите... — прибавилъ онъ и подлетѣлъ было къ ея ручкѣ.

— Прочь, развратитель! — крикнула на него старуха. — Можете себѣ представить, — обратилась она опять къ Иосафу: — всю ночь слышу топъ-топъ по чердаку то туда, то сюда... что такое?... Иду... глядь, соколена эта и катитъ оттуда и подолецъ обдергиваетъ. Гляжу далѣе: и разбойникъ этотъ и платочкомъ еще рожу свою закрываетъ, какъ-будто его подлой бороды и не увидятъ.

— Да я, право, сударыня... — заговорилъ было опять Михайло.

— Молчи, и сейчасъ же бери своихъ одровъ и долой съ моего двора. Я не могу терпѣть въ моемъ домѣ такихъ развратниковъ. А тебя, мерзавка, завтра-же въ земскій судъ, завтра! — продолжала

старуха, грозн дѣвкѣ пальцемъ. — Помилуйте, отнеслась она къ Іосафу: — каждый годъ, какъ весна, такъ и въ тягости, а къ успенкамъ ужь и жать не можетъ: «я, барыня, тяжела, не могу.» Отчего-жь Пелагея не дѣлаетъ того? Всегда раба вѣрная, раба покорная, раба честная.

— Матушка, это Божья власть! — отвѣтила наконецъ и Марѳа: — Пелагея также не лучше насъ грѣшныхъ; но такъ какъ сухой человѣкъ, такъ видно не пристааетъ къ ней этого.

— Молчи! — крикнула на нее старуха. — А ты убрайся; нечего тебѣ тутъ и стоять, вытянувши свою подлую харю!

Извозчикъ пошелъ.

— Позвольте ужь и мнѣ въ такомъ случаѣ проститься, — проговорила Іосафъ.

— Какъ вамъ угодно! ваша воля! я вамъ не перетчица, — проговорила старуха и торжественно ушла въ комнату.

Дѣвка тоже, не поднимая глазъ, убралась въ кухню.

Іосафъ отыскалъ свою фуражку и пальтишко. Выйдя на крылечко, онъ нашелъ, что Михайло стоялъ уже тутъ на своей парѣ и только на этотъ разъ далеко былъ не такъ разговорчивъ, какъ прежде. Іосафъ, не смотря на свою скромность, даже посмѣялся ему:

— Что, братъ, попался?

— Да поди-жь-ты ее, старую вѣдму, какова она! — отвѣчалъ Михайло какъ-то неопредѣленно и во всю остальную дорогу не произнесъ ни одного слова.

X.

Всего еще только благовѣстили къ позднимъ обѣд-нямъ, когда они подѣхали къ городу. Иосафъ велѣлъ себя прямо везти къ Приказу.

— Пришелъ нашъ чертъ-то, явился откуда-то, — перешепнулись между собой молодые писцы, когда онъ проходилъ, не отвѣчая почти никому на поклоны, черезъ канцелярію въ присутствіе.

Членъ ужь былъ тамъ и собирался ѣхать къ губернатору.

— Что это вы не ходили? — спросилъ онъ.

— Боленъ былъ-съ, — отвѣчалъ Иосафъ.

— Ну, примите безъ меня, если что спѣшное будетъ, — проговорилъ старикъ уходя.

— Хорошо-съ, — отвѣчалъ Иосафъ и остался въ присутствіи. Онъ подошелъ, по обыкновенію, къ своему любимому окну и сталъ грустно смотрѣть въ него.

— Здравствуйте, батюшка, Иосафъ Иосафычъ — раздался почти надъ самымъ ухомъ его какой-то необыкновенно вѣжливый голосъ. Бухгалтеръ обернулся — это былъ бурмистръ графа Апраксина, всего еще мужикъ лѣтъ тридцати пяти, стройный, красавецъ изъ себя, въ длинномъ тончайшаго сукна сюртукѣ, въ сапогахъ съ раструбами, съ пуховой фуражкой и даже съ зонтомъ въ рукѣ, чтобы не очень загорѣть на солнцѣ.

— Взянось за вотчину! — повторилъ онъ, проворно вытаскивая изъ кармана своихъ плисовыхъ

штановъ огромную пачку ассигнацій и кладя на столъ.

— Квитанцію, Иосафъ Иосафычъ, нельзя ли сдѣлать божескую милость къ имѣнью выслать, — прибавилъ онъ.

— Къ имѣнью?

— Да-съ, такъ такъ я тоже теперь ѣду въ саратовскія вотчины. Его сіятельство, господинъ графъ, такъ и писать изволили: деньги, — говоритъ, — ты внеси, а квитанція, чтобы, говоритъ, здѣсь была, по здѣшнимъ, значить, приходорасходнымъ книгамъ зачислена.

— Гдѣ-жь тутъ намъ пересылать? заваяется еще какъ-нибудь, — проговорилъ Иосафъ, механически считая деньги.

— Да, вѣдь, это, сударь, что-жь такое? Все единственно... Ежели мы теперь деньги внесли, все одно покойны, хошь бы онѣ, сколь ни есть, тутъ пролежали.

Въ печальномъ лицѣ Иосафа вдругъ какъ бы на мгновение промелькнулъ лучъ радости.

— Ты когда сюда вернешься? — проговорилъ онъ какимъ-то страннымъ голосомъ.

— Да ближе Рождества, пожалуй, что не обернешь; не воротишься ранѣе.

— Тогда самъ и получишь квитанцію.

При этихъ словахъ у Иосафа замѣтно уже дрожалъ голосъ.

— Слушаю-съ, — отвѣчалъ покорно бурмистръ.

— Тогда и получишь, — повторилъ Иосафъ.

— Слушаю-съ. Сдѣлайте милость, батюшка, ужъ не оставьте.

— Будь покоенъ, — говорилъ Ферапонтовъ, потупляя глаза.

— Желаю всякаго благополучія, — сказалъ бурмистръ раскланиваясь.

— И тебѣ того же, любезный, желаю, — отвѣчалъ Іосафъ и подалъ даже бурмистру руку.

Тотъ, очень довольный этимъ, еще разъ раскланялся и вышелъ.

Выраженіе лица Ферапонтова въ ту же минуту измѣнилось: по немъ прошли какія-то багровыя пятна. Онъ скорыми шагами заходилъ по комнатѣ, грызъ у себя ногти, потиралъ грудь и потомъ вдругъ схватилъ и разорвалъ поданное вмѣстѣ съ деньгами бурмистромъ объявленіе на мелкіе кусочки, засунулъ ихъ въ ротъ, и еще прожовывая ихъ, сѣлъ къ столу и написалъ какую-то другую бумагу, вложилъ въ нее бурмистровы деньги и, положивъ все это на столъ, отошелъ опять къ окну. Спустя недолго, воротился и непремѣнный членъ. Крехтя и охая, онъ усѣлся на свое мѣсто.

— Взносъ тутъ есть, — проговорилъ Іосафъ, не оборачиваясь и продолжая смотрѣть въ окно.

Старикъ, надѣвъ очки, сталъ неторопливо просматривать бумагу.

— А, ну вотъ, Костырева внесла, — проговорилъ онъ наконецъ.

Іосафа подернуло.

— Михайло Петровичъ, позвольте мнѣ опять домой уйти, я опять себя чувствую нехорошо, — произнесъ онъ.

— Ступайте, ступайте, въ самомъ дѣлѣ вы ка-

кой-то пересовращенный, — сказалъ начальникъ, глядя на него съ участіемъ.

Иосафъ, по прежнему, ни на кого не глядя, пошелъ канцелярію. Спустившись съ лѣстницы и постоявъ нѣсколько времени въ раздумьѣ, онъ пошелъ не домой, а отправился къ дому Дурындиныхъ. Тамъ у воротъ на лавочкѣ онъ увидѣлъ сидящаго лакея-казачка.

— Дома господа? — спросилъ онъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, — отвѣчалъ тотъ.

Иосафъ поблѣднѣлъ.

— Гдѣ же они?

— Гулять ушли-съ на бульваръ.

У Иосафа отлегло отъ сердца.

— Ну, такъ и я туда пойду, — проговорилъ онъ уже съ улыбкой и вынулъ изъ кармана рубль серебромъ, далъ его лакею. Тотъ даже удивился.

— Они тамъ-съ навѣрное, — подтвердилъ онъ.

Иосафъ проворно зашагалъ къ бульвару. На средней главной аллеѣ онъ еще издали узналъ идущаго впереди подъ ручку съ сестрою Бжестовскаго, который былъ на этотъ разъ въ пестромъ пиджакѣ, съ тоненькой, изъ китоваго уса, тросточкой и въ соломенной шляпѣ. На Эмилиі была та же бѣлая шляпа, тотъ же бѣлый кашемировый бурнусъ, но только надѣтый на голубое барежевое платье, которое, низко спускаясь сзади, волочилось по песку. Какой-то королевой съ царственнымъ шлейфомъ показала она Иосафу. На половинѣ дорожки онъ ихъ нагналъ.

— Ахъ, Асафъ Асафичъ, — воскликнула Эмилия и замѣтно сконфузилась: — скажите, гдѣ вы это пропадали?

— Я вздиль-сь я сейчас только вернулся, — отвѣчалъ Иосафъ, и тутъ только, встрѣтясь съ такими нарядными людьми, замѣтилъ, что онъ былъ не бритъ, весь перемаранъ въ пуху и въ грязи, и сильно того устыдился. — Извините, я въ чемъ былъ въ дорогъ, въ томъ и являюсь! — проговорилъ онъ.

— О, Боже мой, только бы видѣть васъ! — сказала Эмилія, и оставивъ руку брата, пошла рядомъ съ Иосафомъ.

— Но гдѣ-жь вы именно были? — спросила она.

— Я вздиль-сь по вашему дѣлу. Оно кончено теперь... Я сегодня и деньги уже внесъ.

— Нѣтъ, не можетъ быть? — воскликнула Эмилія растеряннымъ голосомъ и щечки ея слегка задрожали и покрылись румянцемъ, на глазахъ навернулись слезы.

— Внесъ-сь, — отвѣчалъ Иосафъ, тоже едва сдерживая волненіе.

— Братъ! Асафъ Асафичъ говоритъ, — продолжала Эмилія, относясь къ Бжестовскому, — что онъ наше дѣло кончилъ и внесъ за насъ.

— Не можетъ былъ! — воскликнулъ тотъ, очень, кажется, въ свою очередь, тоже удивленный: — но гдѣ же вы денегъ взяли?

— Я занялъ тутъ у одного господина! — отвѣчалъ съ улыбкой Иосафъ: — теперь только надо поскорѣе продать вамъ лѣсъ и мельницу.

— Ну да, непременно, какъ можно скорѣе! — проговорила съ нервнымъ нетерпѣніемъ Эмилія.

— Я готовъ хоть завтра же ѣхать, — отвѣчалъ, пожимая плечами, Бжестовскій.

— Да ужь, пожалуйста; а то мнѣ, пожалуй, худо будетъ, — проговорилъ Иосафъ и опять улыбнулся.

— Боже мой! я опомниться еще не могу, — говорила Эмилиа, беря себя за голову. Асафъ Асафычъ, дайте мнѣ вашу руку, — прибавила она.

Иосафъ подалъ.

— Но, можетъ быть, вы не любите съ дамами ходить подъ руку, — сказала она, пройдя нѣсколько шаговъ.

— Напротивъ-съ, — это для меня такое блаженство, — отвѣчалъ Иосафъ.

Эмилиа крѣпко оперлась на его руку. Герой мой въ одно время блаженствовалъ и старалъ стыдомъ. Между-тѣмъ погода совершенно перемѣнилась; въ воздухѣ сдѣлалось такъ тихо, что ни одинъ листокъ на деревьяхъ не шевелился; на небѣ со всѣхъ сторонъ надвигались черныя, какъ вороново крыло, тучи и начинало ужь вдали погремливать.

— Боже мой, мой бѣдный бурнусъ! — воскликнула Эмилиа, показывая на упавшія на него двѣ, три дождинки.

— Прикажите, я позову извозчика! — предложилъ Иосафъ.

— Да, пожалуйста, бурнусъ и шляпка еще ничего; но я въ прюнелевыхъ ботинкахъ: промочу ноги и непременно заболѣю.

— Сейчасъ-съ! — отвѣчалъ Иосафъ и бѣгомъ побѣжалъ къ воротамъ бульвара, изъ которыхъ была видна извозничья биржа.

— Извозчикъ! извозчикъ! — закричалъ онъ благимъ матомъ.

Ихъ подѣхало нѣсколько. Иосафъ выбралъ самыя

покойныя пролетки и, посадивъ на нихъ Эмилию, другое мѣсто хотѣлъ было уступить Бжестовскому.

— Садитесь, Асафъ Асафычъ; братъ дойдетъ и пѣшкомъ, — сказала Эмилія.

— Я дойду, — отвѣчалъ Бжестовскій, кивая головой и попрежнему не переставая улыбаться той странной улыбкой, которая почти не сходила съ его лица, когда онъ видѣлъ Іосафа.

Тотъ сѣлъ около своей дамы нѣсколько бокомъ. Извозчикъ, желая довести господъ домой до дождя, погналъ во всѣ лопатки. Мостовая, какъ водится, была мерзвѣйшая. Пролетка кидалась изъ стороны въ сторону. Эмилія безпрестанно прижималась къ Іосафу почти всей грудью, брала безъ всякой осторожности его за руку и опиралась на нее. Положеніе Ферапонтова начинало становиться невыносимымъ: у него то бросалась кровь въ голову, то прилиwała вся къ сердцу. Когда подѣхали къ дому, онъ едва сообразилъ, что ему слѣдуетъ попроворнѣй встать и подать его дамѣ руку.

— Пойдемте, Асафъ Асафычъ; братъ не скоро еще подойдетъ, — сказала она и побѣжала на лѣстницу.

Не зная, какъ понимать эти слова, Іосафъ последовалъ за нею. Эмилія сняла шляпу и бурнусъ и сдѣлалась еще милѣе. На дворѣ въ это время ударилъ проливной дождь и становилось темнѣе и темнѣе: въ комнатахъ стало походить, какъ-бы на сумерки.

Гость и хозяйка начали ходить по залѣ.

— Я посылала къ вамъ по-крайней-мѣрѣ разъ пять человѣка! — говорила Эмилія; — но сказали, что

вы уѣхали, а куда неизвѣстно. Это было немножко жестоко съ вашей стороны.²²₂₄

— Я не предполагалъ такъ долго проѣздить, — оправдывался Іосафъ.

Въ эту минуту ударилъ сильнѣйшій громъ, такъ что задрожали всѣ окна.

— Я начинаю однако ужъ бояться, пойдѣмте въ наугольную, тамъ темнѣе и я сторы спущу, — сказала Эмилиа и пошла въ наугольную, гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, спустила сторы и сѣла на угольный диванчикъ. Такимъ образомъ они очутились почти въ полутемнотѣ. Іосафъ, сѣвъ рядомъ съ хозяйкой, сначала рѣшительно не находилъ что сказать.

— Вы позволите мнѣ посѣщать васъ, когда братецъ уѣдетъ? — спросилъ онъ наконецъ.

— О, да! разумѣется! — отвѣчала Эмилиа.

На нѣсколько минутъ они опять замолчали.

— Это такое для меня счастье, — заговорилъ снова Іосафъ.

— Я это знаю, — проговорила протяжно Эмилиа.

— Вы знаете? — повторилъ въ свою очередь Іосафъ, и самъ уже, не помня какъ, протянулъ свою руку, какъ потомъ въ его рукѣ очутилась рука Эмилиа. Онъ схватилъ и началъ ее цѣловать: мало того, другой рукой онъ обнялъ ее за талію и слегка потянулъ къ себѣ.

— О, вы опять хотите украсть поцѣлуй, — произнесла она.

— Да-съ, — отвѣчалъ Іосафъ и началъ ее цѣловать разъ... два.

— Тсъ, постойте: братъ пріѣхалъ! — сказала вдругъ Эмилиа и, проворно вставъ, вышла. Бжестов-

скій дѣйствительно входилъ въ залу. Іосафъ едва осмѣлился выйти къ нему.

— А я сейчасъ отъ дожда зашелъ къ вамъ въ Приказъ, — отнесся къ нему Бжестовскій: — тамъ дѣйствительно по нашему дѣлу все ужь кончено.

— Все ужь? — спросила Эмилія, не поднимая глазъ и какъ бы затѣмъ только, чтобъ что-нибудь сказать.

— Я вамъ-съ говорилъ, — произнесъ Іосафъ.

Бжестовскій между тѣмъ что-то переминался.

— Намъ бы васъ, Іосафъ Іосафычъ, — началъ онъ, — слѣдовало сегодня попросить откушать у насъ, выпить бы за ваше здоровье; но, къ ужасной досадѣ, мы сами сегодня дали слово обѣдать у однихъ скучнѣйшихъ нашихъ знакомыхъ.

Эмилія посмотрѣла на брата.

— Помилуйте, не безпокойтесь, — отвѣчалъ Іосафъ.

— Надѣюсь, однако, что завтра или послѣ завтра мы поправимъ это.

Іосафъ раскланялся.

— Что-жь, Эмилія, подите одѣвайтесь же! — прибавилъ Бжестовскій сестрѣ.

Та опять посмотрѣла на него.

— До свиданья, мой добрый другъ, — сказала она, протягивая Іосафу руку, которую тотъ, чтобъ не открыть передъ братомъ тайны, не осмѣлился на этотъ разъ поцѣловать, и только какъ-то таинственно взглянулъ на Эмилію и поспѣшилъ уйти: его безумному счастью не было предѣловъ!

На другой день часовъ еще съ семи онъ началъ хлопотать по Приказу, чтобы всѣ бумаги по дѣлу Костыревой были исполнены, и когда онъ, при его

собственныхъ глазахъ, отправлены уже были на почту, ему вдругъ подали маленькую записочку. Почувствовавъ отъ нея запахъ духовъ, Іосафъ поблѣднѣлъ. Слишкомъ памятнымъ для него почеркомъ въ ней было написано:

«Мой добрый другъ! мы рѣшили съ братомъ, что и я съ нимъ ѣду въ деревню по моему дѣлу. Каждую минуту буду молить объ васъ Бога за все, что вы сдѣлали для меня; мы скоро будемъ видаться часто».

«Ваша Эмилія».

Іосафъ схватился за дверной косякъ, чтобы не упасть. Неровными шагами онъ вошелъ потомъ въ присутствіе и опять объявилъ старику члену, что онъ боленъ и не можетъ сидѣть.

— Какой вы — а? На себя совсѣмъ не похожи стали! — говорилъ тотъ, всматриваясь въ него.

— Мнѣ очень нехорошо-съ! — отвѣчалъ Іосафъ и ушелъ.

— Удралъ и сегодня! — сказалъ зубоскалъ столоначальникъ 1-го стола, показывая на него глазами.

— Съ похмѣлья, должно быть, ломаетъ! — объяснилъ столоначальникъ 2-го стола, человѣкъ, какъ видно, положительный.

— Они и этта-съ не больны были, а ѣздили въ уѣздъ въ гости, — донесъ было ему сидѣвшій въ его столѣ Петровъ.

— А ты почему знаешь, узнаватель! — огрѣлъ его столоначальникъ.

— И мутитъ же только, Господи, съ этого вища — важиннаго человѣка! — подхватилъ со вздохомъ столоначальникъ 1-го стола.

Иосафъ между тѣмъ сидѣлъ уже въ своей маленькой квартирѣ. Онъ по-крайней-мѣрѣ въ сотый разъ перечитывалъ полученную имъ записочку, и потомъ вдругъ зарыдалъ какъ ребенокъ: тысячу смертей онъ легче бы вынесъ, чѣмъ эту разлуку съ Эмилией!

XII.

Я только-что возвратился съ одного кляюзнаго слѣдствія и спалъ крѣпкимъ сномъ. Вдругъ меня разбудили. «Пожалуйте, говорятъ, къ губернатору». Что еще такое? подумалъ я, почти съ бѣшенствомъ, но дѣлать было нечего: всталъ. Въ передней меня дѣйствительно дожидался жандармъ.

— Развѣ губернаторъ еще не спитъ? — спросилъ я его.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе.

— Что жъ онъ дѣлаетъ?

— Гнѣваются изволить.

Я почесалъ только въ головѣ и, велѣвъ закладывать дошадь, далъ себѣ рѣшительно слово окончательно объясниться съ этимъ господиномъ, потому что не проходило почти недѣли, чтобы мы съ нимъ не сталкивались самымъ непріятнымъ образомъ.

Когда я выѣхалъ, на улицахъ былъ совершенный мракъ и тишина. Жандармъ ѣхалъ за мной крупной рысью. Въ домѣ губернатора я засталъ огонь въ одномъ только кабинетѣ его. Онъ ходилъ по немъ взадъ и впередъ, въ разстегнутомъ скюртукѣ и безъ эплетъ. Засохшая на губахъ бѣленькая пѣна ясно свидѣтельствовала о состояніи его духа.

— Любезнѣйшій! Ступайте сейчасъ и посадите въ острогъ бухгалтера Приказа, Ферাপонтова! — сказалъ онъ мнѣ довольно еще ласковымъ голосомъ.

Я посмотрѣлъ на него.

— По какому-нибудь дѣлу, ваше превосходительство?

— Онъ тамъ деньги укралъ изъ Приказа. Въ канцеляріи вы получите предписаніе.

— И въ немъ будетъ сказано, чтобъ я посадилъ его въ острогъ?

— Да-съ! — отвѣчалъ губернаторъ и бѣленькая пѣнка на губахъ его опять смокла. — Вы будете производить дѣло вмѣстѣ съ полиціймейстеромъ. Миротворить не извольте.

Далѣе разговаривать, я зналъ, что было нечего, а потому поклонился и вышелъ.

Въ канцеляріи я, въ самомъ дѣлѣ, нашелъ полиціймейстера, косаго, рябаго подполковника. Въ полной формѣ, съ перетянутой шарфомъ таліей и держа въ обѣихъ рукахъ каску, стоялъ онъ и серьезнѣйшимъ образомъ смотрѣлъ, какъ писецъ записывалъ ему предписаніе въ исходящую.

— Что это такое за дѣло? — спросилъ я его.

— Деньги въ Приказѣ пропали... бухгалтеръ цапнулъ.

— Но съ какой-же стати? Онъ, сколько я его знаю, честный человѣкъ.

— Понадобились видно, — отвѣчалъ полиціймейстеръ, засовывая предписаніе за бортъ мундира.

— Повѣдмте, однако, — прибавилъ онъ. Я пошелъ. Мнѣ всегда этотъ человѣкъ былъ противенъ, но въ настоящую минуту просто показался стра-

шенъ. Онъ посадилъ меня къ себѣ на пролетку и пожарная понесла насъ маршъ-маршъ.

Сзади за нами по прежнему скакалъ жандармъ.

— Барынька тутъ одна была. Онъ съ ней снюхался и всыпалъ за нее въ Приказъ деньги графа Араксина!—объяснилъ мнѣ коротко полиціймейстеръ.

— Гдѣ-жь она теперь?

— Да она-то ладила было прямо изъ деревни въ Питеръ махнуть. На постояломъ дворѣ ужъ я ее перехватилъ. Сидитъ теперь тамъ подъ карауломъ.

Передъ маленькимъ деревяннымъ домомъ полиціймейстеръ велѣлъ остановиться. Отворивъ на отмахъ калитку, онъ прошелъ по двору и на деревянномъ прирубномъ крыльчикѣ началъ стучать кулакомъ въ затворенную дверь. Ее отворила намъ впотъмахъ баба-кухарка.

— Дома баринъ? — спросилъ полиціймейстеръ.

Она что-то такое мыкнула намъ въ отвѣтъ. Полиціймейстеръ, также нецеремонно отворивши и слѣдующую дверь, вошелъ въ темное зальцо.

— Вставайте, отъ губернатора къ вамъ пріѣхали! — сказалъ онъ громко.

Въ сосѣдней комнатѣ что-то зашевелилось... шаркнулась спичка и загорѣлась синевато-блѣднымъ пламенемъ: Иосафъ, босой, съ растрепанными волосами и, накинувъ наскоро халатишко, вставалъ... дрожащими руками онъ засвѣтилъ свѣчку и вытянулся передъ нами во весь свой громадный ростъ. Я почти не узналъ его, до того онъ въ послѣднее время постарѣлъ, похудѣлъ и пожелтѣлъ.

Надобно сказать, что и до настоящей ужасной минуты мнѣ было какъ-то совѣстно противъ него.

Служа съ нимъ уже нѣсколько дѣтъ въ одномъ городѣ, я видался съ нимъ чрезвычайно рѣдко, и хотъ каждый разъ приглашалъ его посѣтить меня, но онъ отмалчивался и не заходилъ. Теперь же я рѣшительно не зналъ, куда мнѣ глядѣть. Иосафъ тоже стоялъ съ потупленными глазами.

— Тамъ барыня одна показала, что вы внесли за нее въ Приказъ деньги графа Араксина, — началъ полиціймейстеръ прямо.

— Гдѣ-же она теперь-съ? — спросилъ Иосафъ вмѣсто всякаго отвѣта.

— Она здѣсь... теперь только вамъ надо дать объясненіе, что вы дѣйствительно внесли за нее... Она этотъ долгъ принимаетъ на себя.

— Какъ же она это принимаетъ? — спросилъ опять Иосафъ.

— Такъ ужъ, принимаетъ, пишите скорѣе! Вотъ тутъ и чернильница есть, — проговорилъ полиціймейстеръ и, оторвавши отъ предписанія бѣлый полулистъ, положилъ его передъ Иосафомъ. Тотъ съ испугомъ и удивленіемъ смотрѣлъ на него. Какъ мнѣ ни хотѣлось мигнуть ему, чтобы онъ ничего не висалъ, но увы! я былъ слѣдователемъ и кромѣ того косою глазь полиціймейстера не спускался съ меня.

— Пишите скорѣе! Губернаторъ дожидается, — сказалъ полиціймейстеръ спокойнѣйшимъ голосомъ.

Иосафъ взялся за перо. Полиціймейстеръ предиктовалъ ему въ формальномъ тонѣ, что онъ, Ферапонтовъ, дѣйствительно деньги графа Араксина внесъ за Костыреву. Иосафъ написалъ все это нетвердымъ почеркомъ. Простодушію его въ эту минуту предѣловъ не было.

— Ну вотъ только и всего, — проговорилъ полиціймейстеръ, засовывая бумагу въ карманъ. Теперь одѣвайтесь!

— Куда же-съ? — спросилъ Иосафъ.

— Куда ужъ повезутъ, — отвѣчалъ полиціймейстеръ.

Иосафъ началъ искать свое платье; на глазахъ его видны были слезы. Я не въ состояніи былъ долѣе переносить этой сцены и вышелъ; но полиціймейстеръ остался съ Ферапонтовымъ и черезъ нѣсколько минутъ вывелъ его въ шинелѣ и въ теплой, нахлобученной фуражкѣ. Выходя изъ комнаты, онъ захватилъ съ собою свѣчку и, затворивъ двери, вынулъ изъ кармана сургучъ, печать и клочекъ бумаги и припечаталъ ее однимъ концомъ къ косяку, а другимъ къ двери.

— Вотъ такъ пока будетъ; осмотръ завтра слѣдуемъ. Горловъ! — крикнулъ онъ. Къ крыльчику подѣхалъ жандармъ.

— Спѣшся и отведи вотъ ихъ въ острогъ! — проговорилъ полиціймейстеръ, указавъ головой на Иосафа.

Что-то въ родъ глухаго стона ырвалось изъ груди того.

Солдатъ слѣзъ съ лошади.

— Привяжи его поводомъ за руку и отведи.

Солдатъ сталъ исполнять его приказаніе. Иосафъ молча повиновался, глядя то на меня, то на полиціймейстера.

— Позвольте мнѣ по-крайней-мѣрѣ лучше отвезти г-на Ферапонтова! — сказалъ я.

— Нѣтъ-съ, такъ отъ губернатора приказано, —

отвѣчалъ полиціймейстеръ. — Отправляйся! — крикнулъ онъ на жандарма, и не успѣлъ я опомниться, какъ тотъ пошелъ. Иосафъ и лошадь послѣдовали за нимъ.

— Зачѣмъ же это такъ приказано? — спросилъ было я; но полиціймейстеръ не удостоилъ даже отвѣтомъ меня, и, свѣвъ на свои пролетки, уѣхалъ. Я невольно оглянулся въ даль: тамъ смутно мелькали фигуры Ферапонтова, жандарма и лошади. Господи! хоть бы онъ убѣждалъ, подумалъ я, и съ помутившейся почти головой отъ того, что видѣлъ и что предстояло еще видѣть, уѣхалъ домой.

ХІІІ.

По дѣлу Ферапонтова, подъ предсѣдательствомъ полиціймейстера, была составлена цѣлая коммиссія: я, стряпчій и жандармскій офицеръ.

Часовъ въ десять утра, мы сѣхались въ холодную и грязную полицейскую залу и усѣлись за длиннымъ столомъ, покрытымъ чернымъ сукномъ и съ зеркаломъ на одномъ своемъ концѣ. Занявши свое предсѣдательское мѣсто, полиціймейстеръ сталъ просматривать дѣло. Выраженіе лица его было еще ужаснѣе, чѣмъ вчера.

Стряпчій, молодой еще человекъ, безпрестанно покашливалъ какимъ-то желудочнымъ кашлемъ, и при этомъ каждый разъ закрывалъ ротъ рукою, желая, кажется, этимъ скрыть весьма замѣтно чувствуемый отъ него запахъ перегорѣлой водки. Жандармскій офицеръ модничалъ. Я взглянулъ на нѣкоторыя бумаги — это были показанія, отобранныя полицій-

мейстеромъ, въ продолженіе ночи, отъ разныхъ чиновниковъ Приказа, которые единогласно писали, что Ферапонтовъ дѣйствительно въ тотъ самый день, какъ принялъ деньги отъ бурмистра, внесъ и за Костыреву. Дѣло такимъ образомъ бѣднаго подсудимаго было почти въ половину уже кончено.

Черезъ полчаса тяжелаго и непріятнаго молчанія, рука, въ жандармской рукавицѣ, отворила одну изъ дверей, и въ нее вошелъ Іосафъ, совсѣмъ уже склоченный и съ опавшимъ, до худобы труппа, лицомъ.

Полиціймейстеръ не обратилъ на него никакого вниманія. Іосафъ прямо подошелъ къ столу.

— Все, что я-съ вчера писалъ, неправда! — проговорилъ онъ, замѣтно насильственнымъ голосомъ.

— Будто? — спросилъ полиціймейстеръ, не поднимая ни головы, ни глазъ.

— Я денегъ за г-жу Костыреву не виосилъ, — продолжалъ Іосафъ,

— Зачѣмъ же вы вчера это говорили?

— Я испугался-съ.

— Кого же это вы испугались? — Мы васъ не пугали.

— Я самъ испугался.

— Не хорошо быть такимъ трусливымъ! — проговорилъ полиціймейстеръ и позѣвнулъ.

— Куда жъ вы, если такъ, бурмистровы-то деньги дѣвали? — прибавилъ онъ.

— Я ихъ потерялъ-съ.

— Да, потеряли. Это другое дѣло! — произнесъ полиціймейстеръ, какъ бы довѣряя словамъ Іосафа. — Отойдите однако немножко въ сторону! — заключилъ

онъ и самъ всталъ. Юсафъ отошелъ, и не могши, кажется, твердо стоять на ногахъ, обловотился однимъ плечомъ объ стѣну.

Полиціймейстеръ подошелъ между тѣмъ къ другимъ дверямъ.

— Пожалуйте! — сказалъ онъ, растворяя ихъ.

Въ залу тихо вошла Костырева, въ черномъ платьѣ, въ черной шляпкѣ и подъ вуалью. По одному стану ея можно уже было догадаться, что это была прелестная женщина. Жандармскій офицеръ поспѣшилъ пододвинуть ей стулъ, на который она, поблагодаривъ его легкимъ кивкомъ головы, тихо опустилась. Я взглянулъ на Юсафа; онъ стоялъ, низко потупивъ голову.

— Примите у нихъ шляпку, — сказалъ полиціймейстеръ жандармскому офицеру.

— Madame, permettez, — сказалъ тотъ Костыревой.

Она, какъ это даже видно было изъ-подъ вуаля, взглянула на него своими прекрасными глазами, потомъ развязала неторопливо ленты у шляпки и сняла ее. Скорѣе ребенка можно было подозрѣвать въ какомъ уголовномъ преступленіи, чѣмъ это ангельское личико!

— Какого вы званія и происхожденія? — спросилъ полиціймейстеръ, кладя передъ собой заготовленные уже заранѣе вопросные пункты.

— Я изъ Ковно, — отвѣчала Костырева.

— Я васъ спрашиваю, — какого вы званія, по отцѣ и матери, — повторилъ полиціймейстеръ.

Эмилія замѣтно сконфузилась.

— Я право и не знаю; мать моя занималась торговлей.

— То есть, она содержала трактирное заведеніе?

— Я не знаю этого хорошенько! я была такъ еще молода.

— Какъ вы не знаете, когда вы сами за конторкой стояли?

Костырева только посмотрѣла на него: на глазахъ ея заискрились слезы.

— Я не стояла ни за какой конторкой, — проговорила она.

— Не стояли? — повторилъ полиціймейстеръ.

— Къ чему вы дѣлаете подобные разспросы, которые къ дѣлу совершенно лишніе? — вмѣшался я. Полиціймейстеръ удостоилъ только на минуту кинуть на меня свой косой взглядъ.

— Вы думаете? — произнесъ онъ своимъ обычнымъ подлымъ тономъ, и потомъ сейчасъ же свистнулъ.

Въ залу, гремя шпорами и саблей, проворно предсталъ другой ужъ, а не вчерашній жандармъ.

— Позови сюда малаго того! — сказалъ полиціймейстеръ.

— Слушаю, ваше высокородіе, — крикнулъ жандармъ, и крикнулъ такъ, что даже Юсафъ вздрогнулъ и взглянулъ на него.

Черезъ минуту былъ введенъ казачекъ — лакей Костыревой.

— Вотъ, бывшая твоя барыня, когда была дѣвицей, стояла ли въ трактирѣ за прилавкомъ? — обратился къ нему полиціймейстеръ.

У Костыревой загорѣлось лицо сначала съ нижней части щекъ, потомъ выше и выше, и наконецъ до самаго лба.

Малый тоже нѣсколько позамялся.

— Такъ какъ тоже, тѣмъ временемъ, проживали мы съ господиномъ моимъ въ номерахъ ихъ, онѣ занимались этимъ, — отвѣчалъ онъ съ запинкой.

— Какъ же вы говорите, что нѣтъ? — кротко спросилъ полиціймейстеръ Костыреву.

— Г-нъ полковникъ! вы ставите меня на одну доску съ моими лакеями, — проговорила она и закрыла глаза рукою.

— Зачѣмъ же вы отпустили его на волю? Вы думаете, что онъ изъ благодарности и скроетъ все. Ничего вѣдь не утаилъ: все рассказалъ! Пошелъ ты на свое мѣсто! — прибавилъ онъ малому. Тотъ сконфуженнымъ шагомъ вышелъ изъ залы.

Я нечаянно взглянулъ въ это время на Иосафа. Онъ стоялъ уже не понуривъ голову, а поднявъ ее и вперивъ пристальный и какой-то полудикій взглядъ на Костыреву. Она же, въ свою очередь, всего болѣе, кажется, и опасалась, чтобы какъ-нибудь не взглянуть на него.

— А скажите, что за исторія у васъ была по случаю вашего замужества за г-на Костырева? — продолжалъ полиціймейстеръ.

У Эмилии задрожали губки, щечки, брови и даже зрачки у глазъ. Нѣсколько минутъ она не могла ничего отвѣчать.

— Г-нъ полковникъ! — вы, кажется, хотите только оскорблять меня, и потому позвольте мнѣ не отвѣчать вамъ.

Полиціймейстеръ пожалъ только плечами.

— Хуже же вѣдь будетъ, если я опять стану разспрашивать при васъ вашего лакея. Наконецъ, я

ужь и знаю все, и скажу вамъ, что вы и ваша матушка подавали на г-на Костырева просьбу, что онъ соблазнилъ васъ и что вы находитесь въ известномъ неприятномъ для дѣвушки положеніи. Его призвали въ тамошнюю, какъ тамъ называется, полицію, что ли? — понапугали его; онъ далъ вамъ росписку, а потомъ и исполнилъ ее. Такъ ли?

Костырева съ вытянутыми судорожно руками, опустивъ головку и только повременамъ поднимая, какъ бы для вдоха, грудь, скорѣе похожа была на статую, чѣмъ на живую женщину.

— Такъ вѣдь? — повторилъ полиціймейстеръ.

— Я говорила вамъ и повторю еще разъ, что не хочу и не буду отвѣчать вамъ.

— Еще только одинъ маленькій вопросъ, — подхватилъ полиціймейстеръ. — Въ какихъ отношеніяхъ вы проживали здѣсь съ г-мъ Бжестовскимъ?

— Онъ былъ мой женихъ, — отвѣчала Костырева.

На этомъ мѣстѣ я нарочно взглянулъ на Иосафа. Онъ по прежнему стоялъ не спуская съ Костыревой совершенно какъ бы безсмысленныхъ глазъ.

— Отчего же вы выдавали его за брата? — продолжалъ полиціймейстеръ.

— Я не хотѣла этого ранѣе говорить, такъ какъ жила съ нимъ въ одномъ домѣ и могла пройти худая молва.

— Да, конечно! худая молва для женщины хуже всего! — произнесъ полиціймейстеръ. — Вы обвинялись однако съ г. Бжестовскимъ тотъ-часъ, какъ имѣніе ваше было выкуплено.

— Да!

— Это, г. Ферапонтовъ, вы устроили ихъ свадьбу, внеся за нихъ въ Приказъ! Настоящимъ ихъ посаженнымъ папенькой былъ, а то безъ этого г. Бжестовскій, вѣроятно, и до сихъ поръ оставался бы вашимъ братомъ! — говорилъ полиціймейстеръ, обращаясь то къ Иосафу, то къ Костыревой.

— Я внесла свои деньги, — проговорила та тихо.

— Какъ свои-съ? — отозвался вдругъ Ферапонтовъ. — Какъ свои-съ? — повторилъ онъ.

Полиціймейстеръ не ошибся въ расчетъ, разспрашивая при немъ Эмилию объ разныхъ ея дѣвнѣяхъ. Бѣдный, простодушный герой мой разсердился на нее, какъ ребенокъ, и видимо уже не хотѣлъ скрывать ее.

— У меня есть свои семьсотъ рублей. Я заплачу бурмистру, остальные пусть онъ съ нихъ спрашиваетъ! — прибавилъ онъ, обращаясь къ полиціймейстеру.

— Никакихъ я вашихъ денегъ не знаю и не видала, — проговорила Костырева.

— Не видали вы? — проговорилъ Иосафъ, показавъ головой. — Что же, развѣ я сумасшедшій былъ, чтобъ сдѣлать это... Во снѣ не снилось, что вы не заплатите, а тутъ вдругъ уѣхали... Я ни одной ночи послѣ того не спалъ... писалъ... писалъ. Спрашивалъ, что же вы со мной дѣлаете, такъ хоть бы слово написалъ.

— Что-жъ мнѣ было отвѣчать на ваши странныя письма? — проговорила Эмилія.

— Чѣмъ-же странныя!... Ахъ, вы обманщица, послѣ того, коли такъ... Въ усадьбу потомъ какъ пріѣхалъ, такъ и въ ворота не пустили... потихоньку

ужь какъ-нибудь хотѣлъ пройти... тогда и не понялъ, а теперь, узнавши васъ, все вижу: собаками было затравилъ — двухъ бульдоговъ выпустил, а за что все это?..

На этомъ мѣстѣ Гюсафа прервалъ вошедшій квартальный.

— Г-жу Бжестовскую къ губернатору, ваша высокородіе, требуютъ, чтобы ихъ не спрашивали здѣсь, а къ нимъ чтобы-съ... — отразортовала онъ полиціймейстеру.

У того нѣсколько разъ подернуло лицо и онъ быстро взглянулъ своимъ косымъ глазомъ на Эмилию. Она сидѣла, закусивъ губы, чтобы какъ-нибудь только удержаться отъ рыданій.

— Угодно ѣхать? — спросилъ ее полиціймейстеръ, замѣтно уже болѣе вѣжливымъ тономъ.

Она, ни слова не отвѣтивъ ему, взяла шляпку изъ рукъ жандармскаго офицера, опять поспѣшнѣе ея подать ея, теропливо пошла въ прежнія двери, изъ полууастворившейся половинки которой виднѣлась молодцоватая фигура Бжестовскаго. Онъ поспѣшилъ подать женѣ салонъ и оба они скрылись. Квартальный тоже послѣдовалъ за ними.

Полиціймейстеръ, видимо, остался сконфуженъ, какъ дикій звѣрь, у котораго убѣгала изъ рукъ добыча.

— Вы подтверждаете ва не показаніе? — спросилъ онъ у Гюсафа.

— Все съ, отъ слова до слова! — отвѣчалъ тотъ съ лихорадочнымъ блескомъ въ глазахъ.

— Можете, значить, идти, — сказалъ полиціймейстеръ и свистнулъ.

Опять явился жандармъ.

— Отведи г. Ферапонтова, откуда привелъ.

— Слушаю, ваше высокоблагородіе! — крикнулъ на этотъ разъ солдатъ.

Иосафъ, ни на кого не взглянувъ, пошелъ.

— На сегодня довольно, — объявилъ намъ полиціймейстеръ, и, собравъ бумаги, взялся за каску. Мы тоже взяли шляпы и развѣхались.

XIV.

На другой день, я, зная, что съ губернаторомъ на словахъ и говорить нечего, рѣшился написать къ нему рапортъ... Все еще, видно, я молодъ тогда былъ и не советамъ хорошо вѣдалъ тѣхъ людей, посреди которыхъ жилъ и дѣйствовалъ, и только уже теперь, отдалившись отъ нихъ на цѣлый почти десятокъ лѣтъ, и вижу ихъ передъ собою, какъ-бы живыми, во всемъ ихъ страшномъ и безобразномъ значеніи... Я писалъ, что дѣло Ферапонтова нельзя производить такимъ казеннымъ, полицейскимъ образомъ, что онъ не воръ, и видимо, что тутъ замѣшана или сильная страсть съ его стороны, или вопіющій обманъ со стороны лицъ, съ нимъ участвующихъ. То и другое вызываетъ на милосердіе къ нему. Что можно наконецъ написать къ графу Анраксину, который, если только онъ хотя сколько-нибудь великодушный человекъ, не станетъ, вѣроятно, искать своихъ денегъ. Тутъ однако меня прервали и сказали, что ко мнѣ жандармъ пришелъ. Я велѣлъ его позвать къ себѣ. Это былъ опять уже не вче-

рашій, а какой-то третьяго сорта солдатъ, и совсѣмъ ужъ, кажется, дуракъ.

— Бумагу, ваше благородіе, подписывать подъте въ острогъ! — приказалъ онъ мнѣ.

— Какую бумагу?

— Не могу знать, ваше благородіе.

— Да кто тебя послалъ сюда?

— Изъ острога, ваше благородіе, г. полиціймейстеръ послалъ.

— Что-же, самъ онъ тамъ?

— Тамо-тко, ваше благородіе.

Я только махнулъ рукой и посиѣвшия повхаты. Тяжелое предчувствіе сдавило мнѣ сердце.

Пріѣхавши въ острогъ, я, прямо черезъ караульную, прошелъ въ дворянское отдѣленіе. Тамъ передъ одной изъ каморъ, у отворенныхъ дверей, стояла цѣлая толпа арестантовъ и съ любопытствомъ гляѣла туда. Пробравшись черезъ нихъ, я первое что увидѣлъ — это на самой почти серединѣ довольно темноватой комнаты, на толстомъ крюкѣ, висѣвшаго Юсафа, съ почернѣлымъ и нѣсколько опущеннымъ внизъ лицомъ, съ открытымъ ртомъ, съ стиснутыми зубами, съ судорожно скорченными руками и съ искривленными, какъ бы тоже въ судорогахъ, ногами. Повѣсился онъ на трехъ-четырехъ покрояхъ просыни, изъ которыхъ онъ свѣлъ веревку.

На столѣ передъ свѣчкой сидѣлъ въ шинели и съ своей ужасной физиономіей полиціймейстеръ и писалъ.

— Удавился! — сказалъ онъ мнѣ совершенно спокойнымъ тономъ, показывая глазами на трупъ.

— Это вы его довели, — сказалъ я.

— Будто! — произнесъ обычную свою фразу полиціймейстеръ. — Онъ самъ пишетъ другое, — прибавилъ онъ и подалъ мнѣ составленный имъ протоколъ, въ которомъ, между прочимъ, я увидѣлъ бѣлый листъ бумаги, на которой четкой рукой Иосафа было написано: «кладу самъ на себя руки, не столько ради страха суда гражданскаго, сколько ради обманутой моей любви. Передайте ей о томъ.»

— Снять покойника и стащить его въ сторожку! Тамъ потрошить-то будутъ! — распорядился полиціймейстеръ.

Вошли служители съ лѣстницей, изъ которыхъ одинъ придержалъ ее на себѣ, а другой взлѣзъ на нее и безъ всякой осторожности перерѣзалъ ножомъ подотняную веревку. Трупъ съ шумомъ грохнулся на землю. Солдатъ, державшій лѣстницу, едва выскочилъ изъ-подъ него. Я поспѣшилъ уйти. Полиціймейстеръ тоже вскорѣ появился за мной.

— Дѣло наше, значитъ, кончено, — сказалъ онъ.

— А какъ же Бжестовскіе? — спросилъ я.

У полиціймейстера совсѣмъ ужь скопился глаза.

— Они еще вчера уѣхали. Самъ губернаторъ отпустилъ ихъ! — отвѣчалъ онъ.

— Какъ отпустилъ?

— Тамъ. Часа четыре она была у него на допросѣ. Видно, во всемъ оправдалась! — отвѣчалъ полиціймейстеръ, улыбаясь перекошеннымъ ртомъ.

Пріѣхавши домой, я дѣйствительно нашелъ губернаторское предписаніе, которымъ мнѣ давалось знать, что дѣло Ферапонтова, за смертію самого преступника, кончено, а потому я могу обратиться къ другимъ занятіямъ.

Мнѣ, признаться, сдѣлалось не на шутку страшно даже за самого себя... Жить въ такомъ обществѣ, гдѣ Ферапонтовы являются преступниками, Бжестовскіе людьми правыми и судья въ родѣ полиціймейстера: — чтобы жить въ этомъ обществѣ, какъ хотите, надобно имѣть большой запасъ храбрости.

1869 года ноября 23

Петербургъ.

БАТЬКА.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Я, какъ теперь, вижу передъ собой нашу голубую, деревенскую гостиную. На среднемъ столѣ горить двѣ свѣчи. На одномъ концѣ его сидитъ матушка, всегда немного чопорная, въ накрахмаленномъ чепцѣ и воротничкахъ, и съ чулкомъ въ рукѣ. Огворотясь отъ нея, сидитъ на другомъ концѣ покойный отецъ. Онъ, вѣдьмо, въ дурномъ расположеніи духа и безпрестанно закидываетъ въ сторону, на печку, свои сврые на выкатѣ глаза. Я... мнѣ всего лѣтъ 12... забрался въ углу на мягкое кресло и сижу, погруженный въ невѣдомыя самому для меня мысли. Прямо противъ меня отворенная дверь въ залу. Оттуда только и слышится, что ровное пощелкиваніе маятника стѣнныхъ часовъ, и навѣваетъ на васъ чѣмъ-то грустнымъ и печальнымъ. Вдругъ

раздался тихій скрипъ половницъ. Не знаю, отчего у меня какъ-то бользненно замерло сердце. Это входилъ, своей осторожной походкой, нашъ, самый богатый изъ всей вотчины, еомкинскій мужикъ Михайло Евпловъ, старикъ самой почтенной наружности, всегда ходившій мѣсколько брюхомъ впередъ, съ низко-низко спущенной пазухою; совсѣмъ ужъ сѣдой, съ густо-нависшими бровями и съ постоянно почти опущенными въ землю глазами, всегда съ расчесанной головой и бородой, всегда въ чистомъ решменскомъ кафтанѣ и не въ очень грязныхъ сапогахъ. Даже руки у него были какія-то бѣлыя, вѣжныя, покрытыя только небольшими веснушками, точно онъ никогда никакой черной работы и не работалъ. Будучи верстъ на тридцать единственнымъ мяснымъ торговцемъ, Михайло Евпловъ врядъ ли въ околodкѣ былъ не извѣстнѣе, чѣмъ мой покойный отецъ, такъ что тотъ, иногда въ шутку, говаривалъ своимъ знакомымъ: «честь имѣю рекомендоваться, я Михайла Евплова баринъ.»

Въ нашемъ небогатомъ деревенскомъ хозяйствѣ, сколько я теперь могу припомнить, Михайло былъ рѣшительно благодѣтельнымъ геніемъ: случалась ли надобность отдать въ работники пьянчужку-недомщика, Михайло Евпловъ бралъ его къ себѣ и ужъ выжималъ изъ него коку съ сокомъ; приходила ли нужда въ деньгахъ, прямо брали ихъ въ займы у Михайла Евплова; нужно ли было отвратить руготство, подать ревизскія сказки, Михайло Евпловъ ѣхалъ, хлопоталъ, исполнялъ все это аккуратнѣйшимъ образомъ, не получая себѣ за то никакого возмездія, а напротивъ того, платя чуть ли еще не

въ полтора раза болѣе противъ другихъ оброка. На этотъ разъ, вслѣдъ за нимъ, вошелъ сынъ его Тимка, совсѣмъ рабочій малый, лѣтъ 22-хъ, подслѣповатый, нескладный, словно изъ какого-нибудь сучковатаго дерева сдѣланный, и съ годъ передъ тѣмъ только-что женившійся. Батка, говорятъ, лѣтъ еще съ десяти началъ заставлятъ его бить скотину и теперь постоянно корми-морилъ на работѣ. Войдя въ комнату, Тимка прямо, не поднимая ни головы, ни глазъ, какъ-то механически поклонился матушкѣ въ ноги. Та потупилась и повела только рукою, желая тѣмъ показать, чтобы онъ этого не дѣлалъ. Тимошей перешелъ и поклонился отцу въ ноги — тотъ отвернулся отъ него и окончателно закинулъ глаза на потолокъ.

— Что, поучилъ? — спросилъ онъ нѣсколько дрожащимъ голосомъ.

Тимошей ничего не отвѣчалъ, а молча отошелъ и всталъ нѣсколько поодаль отъ батки.

— Поучили, кажется, хорошо... Не знаю только, пойметъ ли-то, — проговорилъ Михайло Евловъ грустнымъ тономъ.

— Это за то тебѣ... — продолжалъ покойный батюшка (голосъ его не переставалъ дрожать), — за то, что не смѣи поднимать руки на отца. Неправъ овъ, Богъ съ него спроситъ, а не ты...

Михайло Евловъ вздохнулъ на всю комнату.

— Мало они что-то эго разумѣютъ... въ каждомъ пустякѣ только и ладятъ, что нельзя ли какъ отцу горло перебить... — сказалъ онъ и еще грустнѣе склонилъ голову на сторону.

— Ну, Михайло Евловъ, — вмѣшалась въ раз-

говоръ ужь матушка: — трудно тоже, какъ и тебя посудить: старшій сынъ у тебя охотой въ солдаты пошелъ, второй свился да головой вершилъ, наконецъ и съ третьимъ тоже выходитъ?

На послѣднихъ словахъ она развела въ недоумѣннѣя рукахъ.

Лицо Михаила Евплова сдѣлалось окончательно умпленнымъ.

— Ай, матушка, Авдотья Алексѣевна, — воскликнулъ онъ почти плавающимъ голосомъ: — на все тоже Божья власть есть: кто въ дѣтихъ находитъ утѣшеніе, а кто и печали... Вы сами пмѣете дѣтя: какъ знагъ, худъ-ли, хорошъ-ли онъ супротивъ васъ будетъ.

Матушка вспыхнула.

— Ну, мое дигя ты привелъ тутъ напрасно... совершенно напрасно! — сказала она и сердито понюхала табаку.

Михайло Евпловъ тоже сконфузился, глѣя, что, не думая и не желая того, онъ проврался.

— Это точно что-съ... — проговорилъ онъ и преступилъ съ ноги на ногу.

— Ежели ты опять тоже будешь дѣлать, опять тебѣ тоже будетъ!.. — обратился покойный отецъ снова къ парню, гораздо уже подобрѣе, но все еще, видно, желая втолковать ему, что онъ виноватъ.

Парень пораснустился.

— Мнѣ бы, бачка, Филать Гаврилычъ, въ раздѣлъ охота пдти-съ! — произнесъ онъ какимъ-то необыкновенно наивнымъ голосомъ.

Все мускулы въ лицѣ отца подернуло. Я видѣлъ, что онъ страшно вспылалъ.

— Не позволять вамъ того! — больше прошипѣлъ онъ, чѣмъ проговорилъ, между тѣмъ какъ щеки и губы его дрожали: — казеннымъ крестьянамъ велеть дѣлаться?.. велеть? — спрашивалъ онъ, обращая на парня страшный взглядъ.

Михайло Евпловъ грустно усмѣхнулся.

— Да прикажите; пускай попробуютъ... мякны-то отродясь не ѣдали, а тутъ можетъ и отвѣдаютъ... Теперь какой-нибудь овиняшко въ двадцать сноповъ съ своей благовѣрной измолотятъ, лопать-то придутъ, въ чашку валягъ, сколько только чрево стерпитъ.

— Что жь ты ихъ кускомъ ужь хлѣба попречаешь? — вмѣшалась въ разговоръ опять матушка.

Михайло Евпловъ сейчасъ же перемѣнилъ тонъ.

— Не попрекаю я, сударыня, нѣтъ-съ! — отвѣчалъ онъ кротко: — ни въ чемъ имъ отъ меня запрету нѣтъ, — ни въ пищѣ, ни въ одеждѣ, ни въ гуляньяхъ. Пусть скажутъ, въ чемъ имъ, хоть сколько ни на есть, отъ меня возбранено.

— Ну, да! въ чемъ вамъ отъ него возбранено? — повторилъ за нимъ и отецъ.

Тимошей жалобно и стыдливо посмотрѣлъ на него.

— Не могу я, батка, про то сказывать-съ, — отвѣчалъ онъ и какъ-то странно засѣмевилъ руками.

— Отъ чего не сказывать? — говори!.. — сказалъ отецъ настойчиво.

Михайло Евпловъ какъ будто бы слегка вспыхнулъ.

— Выдумать да наболтать, пожалуй, всякихъ пустяковъ можно... — произнесъ онъ.

Тимошей молчалъ.

Матушка на этомъ мѣстѣ встала и вышла. Отцу тоже, видно, была не совсѣмъ легка эта сцена.

— Ну, ступайте! — сказалъ онъ, закидывая, по обыкновенію, глаза въ сторону.

Михайло Евпловъ однако не трогался. Онъ, кажется, переживалъ, чтобы первый пошелъ сынъ. По лицу Тимки мнѣ показалось, что онъ хотѣлъ что-то сказать, но не смѣлъ ли, или не хотѣлъ этого сдѣлать, только круто повернулся и пошелъ.

— Вы ужь, батюшка, сдѣлайте милость, прикажите, чтобъ и супружница его слушалась и не тыркала... — сказалъ Михайло Евпловъ.

— Чтобъ и супружница слушалась — слыши! — повторилъ отецъ, грозя Тимкѣ пальцемъ.

Но тотъ ничего не отвѣчалъ, и я слышалъ, что онъ сердито хлопнулъ въ лакейской двери.

Михайло Евпловъ постоялъ еще нѣсколько времени, покачалъ въ раздумьѣ головой и проговорилъ:

— Такой этотъ нынче народъ сталъ, что срамъ только одинъ съ нимъ.

Но, видя, что отецъ ничего ему не отвѣчаетъ, онъ тоже повернулся и пошелъ, — но залу сталъ проходить медленно, негорючливо и все точно къ чему-то прислушиваясь.

II.

Прошло времени недѣли съ двѣ. Мы ужинали. Отецъ (онъ все это время былъ замѣтно въ дурномъ расположеніи духа и теперь впадающій то туда, то сюда свой безволежный взглядъ) — вдругъ поблѣднѣлъ и, проворно вставая, проговорилъ:

— Оумзлно геригъ!

Мы взглянули по направленію его глазъ: все наши окна были залиты заревомъ.

— Батюшка, можетъ быть, это овинъ! — хотѣла было успокоить его матушка.

— Вся деревня, сударыня, въ огнѣ!.. Выдумала!.. лошадь мнѣ! — кричалъ старикъ, проворно сбрасывая съ себя халатъ.

Матушка сама стала ему подавать одѣваться: горничная прислуга все ужь разбѣжалась по избамъ, чтобы поразузнать и поохать насчетъ пожару. Въ залу вошелъ нашъ прикащикъ Кирьянъ, со своей обычной не совсѣмъ умной и озабоченной рожей, и теперь совсѣмъ опѣшавшій отъ страху.

— Въ Оумкнѣ несчастье-сь! — проговорилъ онъ.

— Людей туда!.. лошадь мнѣ! — говорилъ багюшка, застегивая дрожащими руками свой полевой чепанъ.

Мнѣ тоже захотѣлось съѣздить на пожаръ.

— Папаша, возьми меня! — запросился я.

— Перестань, пашенокъ! — прикрикнулъ было на меня старикъ!

Но я не отставалъ:

— Папаша, возьми!

— Ахъ ты!.. Ну, поѣзжай!

Онъ вообще любилъ нѣсколько геройскія съ моей стороны выходки; но матушка напротивъ:

— Алексѣй, что ты хочешь со мной дѣлать?..

Пощади ты меня хоть сколько-нибудь! — сказала она въ одно и то же время строгимъ и умоляющимъ голосомъ.

Но я уже почти не слышалъ ее: выбѣжавъ на

улицу и видя, что поваренокъ Гришка велъ осѣдланную лошадь, я отнял ее у него и сейчасъ же на нее взгромоздился. Со стороны отъ Ѳомкина слышался наносимый вѣтромъ безпорядочный звонъ набатнаго колокола. Черезъ нѣсколько минутъ привели и отцу бѣговья дрожки. Точно молоденькій мальчишъ, онъ проворно, хоть и тяжело, опустился на нихъ. Человѣкъ шесть дворовыхъ людей было около насъ верхамъ. На крыльцѣ появилась матушка

— Возьмиге Неопалимую Купину, что вы, на кого надветесь? — сказала она.

Киришичъ подѣхалъ къ ней и, прижавъ у нея образъ, положилъ его, перекрестясь, за пазуху. Пока мы сѣзжали со двора, матушка не переставала насъ крестить вслѣдъ. Проѣхать намъ надобно было версты двѣ-три дѣсьомъ. Ночь была осенняя, темная. Несмотря на колеи и рытвины, отецъ погналъ свою лошадь что есть духу. Мы скакали за нимъ. По всемъ направленіямъ отъ насъ раздавался топотъ нашихъ лошадей и слышались шлепки дѣтвиной изъ-подъ копытъ ихъ грязи. Рядомъ же съ нами, и несколько ве отставая, бѣжалъ въ прыскачку спѣшенный мною съ лошади Гришка поваренокъ и бѣжалъ, надобно сказать, сохранивъ ужасно гордый видъ, который былъ данъ ему какъ бы отъ природы, вслѣдствіе покривленнаго въ дѣтствѣ позвоночнаго столба.

— Ату — ату его! — травилъ его кучеръ Петръ, доставая въ синю вѣтвиной.

— Это онъ на дымокъ бѣжитъ... поварская душешка: услыхалъ, что гарью то пахнетъ, — замѣтила твачъ Семень.

По другую сторону дороги шелъ болѣе солидный разговоръ.

— Въ сѣнянкѣ у Евклова загорѣлся и пошло, братецъ ты мой, вить, Боже ты мой! — говорилъ Кирьянъ.

— Ишь-ты, поди, гдѣ грѣху-то быть! — отвѣчалъ ему на это басомъ и со вздохомъ другой голосъ.

Набатъ становился все слышнѣе и слышнѣе. Сколько ни печальное ожидало насъ впереди зрѣлище, но при этомъ быстромъ скаканьи на лошади, въ глухую ночь, въ лѣсу, при этомъ хлопаньи во дворецъ, который кучеръ Петръ на всемъ маху, не сбывая съ лошади, отворялъ и также быстро отпуская ихъ, мое дѣтское сердце исполнилось какой-то злобной радостью: мнѣ такъ и хотѣлось битвъ, опасностей и побѣдъ. При въѣздѣ въ открытое поле — первое, что представилось намъ, это — стоявшая нѣсколько впоодаль отъ селенія, на совершенно темномъ фонѣ, бѣлая церковь, освѣщенная пожаромъ о малѣйшихъ архитектурныхъ подробностяхъ и съ блистающими красноватымъ свѣтомъ главами и фризами. Пламя выходило почти изъ половины дерева, и склоняемое вѣтромъ, уже зализывало огренивыми языками близстоящія къ нему строения. Вверху, надъ всемъ этимъ клубился сѣроватый дымъ, въ которомъ летали чего-то огненные куски и кружились какія-то бѣлыя птицы. Въ самомъ селеніи передъ пламенемъ мелькали черныя фигуры мужиковъ и бабъ. Отовсюду слышался шумъ и гамъ, сливавшійся со звономъ колокола. Слѣдвшія около вынесенныхъ на средину улицы пожниковъ старухи и ребятишки выли и ревели. Выгнавша изъ хлѣбовъ

скотина: коровы и лошади, всё столпились въ кучку и незамѣтно, подъ вліяніемъ какого-то непонятнаго для нихъ страха, прижались къ церковной оградѣ; одна только дура овца, тоже скучившіяся въ одно стадо и кпнувшіяся было сначала прямо на огонь, но шугнутыя оттуда двумя-тремя взвизгнувшими бабенками, несся теперь далеко, далеко въ поле. Передъ сгорѣвшимъ почти уже въ половину домомъ Михаила Евлова была цѣлая толпа людей и они не унимали пожара, а на что-то такое, другъ черезъ дружку, заглядывали, и нѣсколько голосовъ говорило: «полно!... перестань!... старый!» Посреди всего этого раздавалось: «пустите!.. пустите!»

Мы быстро подъѣхали: это Михайло Евловъ рвался изъ рувъ двухъ нашихъ мужиковъ. Спокойной наружности въ немъ и слѣда не оставалось: онъ былъ въ одной разорванной рубахѣ, босикомъ, съ обезумѣвшими глазами и съ опаленными, исключенными волосами.

— Что такое? — спросилъ отецъ.

— Въ огонь рвется... сгорѣть хочетъ, — отвѣчалъ одинъ изъ мужиковъ. — О, дьяволь, какой здоровый! — прибавилъ онъ, гробаздая снова старика за воротъ, который тотъ было у него вырвалъ.

— Оттащите его подальше, въ лѣсъ, — приказалъ отецъ.

— Батюшка, пусти!... пусти!... — кричалъ Михайло Евловъ. Но мужики его потащили. Сдѣлавъ еще разъ тщетное усиліе вырваться у нихъ, онъ завопилъ какъ дивій звѣрь, и вцѣпился зубами въ собственную руку; кровь фонтаномъ брызнула изъ-подъ его рта и усовъ. Мужики отвезли

ему эту [уку назад за спину и продолжали его тащить.

— Батюшки! у Матрены Лукьяновны ужь загорѣлось! — раздался пронзительный женскій голосъ.

Всѣ бросились туда.

Покойный отецъ тоже проворно соскочилъ съ дροжекъ и потомъ, — ужь я не знаю, какъ это и случилось при его полнотѣ, вдругъ очутился на крышѣ этой самой избы.

— Снимайте кафтаны, мочите ихъ и давайте сюда! — командовалъ онъ оттуда.

Первый бросился ему помогать самый бѣдный изъ всей деревни мужикъ Спиридонъ, по фамиліи Кутузовъ. Собственная изба его давно уже сгорѣла, и онъ, кажется, изъ нея и вынести ничего не успѣлъ, но, не смотря на то, нѣсколько не потерявшись, началъ онъ усерднѣйшимъ образомъ подавать воду, понукать и ругать другихъ мужиковъ и особенно бабъ, что-нибудь не по его или не проворно дѣлавшихъ.

Кирьянъ между тѣмъ досталъ изъ-за изаухи Неопалимую Купину и, взявъ ее на руки, какъ обыкновенно носятъ иконы, сталъ съ нею обходить еще незагорѣвшуюся часть селенія. Вдругъ пламя изъ косаго направленія приняло прямое, поколебалось нѣсколько минутъ и снова склонилось, но уже въ поле, въ сторону, противоположную отъ деревни.

— Господи! полымя-то на лѣсъ пошло!... Царица небесная! — заголосили бабы. Мужики только молча перекрестились. Отецъ, молодцовато и скрестивши руки, стоялъ на крышѣ. Я же и Кутузовъ, Богъ ужь знаетъ для чего, ухвативши — онъ съ одного

конца багромъ, а я съ другаго кочергой, тащли горящее бревно. Оно наконецъ рухнуло и жестоко ударило одну бабу по боку, такъ что она кувыркнулась и не преминула намъ объяснить: «ой, дьяволы, лѣшіе экіе.» Бревно порядкомъ задѣло и меня, такъ что я едва выпарапалъ изъ-подъ него ноги. Правая штанина у меня загорѣлась и, только ужъ плюя на нее и обжогши всѣ себѣ руки, я успѣлъ ее затушить. Все это видѣвшій съ крыши отецъ поблѣднѣлъ.

— Ступай, глупый мальчишка, домой! — закричалъ онъ, заскрежетавъ зубами.

Я было вздумалъ отпрашиваться.

— Мать безпокойся, а онъ тутъ... Петръ, отвези его домой! — говорилъ старикъ, выходя изъ себя и грозя мнѣ кулаками.

— Поѣдемте, судырь! Что тутъ барчику дѣлать! — посоветовалъ и Петръ.

Я, дѣлать нечего, взмогнулъ на своего коня и отправился. Петръ послѣдовалъ за мной. Я всегда любилъ бывать съ этимъ человѣкомъ, за его веселый и разговорчивый характеръ.

— Что, Михайло Евпловъ плачетъ еще? — спросилъ я его.

— Поуняли маненько, поукачали... раза три въ огонь-то врывался: все хотѣлось кубышку-то съ деньгами выцарацать.

— А много денегъ у него было?

— Много, чортъ его дерн, накопилъ... тысячь десять, говорятъ, было...

— А сынъ его, Тимка, — тоже плачетъ?

— Да, тутъ тоже присутствуетъ, — отвѣчалъ

Петръ: — только слезъ-то не больно что-то видать у него, — прибавилъ онъ, какъ бы въ нѣкоторомъ размышленіи.

Я далъ шпоры лошади и поскакалъ маршъ-маршъ.

— Тише, тише, баринъ! право, маменькѣ скажу! — говорилъ Петръ.

Но я зналъ, что онъ не скажетъ.

Матушка насъ встрѣтила только-что не на крыльцѣ.

— И не стыдно тебѣ, не грѣхъ такъ меня мучить? — сказала она.

Я поспѣшилъ поцѣловать у ней руку и сталъ ей представлять почти въ лицахъ, какъ огонь горѣлъ, какъ Михайло Евпловъ плакалъ.

— Ну, не говори... будетъ! — произнесла она, махая мнѣ рукой и сама готовая почти разрыдаться.

Виднѣвшееся изъ нашихъ оконъ пламя все становилось меньше и меньше. Черезъ часъ послѣ того пріѣхалъ и отецъ. Загрязненный, залитый почти съ ногъ до головы водой и чѣмъ-то, должно быть, еще болѣе раздраженный, онъ шумно вошелъ въ залу. Вслѣдъ за нимъ поваренокъ Гришка, вспотѣвшій, какъ мокрая мышь, и съ закоптѣлымъ лицомъ Еирьянъ ввели подъ руки Михайла Евплова. Онъ былъ въ чѣмъ-то чужомъ полушубчикѣ, весь дрожалъ; рука и лицо его были въ крови.

— Посадите его тутъ! — сказалъ отецъ.

— Его надобно напоить чаемъ или мятой: онъ весь продрогъ! — сказала матушка.

Несчастный старикъ замоталъ головой.

— Нѣтъ, матушка: водочки дай! дай водочки! — проговорилъ онъ.

Матушка поспѣшно пошла и сама принесла ему цѣлый стаканъ.

Михайло Евпловъ выпилъ его дрожащими губами изъ ея рукъ. Она послѣ того хотѣла было подать ему кусокъ пирога, но онъ молча отвелъ его руками.

— Сведите его въ людскую, да чтобы онъ не сдѣлалъ тамъ чего-нибудь надъ собой — я съ тебя спрошу, — сказалъ отецъ Кирьяну.

Тотъ съ Гришкой хотѣлъ было поднять Михайла, но онъ не дался имъ и повалился отцу въ ноги.

— Батюшки, благодѣтели мои! не оставьте меня несчастнаго! — стоналъ онъ.

— О, старый дуракъ! сказано, что не оставятъ, — Бога только гнѣвить, — вспылилъ отецъ, между тѣмъ какъ у него у самого текли по щекамъ слезы.

— И ее злодѣйку накажите, и ее! — бормоталъ Михайло Евпловъ, ползая по полу и хватая отца за ноги.

— И ее накажутъ! Отведите его! — говорилъ тотъ, едва сдерживая себя.

Гришка и Кирьянъ подняли наконецъ бѣднаго старика и увели.

Меня вскорѣ послѣ этого послали спать, но я долго еще слышалъ изъ своей маленькой комнаты, что отецъ и мать разговаривали.

— Поджогъ! — говорилъ тотъ своимъ отрывистымъ тономъ.

— Господи помилуй! — восклицала на это матушка.

— Невѣстуха... сынокъ... — повторялъ нѣсколько разъ отецъ.

— Боже ты мой, Царица Небесная, — говорила матушка.

III.

Проснувшись на другой день поутру, я услышалъ по всему дому какое-то шушуканье и торопливую хлопотню. Гришка поваренокъ, между прочею своею службою обизанный меня одѣвать, пришелъ, по обыкновенію, съ сапогами въ рукахъ и съ глупо-форсистой рожей остановился у косяка.

— Что тамъ такое шумять? — спросилъ я его.

— Папенька вашъ въ городъ уѣхали-съ, — отвѣчалъ онъ, почему-то еще гордѣе поднимая голову.

Я всегда былъ очень доволенъ, когда отецъ куда-нибудь уѣзжалъ: его суровость, его желчное и постоянно раздраженное состояніе духа, готовое каждую минуту вспыхнуть, пугали меня, а потому и на этотъ разъ, исполнившись мгновенно овладѣвшим мною восторгомъ, а началъ перевертываться на постели на спину, на грудь и задрыгалъ ногами, приговаривая:

— Зачѣмъ онъ уѣхалъ. зачѣмъ?

— Не знаю-съ! — отвѣчалъ Гришка, и, наскучивъ вѣроятно стоять передо мной, сдернулъ съ меня одѣяло и урезонивалъ меня:

— Перестаньте баловать-то!.. Надѣвайте сапожки-то!.. мнѣ стряпать пора.

— Я сегодня приду къ тебѣ въ кухню... приду... приду... — напѣвалъ я.

— Я сегодня не въ кухню стряпаю, а у бабушки

Афимья, — отвѣчалъ Гришка и самолюбиво закинулъ свое рыло въ сторону.

— А вотъ врешь, врешь, — перебилъ я его, думая, что онъ хочетъ только отъ меня отдѣлаться.

— Право-съ! — повторилъ Гришка: — въ кухню-то Тимоѳея съ хозяйкой подъ караулъ посадили, — прибавилъ онъ уже мрачнымъ голосомъ.

— За что?

— Папенька приказали-съ... — Последнее слово Гришка протянулъ.

— А Михайло Евпловъ гдѣ?

— Въ людской лежитъ... стонетъ таково, на всю избу.

У меня вдругъ пропала вся моя веселость: я молча одѣлся, молча и тихо вышелъ. Въ двѣичьей сидѣла наша старуха ключница Афимья и старательно-старательно прядла. Это было всегда признакомъ, что она до безконечности злилась.

— Афимья! за что Тимоѳея съ женой подъ караулъ посадили? — спросилъ я ее таинственно.

— Не знаю, судырь! — отвѣчала она явно-укоризненнымъ тономъ.

— Ну вотъ; не можетъ быть, скажи!

— Не знаю, батюшка... папенькина воля! — повторила она и вздохнула.

Семья Михайла Евплова приходилась ей съ-родни.

Я отправился на улицу. День былъ ясный, свѣтлый: осеннее солнце грѣло точно средь лѣта; вновь подросшая на красномъ дворѣ, послѣ недавняго дождя, трава свѣжо зеленѣла; въ воздухъ быстро и весело летали ласточки; болѣе десятка сытыхъ и лоснящихся на солнце лошадей гуляли на ободворкѣ.

Тимка съ женой не выходили у меня изъ головы. Я рѣшился подсмотреть, что они дѣлають, и потихоньку вошелъ въ кухонныя сѣни; но тамъ на дверяхъ я увидѣлъ огромный замокъ: оставалось одно средство — заглянуть съ улицы въ окно; но я почему-то совѣстился это сдѣлать и придумалъ такого рода хитрость, что взмогнулся на близстоящія около кухни дроги, съ которыхъ все было видно, что происходило во внутренности избы: Тимка сидѣлъ у стола и смотрѣлъ въ землю; въ лицѣ его, кромѣ обычной мрачности, ничего не выражалось. На другой лавкѣ лежало что-то на-глухо закутанное кафтаномъ. Я догадался, что это была жена его Марья. Мнѣ сдѣлалось страшно, и почему-то показалось, что она умерла и что это былъ уже только трупъ ея. Я, по крайней мѣрѣ, разъ пять, взлѣзалъ на дроги и въ послѣдній разъ наконецъ скрылся и Тимка, и только по видѣвшимся его лаптямъ я понялъ, что и онъ тоже легъ, но только въ глубь, въ куть избы. Между тѣмъ Марья не перемѣняла своего положенія, и это окончательно меня убѣдило, что она умерла. Въ страхъ, и не зная съ вѣмъ бы имъ подѣлиться, я нѣсколько времени ходилъ по двору: людей, какъ всегда это бывало въ лѣтнее время, не было почти никого дома, всѣ были на работѣ, и только изъ Афимьиной избы слышно было, что Гришка отчаянно рубилъ котлеты или начинку въ пирогъ, выбивая ножами складно трепака. Я подошелъ къ окну, которое было полурастворено и изъ котораго валилъ дымъ и жаръ.

— Григорій, а Григорій? — повторилъ я нѣсколько разъ.

— Чего вамъ-съ? — отозвался онъ наконецъ, гордо высовывая свою морду въ окно.

— Тамъ въ кухнѣ Марья лежитъ: не умерла-ли ужь она?

— Да съ чего ей умереть?

— А что же она все лежитъ?

— Спать, чай, — отвѣчалъ онъ мнѣ, и самолюбивѣйшимъ образомъ повернулся и отошелъ отъ окна.

Я простоялъ на своемъ мѣстѣ нѣсколько времени, какъ опѣшенный, и за обѣдомъ рѣшился наконецъ свое безпокойство сообщить матери.

— Маменька, Тимофея съ женой подъ варауль посадили, ну какъ они тамъ умрутъ? — сказалъ я.

Мать сначала посмотрѣла мнѣ въ лицо и потомъ, проговоря: — какія ты глупости говоришь, — сама вздохнула.

Тотчасъ же послѣ стола я опять отправился на дроги и — не могу описать вамъ моего восторга — Марья больше ужь не лежала, а сидѣла; красивое лицо ея было не столько печально, сколько измято; платокъ на головѣ нѣсколько сбитъ и рубашка на груди разстегнута.

— А что, Михайло Евпловъ живъ-ли, — подумалъ я и прямо съ дрогъ пошелъ въ людскую. Изба эта, такъ какъ въ ней пеклись людскіе хлѣбы и варилося для дворовыхъ варево, была самая жарко-натопленная и постоянно почти пустая; въ этотъ разъ я въ ней только и нашелъ, что десятка три мухъ, ползавшихъ по столу и подѣбдавшихъ оставшіяся тутъ крохи хлѣба и квасныя пятна. Я заглянулъ за перегородку. Тамъ въ зыбкѣ лежалъ одинъ-одинехонекъ полугодовадый синишко стряпухи, съ поднятой

почти до самаго горла рубашенкой. Только-что передъ тѣмъ вѣроятно распеленатый, онъ съ величайшимъ, кажется, наслажденіемъ смотрѣлъ себѣ на кулачки и сгибалъ и разгибалъ свои ноженки. По веселому личику его тоже ползла муха, и онъ отъ этого только слегка поморщивался. Я согналъ ему эту муху; онъ еще больше улыбнулся. По стоявшей на голбцѣ квасницѣ, я сообразилъ, что больной, должно быть, лежить на печкѣ. Вставъ на нижнюю ступеньку, я потихоньку заглянулъ туда, но по темнотѣ ничего не могъ рассмотреть, и только оттуда сильно пахнуло квашней. Я поспѣшилъ слѣзть и уйти. Цѣлый день я ходилъ какъ шальной, не зная, за что бы приняться и что бы начать дѣлать. Къ вечеру моя дѣтская фантазія еще болѣе разыгралась, и когда меня уложили въ постельку и оставили одного въ комнатѣ, мнѣ стало и жаль арестантовъ, и въ то же время я боялся ихъ. «Они цѣлый день ничего не ѣли и теперь они лежатъ и имъ тошно!» думалъ я, а потомъ мнѣ вдругъ представлялось, что Тимка непременно выломаетъ окно, вылѣзетъ, возьметъ топоръ и зарубитъ меня и маменьку. Страхъ этотъ во мнѣ дошелъ до того, что я прислушивался къ каждому, довольно отдаленному отъ меня хлопанью дверьми въ дѣвичьей, къ малѣйшему шуму въ лакейской, наконецъ, когда явно слышалъ, что въ залъ кто-то ходитъ, я не утерпѣлъ, вскочилъ и выглянулъ туда.

— Кто это? — произнесъ я почти обмирающимъ отъ ужаса голосомъ.

— Я это, батюшка, — отвѣчалъ мнѣ голосъ,

Оказалось, что это Афи́мья пришла въ залъ молиться.

Я нѣсколько поуспокоился и опять улегся...

IV.

Часу во второмъ ночи тотъ же Гришка меня разбудилъ.

— Ступайте въ темненькую комнату ночевать-сь, — сказалъ онъ.

— Что... зачѣмъ? — спросилъ я съ просонья и въ испугъ.

— Исправника тутъ положить — пріѣхалъ.

Не понявъ хорошенько, въ чемъ дѣло, я однако всталъ и босикомъ, въ одной рубашонкѣ, завернувшись въ одѣяльце, прошелъ по довольно холодному корридорѣ и, укладываясь на новое мѣсто, разгулялся: въ гостиной я слышалъ, что отецъ съ исправникомъ ужинали. Отецъ что-то такое вполголоса и, по обыкновенію своему, отрывисто рассказывалъ ему, на что исправникъ громко хохоталъ, вслѣдъ затѣмъ кашлялъ, харкалъ. Остававшееся празднымъ, мое воображеніе начало представлять себѣ исправника огромнымъ мужчиной, съ огромнымъ животомъ. Но это оказалось не совсѣмъ такъ: когда я на другой день вышелъ къ чаю, то увидѣлъ, что съ отцомъ раскланивался небольшого роста мужчина, съ сутуловатымъ бычачьимъ шивороткомъ, широкій въ плечахъ и съ шпрокою, львиною грудью.

— Итакъ я иду, — говорилъ онъ.

— Сдѣлайте одолженіе, — отвѣчалъ отецъ разсѣянно.

Матушка, разливавшая чай, держала глаза потупленными.

Исправникъ пошелъ. Я перебѣжалъ въ двѣичью, чтобы оттуда изъ окна наблюдать за нимъ. На крыльцѣ его встрѣтилъ съ бляхой на груди и подомомъ въ рукѣ сотскій и снялъ шапку. Исправникъ сдѣлалъ усиліе приподнять нѣсколько свою сутуловатую голову. Сидѣвшіе на колодѣ наши мужики-погорѣльцы, при видѣ его, тоже встали и сняли шапки. Исправникъ сдѣлалъ еще болѣе усилія приподнять свою голову. Сотскій, въ нѣкоторомъ отдаленіи и не надѣвая шапки, слѣдовалъ за нимъ. Они прошли въ кухню. Вскорѣ послѣ того въ кухонныя сѣни вышелъ Тимошей и сотскій, и оба флегматически остановились въ дверяхъ на улицу — одинъ у одного косяка, а другой у другаго, и оба ни слова не говорили между собою. Мужиковъ пять изъ погорѣльцевъ, одинъ за другимъ, слѣзли съ колоды и разлеглись по травѣ: пригрѣтые солнцемъ, они вскорѣ тутъ заснули. Тимошею наконецъ увелъ въ кухню и, вмѣсто его, сотскій вывелъ Марью. Она усѣлась на рундучкѣ и пригорюнилась. Сотскій съ убійственнымъ равнодушіемъ глядѣлъ ей въ спину. Я перешелъ въ залу. Тамъ отецъ ходилъ взадъ и впередъ, закидывая глаза вправо и влѣво, разводилъ руками и что-то такое нашептывалъ. Мать затворилась въ своей комнатѣ и, должно быть, молилась. Ключница Афимья съ явными уже слезами, текшими по ея морщинистому лицу, приготовляла закуску.

Не зная, куда отъ тоски и скуки дѣваться въ домѣ, я вышелъ на улицу. Марья уже не было на крыльцѣ, и стоялъ одинъ только сотскій, курия изъ

коротенькой, но въ мѣдной оправѣ трубочки и сплевывая повременамъ сквозь зубы тонкой струей слюну. Я осмѣлился подойти и заговорить съ нимъ.

— Что тамъ дѣлаютъ? — спросилъ я его, указывая на кухню.

— Допрашиваютъ-съ...—отвѣчалъ онъ мнѣ, осматривая меня съ ногъ до головы.

— Что же допрашиваютъ?

— По дѣлу-съ, по поджогу... Вы сынокъ, что-ли, здѣшняго-то барина?

— Сынъ.

— Похожи маненько на папеньку-то, — заключилъ сотскій, и своей зачерствѣлой рукой погладилъ меня по головѣ.

Въ это время Гришка, въ совсѣмъ ужь дурацкой, съ высочайшими воротничками манишкѣ, и въ сюртукѣ, далеко-сшитомъ не на его ростъ, форсисто пронесъ въ кухню закуску съ графиномъ водки и съ двумя бутылками наливки.

— Вы въ горницу взойдите и завтракать ступайте въ людскую... — сказалъ онъ, проворно проходя и кивая сотскому головой.

Тотъ стыдливо пошелъ въ дѣвичью, и когда возвратился оттуда, то самодовольно обтиралъ рукою усы: видимо, что онъ получилъ приличную порцію. Проходя въ людскую мимо спящихъ мужиковъ и замѣтно повеселѣвъ, онъ ткнулъ одного изъ нихъ своимъ подождкомъ и проговарялъ:

— Что ты тутъ, чортъ, дрыхнешь?

Мужикъ приподнялъ немного голову, взмахнулъ на него глаза и опять улегся.

Недолго послѣ того Гришка вынесъ изъ кухни

закуску обратно, съ выпитымъ почти до дна графиномъ и съ объѣдками пролога и колбасы. Двѣ бутылки наливки остались еще тамъ. Затѣмъ сцены на дворъ значительно оживились: сначала въ сѣни выбѣжалъ длинноносый чиновникъ, вѣроятно писарь исправника, и вида, что никого тутъ нѣтъ, и проговора: «никогда его шельмы нѣтъ на мѣстѣ!..» крикнулъ погорѣльцамъ: «эй вы, пошлите сюда сотскаго и прикащика».

Изъ лежавшихъ на травѣ мужиковъ хоть бы одинъ пошевелился, и только тотъ же дѣятельный Спиридонъ Кутузовъ, все время сидѣвшій на колодѣ и что-то такое съ жаромъ толковавшій другому мужику, при этомъ возгласѣ вскочилъ и побѣжалъ въ людскую. Оттуда выскочили и проворно пробѣжали въ кухню нашъ Кирьянъ съ своей озабоченной рожей, и сотскій, только-что начинавшій было багровѣть отъ получаемаго имъ за щами удовольствія. Кирьянъ впрочемъ вскорѣ снова показался и началъ еще болѣе безвовойными и отупѣвшими глазами оглядываться. Замѣтивъ возвращавшагося на свое мѣсто Кутузова, онъ подкликнулъ его и что-то такое сказалъ ему.

— Да гдѣ? — спросилъ тотъ скороговоркой.

— Да хоть въ саду! — отвѣчалъ ему Кирьянъ тоже скороговоркой.

Кутузовъ побѣжалъ.

Кирьянъ остался на мѣстѣ и замѣтно поджидалъ его. Спиридонъ наконецъ возвратился съ пучкомъ прутьевъ въ рукахъ.

— О, чортъ, мало! — воскликнулъ Кирьянъ, сердито вырывая у него прутья.

— Я еще сбѣгаю! — подхватилъ съ готовностью Спирidonъ и опять побѣжалъ.

Кирьянъ сталъ прутья развязывать на пучки.

— Неровныхъ какихъ, дьяволь, надомаль, — говорилъ онъ, обшмыгивая и обдергивая ихъ.

Спирidonъ недолгъ принесъ еще большой пучекъ и потомъ они, что-то такое переговоривъ между собою, скрылись въ кухонныхъ сѣняхъ, войдя въ которыя, дверь съ улицы притворили.

Я осмѣлился приблизиться на нѣкоторое разстоянiе къ кухнѣ. Оттуда слышался голосъ и харканье исправника. Наконецъ на крыльцѣ показался прежнiй длинноносый чиновникъ.

— Пошлите нашего кучера!.. — крикнулъ онъ.

Продолжавшiй сидѣть на колодѣ мужикъ, кажется, и не понялъ его.

— Кучера пошли! — повторилъ ему письмоводитель.

Мужикъ нѣхотя всталъ и пошелъ на сѣноваль, съ котораго вскорѣ и сошелъ дѣйствительно кучеръ, съ заспанной рожей и съ набившимся въ включенные волосы сѣномъ, въ поношенной казинетовой поддевки безъ рукавовъ, въ вытертыхъ плисовыхъ штанахъ и только въ новыхъ, сильно смазанныхъ дегтемъ сапогахъ. Неторопливой и спокойной походкой, какъ человекъ привыкшiй къ тому, къ чему его звали, прошелъ онъ въ кухню; я догадался наконецъ, въ чемъ дѣло. Ужасъ овладѣлъ мною окончательно: я убѣжалъ въ свою комнату, уналъ на постель, закрылъ глаза и зажалъ себѣ уши!!!

Обѣдать у насъ подали, чего прежде никогда не бывало, часамъ къ четыремъ, и когда я вышелъ въ залу, тамъ всѣ уже сидѣли за столомъ: исправникъ, присмакивая и даже какъ-то присвистывая, жадно ѣлъ щи. Матушка, сама разливавшая горячее, грустно и молча указала мнѣ на мѣсто подлѣ себя. Письмоводитель исправнической тоже сидѣлъ за столомъ, уткнувши свой длинный носъ въ тарелку и точно смотрѣлъ въ нее не глазами, а этимъ органомъ. Отецъ былъ въ прежнемъ раздраженномъ состояннн.

— Этакіе злодѣи, варвары!.. — говорилъ онъ, тряся руками и головой.

Исправникъ хохотнулъ слегка.

— Краснаго пѣтушка это по-ихнему называется пустить... Четвертое дѣло у меня этакое вотъ на этомъ году, — говорилъ онъ, едва прожевывая огромные кусищи говядины и хлѣба, которые засовывалъ себѣ въ ротъ.

— Пятое-съ, — поправилъ его письмоводитель.

— И все бабенки эти?.. бабенки? — спросилъ отецъ, продолжая трястись отъ бѣшенства.

— Бабенки — да! — отвѣчалъ исправникъ.

Письмоводитель слегка кашлянулъ себѣ въ руку.

— Одна, по ревности, весь свадебный повѣздъ было выжгла: тремя колами дверь приперла... мужики топорами ужъ простѣнокъ выломали и повыскакали, — проговорилъ онъ.

— Самыхъ бы разбойниковъ этакихъ на огонь!.. самихъ бы! — говорилъ отецъ, и глаза его, ни на чемъ уже не останавливаясь, продолжали бѣгать изъ стороны въ сторону.

Исправникъ захохоталъ полнымъ смѣхомъ.

— На огонь?.. Въ подозрѣнїи только оставили! — воскликнулъ онъ, устремляя на отца насмѣшливый взглядъ: — у насъ воръ и разбойникъ запирайся только — всегда правъ будетъ! — прибавилъ онъ и глотнулъ, какъ устрицу, огромную галушку.

— Узданный судъ еще на насъ представленіе дѣлалъ, — замѣтилъ попрежнему скромно, но съ ядовитой улыбкой писмоводитель: — зачѣмъ мы побѣжанъ подъ присягой спрашивали: они, говоритъ, люди въ дѣлу прикосновенные.

Отецъ нѣсколько разъ повернулся на стулѣ.

— По Кузмищеву лучше было! — подхватилъ исправникъ, и въ видахъ, вѣроятно, вышаго внушенія взялъ ужь его за бортъ сюртука: — есть тамъ Николая Гаврилыча Кабанцова мужиченки — плутъ и мошенникъ народишко... приступили они къ нему, — дай онъ имъ лѣсу. Тотъ говоритъ, — погодите: у васъ избы еще не пристоялись... Они взяли спокойнѣйшимъ манеромъ, вынесли всѣ свои пожитки въ поле, выстроили тамъ себѣ шалашики, а деревню и запалили, какъ огнище.

Отецъ отъ волненія и гнѣва ничего не въ состояніи былъ и говорить, а только глядѣлъ во всѣ глаза.

— Прїѣзжаю я на мѣсто, — продолжалъ исправникъ: — ну и, разумѣется, сейчасъ же всѣ и сознались... Николай Гаврилычъ прискакалъ ко мнѣ, какъ сумасшедшій... «Батюшка, говоритъ, пощади; вѣдь я лишуюсь 50-ти душъ, всѣ на каторгу идутъ.» Такъ и покрыли разбойниковъ — показали, что деревня отъ власти Божіей сгорѣла.

— Что же, и наша женщина созналась? — спросила матушка, каждую минуту трепетавшая за отца и желавшая на что-нибудь только да переменить разговоръ.

— Какже-съ, совершенно во всемъ какъ есть... — отвѣчалъ ей исправникъ съ замѣтною любезностью.

— И мужъ съ ней участвовалъ?

— Совершенно-съ! и труту ей приготовилъ, и лучины нащепалъ, и стражемъ стоялъ, чтобы кто не подсмотрѣлъ ихъ дѣяній.

— Но что же за причина? — спросила матушка.

— Причина! — произнесъ отецъ и началъ растграть себѣ грудь рукою.

Исправникъ пожалъ плечами.

— Спросимъ уже объ этомъ... поразспросимъ, — отвѣчалъ онъ.

— Самъ старикъ, говорятъ, тутъ виноватъ, — пробурчалъ больше себѣ подъ носъ писмоводитель.

Отца точно кто кольнулъ.

— Какъ старикъ? — сказалъ онъ, кидая на приказнаго свирѣпый взглядъ; но въ это время встали изъ-за стола. Исправникъ расшаркался передъ матушкой, поцѣловалъ у нея руку и отправился спать. Писмоводитель тоже пошелъ уснуть, но только на сновалъ, гдѣ спалъ и кучеръ ихній.

Я вышелъ на крыльцо и усѣлся на немъ. Ко мнѣ подошла наша дворовая собака Лаика. Я обнялъ ее: «Лапушка, другъ мой, что такое у насъ дѣлается?» говорилъ я, цѣлуя ее въ морду. Она въ отвѣтъ на это лизнула мнѣ щеку, потомъ вдругъ, завилаявъ хвостомъ, побѣжала отъ меня къ садовой калиткѣ, изъ которой выходилъ ея прокормитель и воспита-

тель по части хожденія за утками, тетеревами и бѣлками, нашъ старый садовникъ Илья Мосѣичъ, въ своемъ заскорбломъ отъ старости сюртукѣ и въ сапогахъ, изорванныхъ по всевозможнымъ мѣстамъ и шлепавшихъ теперь отъ мокроты. Лицо Мосѣичъ имѣлъ нѣсколько французское, съ заостреннымъ птичьимъ носомъ, съ довольно тонкими очертаніями и съ небольшими вѣлочками висѣвшихъ по щекамъ бакенбардъ. Онъ только-что сейчасъ возвратился съ рыбной ловли, ради которой, не докладывая даже господамъ, на собственные свои деньги нанималъ у займовскихъ мужиковъ тони по четвертаку за штуку, имѣя въ этомъ случаѣ въ виду, что прорвало Пятковскую мельницу, — и дѣйствительно, въ три раза было вытащено четыре пуда щукъ, которыя онъ уже своими руками выпотрошилъ и посолилъ на погребъ, а въ Филиповъ постъ и объявилъ матушкѣ, что у него рыбы есть и чтобы она не беспокоилась. Теперь онъ шелъ за грибами, и тоже больше для господскаго продовольствія. Я сталъ просить его взять меня съ собой. Илья Мосѣичъ насмѣшливо посмотрѣлъ на меня.

— Что въ лѣсу хорошаго взять?.. пеня, коренья надо перелѣзать, нагибаться... господа любятъ только грибки кушать за столомъ, — проговорилъ онъ съ ядовитою улыбкою.

Я однако продолжалъ проситься и почти насильно пошелъ за нимъ. Лапка тоже побѣжала за нами.

Илья Мосѣичъ могъ быть названъ безцѣннымъ человекомъ для отца и матери: кромѣ ужь поставленія рыбы и дичи къ столу, онъ овладѣвалъ для нихъ и другими благами природы. Нашъ огромный

садъ, который давалъ до 5-ти тысячъ огурцовъ, до 100 арбузовъ, до 100 дынь, ягодъ разныхъ на нѣсколько пудовъ варенья, былъ рѣшительно его трудами созданъ и поддерживаемъ. Мало того, онъ получалъ еще за него гоненье, особенно когда весной поупросить или понастрашаетъ и заставить дворовыхъ женщинъ полоть нѣсколько грядъ.

— Ты, старая кочерга, все въ свое заведеніе у меня народъ отводишь!.. — закричитъ бывало на него отецъ.

Илья Мосѣичъ обыкновенно въ этомъ случаѣ и не оправдывался, а махнетъ только рукой и уйдетъ тамъ у себя за какой-нибудь кустъ, или засядетъ въ грядку.

Въ торжественные дни, когда Илья Мосѣичъ призывался быть лакеемъ, и когда, вмѣсто заскорбдой хлампы, надѣвалъ свой болѣе новый вердепомовый сюртукъ, сшитый еще по той модѣ, когда наши входили въ Парижъ, онъ съ особенной важностію, какъ-будто бы это была его собственность, подавалъ: во-первыхъ, ерофепчъ, настаиваемый травами его произрастеній, потѣмъ квасъ, который всегда заваривалъ онъ, а не поваренокъ, и, наконецъ, соленье и особенно зелень. Весьма часто, уставляя закуску, онъ вдругъ, сколько бы тутъ ни было гостей, указывая на редиску, замѣчалъ съ внушительною миной: — 25 апрѣля снята!

При такомъ, невидимому, страстномъ усердіи къ господамъ, Илья Мосѣичъ въ то же время не любилъ ихъ и нѣсколько ужъ не уважалъ, считая себя безусловно умнѣе ихъ, даже образованнѣе, такъ какъ они хоть и грамотнѣе поучены, но читаютъ въ

книгахъ все пустяки, а онъ все читалъ книги умныя, какъ напрымѣръ: *о леченіи домашнихъ животныхъ купоросомъ; объ уходѣ за пчелами; о разведеніи свекловицы.* Вступая въ разговоръ съ какимъ-нибудь бариномъ или священникомъ, онъ никогда почти не говорилъ прямо, а по большей части рассказывалъ при этомъ случаѣ какой-нибудь анекдотъ или давно случившееся происшествіе, изъ котораго и выводилъ, что было ему нужно. Своего брата онъ тоже больше презиралъ и не чуждъ былъ посудить о немъ, и тоже больше все притчей.

— Оомкино у насъ выгорѣло, — говорилъ я, едва поспѣвая за нимъ идти.

— Да, Оомкино выгорѣло, Бычиха горѣла, Климцово... Солдатово... и много и долго еще будутъ горѣть русскія деревеньки, — произнесъ Илья Мосѣвичъ какимъ-то пророческимъ тономъ.

Послѣ того мы все поле прошли съ нимъ молча.

— Прежде народъ лучше былъ... умнѣе... мудрецовъ много было!!.. — заговорилъ онъ, снова обращая ко мнѣ свое вопросительное лицо.

— Какіе же? — сказалъ я.

— Да вотъ былъ царь Соломонъ, — отвѣчалъ онъ, какъ бы открывая мнѣ новую Америку: — разъ приходятъ къ нему двѣ женщины, двѣ бабы дуры! (Мосѣвичъ, не совсѣмъ счастливый въ семейной жизни и болѣе преданный любви къ природѣ, постоянно отзывался о женщинахъ съ несовсѣмъ выгодной для нихъ стороны.) Одна изъ нихъ, по нечаянности, ребенка своего ночью и заспала, а какъ дѣло пришло къ утру, — мать и чужая про живаго ребенка говорятъ: «это мой ребенокъ». Царь Соломонъ беретъ

сейчасъ свой мечъ: «Хорошо, говоритъ, коли такъ, я разрублю вамъ его на-двое»... Мать-то настоящая сейчасъ и откликнулась: «Ай, нѣтъ, нѣтъ! говоритъ, это ея ребенокъ». — «Нѣтъ, говоритъ ей царь Соломонъ, онъ твой: ты его жизнь пощадила». Ей сейчасъ отдаетъ младенца, а другую велѣлъ посадить въ острогъ и на поселенье... Ну, такъ вѣдь тоже не всѣхъ господа цари Соломоны!!.. — заключилъ старикъ и внушительно качнулъ миѣ головой.

Попавшійся на пути намъ соснякъ перемѣнилъ теченіе его мыслей.

— Забѣжать тутъ надо, отварушечекъ для папеньки къ ужину набрать! — проговорилъ онъ и скрылся отъ меня.

Я пошелъ по закраинѣ лѣса. Мосѣвичъ пропалъ на-долго: онъ забрался, вѣроятно, въ самую глушь; каждая благушка, каждая спорхнувшая птичка обыкновенно занимали его вниманіе. Я началъ наконецъ аукаться и выкликать его, и только ужъ черезъ полчаса сошелся съ нимъ на небольшой открытой полянѣ. У него была почти полная корзинка грибовъ, а я всего нашелъ три или четыре гриба.

— Только-то?.. мало же, — сказалъ онъ, видая ихъ съ пренебреженіемъ въ свое лукошко: — кабы вы не барчикъ были, а дворовый мальчишка, васъ бы за это наказали... и больно... да еще сказали бы, что вы гдѣ-нибудь въ полѣ, подъ кустомъ, припрятали для батеньки и матки.

Я слушалъ его, далеко еще не понимая, сколь ядовито онъ для меня говорилъ.

— Господа говорятъ, — продолжалъ Мосѣвичъ бо-
лѣе серьезнымъ тономъ (онъ вообще любилъ со мной

поговорить и нисколько ужь не церемонился), — говорятъ, что мы другаго рода — Хамова, а они — отъ Авеля. Это такъ, положимъ! Но вѣдь иногда и комаръ лишаетъ жизни льва — все приставать къ нему будетъ, надъ ухомъ звенѣть, а убить-то тотъ его не можетъ!.. малъ очень... увертывается... левъ терпѣлъ и наконецъ самъ себя отъ гнѣва загрызъ; и это не то, что выдумка какая, а настоящее было.

— Это басня, — возразилъ было я.

— Нѣтъ, настоящее! — повторилъ настойчиво Мосѣичъ: — въ Абаховскомъ приходѣ теперь жилъ помѣщикъ, по фамиліи Хитрецовъ, еще маненько и сродственникъ вашему дѣдушкѣ. Какъ вотъ въ сказкахъ сказывается о могучемъ змѣѣ-горыничѣ или вепрѣ дикомъ, такъ и онъ, пожалуй, былъ, а послѣ того попался же изъ-за нашего брата...

На послѣднихъ словахъ у Ильи замѣтно появилась въ лицѣ какая-то насмѣшливая радость; я же съ своей стороны окончательно переставалъ понимать, что такое и къ чему онъ все это говоритъ.

— Или теперича, Господи ты Боже мой! — продолжалъ онъ, пожимая ужь плечами и пришедши видимо въ экстазъ своего мышленія: — иностранцы, вонъ, къ намъ разные, венгерцы ходятъ съ духами и лекарствами; «русскя, говоритъ, человекъ глупъ, не можетъ ничего дѣлать». — «Какъ, говорю, стой, братъ, мусью», и сейчасъ нарвалъ самыхъ простыхъ цвѣтиковъ и поднесъ ему къ носу. «Нака, говорю, сдѣлай мнѣ такіе духи; а какъ ты-то носишь, такъ и я сдѣлаю: да не хочу, потому что и землю, и хлѣбъ имѣю, а ты къ намъ съ голоду пришелъ: мы къ вамъ не ходимъ, какъ не зачѣмъ».

Мосѣичъ, при всемъ своемъ нѣсколько мизантропическомъ взглядѣ на вещи, былъ постоянно большой патріотъ.

Мнѣ между тѣмъ хотѣлось ужь чаю; я сказалъ ему о томъ.

— Пойдемте! — отвѣчалъ онъ мнѣ нѣсколько насмѣшливо.

— Баре-то, подумаешь, — началъ онъ послѣ короткаго молчанія: — поутру чай пьютъ, кофей, объедаютъ... потомъ опять чай, ужинаютъ; а мы-то, грѣшные, ѣдимъ — когда попало и что ни попало.

Дорога, ведущая обратно въ усадьбу, открылась передъ нами, извинаясь лентой по зеленѣвшему озимому полю. Лапка, тоже оттуда-то появившаяся и только-что вѣроятно передъ тѣмъ придавившая какого-нибудь зазѣвавшагося зайченка, была съ озрѣвевшимъ рыломъ и весело начала прыгать около Мосѣича, подскакивать къ его рукѣ, лизать ее.

— Вонъ она, тварь безчувственная! — сказалъ онъ, показывая мнѣ ласково на нее: — а если теперь ладо къ птицѣ подошла, прибей ее, поколоти тутъ, другой разъ она все дѣло испортитъ: и вертѣться станеть, и бояться, тревожиться... Человѣкъ же и подавно: безъ вины его наказать — не на хорошее, а больше на худое направить: другой съ отчаянности Богъ знаетъ что накуралеситъ, какъ и Машка наша теперь!

— А Марью разѣ наказывали? — спросилъ я, обрадованный, что разговоръ наконецъ склонился на понятный для меня предметъ.

— Н-ну! — произнесъ Илья Мосѣичъ протяжно: —

рано еще вамъ все знать... молоденьки вы! — прибавилъ онъ полшутливо и полунаставнически.

Съ небольшого пригорка, на который мы вскорѣ взошли, намъ кинулось въ глаза довольно уже низко стоявшее солнце. Кверху оно бросало, точно стрѣлы, золотые лучи, а внизу освѣщало сзади деревья нашей березовой рощи, которыя, въ весьма замѣтной перспективѣ, отдѣляясь одно отъ другаго, трепетали въ воздухѣ своими зелеными листочками.

Илья Мосѣичъ нѣсколько времени стоялъ въ умилениіи передъ этой картиной.

— Батюшка — наше солнышко! — заговорилъ онъ, качая головой:— всѣмъ оно одинаково свѣтитъ, и большому дереву, и малому, и худой травѣ, и хорошей, — а господа такъ нѣтъ, ой, какъ нѣтъ! Только и любятъ, и уважаютъ, что богатыхъ своихъ подчиненныхъ: они у нихъ умные и честные, и добрые, а спросилъ бы, что такое значитъ богатый мужикъ? Наипервая бестія изъ всѣхъ, потому что — гдѣ мужику взять: онъ и барину подай, и въ казну, и въ ширь. А руки-то всего двѣ — значитъ, когда хочешь богатѣть, — плутуй! И если теперь нашъ братъ разбогатѣлъ, развѣ доброе и хорошее онъ творить станетъ, — жди того: какъ-же! пить, да жрать, да... Въ священномъ писаніи именно про мужиковъ, должно быть, сказано, что легче борову свиному пройти въ игольные уши, чѣмъ богатому въ царство небесное, потому что онъ, ави сатана, со всѣми смертными грѣхами путами спутанъ.

Сказавъ это, Илья вдругъ остановился. Мы были почти у самаго тына нашего сада.

— Вы ступайте дорогой, а я вотъ туда посе-

кретнѣй проберусь, а то папенька, пожалуй, увидитъ: «въ этакое, скажетъ, время, бестія, за грибами ходишь».

Проговори это, онъ юркнулъ въ нарочно и вѣроятно издавна уже сдѣланную лазейку, глухо-глухо заросшую всякаго рода зеленью, а потомъ сталъ пробираться по самой темной аллеѣ, нагибаясь и прячась за деревья.

«Что это папенька, зачѣмъ бранитъ Илью? Онъ такой славный», подумалъ я, обходя садъ кругомъ.

Въ воротахъ усадьбы я увидѣлъ, что со двора съѣзжалъ исправникъ въ легонькомъ тарантасѣ, на тройкѣ съ расписной дугой, съ колокольцами и бубенцами, съ ухорски развязанными на трокахъ пристяжными, которыя своими обозленными мордами только-что не хватали земли. Я оробѣлъ и поклонился ему.

— Прощайте, душенька! — проговорилъ онъ, дѣлая мнѣ рукой.

Сидѣвшій рядомъ съ нимъ писмоводитель тоже слегка приподнял фуражку и поклонился, но только не глядя на меня. Въ слѣдъ за тарантасомъ ѣхалъ на крестьянской лошади и въ навозной телегѣ Спиридонъ Кутузовъ, еле-еле примостившійся на кое-какъ сдѣланной въ передкѣ бесѣдочкѣ, на которой, занявъ гораздо большее пространство, помѣщался также и сотскій, оборотясь лицомъ къ задѣ. Въ самой телегѣ сидѣли, и врядъ-ли не привязанные къ ней, Марья, покрытая, какъ повитая невѣста, съ головы до ногъ въ какую-то крашенину, и Тимошей — тоже съ потупленной внизъ головой и въ нахлобученной почти на самые глаза шапкѣ. Въ усадьбѣ было со-

вершено пусто, и только передь растворенной ужь бухней Гришка огромнымъ топоромъ рубилъ дрова, закусивъ языкъ на правую сторону и каждый разъ прикряхтывая, видимо желая тѣмъ показать, что онъ мастеръ и молодецъ на это дѣло. Я прошелъ черезъ заднее крыльцо въ домъ и засталъ тамъ страшную сцену: отецъ, съ пивной у рта, ходилъ по комнатѣ.

— Меня обмануть? Меня?.. меня? — кричалъ онъ, закидывая голову назадъ и какъ бы вопрошая самый воздухъ.

Матушка, слѣдвшая тутъ же въ гостиной и при всѣхъ его вспышкахъ всегда старавшаяся сохранить присутствіе духа, на этотъ разъ едва владела собой.

— Я удивляюсь, какъ ты этого не знала... я давно это знала, — проговорила было она.

— А, ты знала! ты знала! — вскричалъ отецъ, но подбѣгая ужь къ ней. — Отчего жъ ты мнѣ не сказала?... отчего? — прибавилъ онъ, отступая отъ нея на нѣсколько шаговъ и выпрямляясь, точно готовый сейчасъ же произнести ей смертный приговоръ. — А, ты госпожа, помѣщица здѣшняя!.. Ты все можешь знать и всѣмъ располагать; а я нищій... голышъ, приведенный сюда такъ... Христа-ради?.. Врете! я господинъ всѣмъ вамъ: и тебѣ, и твоей челяди!

Матушка пожала плечами, и на глазахъ ея навернулись слезы: это оскорбленіе было самое горькое и обидное для нея.

— Изъ чего ты бѣснуешься, я понять не могу, — сказала она.

— Ты не понимаешь — да! Не понимаешь, что

я, можетъ, и двухъ его первыхъ сношенокъ погубилъ... и этихъ несчастныхъ наказывалъ... всегда держалъ его руку... на эшафотъ ихъ теперь возвелъ... какими молитвами отмолить мнѣ у Бога эти мои прегрѣшенія?... какими?...

— Но вѣдь ты самъ говоришь, что не зналъ этого.

— Что же, я и теперь не знаю!... Я самъ, своими глазами, видѣлъ ея показанья... онъ ей проходу не давалъ — все адресовался, а что она «нѣтъ», такъ билъ ее и сына. Мнѣ и идти теперь — благодарить его: благодарю, батюшка Михайло Евплычъ, покорно, что вы развратили всю вашу семью и мнѣ случай въ томъ поспособствовать вамъ дали.

— Его и безъ тебя ужъ Богъ поваралъ, потому накажутъ и по закону, по суду, — замѣтила кротко матушка.

— А — да!! по закону, по суду, вотъ что! — воскликнулъ старикъ съ ожесточеннымъ смѣхомъ. — А ты слышала, что неправникъ говорилъ? Слышала? Есть у тебя уши? Такъ нѣтъ же, врите, я его накажу! я!... Кирьяна мнѣ!... Кирьяна!...

Последнія слова онъ едва уже выговаривалъ.

Припадокъ гнѣва въ этотъ разъ такъ былъ силенъ въ немъ, что даже матушка встала и ушла отъ него.

— Пошлите къ барину Кирьяна, — сказала она, проходя дѣвцую и сколько только могла спокойно, горничнымъ дѣвушкамъ.

Тѣ побѣжали.

Я, все время тихонько сидѣвшій въ залѣ, плача и обмирая отъ страха, рѣшительно не зналъ, что мнѣ съ собой дѣлать.

— Кирьяна... Кирьяна! — продолжалъ между тѣмъ шептать отецъ, скрежеща зубами и сжимая кулаки. Черезъ нѣсколько минутъ Кирьянъ, позеленѣвшій отъ страха, стоялъ передъ нимъ.

Отецъ такъ и впился въ него глазами.

— Возьми сейчасъ, — заговорилъ онъ прерывающимся голосомъ: — этого Евлова... стащи его за волосы съ печи... кинь его въ телегу и вези за правникомъ... скажи, чтобъ его на поселенье взялъ... Не надобно мнѣ его... Писать я теперь не могу, послѣ все напишу... послѣ.

Кирьянъ хотѣлъ было поскорѣй убраться.

— Но если же ты его не доведешь, если не отдашь тамъ, я тебя самого убью и растерзаю, — закричалъ ужъ на него безумный старикъ и побѣждалъ было за нимъ.

— Помилуйте-съ! сейчасъ все исполню, — отвѣчалъ тотъ, едва успѣвая затворить передъ нимъ за собой дверь, и потомъ дѣйствительно нѣкто ужъ и не впдалъ, какъ онъ собирался, захватилъ съ собой Михайла и утхалъ.

Отецъ между тѣмъ возвратился въ гостиную и, тяжело дыша, опустился на диванъ. Несчастные припадки гнѣва всегда кончались для него ужасно; его обыкновенно оставляли одного въ комнатѣ, притворяли въ ней дверь и подавали ему только холодной воды. Все это повторилось и теперь. Мать пересѣла къ дверямъ гостиной, чтобъ прислушиваться, что тамъ будетъ происходить. Я помѣстился около ея козлы и сталъ цѣловать ея руки.

— Для тебя только, другъ мой, и желаю я жить на свѣтѣ, — проговорила она, поцѣловавъ меня въ

голову и отеревъ катившіяся по ея щекамъ слезы. — Я разрыдался окончательно, такъ что она едва утѣшила и успокоила меня.

Къ вечеру по дому распространился новый ужасъ: исправникъ не принялъ Михайла Евплова, говоря, что онъ старъ идти на поселенье.

— Батюшки! отцы мои! что теперь будетъ? — провонила даже старуха Афимья, болѣе всѣхъ привычная къ гнѣву барина и всегда съ какимъ-то стойческимъ спокойствіемъ его переносившая.

Кирьянъ, привезя Михайла Евплова назадъ, не распрягая лошади, убѣжалъ въ лѣсъ, говоря, что онъ и не придетъ, пока баринъ гнѣваться будетъ. Сказать отцу о рѣшеніи исправника осмѣлилась, разумѣется, одна только матушка, но я видѣлъ, чего ей это стоило: вся взволнованная и безпрестанно обращая взоръ на образъ, она нѣсколько разъ подходила къ гостинымъ дверямъ, и наконецъ уже вошла. Я бросился за ней и приложилъ глазъ къ замочной скважинѣ. Что она тамъ сказала, я не слыхалъ; но только отецъ вдругъ поднялся.

— Хорошо, я самъ его упрятаю, — сказалъ онъ по наружности спокойнымъ, но въ самомъ дѣлѣ еще болѣе раздраженнымъ голосомъ: — велите коляску мнѣ заложить, а мерзавца этого — скажите, чтобы везли за мной въ полуверстѣ.

Матушка безпрекословно исполнила его приказаніе. Часовъ въ 12 ночи онъ уѣхалъ; два дня, пока его не было, она была на себя не похожа, безпрестанно тревожилась и все чего-то ожидала. Наконецъ отецъ возвратился и былъ совсѣмъ ужь боль-

ной. Его прямо привели въ его комнату. Онъ тосковалъ и стоналъ на весь домъ.

— Что, папаша чѣмъ боленъ? — спросилъ я мать.

— Обыкновенно, какъ и всегда, мучится и терзается... самъ наказалъ, а теперь и жалѣеть всѣхъ... — отвѣчала она.

Съ дѣтской души моей, какъ перестали на нее дѣйствовать непріятныя впечатлѣнія, сейчасъ же все и слетѣло: на другой день я уже спокойнѣйшимъ манеромъ пахалъ, сохою собственной работы, на Гришкѣ грядку въ саду, и что всего удивительнѣе, — этотъ малый, лѣтъ почти 18-ти, съ величайшимъ наслажденіемъ игралъ со мной къ эту игру, непременно требуя, чтобъ я его взнуздаль, и чѣмъ глубже я упиралъ соху въ землю, тѣмъ старательнѣе и рьянѣе онъ везъ ее. Къ намъ подошелъ Мосвичъ съ лейкою въ рукѣ.

— Землю пахать самое пріятное для Бога занятіе, — сказалъ онъ.

— Пріятное? — переспросилъ я, очень довольный, что онъ хвалитъ мою выдумку.

— Да!.. и если бы вотъ даже этотъ дуракъ Евпловъ не мытарничалъ, а кормился бы больше, какъ слѣдуетъ мужичку, землицей, не былъ бы тамъ, куда угораздился.

— А куда его, дядюшка, баринъ увезъ? Далече-ль? — спросилъ ужь Гришка.

— Далече, въ мѣсто хорошее, — сказалъ Илья и скрылся за одной изъ куртинъ.

У.

Начинаю темнѣть, когда я въ нынѣшнемъ году подъѣзжалъ къ Оумину. Рядомъ со мной, въ коляскѣ сидѣлъ прикащикъ мой Семень, ужасно конфузясь, ежась, отодвигаясь отъ меня и боясь, кажется, прикоснуться одной точкой своего кафтана ко мнѣ. Измученныя извожичьи лошади легонькой рысцей тащили насъ въ гору.

Я оглядывалъ окрестность, — все было очень знакомо: при вѣздѣ въ село, покачнувшаяся на сторону и точно отъ сотворенія міра тутъ стоявшая толча, а подальше — небольшая площадь, на которой собирался по праздникамъ народъ; въ сторонѣ отъ нея домъ священника, нѣсколько побольше и по красивѣй другихъ, на погостѣ деревянные кресты и единственный каменный памятникъ на могилѣ моего дѣда, и наконецъ сама бѣлая церковь. Съ какой-то болью врывались мнѣ въ сердце воспоминанія: мы... мнѣ лѣтъ восемнадцать... у прихода... день такой, кажется, восхитительный; толпа народа кишитъ передъ храмовыми воротами. Она тоже въ церкви... это можно догадаться по уродливому экипажу и по тройкѣ вятскихъ лошадокъ, стоявшихъ у дома отпа-діакона. Я иду въ церковь. Сердце мое такъ и рванулось отъ праваго клироса, около котораго я сталъ, къ лѣвому. Накуренный ладанъ кажется мнѣ величайшимъ благовоиѣмъ, иконостасъ великолѣпнымъ, а она, въ бѣломъ платьѣ и бѣлой шляпкѣ, превыше всѣхъ красотъ земныхъ. Но, между тѣмъ,

что было во всемъ этомъ, и въ ней, и въ самомъ народѣ?.. Ничего, кромѣ моей молодости!.. Хоть бы одинъ день, одинъ часъ того счастья, съ которымъ изживались прежде цѣлыя недѣли, мѣсяцы, и за это возьмите все, что впереди, гдѣ только и мелькаютъ, какъ фуріи, ниспосланныя васъ терзать, — недуги тѣла, труды и скорби наболѣвшей души вашей и цѣлое море житейскихъ нуждъ и заботъ.

— А что, — обратился я къ Семену: — будетъ у насъ въ Оомкинѣ по 5-ти десятинъ на душу?

— Будетъ, кажись! Послѣ одного снохача теперь земли-съ пустой стоитъ тяголъ на пять.

— Какого это снохача? — спросилъ я, смутно припоминая все, что сейчасъ разсказалъ.

— Крестьянинъ вашъ бывший, — отвѣчалъ Семень: — папенька вашъ тогда разгнѣвался на него и продалъ его. Всего за десять рублей ассигнаціями и уступилъ-съ.

— За десять?

— Да-съ, — отвѣчалъ Семень, и потомъ съ обычной своей скромностью слегка польстилъ мнѣ: — вѣдь не такъ, какъ вы-съ: покойникъ, бывало, разсердится, такъ точно разсудку лишается, а послѣ все у нихъ отойдетъ это.

— Отойдетъ?

— Все-съ! И чѣмъ ужъ они тутъ человека ублажить не желаютъ: тогда за Михайла Евплова-то сноху и сына при мнѣ-съ... мальчикомъ я ѣздилъ съ нимъ... давали исправнику тысячу рублей, чтобы ихъ освободить отъ поселенья. Ну, да тотъ тоже не взялся. «Я губернатору ужъ, говоритъ, описалъ о томъ.»

— А Михайло Евпловъ кому былъ проданъ? — полюбопытствовалъ я.

— Да такъ тутъ, въ Зеленциѣ, былъ дворникъ-нишко — самый бѣдный; почестъ что ни самому, ни прислугѣ вѣтъ было нечего: Михайла Евплова сталъ ужь въ пастухи отдавать... въ семьдесятъ-то лѣтъ за телятами бѣгать... Папенька вашъ пожалѣлъ тогда старика: — откуплю, говоритъ, его назадъ, хоть пятьсотъ рублей на то не пожалѣю, ну да тотъ померъ тоже невдолгѣ.

— А за что отецъ такъ разсердился на него? — спросилъ я.

Семень нѣсколько смѣшался.

— Глупости разныя у себя въ семействѣ заводилъ-съ... — отвѣчалъ онъ съ разстановкой: — младшая-то сношенка попалась женщина честная, не захотѣла того.

— А здѣсь это въ заведеніи? — замѣтилъ я.

— Есть-съ! — отвѣчалъ Семень таинственно.

— Да какъ же они это дѣлаютъ?

— Да кто-жь имъ можетъ въ томъ воспрепятствовать! — возразилъ онъ мнѣ съ нѣкоторымъ даже одушевленіемъ: — *батько, родители* — одно слово, и который особливо теперь побогатѣй, такъ въ дому-то словно медвѣдь корежить: и на работу посылаетъ, сколько ему надо, и бьетъ, особливо этихъ женщинъ и малолѣтнихъ, чѣмъ ни попало... Ужасные злодѣи и тираны-съ!

Мы вѣвхали въ усадьбу. Нѣсколько человекъ дворовыхъ, и все больше старики, встрѣтили меня. Совсѣмъ сгорбленный и почти уже слѣпой Кирьянъ высадилъ, однако, меня изъ коляски подъ руку.

Двѣ женщины, тоже старуха, проговорили: — «Ну вотъ, батюшка, дождались мы и васъ!» Я прошелъ въ домъ, и, увидя отворенный балконъ, не утерпѣлъ и вышелъ на него посмотреть на садъ: онъ точно весь почернѣлъ и совершенно заглохъ по всѣмъ нѣкогда прозрачнымъ и зеленымъ аллеямъ. На куртїнахъ и на лугахъ росла такая дичь-трава, что и взглянуть было непрїятно. Все это нѣкогда обряжавшій и приводившій въ порядокъ Илья Мо-свичъ давно уже умеръ и вѣроятно самъ составлялъ какую-нибудь часть той природы, которую такъ любилъ. Сходя съ балкона, я прошелся по гостиной, гдѣ сердился отецъ, заглянулъ въ спальню, гдѣ скучала и молилась мать, и наконецъ въ свою тем-ненькую комнату.

Чтобы оторваться отъ этихъ, хоть и дорогихъ, но все-таки тяжелыхъ воспоминаній, я велѣлъ себѣ постелю приготовить въ залѣ, какъ самой пустой комнатѣ и болѣе похожей на сарай, чѣмъ на жилое мѣсто, но заснулъ только утромъ, чувствуя, что руки и ноги у меня холодѣютъ, а на лбу выступила холодная испарина. О, еслибы забыть прошедшее и не понимать будущаго, — мерещилось мнѣ въ тревожномъ снѣ.

27 октября 1861 года.

С.-Петербургъ.

УЖЕ ОТЦВѢТШИЕ ЦВѢТКИ *).

I.

Капитанъ Рухневъ.

Это было лѣтъ двадцать пять назадъ. Я служилъ чиновникомъ особыхъ порученій при м—мъ военномъ губернаторѣ. Однажды я получилъ отъ него повѣстку немедленно явиться къ нему. Я поѣхалъ и засталъ губернатора въ сильно раздраженномъ состояніи.

— Повзжайте сейчасъ въ острогъ, — началъ онъ сердитымъ голосомъ: — тамъ содержится отставной капитанъ Рухневъ; скажите ему отъ моего имени, что если онъ еще разъ позволитъ себѣ шутки въ сношеніяхъ съ начальствующими лицами, такъ я посажу его въ одиночное заключеніе!

И съ этими словами губернаторъ подалъ мнѣ данное капитаномъ Рухневымъ мѣстному полицей-мейстеру объясненіе, которое было такого рода: «На предъявленное мнѣ вашимъ высокородіемъ взысканіе,

*) Это рядъ рассказовъ изъ жизни и типовъ 40—50 годовъ.

имѣю честь объяснить, что оное взысканіе я признаю вполне законнымъ; но удовлетворить его затрудняюсь, потому что, какъ извѣстно это и вашему высокородію, имѣю единственное только благопріобрѣтенное состояніе, — 4-й номеръ въ м—мъ тюремномъ замкѣ, который, если ваше высокородіе найдете это законнымъ, предоставляю продать съ аукціона для уплаты моего долга, или предоставить оный и безъ торговъ во владѣніе г. кредитора, каковой номеръ онъ можетъ занять, когда только желаетъ!»

— Пугните его хорошенько и напомните ему, что я остротъ въ службѣ не люблю! — заключилъ губернаторъ.

Я поѣхалъ. Мнѣ давно хотѣлось посмотрѣть на Рухнева и побесѣдовать съ нимъ. По слухамъ онъ былъ человекъ умный, большой говорунъ и ни передъ закономъ, ни передъ своею совѣстью страха не вѣдавшій. Караульный унтеръ-офицеръ провелъ меня къ нему въ номеръ. При входѣ моемъ Рухневъ, окинувъ меня съ нѣкоторымъ удивленіемъ глазами, вѣжливо поклонился мнѣ. Я сказалъ ему свое званіе и фамилію. На губахъ Рухнева пробѣжало что-то въ родѣ усмѣшки. Я объяснилъ ему, въ чемъ состояло мое порученіе. Тутъ Рухневъ явно уже усмѣхнулся и, пригласивъ меня сѣсть, самъ тоже опустился на свое кресло. Видимо, что онъ пообжился и пообзавелся въ своемъ номерѣ: у него былъ письменный столъ, на которомъ стояли чернильница, счеты, лежала засаленная колода картъ, а около постели лежала огромная датская собака. Рухневъ, замѣтивъ, что я осматриваю его номеръ, поспѣшилъ сказать:

— Я надѣюсь, что въ вашему свирѣпому началь-

нику губерніи не опишете подробно моего помѣщенія: для заключеннаго въ этомъ только и отрада!

— Нѣтъ, не опишу, — отвѣчалъ я.

Рухневъ взялъ меня за руку и крѣпко пожалъ ее. Повидимому, ему было лѣтъ около сорока. Одежда на немъ была не арестантская и состояла изъ нанковаго казакляна, на которомъ висѣлъ даже какой-то крестикъ, и изъ широкихъ черныхъ, съ краснымъ кантомъ, шароваръ. Онъ былъ полноватъ, небольшого роста, съ выдвинутыми, какъ у рака, впередъ глазами, которые онъ закрывалъ очками; волосы и усы имѣлъ подстриженными и вообще въ лицѣ своемъ являлъ болѣе дерзкое, чѣмъ умное выраженіе.

— Вы изволите говорить, что начальникъ губерніи велѣлъ мнѣ напомнить, что онъ не любитъ въ службѣ шутокъ. — заговорилъ онъ: — помню-съ это, очень хорошо помню, потому что онъ выгналъ даже меня изъ службы за мою шутливость.

— За одну только шутливость? — спросилъ я.

— Да-съ!... — подтвердилъ Рухневъ и, замѣтивъ во мнѣ любопытство, онъ продолжалъ: — дѣло происходило такимъ манеромъ: я служилъ исправникомъ и не по выборамъ, а по личному назначенію самого начальника губерніи; сверхъ того за мою распорядительность мнѣ, опять-таки лично имъ же, поручено было смотрѣть за благочиніемъ и благоустройствомъ присутственныхъ мѣстъ. Смотрю я за всѣмъ этимъ: только разъ, зимой, въ сѣни присутственныхъ мѣстъ затесалась ворона и, вѣроятно перепугавшись и удивившись, гдѣ она очутилась, начала метаться по окнамъ и перебила всѣ стекла. Что тутъ приважете дѣлать?.. Медлить нельзя было,

снѣжищу наваливало каждое утро въ сѣни по колѣно!... Я велѣлъ стекла вставить и доношу губернскому правленію, которое тогда завѣдывало строительною частію, что, къ великому прискорбію, въ зданіе присутственныхъ мѣстъ влетѣла ворона и, по глупому своему птичьему разуму, перебила всѣ стекла, каковыя мною уже замѣнены новыми, и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ распоряженія о возвратѣ мнѣ израсходованной мною на сей предметъ суммы. Губернское правленіе, получивъ этотъ рапортъ, вошло въ такого рода разсужденіе, такъ какъ влетѣніе и разбитіе стеколъ вороною показываетъ явную небрежность со стороны лицъ, смотрѣнію которыхъ непосредственно подлежатъ присутственныя мѣста, то израсходованную сумму возложить на виновныхъ, т. е., значить, прямо на мой счетъ... Мнѣ показалось это несправедливымъ. Въ отвѣтъ на такое распоряженіе я пишу, что, по строгимъ соображеніямъ настоящаго дѣла, виновною въ разбитіи стеколъ оказывается одна только ворона; но что для взысканія съ нея мнѣ неизвѣстно ни мѣста жительства вороны, а равно имущества и капиталовъ, ей принадлежащихъ — въ вѣдомствѣ моемъ не состоитъ, а потому покорнѣйше прошу о розысканіи того и другаго учинить должную публикацію; примѣты же вороны обыкновенныя: мала, черна, глупа!...

Я невольно захохоталъ.

— Вы вотъ смѣтаетесь, и я думалъ, что посмѣются только; анъ вышло не то-съ! — слегка воскликнулъ Рухневъ. — Начальнику губерніи подшепнулъ-ли кто или самому ему поместилось, что будто и подъ послѣдними словами моего рапорта разумѣлъ

его супругу, которая дѣйствительно была черна, глуна и мала, — и онъ мнѣ, рабу Божию, предложилъ черезъ одно лицо подать въ отставку, угрожая въ протинномъ случаѣ уволить меня по 3-му пункту безъ прошенія, — хорошо?

— Хорошо, — согласился и я, но вслѣдъ затѣмъ прибавилъ: — неужели же это одно только и было причиной вашей отставки?

— Конечно, не одно!.. — воскликнулъ откровенно Рухневъ. — Я какъ теперь понимаю, главная моя ошибка была, что я съ духовенствомъ и дворянствомъ не умѣлъ ладить. Должность исправника прежде всего дипломатическая: съ мужика онъ хоть шкуру дери — это ничего, — похвалятъ еще; но попа и дворянина за дѣло даже не трогай, а по головкѣ его гладь. И какъ вотъ наблюдалъ я надъ этимъ нашимъ сельскимъ духовенствомъ, такъ который пощъ еще пьетъ, изъ такихъ бывають честные и добрые; но которые совершенно трезвые — спаси Богъ отъ нихъ всякаго; всѣмъ они завидуютъ, противъ всѣхъ злобствуютъ, и если ужъ кому крупина отъ нихъ перенала, — они тебѣ во всю жизнь этого не забудутъ. Какой случай у меня былъ съ двумя попами: одинъ изъ нихъ, съ виду этакой степенный, осанистый, всякое дѣло начиналъ съ крестомъ да съ молитвою, а самъ между тѣмъ лошадьми торговалъ, какъ цыганъ какой-нибудь: расплодить, знаете, жеребятъ. и начинаетъ ихъ кормить собраннымъ съ приходу печенымъ хлѣбомъ и лошади выходили у него хорошія, такъ что въ околоткѣ ихъ называли особымъ именемъ: *поповскіе выкормки!*... Мнѣ тоже тогда... только-что я еще опредѣлился въ исправники... ко-

ренная понадобилась. Присмотрѣлъ я у этого попа одного меринка. «Продайте, говорю, святой отецъ!» «Купите!» говорить. — «А что цѣна?» — «400 рублей!» Меня какъ варомъ обдало. «Святой отецъ, говорю, я исправникъ! съ меня можно и подешевле взять... если вы пастырь духовный и блюдете вашу паству отъ грѣха, такъ я, говорю, храню васъ отъ конокрадовъ». — «Не меня, говорить, одного вы храните, а весь уѣздъ... что-жь мнѣ за всѣхъ откупаться!...» и ни копѣйки не спустилъ. Какъ хотите, это обидно... Я не даромъ у него просилъ выкормка: возьми съ меня цѣну, но только человѣческую, а не поповскую... Думаю про себя: «ну, смотрите, святой отецъ, не попадитесь мнѣ сами... Тогда и я запрошу съ васъ мзду немалую» — и точно что очень скоро вышелъ случай къ тому: ѣду я разъ мимо села этого священника въ день Преображенья... идетъ служба... я въ церковь, и, по обыкновенію, прямо въ алтарь, гдѣ и сталъ въ уголокъ... Въ Успенки, какъ вы знаете, наши деревенскія бабы цѣлыми селеньями причащаются своихъ дѣтей маленькихъ: мретъ тѣхъ очень много въ эту пору. Ягодъ они, конечно, наѣдаются и животышекъ себѣ разстраиваютъ... Только-съ, когда святой іерей нашъ — и скуфьеносецъ онъ былъ, замѣтите, — вышелъ со святыми дарами и сталъ совершать причащеніе; слышу, что такое это?... Ревъ, визгъ и плачь раздался по церкви неописанный!... Я испугался даже, — выглянулъ изъ-за сѣверныхъ вратъ, смотрю: другаго ужъ мальчика лѣтъ трехъ подносятъ къ причащенію, веселенькій этакой, улыбается, а какъ причастили — заплачетъ, заоретъ, а который помельше,

такъ матери, видно, и унять никакъ не могутъ, корчится и кричитъ младенецъ почти до черноты... А тутъ какъ нарочно, когда я обернулся опять въ алтарь, смотрю: около самого меня на обнѣ стоитъ бутылка съ краснымъ виномъ, употребляемымъ для причастія, и закупоренная даже... Я, по невольному любопытству, хлѣбнулъ изъ нея и чуть самъ не заревѣлъ, какъ младенцы тѣ. Въмѣсто кагора, какъ предписано еще регламентомъ Петра Великаго, оказался чихирь послѣдняго кабацкаго свойства, такъ что ни одинъ пьяный приказный за деньги пить не станетъ. Хотѣлъ было тутъ же начать дѣло, но думаю, въ храмъ Божию, во время священнодѣйствія, заводитъ уголовщину—грѣхъ! Промолчалъ-съ! Но тѣмъ не менѣе на той же недѣлѣ постарался заѣхать въ заштатный городокъ Дыбки, гдѣ есть ренсковый погребокъ, изъ котораго, я знаю, ~~тамъ~~ всего околотка въ церкви берутъ вино. Я прямо въ этотъ погребокъ: дурака тутъ какого-то сидѣльца краснорожаго, надъ всѣмъ надзирающаго, послалъ шампанскаго заморозить, а самъ немедля къ приходо-расходной книгѣ и на четвертой же страницѣ встрѣчаю росписку отца Николая Магдалинскаго, этого самаго скуфьеносца и лошадинаго барышника, въ заборъ краснаго вина по рублю серебромъ за ведро, тогда какъ настоящаго кагора меньше десяти рублей серебромъ не купишь, — разница, значить, значительная! Я этотъ листокъ выдралъ и въ карманъ, а въ первое же воскресенье опять къ обѣднѣ въ село и только ужъ не въ сюртучкѣ штатскомъ — а въ виць-мундирѣ и при всѣхъ своихъ крестахъ и регаліяхъ. Въ алтарь тоже на этотъ разъ не пошелъ, а сталъ

направо на дворянской сторонѣ. Опять идетъ причащеніе-съ, опять мальчишки плачутъ, такъ что и утѣшить ихъ ничѣмъ не могутъ. Наконецъ отецъ Николай выходитъ съ крестомъ... Я подхожу и говорю ему: «отецъ протоіерей, я желаю съ вами объясниться по одному дѣлу!» Онъ, надо полагать, смѣтилъ, что что-то неладное для него выходитъ, засѣменилъ, заюлилъ и въ гости меня къ себѣ зоветъ. Я пошелъ къ нему и прямо началъ съ того, что вотъ, посѣщая верѣдко въ Успенскій постъ церковь его, я замѣтилъ, что при причащеніи младенцевъ, особенно грудныхъ, они очень сильно кричатъ и плачутъ, а потому нашелъ нужнымъ изслѣдовать причины тому, каковыя и оказались въ дурномъ качествѣ вина! Смутился попевка. «У меня, говоритъ, вино хорошее покупается!» — «Хорошимъ, я говорю, оно никакъ не можетъ быть, потому что вы платите по рублю серебромъ за ведро, а кагоръ стоитъ десять рублей!» — «Какъ же, говоритъ, ваше высокородіе, вы это знаете?» — «Да я, говорю, видѣлъ вашу росписку въ книгѣ въ погребкѣ и листокъ этотъ выдралъ.» Смутился попъ сильно.

— Чего-жь онъ могъ смутиться — неволью перебилъ я Рухнева:— дѣти плакали вовсе не отъ вина, а что ихъ поражала вся эта церемонія!

— Знаю-съ это я! — подхватилъ онъ, лукаво подмигнувъ:— и попъ это понималъ, но заюза тутъ, чего онъ испугался, была не въ томъ-съ, а что, покупая красное вино по рублю серебромъ, онъ ставилъ его, можетъ быть, въ отчетъ церковномъ пять или десять рублей, вотъ главнымъ образомъ въ какую жилу я билъ и, кажется, попалъ въ нее, потому что отецъ скуфьеносецъ послусталъ съ себя немного важности

«Что-жь, — спрашиваетъ онъ меня: — вы можете мнѣ стимъ листомъ сдѣлать?» — Я говорю: «я не знаю; я представлю его губернатору при объяснительномъ рапортѣ, а тотъ вѣроятно препроводитъ его къ архіерею, который, чего добраго, передастъ дѣло въ консисторію». Ну, а для всякаго попа, знаете, попасть въ лапы консисторіи все равно, что очутиться на дорогѣ между разбойниками — оберутъ на-голо! «Вы, говоритъ, совсѣмъ ужь, видно, очернить меня хотите!..» Я, говорю, чернить я васъ вовсе не желаю, а исполняю свой долгъ!.. «Нѣтъ, говоритъ, вы не долгъ свой исполняете, а потому что вы злобу противъ меня имѣете за выкормка... такъ извольте, говоритъ, я вамъ его подарю». — «Подарковъ, говорю, я не принимаю, а купить — куплю». — «Прощу васъ о томъ!» — «Что же цѣна?» — «Что дадите». Я подумалъ: купить у него совсѣмъ дешево — подло. «Сто цѣлковыхъ, говорю, дамъ!» — «Берите-съ», говоритъ, и такимъ печальнымъ голосомъ; а на повѣрку вышло, что выкормокъ этотъ никуда негодная лошадь, только что толстѣ, а лѣнивый, сырой, такъ что сто цѣлковыхъ цѣна красная за него была; но попу, по жадности поповской, казалось, что я чуть его не разорилъ, и принялся онъ кричать по уѣзду, что я съ него ни за что, ни про что взялъ выкормка даромъ! Ахъ, ты, лживая душа, думаю, и вся внутренность во мнѣ, знаете, перевернулась отъ злости за такую клевету... Я далъ себѣ слово, во что бы ни стало, поднять опять дѣло о чихарѣ; прямо мнѣ это не удалось, но косвенно по крайней мѣрѣ: былъ-съ у отца Магдалинскаго братъ родной, тоже священникъ

въ маленькомъ, бѣдномъ приходѣ.. Былъ онъ вдовъ-съ и работницу держалъ молодую, что, по правиламъ церковнымъ, воспрещается, и однажды, когда мнѣ какъ-то случилось быть въ его приходѣ на весьма продолжительномъ слѣдствіи, слышу я тутъ, что работница попа беременна-съ! Ну, и Богъ, значитъ, съ ней!.. Потомъ говорятъ, что работница родила... опять, значитъ, слава Богу — царю прибыль, кантонистъ новый... Далѣе меня извѣщаютъ, что работница эта бѣгаетъ по селу и плачется, что младенецъ у нея занедужилъ, а тамъ и померъ, — и это, думаю, возможно; однако все-таки поручилъ становому узнать: изъ какой именно деревни работница попа. Дознано-съ. Я опять поручаю становому донести, нѣтъ ли въ этой деревнѣ у кого-либо изъ крестьянъ подкидышей... «Есть», говорятъ. — «У кого?» — «У старика Ѡадея.» — «А какъ этому Ѡадею приходится работница попа?» — «Дочерью!» Дѣло, значитъ, ясное. У насъ обыкновенно всѣ солдатки, коли родятъ мальчика, такъ чтобы избавить его отъ солдатства, подкидываютъ отцамъ своимъ, матерямъ, дядямъ, сестрамъ, у кого кто есть. Но тутъ меня заинтересовало другое обстоятельство: всѣ говорятъ, что ребенокъ у работницы померъ; значитъ, онъ и похороненъ. Ъду я въ это село и спрашиваю священника, что дѣйствительно-ли проживающая у него въ работницахъ солдатка родила, что ребенокъ у ней будто бы померъ и похороненъ при его церкви?» — «Дѣйствительно-съ», говоритъ. «Но какимъ-же образомъ, возражаю я ему: — до меня дошли довольно достовѣрные слухи, что ребенокъ этотъ живъ и подкинутъ къ дѣду?» Попъ, какъ

ракъ вареной, покрасялъ. «Нѣтъ-съ, говорить, какъ это возможно, помилуйте!» — «Миловать я, говорю, тутъ не въ правѣ, а вы извольте мнѣ объяснить: какого именно числа работница родила, когда у ней умеръ ребенокъ, а также покажите мнѣ и его могилку». Попъ совсѣмъ растерялся, завиллялъ; «я не знаю, я не помню!» Тогда я работницу его за бока; та тоже мялась-мялась, наконецъ показала могилку. Я распорядился могилку эту разрыть; однако говорятъ, что попъ не пускаетъ, заперъ даже калитку и ворота ограды, и что на защиту его прибылъ даже благочинный. Ну чтожь, милости просимъ! Впжусь я на другой день съ этимъ благочиннымъ, начинается между нами споръ. «На какомъ основаніи, говоритъ мнѣ онъ, вы хотите произвести кощунство на церковномъ погостѣ, не пригласивъ даже депутата съ духовной стороны?» — «Да вотъ извольте, говорю, я васъ приглашаю, — благо вы прибыли, — я начинаю дознание по рапорту становаго пристава!» Благочинный видитъ, что меня не напугаешь; а потому, содравъ съ попа многіе динаріи, уххалъ къ себѣ во свояси, какъ бы ничего тутъ не зная и не вѣдая. Я однако могилку раскопалъ при понятыхъ, вынулъ оттуда гробикъ, раскрылъ его, и оказалось, что въ немъ похороненъ былъ не младенецъ, а кошка мертвая, и, знаете, не просто, а въ этакой тряпкѣ, какъ бы въ саванѣ.

— Почему же они не пустой гробикъ похоронили? — невольно перебилъ я Рухнева.

— Точно такой же вопросъ и я сдѣлалъ работницѣ. Она конечно разревилась и говорить, что

пустой гробикъ ей показалось грѣшно похоронить, а у нихъ тѣмъ временемъ кошечка ея любимая околѣла, она ее и похоронила! А?.. умница какая! Пустой гробикъ хоронить по ея грѣхъ, а съ кошкой — ничего!.. Я вамъ говорю — все эти наши русскія бабы дура на дурѣ, свинья на свиньѣ.

— Но священникъ зналъ, кого онъ хоронитъ? — спросилъ я.

— Конечно, зналъ!.. Изъ его же дома увезли ребенка подкидывать, да врядъ ли не самъ онъ это дѣло и творилъ, но онъ безъ сомнѣнія заперся, а также и работница на него не показала. Тѣмъ не менѣе однако я обо всемъ этомъ дѣлѣ донесъ губернатору, такъ какъ тутъ ужъ дѣйствительно производится кощунство; а кромѣ того чинится укрывательство слугъ царя, долженствующихъ поступать въ кантонпеты; а также кстати присоединилъ и обезпорядкахъ брата роднаго этого священника, торгующаго лошадьми и покупающаго вмѣсто кагора чихирь астраханскій.

— Поблагодарили они, я думаю, васъ за это, — замѣтилъ я.

— Благодарить-то, къ несчастію, не за что было, — воскликнулъ злобно Рухневъ: — ихъ пальцемъ никто не тронулъ, потому что черномазая супруга губернатора... — я надѣюсь, что вы не передадите ничего изъ моихъ словъ губернатору, хотя впрочемъ и передайте пожалуй, мнѣ все равно!.. — супруга губернатора, какъ всеѣмъ извѣстно, ханжа великая, водится съ архіереями, попами и въ то же время держитъ мужа подъ башмакомъ... и можете судить, что для меня изъ всего этого произошло.

— Но вы упомянули, что и съ дворянствомъ тоже не ладили? — спросилъ я.

— Какъ вамъ сказать: съ дворянствомъ средней руки — ничего, я не ссорился особенно и даже хлѣбосольничалъ имъ: всегда ужь кто изъ нихъ въ городъ прѣвзжалъ, прямо ко мнѣ: обѣдаетъ, динуетъ, а другой и ночуетъ у меня; но вотъ высшему дворянству, этимъ, какъ ихъ тамъ называютъ, нашимъ козырнымъ тузамъ, пришелся не по вкусу и главнымъ образомъ нажочилъ я тутъ на нѣкоего князя Архарина, самаго богатаго здѣшняго помѣщика и весьма важной особы въ Петербургѣ, благодѣтеля, по наружности, всѣхъ чиновниковъ; имъ еще издавна предписано было его вотчинному начальству преподносить къ Рождеству и передъ Пасхой всей земской полиціи праздничныя деньги, отводить чинамъ оной при наѣздѣ ихъ удобныя квартиры, поставлять содержаніе и лошадей; но меня, конечно, этимъ не умастишь: дружба дружкой, а служба службой! Вышелъ такой казусъ: назначень былъ ко мнѣ въ уѣздъ на стоянку полкъ, — а надобно сказать, что всѣ мужики боятся такихъ стоянокъ пуще чорта, потому что солдаты, что я знаю ужь по своей военной службѣ, объѣдаютъ мужиковъ, да еще вдобавокъ развращаютъ ихнихъ бабъ и дѣвокъ всплошь... Что хотите, мужики каждой деревни готовы дать, чтобы не было полковыхъ стоянокъ, а это зависить главнымъ образомъ отъ исправниковъ... Сижу и разъ у городничаго и играю съ нимъ въ преферансъ, вдругъ вижу, что его вызвали въ переднюю къ кварташкѣ... Потолковали они тамъ между собою, и городничій опять возвратился

играть, — дрянъ этакой былъ, размазня. «Что такое?» спрашиваю: «не случилось-ли чего-нибудь?..» — «Да говорятъ,» зашамкалъ онъ: «что бурмистръ князя Архарина другой день здѣсь въ городѣ пьянствуетъ, буянить, колотить въ трактирѣ посуду, стекла!» — «Чтожь, говорю, велите его посадить въ кутузку»; и тутъ вдругъ, по моей полицейской смѣткѣ, пришло мнѣ въ голову: бурмистръ княжескій кутить и не на свои, разумѣется, деньги, а на княжескія, между тѣмъ идетъ разверства по солдатскому постою, — не на этотъ-ли предметъ онъ учинилъ сборъ съ крестьянъ и пресбиваетъ его? «Вы, однако, говорю городничему, прикажите попридержатъ этого пьяницу въ полиціи, потому что я нюхомъ чувствую, что тутъ что-то нечисто». И такъ меня стала моя мысль подмывать, что я, не кончивъ даже пульки, уѣхалъ домой, сѣлъ въ тарантасъ и отправился въ село Зиньково — главный пунктъ всѣхъ княжескихъ имѣній; спрашиваю: «Гдѣ бурмистръ?..» — «Въ отлучкѣ», говорятъ... Я велѣлъ сотскимъ, которые были половчѣе, развѣдать, не происходило-ли чего особеннаго въ вотчинной конторѣ евязи, и оказалось, что тамъ случилось точь-въ-точь, что я предполагалъ: была въ недавнее время мирская сходка мужиковъ и собрана съ нихъ значительная сумма на откупъ отъ солдатскаго постою; сверхъ того: сборъ этотъ былъ произведенъ на мое имя... Тутъ ужъ я не на шутку взбѣсился: послалъ двухъ сотскихъ въ уѣздный городъ, и велѣлъ имъ, по бумагѣ отъ меня, взять у городничаго бурмистра, привезти его ко мнѣ живаго или мертваго, связаннымъ или несвязаннымъ... Поутру доставили мнѣ

моего голубчика.. Рожа у него, я вамъ говорю, была на обликъ человѣческій не похожа: оплывшая, вся въ синякахъ, исцарапана, въ крови... Видно, его самого тоже тузили въ трактирѣ не жалючи. «Гдѣ деньги, которыя ты собиралъ на мое имя?» спрашиваю его прежде всего. Онъ мнѣ въ ноги. «Виновать, говоритъ, деньги однѣ прогулялъ, а другія украли у меня.» Вретъ, думаю, и велѣлъ его раздѣть до-гола... Денегъ не оказалось... успѣлъ ужъ каналья передать ихъ кому-либо изъ своихъ!.. Имѣя все это въ виду, я посѣкъ его и не очень сильно, и спрашиваю васъ теперь, сдѣлалъ я въ этомъ случаѣ что-нибудь противозаконное?

— Сдѣлали, — сказалъ я ему откровенно.

Рухневъ гордо и съ удивленіемъ выпучилъ на меня черезъ очки свои глаза.

— Вы должны были бы не съѣчь бурмиистра, а произвести формальное слѣдствіе объ его поступкахъ, — добавилъ я.

— О хо, хо, хо! — воскликнулъ Рухневъ: — вы по-этому не понимаете полицейской службы. Какъ намъ заводить письменныя дѣла о плутняхъ всякихъ старость, такъ и бумаги не достанетъ. И что хуже всего: князь, казалось бы, стоявшій на такомъ высокомъ посту, такъ же понялъ это и, вмѣсто того чтобъ поблагодарить меня и смѣнить своего бурмиистра, онъ написалъ гнѣвное письмо противъ меня губернатору, изложивъ не то, что отъ меня узналъ, а что донесъ ему самъ бурмиистръ, что будто бы я это заставлялъ его дѣлать сборъ и что, когда онъ послушался меня, я отпорогъ его не на животъ, а на смерть!.. Хороша логика тутъ: человѣкъ меня

послушался, а я его наказалъ за это!.. Но, какъ говорится, княжеская голова: пусто, видно, въ ней, звенить!.. Словомъ-съ: все точно нарочно слилось въ одно, чтобы погубить меня совершенно, такъ какъ я, скажу ужъ это съ гордостью, какимъ поступилъ нищимъ на службу, такимъ нищимъ вышелъ изъ нея.

Проговоря это, Рухневъ знаменательно мотнулъ головой и замолкъ.

Не было сомнѣнія, что онъ вышелъ изъ службы безъ копѣйки, но никакъ ужъ не отъ безкорыстія, а отъ того, что, по своей размашистой натурѣ, все мгновенно проживалъ, что няживалъ. Такихъ типовъ было и будетъ всегда много, и Рухневъ развѣ только превосходилъ ихъ тѣмъ, что ему рѣшительно ужъ ничего внутри не мѣшало измышлять и приводить въ исполненіе всякаго рода плутни и мошенничества, доходя иногда до глупости, до дурачества!

— А за что вы сюда попали? — пожелалъ я узнать, хотя отчасти и слышалъ объ этомъ.

Рухневъ захохоталъ.

— Да опять, — воскликнулъ онъ: — та же почти старая пѣсня, что была у меня съ попами и бурмистромъ, повторилась: здѣшнія начальствующія лица, какъ ненавидѣли меня на службѣ, такъ ненавидятъ и до сихъ поръ... Я хотѣлъ-съ, по долгу каждаго дворянина, открыть имъ уголовное преступленіе, а они меня самого повернули въ преступника!.. Дѣло это любопытное... Сначала я сердился, а теперь ужъ смѣюсь, потому что оправдаться я оправдаюсь; но нельзя-же такъ надругаться надъ человекомъ, какъ они надругались надо мной, и

какъ еще, кажется, намѣрены надругаться. — Началось съ того: ѣду я однажды ночью на легковомъ извозчикѣ, на которомъ и прежде, во дни моего богатства и славы, ѣзжалъ и платилъ ему хорошо. Разговорился я съ нимъ о томъ, о семъ... Онъ былъ выпивши порядочно, и только вдругъ обертывается ко мнѣ и спрашиваетъ меня: «Какъ ты думаешь, баринъ, почту обокрасть можно?» Я, по своей привычкѣ шутить всегда, отвѣчаю: «Отъ чего-жь не можно — можно! умнымъ людямъ только, а не дуракамъ!»... Онъ помолчалъ немного: «То-то, говорить удалыхъ изъ насъ много, а умныхъ нѣтъ!» Тутъ у меня мелькнула другая мысль: «чортъ ихъ знаетъ, умныхъ они, пожалуй, и приншутъ!» «Что-жь, говорю, если между вами удалыхъ много, такъ умнымъ я могу быть у васъ!» — «А развѣ ты пойдешь на это дѣло?» спрашиваетъ онъ меня. — «Отъ чего-жь, говорю, не пойти? чѣмъ тошиться въ рѣкѣ отъ голоду, лучше малую толику заработать!» И пошло тутъ между нами по этому предмету каляканье: «Многоли по почтѣ возятъ денегъ? правда-ли, что тысячъ по двадцати?» спрашиваетъ онъ. — «Какое, говорю, и по двѣсти возятъ». — «То-то, говоритъ, тоже надо набрать народу человекъ десять, ружьевъ искупить, пороху, пуль!» — «Достанетъ на всѣхъ и на все!» ободряю я его; а самъ на другой день отправился къ жандармскому полковнику, повѣствую ему, что вотъ такъ и такъ...

Разсказывая это, Рухневъ, вовсе и не подозрѣвалъ, до какой степени онъ самъ являлся омерзительнъ, и продолжалъ далѣе: — Выслушалъ меня господинъ полковникъ внимательно, но въ толкъ, вижу,

ничего не взялъ, и вмѣсто того, чтобы къ малѣйшему слуху держать ухо остро, только хлопаетъ, какъ филднъ, глазами. «Хорошо-съ, говоритъ, наименуйте этихъ заговорщиковъ, мы ихъ сейчасъ переловимъ!»—«Переловить ихъ,—толкую я ему—никакой пользы не будетъ!... Заговоръ у нихъ еще не созрѣлъ!... Вы, говорю, дайте мнѣ первоначально на раскрытіе этого дѣла триста рублей серебромъ,—я всю ихъ шайку окончательно выщупаю, соберу ихъ всѣхъ къ себѣ и живьемъ вамъ выдамъ въ руки!...» Опять явилось затрудненіе по случаю требованія моего, чтобы мнѣ прежде всего было выдано триста рублей. «У насъ, говоритъ, нѣтъ на это сумми!»—«А когда нѣтъ, такъ прощайте, безъ денегъ мнѣ ничего тутъ не сдѣлать!»—«Но постойте, говоритъ, я долженъ покрайней мѣрѣ прежде всего посоветоваться съ начальникомъ губерніи!»—«Это, говорю, сколько угодно вамъ, совѣтуйтесь; но сущность дѣла отъ этого не измѣнится: своихъ денегъ у меня нѣтъ, а поэтому я и сдѣлать ничего не могу!...» Крутитъ мой полковникъ свой усъ и отпустилъ наконецъ меня: совѣтовался онъ съ губернаторомъ дня два и на третій приглашаетъ меня къ себѣ, выдаютъ мнѣ триста рублей и читаютъ такую рацею, что если я ничего не открою, такъ они распорядятся со мною по всей строгости російскихъ законовъ!... Открыть мнѣ конечно очень легко было: я въ одинъ зимній вечеръ рассадилъ въ моей квартирѣ подъ поломъ жандармовъ, созвалъ всю извощичью шаварду, начинаю съ ними говорить по душѣ. Они, какъ водится, выболтали все, какъ и когда думаютъ ограбить почту, потомъ конечно жандармы

арестовали всѣхъ насъ. Сначала я думалъ, что меня собственно берутъ для виду только, но когда началось формальное слѣдствіе, то оказалось, что я такой же арестантъ, какъ и извозчики, и что я въ чемъ-то заподозрѣваемъ. Слѣдствіе поручено было полиціймейстеру — злѣйшему моему врагу по разнымъ моимъ столкновеніямъ съ полиціей, и онъ вывелъ такъ, что ограбленіе почты выдумали не извозчики, а я ихъ на то подговаривалъ!... Понимаете, слова-то мои, которыя говорилъ я для шутки, для выпытыванія, господинъ полиціймейстеръ, а вмѣстѣ съ нимъ и губернскае правленіе, поняли такъ, что я говорилъ все это взаправду... Я конечно въ своихъ показаніяхъ и на всевозможныхъ очныхъ ставкахъ старался опровергнуть подобную бессмыслицу и теперь вотъ посмотрю, какъ уголовная палата взглянетъ на это дѣло... Смѣшно-съ, ей-богу, смѣшно!

Я сидѣлъ молча и потупившись, чувствуя невыносимое озлобленіе на Рухнева за его безстыдство, наглость и лживость.

Онъ это замѣтилъ и проговорилъ:

— Вы мнѣ тоже, можетъ быть, не вѣрите?

— Не вѣрю! — отвѣтилъ я ему строго.

Рухневъ усмѣхнулся.

— А вѣрите-ли тому, что я буду оправданъ?

— Этому вѣрю!

— Почему?

— Потому что Темида вообще, а у насъ въ особенности, слѣпа.

— Это такъ, такъ!.. — весело подхватилъ Рухневъ.

На томъ наше свиданіе и кончилось.

Прошло лѣтъ десять. Я жилъ уже въ Петербургѣ и, идя разъ по Невскому, встрѣчаю Рухнева въ толстомъ, англійскаго покроя, внушительномъ пальто, въ сапогахъ на пробковой подошвѣ, въ кашне изъ настоящаго индійскаго кашемира, въ туго-надѣтыхъ перчаткахъ, въ шиказной круглой шляпѣ, — и при этомъ самодовольство свѣтилось во всемъ его лицѣ. Узнавъ меня, Рухневъ протянулъ мнѣ почти дружески руку, которую я, дѣлать нечего, пожалъ.

— Зайдемте къ Палкину позавтракать... Отличнѣйшій тамъ дѣлаютъ салатъ изъ ершей! — пригласилъ онъ меня сразу же.

Я отказался.

— Вы знаете: я съ этими господами, которые, помните, упрятали меня въ острогъ, порасквитался немного: одного, милостію Божіей, причислили къ запаснымъ войскамъ, а господина полиціимейстера и совсѣмъ по шапкѣ турнули... Онъ, полячишка, черезчуръ ужъ не скрывалъ своей любви къ родинѣ, — тараторилъ Рухневъ.

— И все это вы устроили? — спросилъ я.

— Отчасти! — отвѣчалъ онъ хвастливо: — я, въ подобныхъ случаяхъ, ни у кого еще въ долгу не оставался!...

— А сами вы оправданы судомъ? — кольнулъ я его.

— Оправданъ, если хотите, — отвѣчалъ Рухневъ ужъ скороговоркой: — но подвергнуть тамъ... этому нашему великомуудрому изреченію — *оставить въ подозрѣніи*.

— На службу, поэтому, вы поступить не можете! — продолжалъ я язвить его.

— Разумѣется, — воскликнулъ онъ: — но я объ этомъ нисколько и не жалѣю: нынче столько открылось частныхъ и общественныхъ дѣятельностей, что всякій неглупый человѣкъ можетъ не бояться, что онъ умретъ съ голоду!... Я въ новыхъ учрежденіяхъ имѣю даже не одно, а нѣсколько мѣстъ...

Въ это время густо шедшая толпа раздѣлила насъ, и я видѣлъ только, что Рухневъ, привѣтливо кивнувъ мнѣ головой, завернулъ въ Палкинскій трактиръ; я-же невольно подумалъ про себя: «Ну, не поздравляю эти общественныя и частныя дѣятельности, которыя приняли господина Рухнева въ лоно свое.»

Опасеніе мое оправдалось впоследствии: Рухневъ оказался однимъ изъ первыхъ въ многочисленномъ спискѣ обворовавшихъ свои учрежденія, и увы! приговора своего онъ не дождался и отравился въ тюрьмѣ, очень испугавшись, какъ меня увѣряли, новаго суда: отписываться и отговариваться онъ умѣлъ, но явиться и оправдываться передъ глазами цѣлой публики — сробѣлъ!

РУССКІЕ ЛГУНЫ.

О ЧЕРКИ.

Люди, названные мною въ заголовкѣ, вѣроятно, знакомы читателю. Когда я встрѣчался съ ними въ жизни, они производили на меня скуку, тоску и озлобленіе; но теперь, отодвинутые отъ меня временемъ и обстоятельствами, они стали дороги моему сердцу. Въ нихъ я вижу столько національнаго, близкаго, роднаго мнѣ... Начавъ съ простѣйшихъ элементовъ, мнѣ, вѣроятно, придется перейти и къ гораздо болѣе высшимъ типамъ. Поле мое, такимъ образомъ, широко. Я только робѣю за свои силы, чтобы все эти фигуры отлить изъ достойнаго металла, съ искусствомъ и точностью, достойными самаго предмета, и въ этомъ случаѣ напередъ прошу читателя обращать вниманіе не столько на тѣхъ добрыхъ людей, про которыхъ мнѣ придется рассказывать, какъ на тѣ мотивы, на которые они легли.

Выдумывая, всякій человѣкъ, разумѣется, старается выдумывать и приписать себѣ самое лучшее, и это лучшее, по большей части, беретъ изъ того, что и въ обществѣ считается за лучшее. Лгуны времени Екатерины лгали совсѣмъ по другой модѣ, чѣмъ лгутъ въ наше время. Прислушпваясь со вниманіемъ къ тѣмъ темамъ, на которыя извѣстная страна, въ извѣстную эпоху, лжетъ и фантазируетъ, почти безошибочно можно опредѣлять степень умственнаго, нравственнаго и даже политическаго развитія этой страны. Въ этомъ смыслѣ мы придаемъ нѣкоторое значеніе и нашему труду. Начинаемъ.

I.

Конкурентъ.

Помнить ли, читатель, одного изъ моихъ дѣйствующихъ лицъ, Антона Федотыча Ступицына *)? Я позволяю себѣ другой разъ говорить печатно объ этомъ лицѣ единственно потому, что, начавъ слово о враляхъ, рѣшительно нѣтъ никакой возможности пройти молчаніемъ Антона Федотыча. Въ прежнемъ рассказѣ моемъ я его представилъ въ періодъ полного паденія, когда его никто уже не слушалъ, когда онъ лгалъ о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ; но для него существовало и другое время: состояніе его тогда было далеко еще не въ такомъ разстроенномъ видѣ; носимый имъ довольно странный чинъ «штыкъ-юнкера въ отставку» вовсе, по духу вре-

*) Повѣсть «Бракъ по страсти».

мни, не служилъ ему такимъ позоромъ, какъ въ послѣдствіи; вралъ онъ во всевозможныя стороны самымъ свободнымъ образомъ, и только еще начиналъ замѣчать, что слушатели отъ него какъ-то ступшевываются.

Антонъ Фодотычъ въ собраніи. Онъ проходитъ изъ буфета въ залу, съ удовольствіемъ втягивая въ себя запахъ накуреннаго одеколона. Публики еще никого нѣтъ, и только у колонны стоитъ молодой человѣкъ, Петруша Коробовъ, закинувъ голову назадъ и вообще въ довольно отчаянной позѣ. Антонъ Фодотычъ, находя въ немъ удобную для себя жертву, начинаетъ къ нему приближаться, но въ вдругъ, а исподволь, какъ обходятъ обыкновенно охотники дрофу. Сначала онъ сдѣлалъ довольно большой полукругъ около него, потомъ поменьше, наконецъ въ третьемъ сталъ ужъ лицомъ къ лицу съ нимъ.

— Я, кажется, имѣю удовольствіе видѣть Петрушу Коробова? — отнесся онъ къ нему, какъ бы совершенно еще къ мальчику.

Антону Фодотычу и въ голову не приходило принять въ соображеніе, что сей юный птенецъ тринадцати лѣтъ бѣжалъ безъ позволенія родителей изъ корпуса, прожилъ затѣмъ въ Петербургѣ десять лѣтъ безъ копейки денегъ и даже безъ бумагъ для свободнаго проживанія, а потому зналъ жизнь и могъ понимать людей.

— Точно такъ-съ! — отвѣчалъ молодой человѣкъ совершенно развязно.

— Еще маменьки вашей пользовался расположеніемъ!...

— Ахъ, да! Очень радъ.

Антонъ Ѳедотычъ, на всякій случай, взялъ лентонько за руку своего новаго знакомаго.

— Неудобно ли? — сказалъ онъ, показывая ему другой рукой на стоявшіе два стула.

Молодой человекъ повиновался, и оба они усѣлись.

— Хорошенькое зальцо!... — началъ Антонъ Ѳедотычъ, недоумѣвая еще, въ которую сторону ему хватить.

— Да, но паркетъ нехорошъ! — замѣтилъ молодой человекъ.

— Очень нехорошъ! — подхватилъ радостно Антонъ Ѳедотычъ: слова эти прямо навели его на тему: — а все вѣдь, ей-богу, дворянство наше! Я предлагаю имъ мой домъ, ничего бы съ нихъ не взялъ — ѣздите, танцуйте; ну, а паркетъ у меня такой, что и въ московскомъ дворянскомъ собраніи, пожалуй, такого нѣтъ.

— Это вашъ домъ на Ивановской-то? — замѣтилъ ему насмѣшливо его собесѣдникъ.

— Да, на Ивановской! — отвѣчалъ Антонъ Ѳедотычъ съ замѣчательнымъ хладнокровіемъ.

— Зачѣмъ же тамъ паркетъ? И домъ-то весь развалился.

— Случай!... — отвѣчалъ Антонъ Ѳедотычъ, дѣлая видъ, что какъ бы не слыжалъ послѣдняго замѣчанія: — пріѣхалъ я разъ въ Москву, и такъ какъ у меня всегда есть свободныя деньги, я люблю, знаете, шляться по разнымъ этимъ аукціонамъ (Антонъ Ѳедотычъ въ жизнь свою не бывалъ ни на одномъ аукціонѣ и даже хорошенько не зналъ, какъ это дѣлается); только разъ вдругъ объявляютъ паркетъ:

тамъ далъ кто-то какую-то цѣну, я далъ рубль больше. третій сказалъ еще рубль, я говорю два — за мной и остался. Чортъ знаетъ, зачѣмъ и для чего купилъ паркетъ!... Ведутъ меня показывать, вижу, цѣлая комната завалена какими-то деревянными кусочками. Дѣлать, однако, нечего: велѣлъ я своему человѣку купить ящиковъ, собрали мы съ нимъ всю эту дрянъ, повезли во-свои... Домъ у меня тогда только еще отстраивался. Дай-ка, думаю, не будетъ ли чего-нибудь изъ моего паркета? Призываю я мастера. «Можешь ли, говорю, братецъ, собрать все это?»—«Могу-съ!» говоритъ...—«Ну, начинай съ Богомъ!» Только вижу, онъ работаетъ день, другой... Меня любопытство взяло; иду я къ нему. «Что же, говорю, братецъ?» — «Да, батюшка, говорить, извольте посмотрѣть, какая штука выходитъ!» Смотрю я: все это ужъ у него разложено и какъ бы на самой превосходнѣйшей картинѣ изображено *бородинское сраженіе*... Лица всѣхъ извѣстныхъ генераловъ какъ живыя; все это, знаете, выдѣлано изъ дерева. «Батюшка, говоритъ, паркетникъ: мнѣ за такой паркетъ рядной цѣны взять нельзя.»—«Да бери, говорю, братецъ, что хочешь, только увѣловѣчь ты мнѣ это сокровище».

— До сихъ поръ такъ съ генералами и стоитъ? — спросилъ Коробовъ, нисколько, повидимому, неудовлененный разговоромъ Антона Федотыча.

— До сихъ поръ съ генералами!—отвѣчалъ тотъ.

— Такъ какъ же по генеральскимъ-то лицамъ танцовать и ходить ногами — неловко!

— Очень неловко!—засмѣялся Антонъ Федотычъ.

Молодой человѣкъ, между тѣмъ, придалъ какъ-бы

мыслящее выраженіе своему лицу, потомъ тряхнулъ кудрями и началъ:

— У меня въ Петербургѣ тоже были всегда свободныя деньги, и я разъ тоже на аукціонѣ купилъ для маменьки часы; оказалось потомъ, что они съ будильникомъ...

— Бываетъ, съ такой, знаете, особенной машиной! — подтвердилъ Антонъ Федотычъ, и показалъ даже рукою какъ бы нѣкоторое подобіе машины.

— Да дѣло не въ машинѣ, а въ томъ, что часы будили въ восемь часовъ, именно когда маменька привыкла вставать.

— Скажите! — произнесъ Антонъ Федотычъ съ нѣкоторой дозой вниманія.

— И это ничего! Но они будили не шумомъ, какъ будить обыкновенные часы, а выкрикивали человѣческимъ голосомъ: «вставайте!... вставайте!»...

— Скажите! — произнесъ опять Антонъ Федотычъ, возвысивъ на значительное число нотъ свое вниманіе и даже показывая нѣкоторое удивленіе.

— И это еще ничего! — доколачивалъ его молодой человѣкъ:—будильникъ прибавлялъ: «вставайте. Клеопатра Григорьевна!» — имя мамаша выговаривалъ.

— Да, это приятно! — замѣтилъ Антонъ Федотычъ, какъ-то насильственно улыбаясь.

Онъ поставленъ былъ въ странное положеніе. Весь его умъ и соображеніе какъ бы подернулись какимъ-то туманомъ. Въ молодомъ человѣкѣ онъ видѣлъ точно двойника своего, который могъ совершенно тоже дѣлать, что и онъ дѣлалъ.

— Вы вотъ справедливо сказали, — началъ онъ послѣ нѣ котораго раздумья: — домъ у меня, точно что

здѣсь старъ. Непріятна, знаете, ветхость эта, а потому я гораздо больше люблю жить въ усадьбѣ своей.

— А у васъ хорошая усадьба?—спросилъ Коробовъ.

— Превосходная-съ! Насчетъ угодій расскажу вамъ только одно. Разъ, лѣтомъ, погода такая прекрасная стояла; сижу я съ семействомъ у себя на балконѣ; вдругъ слышу колокольчикъ. «Кто такой?» думаю. Оказывается, становой пріѣхалъ. Ну, очень радъ. «Антонъ Ѳедотычъ — говоритъ — къ вамъ архіерей сейчасъ пріѣдетъ. Услыхалъ, что вы поблизости: «везите, везите, говоритъ, меня къ нему»; я нарочно прискакалъ васъ предупредить...» И точно что я со всѣми этими высокими духовными особами всегда былъ друженъ, потому что и въ молодости, и до сихъ поръ люблю заниматься этой богословіей; только дѣло въ томъ, что мы, съ семействомъ, по слабости нашихъ комплекцій, всегда ѣдимъ скоромное... (Читатель, можетъ быть, не забылъ, какимъ слабымъ здоровьемъ и малымъ аппетитомъ пользовался самъ Антонъ Ѳедотычъ и все его семейство.) Но вѣдь это — монахи; по званію своему, они не могутъ этого дѣлать. Призываю я управляющаго. — «Скажи, говорю, братецъ, въ городъ, плати тамъ сколько хочешь, только доставай намъ рыбы.» — «Ничего-съ, говоритъ, и около дома найдемъ.» — «Какъ около дома?— «Да такъ ужъ, говоритъ, не извольте беспокоиться». Ну, я знаю, что онъ, дѣйствительно, человекъ расторопный, поуспокоился. Пріѣхалъ архіерей... сидимъ мы... тары-бары распускаемъ, а меня, между тѣмъ, все червячокъ гложетъ: «ну какъ, думаю, не найдутъ рыбы?» Вдругъ этотъ самый управляющій меня вы-

зываетъ. — «Пожалуйте, говорить, на прудъ, да и его-то преосвященство попросите». Возвращаюсь я въ гостямъ моимъ: «Вотъ, говорю, ваше преосвященство, дуракъ мой управляющій меня и васъ на прудъ выйдти просить—тамъ что-то такое необыкновенное случилось». — «Хорошо, говорить: я очень радъ попройтись, а то все сидѣлъ». Выходимъ, и такъ-таки прямо намъ въ глаза, на берегу пруда — пуда въ два осетръ!..

— Бываетъ это! — подтвердилъ его слушатель. — Разъ мы съ мамашей тоже сидимъ на балконѣ, только слышимъ вдругъ колокольчикъ... Это чиновники изъ города ѣдутъ къ намъ, а между тѣмъ среда... Мы съ матушкой, по слабости нашего здоровья, ѣдимъ скоромное, а чиновники, по ихъ сану, всегда соблюдаютъ посты... (Повѣса на этотъ разъ не счелъ даже за нужное мѣнять фразъ Антона Оедотыча.) Только я призываю къ себѣ управляющаго: «Скажи, говорю, плати что хочешь за рыбу». — «Достанемъ, говорить, и дома, да еще и съ дичью». Я сначала и повѣрилъ ему, но потомъ, когда чиновники пріѣхали, меня, какъ и васъ, сталъ тоже червячокъ поглаживать: однако управляющій вскорѣ же вбѣгаетъ. «Пожалуйте, говорить, Бога ради съ гостями на прудъ, да и винтовку ужъ захватите съ собой». — «Зачѣмъ винтовку?» — «Нужно», говорить... Вѣжимъ мы за нимъ. На берегу рѣки человекъ сорокъ мужиковъ тянутъ бредень... въ него попалъ медвѣдь, а бѣлуга ему въ ногу впилась!

Антонъ Оедотычъ даже ужъ и не усмѣхнулся на это; но тотчасъ же всталъ и отошелъ отъ своего собесѣдника, и цѣлый вечеръ былъ какъ опущенный

въ воду. Онъ полагалъ, что занимаетъ своими разговорами молодого человѣка, а тотъ только смѣялся надъ нимъ — обидно!

II.

Богатые лгуны и бѣдные.

Наклонность полгать — въ какихъ она иногда кроткихъ душахъ живетъ! Я зналъ въ В...ѣ мѣщанина Петра Вакорина — чрезвычайно кроткаго малаго, обремененнаго огромнымъ семействомъ, неспособнаго ничего другаго дѣлать, какъ сходить за охотой, за грибами, рыбки поудить. Существовалъ онъ рѣшительно благодѣаніемъ одного подгороднаго помѣщика, Саврасова, честолюбивѣйшаго и надменнѣйшаго человѣка и въ то же время псоваго и ружейнаго охотника, который собственно и благодѣтельствовалъ Вакорину за то, что онъ выслѣживалъ ему иногда мѣста, удобныя для охоты, хоть тотъ по большей части и навралъ въ этомъ случаѣ. Слабость поприхватъ въ Вакоринѣ, какъ въ существѣ загнанномъ, такъ умѣренно проявлялась, что ее почти никто и не замѣчалъ, а въ то же время она была, и очень была: придетъ иногда и расскажетъ женѣ, что видѣлъ орла съ орлятами, да улетѣли — канальство. А между тѣмъ нивакихъ орлятъ не было, да и быть не могло. А то отправится въ сосѣдній монастырь къ обѣднѣ, и тамъ, будто случайно, расскажетъ казначею: «Кавую, ваше преподобіе, я на мельницѣ вашей шуку видѣлъ; пуда въ два, надо

полагать; вся съдая ходить, мохомъ ужь, значитъ, поросла!..» Разгорятся жадностью казначейскія очи, велитъ онъ спустить омутъ — хоть бы пискарь! Начнутъ бранить Вакорина, непременно тутъ присутствующаго; крестится, божится, что видѣлъ, тогда какъ самъ очень хорошо знаетъ, что видѣлъ нѣчто гораздо болѣе похожее на палку, чѣмъ на шуку.

Разъ его благодѣтель, Саврасовъ, на одной изъ своихъ осеннихъ охотъ, убилъ лисицу съ чернымъ хвостомъ. Можете себѣ представить, какъ это подействовало на его гордую и самолюбивую душу! Со шкурой этой лисицы онъ сталъ по всѣмъ ѣздить, всѣмъ ее показывать. «Видали ли вы это?» говорилъ онъ, повертывая свой трофей передъ носомъ почти cadaго, и всякій благородный человѣкъ, разумѣется, придавалъ удивленное выраженіе своему лицу и говорилъ: «Да, да».

Случилось, что около того же времени Вакоринъ зашелъ къ исправнику, съ которымъ онъ состоялъ въ близкихъ отношеніяхъ тоже по случаю рыбной ловли, такъ какъ всегда доставлялъ ему отличныхъ для удочки червяковъ, а когда самъ ходилъ съ нимъ зимою удить, такъ держалъ и отогрѣвалъ этихъ червяковъ у себя во рту.

Смирненно поклонясь хозяину и гостямъ его (у исправника въ это утро было человѣкъ нѣсколько изъ дворянства), Вакоринъ, въ своемъ длинномъ сюртукѣ, усѣлся въ уголку и, положивъ руки на колѣни, сталъ улыбаться своей доброй улыбкой всякому, кто только на него взглядывалъ. Хозяинъ,

наконецъ, замѣтилъ его одинокое положеніе и обратился къ нему:

— Петруша, что ты тамъ все сидишь? Поди, выпей водочки!

Вакоринъ скромно всталъ, подошелъ къ закускѣ, несмѣлой рукой сталъ наливать себѣ рюмку. Въ это время двери съ шумомъ растворились, и въ гостиную вошелъ Саврасовъ съ лисьей шкурой въ рукахъ.

— Какъ вы это находите?—обратился онъ прямо къ хозяину и ни съ кѣмъ почти не кланяясь.

— И словъ ужъ не нахожу, какъ это выразить! — отвѣчалъ тотъ, раболѣпно склоняя голову передъ гостемъ.

— Во всемъ европейскомъ ружейномъ мірѣ въ десять лѣтъ одинъ такой выстрѣлъ бываетъ! — сказалъ Саврасовъ.

На этотъ разговоръ ихъ Вакоринъ, не допивъ еще рюмки, отвелъ отъ нея свои кроткіе глаза и проговорилъ довольно громко:

— Каждый годъ по три такихъ штуки бью!

Хозяинъ уставилъ на дерзкаго удивленные глаза, а Саврасовъ сначала только попытлся назадъ.

— Бакъ, ты бьешь каждый годъ по три? — проговорилъ онъ, не могши еще придти въ себя.

— Бью-съ! — отвѣчалъ покраснѣвъ Вакоринъ.

— Бьешь? — проговорилъ опять Саврасовъ.

— Бью-съ! — повторилъ еще разъ Вакоринъ.

— Бьешь! — заревѣлъ уже, съ вспыхнувшимъ какъ зарево лицомъ, оскорбленный честолюбецъ и схватилъ Вакорина за шиворотъ.

Хозяинъ и гости подбѣжали къ нимъ.

— Ну, полноте, бросьте его! — унимали они Саврасова.

— Дуракъ! Ну, гдѣ ты бьешь? — увѣщевалъ Ва-
корина исправникъ.

— Бью, батюшка, — повторилъ онъ и тому.

— Господа! возьмите его у меня; иначе я его
задушю! — сказалъ Саврасовъ, отбрасывая отъ себя
Вакорина.

— Чтò хотите, тò и извольте дѣлать, а что би-
валъ, — не унимался бѣднякъ, утирая съ лица катив-
шійся потъ.

— Ну, такъ пошелъ же вонъ! — крикнулъ на
него ужъ и хозяинъ, выведенный изъ терпѣнія такою
ложью.

— Я уйду, сударь, уйду! — говорилъ Вакоринъ,
и пошелъ.

— Я тебѣ теперь, каналья, кости оглоданной не
дамъ, — вскричалъ Саврасовъ, выбѣгая вслѣдъ за
нимъ.

— И я тоже, и я! — повторялъ хозяинъ.

Вакоринъ блѣднѣлъ, дѣлалъ изъ лица препечаль-
нѣйшую мину.

Въ лакейской его сталъ-было даже лакей угова-
ривать:

— Полноте, Петръ Гаврилычъ, потѣшите гос-
подъ; скажите, что неправду сказали.

— Что мнѣ тѣшить-то? бивалъ сколько разъ! —
отвѣчалъ ему Вакоринъ.

Лакей, на это, не стерпѣлъ и плюнулъ.

— Фу-ты, Господи Боже мой! — проговорилъ онъ.

Господа, между тѣмъ, разсуждали о нагломъ джецѣ
въ гостиной.

— Каковъ каналья? а? каковъ?—кричалъ Саврасовъ на весь домъ.

Его мелкое самолюбьишко было страшно оскорблено. Недѣли черезъ двѣ онъ, по наружности, какъ бы и простилъ Вакорина, сталъ даже принимать его къ себѣ въ домъ, но въ душѣ питалъ противъ него злобу. Разъ... это ужъ было у самого Саврасова, тоже собралось дворянство, въ томъ числѣ два брата Брыкины. Еще покойный отецъ этихъ господъ рассказывалъ, что поѣхалъ онъ однажды ночью черезъ Галичское озеро — вдругъ трахъ, провалился въ прорубь; дыханье, разумъется, захватило; глаза помутились; только черезъ нѣсколько секундъ дышать легче — глядитъ, тройка его выскочила въ другую прорубь — и полнехоньки сани рыбы зачерпнулись въ озерѣ. Другой разъ заговорили о храмѣ Петра въ Римѣ. «Что это такое за важность этотъ храмъ! — воскликнулъ Брыкинъ:—говорять, великъ онъ очень! Вздоръ: великъ сравнительно, потому что вся-то Италия съ нашу губернію. Ну, а какъ наша матушка Россія раскинулась, такъ, что ни построй, все мало. Вотъ у насъ приходъ, или, лучше ссазать, приходишко; выстроили церковь— такъ псаломщикъ за всенощной съ клироса на клиросъ на жеребенкѣ верхомъ ѣздилъ.

— Батюшка! — воскликнулъ при этомъ укоризненно даже одинъ изъ сыновей.

— А длина церкви велика ли?—спросилъ кто-то изъ слушателей.

— Длина? — отвѣчалъ нѣсколько опѣшенный замѣчаніемъ сына старикъ: — длина сажени три.

Такъ онъ вралъ, и всѣ его слушали, и даже по-

чти вѣрили ему, потому что тысяча душъ была у него. Сынки тоже пошли по немъ. Въ настоящее собраніе одинъ изъ нихъ рассказывалъ: «Стали, говоритъ, мы спускаться съ Свиньинской горы — вѣдь вы знаете, это стѣна, а не гора... что-то одна изъ лошадей плохо спускала—понесли. Заднее колесо заторможено было — однако, пи, пи, пи! ничего не помогаетъ; я, дѣлать нечего, говорю брату — мы съ нимъ сидѣли на передней лавочкѣ, а жѣны наши на задней: «давай, говорю, тормозить переднія колеса»; нагнулись: я на одну сторону — онъ на другую, взяли колеса въ наши лапки — на одинъ камень колесо наскочить, на другой — въ рывину сухую попадетъ; смотримъ, лошади наши ужь не несутъ, а везутъ коляску.»

— И я заторможу колесо, — отозвался вдругъ, чоргъ-знаегъ съ чего и для чего, Вакоринъ, тоже тутъ присутствовавшій.

Глаза хозяина загорѣлись бѣшенствомъ.

— Ты затормозишь? — спросилъ онъ.

— Я-съ.

— Да ты, каналья, не только коляску, а одну лошадь, на бѣговыхъ дрожкахъ, обѣими твоими скверными руками и ногами не остановишь! — прошипѣлъ онъ.

— И такъ остановлю-съ.

— Остановишь? Люди! — Саврасовъ хлопнулъ въ ладоши.

Вбѣжали люди.

— Сейчасъ заложить сѣраго въ бѣговія дрожки. Остановливай! — обратился онъ къ Вакорину.

Тотъ только уже улыбался.

Лошадь была заложена и приведена къ крыльцу. Всѣ гости и хозяинъ вышли туда.

— Посмотримъ, посмотримъ!—говорили самолюбиво братья Брыкины.

Вакоринъ, какъ обреченный на казнь, шелъ впереди всѣхъ.

— Какъ же ты остановишь? — спрашивали его нѣкоторые изъ гостей, которые были подобрѣе.

— А вотъ какъ, — отвѣчалъ Вакоринъ, ложась грудью на дрожки и самъ, кажется, не зная хорошенько, что онъ дѣлаетъ:—вотъ руки сюда засуну, а ноги сюда!—сказалъ онъ, и въ самомъ дѣлѣ, руки засунулъ въ переднія колеса, а ноги въ заднія.

— Отпускай!—крикнулъ онъ какимъ-то отчаяннымъ голосомъ державшему лошадь кучеру.

Тотъ отпустилъ. Лошадь бросилась, колеса за-вертѣлись; Вакоринъ какъ-то одну ногу и руку успѣлъ вытащить, дрожки свернулись на бокъ, лошадь ужъ совсѣмъ понесла, такъ что посланный за нею верховой едва успѣлъ ее остановить.

Вакоринъ лежалъ подъ дрожками.

— Вставайте! сказалъ подѣхавшій къ нему верховой.

— Немного, проклятая, наскочила — остановилъ же! сказалъ Вакоринъ, и хотѣлъ было подняться, но не могъ: у него переломлена была нога.

Лѣтъ десять тому назадъ, я встрѣтилъ его въ В... совсѣмъ уже старикомъ, хромымъ и почти нищимъ. Онъ сидѣлъ на тротуарѣ и, мокая въ пустую воду сухую корку хлѣба, ѣлъ ее. Невдалекѣ отъ

него стоялъ босоногій мальчишка и видимо подразнивалъ его: «Лисичій охотникъ, лисичій охотникъ!» повторялъ онъ безпрестанно. Это было прозвище, которое Вакорину дали въ городѣ послѣ перваго, несчастнаго съ нимъ случая по поводу лисьей шкуры. Старикъ только повременамъ злобно взглядывалъ на шалуна. Я подошелъ къ нему.

— Чтѣ это, Петръ Гаврилычъ, до чего это ты дошелъ? — стросилъ я его.

— Чтѣ дѣлать, сударь! старъ сталъ ужь!... А добрыхъ господъ, какъ прежде было, нынче совсѣмъ нѣтъ! — отвѣчалъ онъ, и слезы навернулись у него на глазахъ.

Кого онъ подѣ «добрыми господами» разумѣлъ — Богу извѣстно!

III.

Кавалеръ ордена пур-ле-мерить.

Прелестное июльское утро свѣтитъ въ окна нашей длинной залы; по переднему углу ея стоятъ мѣстныя иконы, принесенныя изъ ближайшаго прихода. Священникъ, усталый и запыленный, сидитъ невдалекѣ отъ нихъ и съ замѣтнымъ нетерпѣніемъ дожидается, чтобы его заставили поскорѣе отслужить всенощную, а тамъ, вѣроятно, и водку подадутъ. Матушка, впрочемъ, еще не вставала, а отецъ ушелъ въ поле къ рабочимъ. Я (очень маленькій) стою и смотрю въ окно. Изъ поля и изъ саду тянетъ восхитительной свѣжестью. Тутъ же, по задѣ

ходитъ ночевавшій у насъ сосѣдъ, Евграфъ Петровичъ Хариковъ, лужина чрезвычайно маленькаго роста, но съ густыми черными волосами, густыми бровями и вообще съ лицомъ неумнымъ, но выразительнымъ; съ шести часовъ утра онъ уже въ полной своей формѣ: брючкахъ, жилетикѣ, сюртучкѣ и *пур-ле-меритъ*. Орденъ сей Евграфъ Петровичъ получилъ за то, что въ чинѣ армейскаго поручика удостоился великаго счастья содержать почетный караулъ при королѣ прусскомъ въ бытность того въ Москвѣ. Раздражающее свойство утра замѣтно дѣйствуетъ на Евграфа Петровича: онъ проворно ходитъ, подшаркиваетъ ножкою, дѣлаетъ въ лицѣ особенную мину. Евграфъ Петровичъ — чистѣйшій холерикъ; его маленькой мысли безпрестанно надо работать, фантазировать и выражать самое себя. Въ настоящую минуту онъ не выдерживаетъ наконецъ молчанія и останавливается передъ священникомъ.

— Вы дядю моего Николая Степаныча знавали?

Священникъ поднимаетъ на него глаза и бороду.

— Нѣтъ-съ! — отвѣчаетъ онъ съ убійственнымъ равнодушіемъ.

— Какъ же, гвардейскаго корпуса командиромъ былъ, — продолжалъ Хариковъ опять какъ бы случайно: да вы знаете, что такое корпусный командиръ.

— Нѣтъ-съ! — отвѣчаетъ и на это священникъ и, въ то же время вытянувъ изъ своей бороды два волоска, начинаетъ ихъ внимательно разсматривать.

— Войско наше раздѣляется на роту, батальонъ, полкъ, дивизію и корпусъ — поняли?

Священникъ вытянулъ цѣлую прядь волосъ.

— Понялъ-съ, — произнесъ онъ.

— Ну, а слыхали-ли вы,—продолжалъ Хариковъ чисто уже наставническимъ тономъ:—что покойный государь Александръ Павловичъ великихъ князей Николая Павловича и Михаила Павловича держалъ строгонько?

Священникъ отрицательно покачалъ головой.

— Ну такъ это было! — произнесъ Хариковъ полутайно и полупешотомъ:—и что значить военная-то дисциплина...—продолжалъ было онъ, прищуривая глаза, но въ это время въ комнату вошелъ покойный отецъ, по обыкновенію мрачный и серьезный, и сѣлъ тутъ на стулъ.

Евграфъ Петровичъ употребилъ надъ собою все усиліе, чтобы продолжать разговоръ въ прежнемъ тонѣ.

— И такъ какъ великій князь былъ бригаднымъ, дядя корпуснымъ, я — адъютантомъ...

— У кого это адъютантомъ?—перебилъ его отецъ.

— У дяди Николая Степановича,—отвѣчалъ ему скороговоркой и не повернувшись даже въ его сторону Хариковъ.

— А!... — произнесъ отецъ.

Всѣ очень хорошо знали, что Хариковъ никогда и ни у какого своего дяди адъютантомъ не бывалъ, и самъ онъ очень хорошо зналъ, что всѣ это знали, но останавливаться было уже поздно.

— Великій князь обыкновенно каждую недѣлю являлся къ дядѣ съ рапортомъ,—говоритъ онъ, стараясь скрыть волненіе въ голосъ:—я, какъ адъютантъ, докладываю... Дядя выйдетъ и хоть-бы бровью моргнулъ... Великій князь два пальца подъ козырекъ и рапортуетъ: «Ваше высокопревосходитель-

ство, то-то и то-то!...» Дядя иногда скажетъ. «хорошо, благодарю, ваше высочество!» а иногда и распеканье. Такъ не повѣрите вы, — продолжалъ Евграфъ Петровичъ, обращаясь ужъ болѣе, кажется, къ иконамъ, чѣмъ къ своимъ слушателямъ: — идетъ великій князь назадъ черезъ залу... Я его, разумѣется, проежаю... онъ возьметъ меня за руку, крѣпко, крѣпко сожметъ ее. «Тяжело, говоритъ, братецъ Хариковъ, жить такъ на свѣтѣ.» Эти слова священника даже пробрали; онъ повернулся на стулѣ и почесалъ у себя за ухомъ. — Въ лицѣ отца появляется какая-то злобная радость.

— А какъ вы съ нимъ кутить ѣздили? — спросилъ онъ, хоть бы съ малѣйшимъ слѣдомъ улыбки на лицѣ.

— Ъздили! — отвѣчалъ Хариковъ слегка вспыхнувъ: — съ Николаемъ Павловичемъ впрочемъ не часто, а все съ Михаиломъ Павловичемъ... тотъ любилъ это... Пишетъ бывало заплеску: «Хариковъ, есть у тебя деньги?» Ну, разумѣется, пишу: есть, и отпрагился, иногда и Николай Павловичъ съ нами...

— А какъ васъ въ часть-то было взяли? — спросилъ отецъ съ дьявольскимъ спокойствіемъ.

— Да, да! — отвѣчалъ Хариковъ, засмѣявшись самымъ добродушнымъ смѣхомъ: — ну, разумѣется, молодые люди разъ какъ-то на островахъ перешалили немного!... трахъ!... Полиція и накрыла. «Бога ради, говорятъ, не говорите, что мы великіе князья, и скажите, что просто офицеры.» Какъ, думаю, связать: просто офицеры, вѣдь кварталный ихъ потянетъ; а дядя, я знаю, только и говоритъ: «попадись ужъ, говоритъ, этотъ великій князь въ чемъ-нибудь, я

его два года съ гауптвахты не вынущу»... Дѣлать нечего, отозвалъ квартальнаго въ сторону... «Дуракъ, говорю, вѣдь это великіе князья...» онъ какъ стоялъ такъ и присѣлъ на корточки и, разумѣется, сейчасъ же скрылся... я деньги тамъ, какія нужно было, заплатилъ, и уѣхали.

— Какъ вы ѣхали назадъ: сухимъ путемъ или водою? — спросилъ отецъ, какъ-бы не думая ничего особеннаго этимъ сказать.

— До Дворцоваго моста на извозчикъ доѣхали, а тутъ встали да дворца-то пѣшкомъ дошли, — отвѣчалъ Хариковъ, какъ бы не понявъ васмѣшки. — И какая, Господи! у Государя память была... въ послѣдній прїездъ свой къ намъ... Ну, разумѣется, мы всѣ, дворяне, собрались въ залъ... Впереди вся эта знать наша... губернаторъ, предсѣдатель, предводитель,.. я какой-нибудь ничтожный депутатишко отъ дворянства, стою тамъ гдѣ-то въ углу... Онъ идетъ, только вдругъ этакъ далеко, но прямо противъ меня останавливается. «Хариковъ, говоритъ, это ты?»—«Я, говорю, ваше величество», а у самого слезы такъ и льются. Вижу, у него на правомъ глазу слезинка показалась. — «Очень радъ, говоритъ, братецъ, тебя видѣть, только смотри, не болтай много...»— «Ваше величество...» говорю.

— Это и я слышалъ!—подхватилъ вдругъ отецъ.

— Ну да, вотъ и вы, кажется, тутъ были!—обратился къ нему Хариковъ, видимо удивленный этой поддержкой.

— Еще тогда Государь поотошелъ немного,—продолжалъ серьезно отецъ,—да и говоритъ дворянству:— «вы, господа, пожалуйста, не вѣрьте ни въ чемъ Ха-

рикову: онъ ужасный лгунишка и непременно вамъ на меня что-нибудь налжетъ.

— О, вздоръ какой! — произнесъ со смѣхомъ Хариковъ: — станетъ Государь говорить.

— Какъ не вздоръ! — возразилъ ему отецъ: — я далъ тебѣ три короба нагородить, а ты мнѣ маленькій кузовочекъ не хочешь позволить.

Къ счастію Евграфа Петровича, въ то время вошла матушка. Онъ поспѣшилъ передъ ней модно расшаркаться, поцѣловалъ у ней ручку и осѣдомился объ ея здоровьѣ.

Во время всенощной онъ замѣтно молился на старинный офицерскій манеръ, т. е. клалъ небольшой крестикъ и едва склонялъ голову, затѣмъ почему-то съ особеннымъ чувствомъ пропѣлъ: «*Отъ юности моя мнози борятъ мя страсти!*» Но когда начали «*Взбранной воеводу*», онъ подперся рукою въ бокъ, какъ будто-бы держась за шарфъ, откуда басъ у него взялся, пропѣлъ цѣлый псаломъ, ни въ одной нотѣ не сорвавшись, и кончивъ проговорилъ со вздохомъ: «любимая стихера Государя!»

Мнѣ всего еще разъ удалось видѣть уже на смертномъ одрѣ этого невиннаго человѣка въ его маленькой усадьбѣ, маленькомъ домикѣ и въ маленькой спальнѣ, въ которой не было никакихъ слѣдовъ здороваго человѣка, всюду былъ удушливый воздухъ, вездѣ стояли баночки съ лекарствомъ, и только на столикѣ у кровати лежалъ пуръ-ле-мерить на совершенно свѣжеѣ лентѣ.

Когда я сѣлъ около Евграфа Петровича, онъ крѣпко сжалъ мнѣ руку.

— Вы вѣроятно будете у меня на похоромахъ?— проговорилъ онъ довольно спокойнымъ голосомъ: — прикажите, пожалуйста, чтобы крестъ этотъ несли передъ моимъ гробомъ: я заслужилъ его кровью моею.

Евграфъ Петровичъ во всю жизнь свою капли не проливалъ ни своей, ни чужой крови.

Черезъ недѣлю онъ померъ. Я долгомъ себѣ поставилъ исполнить его предсмертное желаніе и даже самъ неся крестъ на малиновой подушкѣ, которую покойникъ задолго еще до смерти поспѣшилъ для себя приготовить.

— О, судьба! — думалъ я:— для чего ты не дала этому человѣку звѣзду... Любопытно-бы было видѣть ту степень нѣжности, съ какою бы онъ относился къ этой высокой наградѣ служебныхъ заслугъ.

IV.

Другъ царствующаго дома

Честолюбіе такъ же свойственно женскимъ сердцамъ, какъ и мужскимъ. Тетка моя, Мавра Исаевна Исаева, была какъ-бы живымъ олицетвореніемъ этого женерознаго чувства. Признаюсь, и по самой наружности я не видывалъ величественнѣе, громаднѣе и могучѣе этой дамы или, точнѣе сказать, дѣвицы: прямой греческій носъ, открытый лобъ, строгіе глаза, презрительная улыбка, густые серебристые въ пук-

ляхъ волосы, полный, но необрюзглый еще станъ, походка грудью впередъ; словомъ, какъ будто-бы Господь Богъ все ей далъ для выраженія ея главнаго душевнаго свойства.

Мавра Исаевна, какъ можно судить по ея здоровой комплекціи, чувствовала большую склонность къ замужеству; но, единственно по своему самолюбію, осталась въ самомъ строгомъ смыслѣ дѣвственницею и ниразу не снизошла до вульгарной любви къ какому-нибудь своему брату дворянину: единственною страстью ея былъ и остался покойный государь Александръ Павловичъ. Когда послѣ 12-го года онъ объѣзжалъ Россію, она видѣла его въ маленькомъ узвдномъ городкѣ изъ оконъ своей квартиры.

— Онъ проѣхалъ въ коляскѣ, блистающей красотой и милосердіемъ, и судьба сердца моего была рѣшена на вѣкъ, — говорила она прямо и откровенно всѣмъ.

Въ 24 и 25 годахъ Мавръ Исаевнѣ случилось быть по дѣламъ въ Петербургѣ. Она видѣла Петербургскій потопъ, видѣла Государя задумчиво и въ грусти стоявшаго на балконѣ Зимняго дворца. Она сама жила въ это время на Васильевскомъ островѣ, потерявъ все свое маленькое имущество. Изъ особенно устроенной комиссіи ей было предложено вспомошествованіе.

— Позвольте узнать, изъ какихъ это суммъ? — спросила она раздававшаго чиновника.

— Изъ суммъ Государственнаго Казначейства, — отвѣчалъ тотъ.

Мавра Исаевна едѣлала гримасу презрѣнія.

— Я подаваніе могу принимать только отъ моего

Бога и Государя, — проговорила она и не взяла денегъ.

Видѣла Мавра Исаевна и 14 декабря; на ея глазахъ (она жила тогда уже въ Семеновскомъ полку) солдаты вышли изъ казармъ и возвратились туда. Въ тотъ же день везеромъ (поугру она немножко пригруживала выходягь изъ квартиры), она встрѣтила Орлова, проѣхавшаго съ своимъ кавалергардами. — Около этого же времени Мавра Исаевна по просьбѣ одной своей знакомой вздѣла къ ея дочери въ Смольный монастырь. Начальница его, оказавшаяся землячкой Мавры Исаевны, очень ласково приняла ее и, видя, что эта бѣдная провинціалка все спрашиваетъ о царской фамиліи, пригласила ее на одно изъ торжественныхъ посѣщеній Марьи Ѳеодоровны. Чтобы лучше было видѣть, она поставила Мавру Исаевну около главнаго входа, черезъ который Императрица должна была проходить. Мавра Исаевна поклонилась Государынѣ глубоко, но съ достоинствомъ; та, по обычной своей любезности, отвѣчала ей доброй улыбкой и легкимъ наклоненіемъ головы.

Всѣ эти случаи, не особенно знаменательные, по дѣйствовали однако страннымъ образомъ на воображеніе 50-лѣтней дѣвicy: она стала считать себя окончательно связанною съ царствующимъ домомъ и, проживая потомъ лѣтъ 30 въ деревнѣ, постоянно держала около себя воспитанницъ, которыхъ единственную обязанностью было выслушивать различныя ея фантазіи на эту тему: но эти *неблагодарныя твари*, какъ обыкновенно Мавра Исаевна называла ихъ, когда прогоняла отъ себя, обнаруживали въ этомъ

случаѣ довольно однообразное свойство: вначалѣ онѣ какъ будто бы и принимали всѣ ея слова съ должнымъ удовольствіемъ, но потомъ на лицахъ ихъ замѣтно стала обнаруживаться скука и наконецъ онѣ начинали дѣлать своей благодѣтельницѣ такія грубости, что она поневолѣ должна была разставаться съ ними. Въ послѣдніе годы жизни Мавры Исаевны пошло еще хуже. Изъ сосѣднихъ дворянокъ, приказничихъ, мѣщанокъ жить къ ней никто даже и не шелъ.

Она вринуждена была входить въ переписку съ начальницами разныхъ монастырей, пріютовъ, ѣздить къ нимъ, подличать передъ ними, дѣлать имъ подарки, чтобы онѣ удѣлили ей хоть какой-нибудь отростокъ изъ своего богатаго питомника; но и тутъ счастья не было: первый взятый ею отпрыскъ вдругъ оказался въ такомъ положеніи, что Мавра Исаевна, спасая уже свою собственную честь, поспѣшила ее отправить поскорѣе обратно въ заведеніе.

Послѣдней приживалкой Мавры Исаевны была изъ дворянъ богомолка Фелисата Ивановна. Мавра Исаевна сама про нее говорила, что эту дѣвицу ей Богъ послалъ. На глазахъ автора Фелисата Ивановна въ глухую полночь, въ 30 градусовъ мороза, бѣгала для своей благодѣтельницы въ погребъ за квасомъ; и подобная привязанность оказалась потомъ непрочною: чрезъ какой-нибудь годъ стало замѣтно, что между Маврой Исаевной и Фелисатой Ивановной пошло какъ-то не хорошо.

Разъ мы ужинали. Тетушка съ своею обыкновенною позой, я—всегда ее немного притруживающій, и Фелисата Ивановна. Послѣдняя сидѣла съ крѣпко

сжатыми губами и съ неподвижно сложенными руками: вѣтъ она давно уже ничего не ѣла ни за обѣдомъ, ни за ужиномъ.

— Славный хрусталь!.. — имѣлъ я неосторожность сказать.

— Да, это хрусталь петербургскій! — отвѣчала Мавра Исаевна, кинувъ почему-то взоръ презрѣнія на Фелисату Ивановну. Слово *Петербургскій* всегда поднимали въ ней самолюбіе и какъ будто бы давали шпоры этому ея чувству.

— У меня бы его было человѣкъ на сто, какъ бы не эта госпожа — прибавила она, указывая уже прямо глазами на Фелисату Ивановну.

Тонкія губы той еще болѣе сжались.

— Я, кажется, у васъ еще ничего не разбила! — возразила она тихо, шипящимъ голосомъ.

— Ты разбила у меня то, что дороже было для меня всего въ жизни, — стаканъ, который подарила мнѣ императрица Марія Феодоровна.

— Какой ужъ это стаканъ императрицы — стаканешко какой-то!

Мавра Исаевна вся побагровѣла.

— Молчать! — крикнула она.

Фелисата Ивановна дѣйствительно разбила какой-то стаканешко, на которомъ была отлита буква М и который Маврѣ Исаевнѣ вдругъ почему то вздумалось окрестить въ подарокъ императрицы.

— Какъ то случилось, — начала она, обращаясь съ нѣкоторою нѣжностью ко мнѣ: — тогда я познакомила въ Петербургѣ съ генеральшей Костиной «Марья Ивановна, говорю, на что это похожи нынѣшнія дѣвицы? Гдѣ у нихъ Богъ?.. Гдѣ у нихъ манеры?

Гдѣ уваженіе къ старшимъ?» — «Душенька, говоритъ, Мавра Исаевна, позвольте мнѣ слова ваши передать императрицѣ.» — «Говорите», говорю. Только вдругъ, послѣ этого курьеръ ко мнѣ, другой, третій: «императрица, говорятъ, желаетъ, чтобы вы представились ей...» я ѣду къ Костиной. «Марья Ивановна, говорю, я слишкомъ высоко ставлю и уважаю моихъ государей, чтобы въ этомъ скудномъ платьѣ... (Мавра Исаевна при этомъ взяла и съ пренебреженіемъ тряхнула юпкою своего платья) явиться передъ ихъ взоры.» Но такъ какъ Костина знала весь этотъ придворный этикетъ, «Мавра Исаевна, говоритъ, вы не имѣете права отказаться, вамъ платье пришлютъ и пришлютъ даже форменное.» — «А, форменное, это другое дѣло!..»

Я нарочно закашлялъ, чтобы скрыть свои мысли.
— Какое же это форменное? — спросилъ я.

Мавра Исаевна прищурила глаза.

— Очень простенькое, — отвѣчала она: — черное гласе, на правомъ плечѣ шифръ, на рукавахъ буфы, спереди на-отмашъ лопасти, а сзади шлейфъ... Генеральша Костина тоже въ гласе... на лѣвой сторонѣ звѣзда, на правой лента черезъ плечо... Императрица приняла насъ въ тронной залѣ, стоя, опершись одной рукой на кресло, другой на сводъ законовъ. «Вы дѣвица Исаева?» — «Точно такъ, говорю, ваше величество.» Она этакъ нѣсколько съ печальной миной улыбнулась.

«— Скажите, говоритъ, за что вы порицаете моихъ дѣтей?» (она вѣдь всѣхъ воспитаницъ своихъ заведеній называла дѣтьми, и точно что была имъ больше, чѣмъ мать...) — «Ваше величество, говорю,

правила моей нравственности вотъ въ чемъ, вотъ въ чемъ, вотъ въ чемъ состоятъ.

«Императрица пожала плечами.

«— Но какъ же, говорить, скажите, какъ вы могли такъ хорошо узнать моихъ дѣвицъ?

«— Ваше величество, говорю, мнѣ нельзя этого не знать; я имѣю тутъ дочь. Мнѣ, какъ матери и другу моей дочери, нельзя этого не знать.

— Какой дочерп?—воскликнулъ я.

У Фелисаты Ивановны ея тонкій ротъ раскрылся почти до ушей.

— Да, дочери! — отвѣчала Фелисата Ивановна спокойно.

— Кто же отецъ вашей дочери?—спросилъ я.

— Странно спрашивать! — отвѣчала Мавра Исаевна.

На этомъ мѣстѣ Фелисата съ умысломъ или въ самомъ дѣлѣ не могла удержаться, но только фыркнула на всю комнату.

Мавра Исаевна направила на нее медленный, но въ то же время страшный взоръ.

— Чему ты смѣнешся?—спросила она ее какимъ-то гробовымъ тономъ.

Фелисата Ивановна молчала.

— Чему ты смѣнешся?—повторила Мавра Исаевна тѣмъ же тономъ.

— Да какъ-же, матушка, какая у васъ дочь! — отвѣчала наконецъ Фелисата Ивановна.

— А такая же... костяная, а не лычная, — отвѣчала Мавра Исаевна, попрежнему тихо; но видно было, что въ ея громадной груди бушевало

цѣлое море злобы.— Я моихъ дѣтей не раскидала по мужикамъ, какъ сдѣлала это ты.

Фелисата Ивановна покраснѣла. Намекъ былъ слишкомъ ядовитъ: — она дѣйствительно въ жизнь свою одного маленькаго ребеночка подкинула сосѣднему мужичку.

— Не было, сударыня, у меня никакихъ дѣтей,— возразила она, — и у васъ ихъ не было... Вы барышня.... Вамъ стыдно это на себя говорить.

— А вотъ и было же!... на вотъ тебѣ! — сказала Мавра Исаевна и показала Фелисатѣ Ивановнѣ кукишъ.

— Гдѣ-жъ ваша дочь теперь?—спросилъ, я желая испытать, до какой степени можетъ дойти фантазія Мавры Исаевны.

— Не безпокойтесь, она умерла, — отвѣчала она съ замѣтною ядовитостію:— а еслибъ и жива была, не лишила бы васъ наслѣдства. У ея отца слишкомъ было много чѣмъ ее обезпечить... О, мой маленькій, кроткій ангелъ!—воскликнула нѣжнымъ и страстнымъ голосомъ старушка. — Какъ теперь на тебя гляжу, какъ лежала ты въ своемъ маленькомъ гробикѣ, вся усыпанная цвѣтами, я стояла около тебя и не плакала. Его не было... Ему нельзя было приѣхать...

На этихъ словахъ Мавра Исаевна вдругъ вскочила изъ-за стола, встала передъ образомъ и всплеснула руками:—«Господи! упокой его душу и сердце! и помани его въ сонмъ праведниковъ своихъ!» — зашептала она, устремляя почти страстный взоръ на иконы.

Мы съ Фелпсатой Ивановной тоже вскочили, пораженные и удивленные.

Старуха молилась по крайней мѣрѣ съ полчаса. Слезы лились у нея по щекамъ, она колотила себя въ грудь, воздѣвала руки и все повторяла: — «Душу мою, душу мою тебѣ отдамъ!» Наконецъ вдругъ гордо обернулась къ Фелпсатѣ Ивановнѣ и проговорила: — «пойдемъ, пди за мной!» и мнѣ кивнувъ головой, прибавила: — «извини меня, я взволнована и хочу отдохнуть!» — и ушла.

Фелпсата Ивановна послѣдовала за ней съ опущенными въ землю глазами. Я долго еще слышалъ сверху говоръ внизу и догадался, что это распекаютъ Фелпсату Ивановну, потомъ наконецъ заснулъ, но часовъ въ 7 утра меня разбудилъ шумъ, и ко мнѣ вошла съ встревоженнымъ видомъ горничная.

— Пожалуйте къ тетущкѣ, несчастье у насъ.

— Какое?

— Фелпсата Ивановна потихоньку уѣхала къ родителямъ своимъ.

Я пошелъ. Мавра Исаевна всею своей великолѣпной фигурой лежала еще въ постели; лицо у нея было багровое, глаза горѣли гнѣвомъ, голая ступня огромной, но красивой ноги выставлялась изъ-подъ одѣяла.

— Фелпсатка-то, мерзавка, слышалъ, убѣжала, — встрѣтила она меня.

Я придалъ лицу моему выраженіе участія.

— Вѣдь седьмая отъ меня такъ бѣгаетъ! отъ чего это?

— Что-жь вамъ, тетущка, такъ очень ужъ гоняться за этими господами! Будетъ еще такихъ много.

— Разумѣется! — проговорила Мавра Исаевна уже прежнимъ своимъ гордымъ тономъ.

— Вамъ гораздо лучше, — продолжалъ я: — взять въ комнату вашу прежнюю ключницу Глафиру... (та была глуха на оба уха и при ней говори что хочешь — не покажетъ никакого ощущенія) женщина она не глупая, честная.

— Честная! — повторила Мавра Исаевна.

— Потомъ къ вамъ будетъ ѣздить Авдотья Никаноровна.

— Будетъ! — согласилась Мавра Исаевна.

Авдотья Никаноровна хоть и не была глуха на оба уха, но за то такая была дура, что ничего не понимала.

— Наконецъ Эпампиондъ Захарычъ будетъ постоянный вашъ гость.

— Да, Эпампиондка! Пьяница только онъ ужасный.

— Нельзя же, тетушка, чтобы человекъ былъ совершенно безъ недостатковъ.

Эпампиондъ Захарычъ, бѣдный сосѣдъ, въ самомъ дѣлѣ былъ такой пьяница, что никогда никакими посторонними предметами и не развлекался, а только и помышлялъ о томъ, какъ бы и гдѣ бы ему водки выпить.

— Всѣ они будутъ бывать у васъ, развлекать васъ! — говорилъ я, помышляя уже о собственномъ спасеніи. Эта густая и непреоборимая атмосфера хоть и дѣтской, но все-таки жи, которою я дышалъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней, начинала меня душить невыносимо.

— А теперь, позвольте съ вами проститься, — прибавилъ я нервнѣйшимъ голосомъ.

— Прощай! Богъ съ тобой! — отвѣчала Мавра Исаевна. Ей въ эту минуту было не до меня: ей нужна была Фелисатка, которую она растерзать на части готова была своими руками. Дома я нашелъ письмо отъ Фелисаты Ивановны, которымъ она хотѣла объяснить передо мной свой поступокъ: — мнѣ батюшка Алексѣй Теофилактычъ, — писала она мнѣ, въ немъ, — легче было, кажется, удавиться, чѣмъ слушать хвастанье и наставленья вашей тетиньки!»

Три остальные года своей жизни Мавра Исаевна, живя въ совершенномъ одиночествѣ, посвятила на то, чтобы, никогда неумѣвши рисовать, при своихъ слабыхъ, старческихъ глазахъ вышивать мельчайшимъ пунктиромъ нерукотворный образъ Спасителя, который и послала въ Петербургъ съ такой надписью: *Брату моего покойнаго Государя!* Все потому ждала отвѣта и такъ какъ ожиданія ея не сбывались, то она со всеми своими знакомыми совѣщалась:

— Ужь какъ бы отказать, такъ прямо бы отказали, а то значить дѣло въ ходу.

— Конечно въ ходу! — отвѣчали ей тѣ въ угрѣшеніе.

V.

Блестящій лгунъ.

Во лжи, какъ и во всякомъ другомъ творчествѣ, есть своего рода опьянѣніе, нѣга, сладострастіе; а то откуда же она беретъ этотъ огонь, который зажигаетъ у человека глаза, щеки, поднимаетъ его

грудь, дѣлаеть голосъ болѣе звучнымъ?... Нѣкто N..., еще въ двадцатыхъ годахъ совершившій кругосвѣтное путешествіе, былъ именно однимъ изъ такихъ электризующихъ себя и другихъ, услаждающихъ говорунѡвъ и лгуновѡвъ своего времени. Маленькій, проворный, живой, съ красивыми руками и ногами, и вообще своей наружностью напоминающій польскаго ксендза, имѣющій привычку, когда говоритъ, закрывать глаза и вскрикивать въ концѣ каждой фразы, какъ-бы затѣмъ, чтобы слыше запечатлѣть ее въ ухахъ слушателей, N... почти цѣлыя двѣ зимы былъ героемъ Москвы. Князь П... (да проститъ Господь-Богъ этому человѣку его гордость, которая могла равняться одной только сатанинской гордости!), князь P... искалъ знакомства съ N... Обстоятельство это, впрочемъ, надобно объяснить вліяніемъ княгини, которое она всегда имѣла на мужа. При воспоминаніи объ этой дамѣ, авторъ не можетъ не придти въ нѣкоторый восторгъ отъ мысли, что въ Россіи была такая умная и ученая дама. Цѣлый день она, бывало, сидитъ въ своей обитой штофомъ гостиной, вѣчно съ книгой въ рукахъ; двѣ ея дочери, стройныя и прямыя, какъ англичанки, тоже съ книгами въ рукахъ. Положимъ, въ княгинѣ пріѣзжаетъ съ визитомъ какая-нибудь m-me Маурова, очень молоденькая и вѣтреная женщина.

— Avez-vous le Chateaubriand? — спросилъ вдругъ княгиня, показывая глазами на книгу, которую держитъ въ рукахъ.

— Non, — отвѣчаетъ та очень покойно.

— Non?... — повторитъ княгиня почти ужасающимъ голосомъ.

— Mon mari n'est pas encore allé au magasin de Gothier.

— Шатобрианъ вышелъ годъ тому назадъ! — скажетъ княгиня, и, не ограничиваясь этимъ, обратится еще къ одной изъ дочерей своихъ.

— Chère amie! принеси мнѣ les Métamorphoses d'Ovide.

Она очень хорошо знаетъ, что m-me Маурова и словъ такихъ: *Метаморфозы Овидія* не слыхала, — а потому, по необходимости, должна растеряться и уѣхать.

Я привелъ этотъ маленький эпизодъ единственно затѣмъ, чтобы показать, какіе люди интересовались N... и дали наконецъ ему торжественный обѣдъ, къ которому все было предусмотрено: во-первыхъ, былъ приглашенъ къ обѣду, какъ человѣкъ очень умный, профессоръ Марсовъ, учившій дочерей княгини греческому языку; изъ другихъ мужчинъ были выбраны по большей части сановники — друзья князя; кромѣ того, на обѣдъ налетѣло больше десятка пестрыхъ и прелестныхъ, какъ бабочки, молодыхъ дамъ.

N... входитъ; но мы ловимъ его не на его официальномъ поклонѣ хозяйкѣ, не въ то время, когда онъ почти дружески пожималъ руку хозяйина, ни даже тогда, когда, сидя уже за столомъ по правую руку хозяйки, послѣ съѣденнаго супа, онъ начиналъ ей запускать кое-что о супахъ-консервахъ, ни въ тотъ моментъ, когда князь, ставъ на ноги, возвѣстилъ тостъ за здоровье N..., какъ за здоровье знаменитѣйшаго путешественника, а княгиня, дружески пожимая ему руку, — проговорила съ ударе-

ніемъ: — «и я пью!» На все это N... отвѣтилъ враткими и исполненными чувства словами, но и только! Онъ зналъ, что минута его еще не настала, и былъ цѣломудренно-скромень. Она настала, когда онъ остался въ прекрасномъ кабинетѣ, освѣщенномъ, по тогдашней модѣ, восковыми свѣчами, въ совершенно интимномъ кружку князя, княгини, профессора Марсова и двухъ-трехъ дамъ, самыхъ искреннихъ его почитательницъ. N... сидѣлъ на покойномъ креслѣ: безопасная голова его была закинута назадъ, коротенькія ножки утвали въ коврѣ; ощущая въ желудкѣ пріятный вкусъ высокоцѣннаго рейнвейна, онъ по крайней мѣрѣ съ часъ описывалъ разницу между Европою и затропическими странами.

— Наконецъ, женщины затропическія! — воскликнулъ онъ въ заключеніе и поцѣловалъ при этомъ кончики своихъ пальцевъ.

Княгиня на короткое мгновеніе переглянулась съ прочими дамами.

— *On dit... pardon, это — московскіе слухи... on dit, que vous avez été marié à une petite négresse.*

N... стыдливо потупляетъ глаза.

— *Non, на мавританкѣ,* — отвѣтилъ онъ вполголоса. — Это — маленькое племя, живущее около Триполи, — продолжалъ онъ, вздохнувъ и какъ-бы предавшись воспоминанію.

— Вы были, значить, и въ Африкѣ? — спросилъ его съ мрачнымъ видомъ Марсовъ.

— Мой Богъ, я былъ въ Африкѣ вездѣ, гдѣ только могла быть нога человѣческая.

Говоря точнѣе, нога N... ни на одномъ камнѣ

Африки не была, и онъ только въ зрительную трубку съ корабля видѣлъ ея туманные берега.

— Я былъ, наконецъ, плѣнникъ: меня консулъ александрійскій вымѣнялъ на слона!

— Почему же александрійскій консулъ? — вмѣшался въ разговоръ князь. Онъ всегда интересовался дипломатическимъ корпусомъ и считалъ его почему-то близкимъ себѣ.

— Очень просто! — отвѣчалъ N... и въ творческой головѣ его создалась уже цѣлая картина: — это случилось на пути моемъ къ Тунису. Я ѣхалъ съ маленькимъ караваномъ... ночью... по степи полнѣйшей... только и видно, какъ желтое море песку упирается въ самое небо, на которомъ, какъ-бы исподинскою рукою, выкинуть свѣтлый шаръ луны, дающій тѣнь и отъ васъ, и отъ вашего верблюда, и отъ вашего вьюка — а тамъ въ дали мелькаютъ оазисы съ зеленѣющими пальмами, которыя передъ вами скорѣе рпеуются черными, чѣмъ-зелеными очертаніями; воздухъ прозраченъ, какъ стекло.... Только вдругъ на горизонтѣ пыль. Проводники наши, какъ увидали это, сейчасъ поворотили лошадей въ противоположную сторону и маршь! «Что такое?» — спрашиваемъ мы. — «Бедуины», — отвѣчаетъ намъ толмачъ, и представьте себѣ — мы безъ всякой защиты, въ пустынѣ, которая малѣйшимъ эхомъ не отвѣтитъ на самые ваши страшные, предсмертные крики о помощи...

— Ужасно! — проговорила княгиня.

— Ужасно! — повторили и прочія дамы.

N... продолжалъ:

— Пыль эта, разумеется, вскорѣ же преврати-

лась въ людей; люди эти насъ нагнали. У меня были съ собой золотые часы, около сотня червонцевъ. Спросили они меня черезъ переводчика: Кто я такой? отвѣчаю: «Русскій!» Совѣтъ они между собой какой-то сдѣлали, послѣ котораго купцовъ ограбили и отпустили, а меня взяли въ плѣнь. Толмачъ, однако, мнѣ говоритъ, что все дѣло въ деньгахъ: стѣитъ только написать какому-нибудь нашему консулу, чтобы онъ меня выкупилъ. «Но какой же, думаю, консулъ на африканскомъ берегу? Самый ближайшій изъ нихъ александрійскій.» Кромѣ того спрашиваю: «Какъ же я напишу ему?» — «Ваше письмо, говорятъ, или съ нарочнымъ пошлютъ, или просто по почтѣ.» Между всѣми европейскими консулами и этими разбойничьими шайками установлено прямое сообщеніе.

Проговоря это, N... нѣсколько пріостановился. «Ну какъ, — подумалъ онъ, — этого ничего нѣтъ, да и быть, вѣроятно, не можетъ!»

— Впослѣдствіи, впрочемъ, оказалось, — продолжалъ онъ: — что эти самые толмачи и наводятъ караваны на шайки, а послѣ и дѣляютъ съ ними добычу...

Марсовъ при этихъ словахъ повернулся на стулѣ.

— Какъ же толмачъ можетъ вести? Его дѣло — переводить съ языка, а по дорогѣ вести — дѣло проводника! — проговорилъ онъ своимъ точнымъ языкомъ.

— О, эти два ремесла всегда въ одномъ лицѣ соединены! — воскликнулъ N...

— Да вѣдь вы сами же сказали, что проводники ваши ускакали, а толмачъ при васъ остался.

— То не проводники, а военная стража — только! — возразилъ N...

— То военная стража! — подтвердилъ и хозяинъ. Марсовъ, незамѣтно для другихъ, — пожалъ плечами и замолчалъ.

— Что же, васъ въ плѣну держали въ тюрьмѣ, подѣ надзоромъ? употребляли на какія-нибудь работы? — спросила княгиня съ участіемъ.

— О, нѣтъ, напротивъ! — воскликнулъ N... (до какой степени онъ быстро творилъ въ этомъ разговорѣ — удивляться надо). — Я жилъ въ очень маленькомъ селеніицѣ, состоящемъ изъ глиняныхъ саклей — по загородамъ бананы растутъ, какъ наши огурцы; въ какое-нибудь драгоцѣннѣйшее фиговое дерево — вы вдругъ видите — для чего-то воткнуто желѣзное орудіе въ родѣ нашей пещи, и на ней насажена мертвая баранья голова...

— Что же, къ консулу вы писали? — перебилъ его князь.

— Писалъ... Съ однимъ купцомъ, дружественнымъ этому селенію, письмо мое было отправлено.

— Чтò жь онъ вамъ отвѣчалъ? — продолжалъ князь. Онъ рѣшительно во всемъ этомъ разговорѣ только и заинтересовался, что консуломъ и отчасти военной стражею, названною проводниками.

— Консулъ отвѣчалъ, — продолжалъ N...: — что онъ для выкупа плѣнныхъ совершенно не имѣетъ суммъ; но въ то же время, принимая тамъ во вниманіе мое имя, какъ литератора и путешественника, и цѣня высоко услуги, оказанныя мною отечеству, — и прочія тамъ любезности, — онъ не можетъ оставаться равнодушнымъ къ моему положенію и имѣетъ

для этого одинъ способъ: есть у него казенный слонъ, подаренный однимъ сосѣднимъ беємъ. Слона этого ему предписано продать, и онъ уже отдалъ его купцу, привезшему мое письмо, а тотъ обѣщаль за это меня выкупить. Такъ меня и обмѣнялъ... на слона!

— А когда же ваша женитьба состоялась?—спросила княгиня. Въ противоположность мужу, ее болѣе интересовала поэтическая сторона плѣна N...

— А вотъ въ эготъ промежутокъ времени, между моимъ плѣномъ и освобожденіемъ.

— Однако позвольте! — возразила вдругъ княгиня, прищуривъ глаза: — тутъ для меня есть маленькое недоразумѣніе. Вы говорите, что васъ взяли въ плѣнъ бедуины, а женились вы, между тѣмъ, на мавританкѣ, тогда какъ одно племя кочующее, а другое — осѣдлое...

(Изъ этихъ словъ читатель можетъ видѣть, до какой степени княгиня была учена.)

— О, Богъ мой!—воскликнулъ ей на это N...— Это по географіи вѣдь только такъ!.. На самомъ же дѣлѣ, Богъ-знаетъ какое племя мавританское или бедуинское племя — только, съ тѣми же воинскими наклонностями, съ тою же дикостью нравовъ.

Марсовъ, при этомъ, опять незамѣтно для другихъ насмѣшливо улыбнулся; но княгиня осталась довольна этимъ объясненіемъ.

— Подробности вашего брака? — спросила она уже нѣсколько лукавымъ голосомъ,

— Подробности очень обыкновенны!—протянулъ N... (онъ въ это время придумываль), очень даже обыкновенны! — проговорилъ онъ: — приходятъ ко

мнѣ разъ, съ моимъ толмачемъ, малый изъ туземцевъ, чрезвычайно красивый изъ себя, по обыкновению, бритый, съ чубомъ на головѣ, какъ у нашихъ малороссіянь. «Не желаешь ли, гозорить, князь, жениться?» Я посмотрѣлъ на него. «У меня есть сестра красавица. Князь, можешь жениться на ней на мѣсяць, на два, на годъ.»

— И вы женились? — замѣтила княгиня удивленно.

— Женился!

— На мѣсяць, на два? — продолжала княгиня насмѣшливо.

— Нѣтъ, на два года.

— Не вѣрю! — возразила княгиня, кивнувъ отрицательно головой.

— Увѣряю васъ! — сказалъ искреннимъ голосомъ Н... — Довольно страненъ обрядъ ихъ вѣнчанья: если вы женитесь на полгода, васъ обводятъ полкруга, на годъ — цѣлый кругъ, на два — два круга.

— Кто же это вѣнчаетъ у нихъ? — спросилъ почти озлобленнымъ голосомъ Марсовъ.

— Мулла; они — магометане! Совершенно какъ у насъ въ Крыму: вы можете на татаркѣ жениться на мѣсяць, даже на недѣлю, — отвѣчалъ не запнувшись Н... (Онъ собственно только и слыхалъ, что нѣчто подобное въ Крыму будто-бы существуетъ.)

— Скажите, вы вашу жену тамъ на роднѣ и оставили? — продолжала княгиня.

— Нѣтъ, я ее привезъ въ Европу, и надобно было видѣть восторгъ этого ребенка всему: и кораблю, и городамъ нашимъ, и дилижансамъ; на каждомъ почти шагу она вскрикивала, смѣялась,

хлопала въ ладоши; въ Парижѣ передъ каждымъ дамскимъ магазиномъ она рѣшительно замирала и все мнѣ говорила: «Какъ бы хорошо это украсть!»

— Какъ, украсть?—воскликнули въ одинъ голосъ оставшіяся слушать Н. дамы...

— А такъ украсть, — отвѣчалъ онъ имъ съ лукавой улыбкою.

— Очень просто, я думаю, — разрѣшила княгиня: — воровство у нихъ, вѣроятно, считается никакъ не порокомъ, а добродѣтелью.

— И очень большою... Старшины ихъ обыкновенно говорятъ: «Я старшина, потому что укралъ сорокъ жеребцовъ и тридцать матокъ.»

Лицо княгини, между тѣмъ, приняло опять серьезное, чтобы не сказать строгое, выраженіе.

— Гдѣ жъ теперь жена ваша? — спросила она: уставляя на Н. пристальный взглядъ.

— Въ могилѣ! — отвѣчалъ онъ со вздохомъ и понурилъ голову. — Въ Лондонѣ мнѣ надобно было долго пробыть для подробнаго описанія начинающаго тамъ устроиваться пароходнаго завода; она не перенесла климата и умерла.

— Mais on dit, que vous aviez un enfant de cette femme? — продолжала княгиня тѣмъ же строгимъ голосомъ. Дамы, какъ извѣстно, о всѣхъ хоть сколько-нибудь вольныхъ предметахъ предпочитаютъ говорить по-французски, будучи твердо увѣрены, что этотъ благородный языкъ способенъ облагородить, все, даже неблагородное.

— Oui!—отвѣчалъ ей въ тонъ по-французски Н., но и ребенокъ вскорѣ вслѣдъ за матерью отправился, — прибавилъ онъ опять съ печалью.

— Monsieur! — начала одна изъ оставшихся его слушать дамъ, покраснѣвъ до конца своихъ хорошенькихъ ушей и видимо сжигаемая съ одной стороны любопытствомъ, а съ другой — стыдомъ: — dites-moi, de quelle couleur était votre enfant?

— Café au lait! — отвѣчалъ N... и при этомъ самъ даже не могъ удержаться и засмѣялся.

Марсовъ этого ужъ не выдержалъ. Онъ всталъ, порывисто поклонился общимъ поклономъ всему обществу и, проговоривъ лаконически: «прощайте-съ!» — вышелъ какой-то угрожающей походкой.

Всю Поварскую и Нивитскую онъ шелъ, погруженный въ глубокую задумчивость, и все что-то шепталъ про себя: человекъ этотъ всю свою молодость воспиталъ въ мудромъ уединеніи, и при этомъ, имѣя отъ природы слоновобразную наружность и густой, необразованный голосъ, онъ въ обществѣ былъ молчаливъ и застѣнчивъ до дикости, но такъ какъ отъ природы былъ надѣленъ сильной фантазіей и живымъ воображеніемъ, то любилъ поговорить дома, особенно выпивши (несчастливая привычка, полученная имъ еще въ бурсѣ: Марсовъ происходилъ изъ духовнаго званія) и поговорить, по преимуществу, въ присутствіи Гани, женщины изъ простаго званія и хоть неосвященной бракомъ, но тѣмъ не менѣе вѣрной и нѣжной его подруги. Въ глазахъ ея, онъ какъ бы постоянно хотѣлъ казаться окруженнымъ ореоломъ и метающимъ стрѣлы краснорѣчія на диспутахъ, которые будто бы онъ имѣлъ съ разными господами военными и статскими (уваженіе къ диспутамъ въ немъ тоже осталось отъ семинарія: «они изощряютъ умъ, волнуютъ сердце благород-

нѣйшими страстями и укрѣпляютъ характеръ чело-
вѣка!» говаривалъ онъ). Последній случай у князя,
конечно, послужилъ обильнѣйшимъ источникомъ для
бесѣды на эту тѣму. Почтенный педагогъ, придя къ
себѣ въ квартиру и едва перемѣнивъ свой снѣй
фракъ на покойный и засаленный халатъ, сейчасъ-
же воскликнулъ:

— Ганя, водки!

Его вульгарный желудокъ даже и не помнилъ о
тѣхъ гастрономическихъ сокровищахъ, которыя онъ
сейчасъ только поглотилъ, и вовсе не считалъ за
святоотатство отравить все это свухой. Ганя (пре-
толстое и предобродушнѣйшее существо), зная хо-
рошо привычки своего патрона, немедли поставила
передъ нимъ огромный графинъ водки, пирогъ съ
говядиной и лукомъ, и сама сѣла тутъ же рядомъ
чай пить.

— Выпилъ бы напередъ чайку-то!—сказала она.

— Выпью! — отвѣчалъ профессоръ, и вмѣсто
того выпилъ рюмку водки, закусилъ ее пирогомъ,
потомъ еще рюмку, и еще рюмку. Впечатлѣніе лжи
человѣческой на этотъ разъ очень сильно подѣй-
ствовало на Марсова: ротъ его перекосился, или,
какъ выражались хорошо знавшіе своего наставника
студенты, — застегнулся на правое ухо, что всегда
означало, что этотъ добрый челоѣкъ находился въ
озлобленномъ и насмѣшливомъ расположеніи духа.

— Видѣлъ я, сударыня, путешественника знаме-
нитаго! — отнесся онъ къ Ганѣ, качнулъ затѣмъ
головой и сдѣлалъ такую мину, что Ганя сразу
повяла, какъ держать себя въ этомъ разговорѣ.

— Мало ли ихъ знаменитыхъ! — сказала она съ насмѣшкой.

— Именно... мало ли!...—подхватилъ Марсовъ и захохоталъ громкимъ каменнымъ смѣхомъ:—знаешь, какъ трещотка: тр-тр-тръ... А я — нѣтъ, погоди, баринъ, стой! и началъ ему въ колесо-то гвозди забивать — разъ гвоздь, два, три...

Читатель видѣлъ, какъ почтенный педагогъ скромно и умѣренно это дѣлалъ. Но Ганя притворилась, что всему этому вѣритъ, и даже какъ-будто бы обезпокоилась этимъ.

— Да тебѣ что за дѣло? вездѣ вяжется!...

— И вяжусь! — расхорохорился Марсовъ. — Я ему сказалъ, что онъ *лжеецъ!* (многоуважаемый педагогъ, можетъ быть, думалъ это, но мысли его, какъ знаемъ, рѣшительно не перешли въ звуки). Я диспутировать могу,—продолжалъ онъ:—ставь мнѣ свое положеніе, я обстрѣливаю его со всѣхъ сторонъ.—Я ставлю мое—стрѣлай и ты! А что это-то тр-тр-тръ, такъ я ихъ заторможу — стой!

— Вотъ этакъ ты и старшимъ-то тормозишь, и не даютъ до сихъ поръ генерала!—возразила Ганя. Ганѣ и самому Марсову ужасно хотѣлось, чтобы онъ былъ генералъ.

— И буду имъ тормозить: — врутъ они! (въ сущности Марсовъ никому изъ начальства слова грубаго не сказалъ). Теперь Михайло Смирновъ генералъ, а чья голова крѣпче — его или моя?

— Кто васъ знаетъ! — возразила Ганя: — у обоихъ крѣпка, по штофу выпьете — ничего!

Старикъ улыбнулся.

— Дура!! — сказалъ онъ протяжно: — рѣчь Ми-

хайла Смирнова — вѣтръ палатій, на воображеніи слушателей играющій, а мое слово — молотъ желѣзный, по мозгу бьющій.

— Ой, да больнѣй молотомъ-то, чѣмъ вѣтромъ.

— Зато прочнѣй! — повторилъ нѣсколько разъ старикъ.

Ганя поспѣшила подавать ужинать, но ей долго еще пришлось послушать, какъ Марсовъ гвозди вбивалъ въ рассказы путешественника.

Хорошій былъ человекъ, справедливый, честный, а дома все-таки прихвастнуть любилъ.

VI.

Сантименталы.

Чѣмъ человекъ можетъ лгать?... Тѣмъ же, чѣмъ, и согрѣшать: словомъ, дѣломъ, помышленіемъ — да, помышленіемъ!.. Человекъ можетъ думать, чувствовать не такъ, какъ свойственно его натурѣ. Карамзинъ, на примѣръ, былъ прекрасный писатель, но привилъ къ русскому человеку совершенно несродный ему элементъ—сантиментальность!.. Изъ любви мы можемъ зарѣзать, зарѣзаться, застрѣлить, застрѣлиться, но ходить по берегу ручья съ цвѣткомъ въ рукѣ и вздыхать—не станемъ! У насъ дѣвушка, кинутая своимъ любовникомъ, поетъ:

«Изведу себя я не зельемъ и не снадобьемъ,

«Изведу я горячими слезми.

Другая, любовница разбойника, говоритъ, что ей въ тюрьмѣ быть:

«А за то-ль, про то-ль,
Что пятнадцати лѣтъ на разбой пошла.
Я убила парня бѣлокурова,
Изъ груди его сердце вынула,
На ножѣ сердце встрепенулося,
А я-жь млада усмѣхнулася!»

Совсѣмъ ужъ мы не сантиментальный народъ:
мы — или богатыри, или зубоскалы.

Но въ нашемъ читающемъ обществѣ сантиментальность была. Самъ ядовитый Вигель — читатель, конечно, прочелъ его умныя записки — былъ, сколько можно замѣтить, не чуждъ этого фальшиваго чувства. Прекраснымъ тогда всѣ восторгались. Франты того времени обожали даже это прекрасное въ себѣ подобныхъ, и это обожаніе, положительно можно сказать, шло въ нашемъ обществѣ рука-объ-руку съ сантиментальностью.

Выбранные мною экземпляры, кажется, довольно ярки и рельефны для выраженія того, что я хочу сказать.

Матушка моя, не знаю почему, всегда очень любила, чтобы я знакомился съ женщинами умными.

— Другъ мой, — говорила она мнѣ однажды, съ лукавой нѣжностью: — когда ты сдѣлаешь для меня это одолженіе и съѣдешь къ Домпникѣ Николаевнѣ?

Домпника Николаевна, дѣвица лѣтъ сорока-шести, была большая любительница читать книги и жила у себя въ усадьбѣ, по ея словамъ, какъ канарейка въ клеткѣ.

— Когда ты, помнишь, писалъ ко мнѣ твое милое, длинное письмо, — продолжала матушка: — она была у меня, я при ней получила его и дала ей

прочестъ; читая его, она, безъ преувеличенія, заливалась слезами. «Дайте, говорите, мнѣ видѣть эту руку, которая начертала эти смѣлыя строки!»

Мнѣ въ это время было лѣтъ 18-ть. Я былъ студентъ и, дѣйствительно, въ этотъ годъ отмахалъ матушкѣ длиннѣйшее письмо, въ которомъ, между прочимъ, описывалъ Кремль и то, какъ царевна Софья Алексѣевна вывела передъ бунтующимъ народомъ царевичей Иоанна и Петра, и какъ Петръ при этомъ повернулъ на головѣ корону и сказалъ: «Какъ повернулъ я эту корону, такъ поверну и стрѣльцовъ!» Относительно душевнаго моего настроенія надо объяснить, что я въ это время былъ влюбленъ въ одну изъ жесточайшихъ моихъ кузинъ и жаждалъ имѣть друга-женщину, съ которой могъ бы подѣлиться своими печальными мыслями. Доминика Николаевна, по всѣмъ тѣмъ представленіямъ, которыя я объ ней составилъ, могла, казалось мнѣ, быть такимъ другомъ. Она — дѣвушка умная, и по выраженію лица моего пойметъ, что волнуется и терзаетъ мою душу, спросить меня о томъ, и я ей скажу все, скрывать мнѣ нечего: чувства мои не преступны. Поѣхалъ я. Дорогою мечтательное мое настроеніе все больше и больше росло. Мнѣ представлялось уже, что я лежу тяжело больной у Доминики Николаевны и она тайкомъ проводитъ ко мнѣ жестокую кузину, которая становится на колѣни передъ моею кроватью и умоляетъ меня возвратиться къ жизни.

— Поздно, говорю я ей слабымъ глосомъ: — это вы меня привели къ гробу.

Читатель, конечно, видитъ, что и въ моихъ мечтаніяхъ была значительная доля буколическаго,

Домикъ или влѣтка Доминики Николаевны начинался небольшимъ прирубнымъ, полуразвалившимся крылечкомъ. Я вошелъ по немъ. Въ передней встрѣтилъ меня старый лакей, съ очками на носу и съ чулкомъ въ рукѣ.

— У себя Доминика Николаевна? — спросилъ я его съ нѣкоторою строгостью, какъ вообще спрашиваютъ люди, когда прїѣзжаютъ туда, куда ихъ ждутъ.

— Онъ въ поле вышли-съ, сейчасъ придутъ, — отвѣчалъ лакей.

Въ залѣ мнѣ первое бросилось въ глаза крашеное дерево съ жестяными крашеными листьями, по вѣткамъ котораго было разсажено огромное количество чучелокъ колибри. Дерево, какъ нарочно, стояло передъ открытымъ окномъ, изъ котораго виднѣлись настоящія деревья и свѣтло лѣтнее солнце. Сопоставленіе этой поддѣльной Австраліи съ живой природой меня непріятно поразило; такъ и хотѣлось это мертвое дерево съ его мертвыми птичками вышвырнуть куда-нибудь. По самой длинной стѣнѣ комнаты стояло открытое фортепіано. На немъ развернутъ былъ романсъ, изъ котораго я теперь только и номню два стиха:

«Что въ сердцѣ есть жестокія страданья,

«И тѣмъ я съ раннихъ лѣтъ безмолвно изнывалъ.

Мнѣ захотѣлось сѣсть. Я прошелъ въ гостиную. Тамъ вышивался огромный коверъ. Узоръ представлялъ поэгическаго Малекъ-Адея, отбивающагося

отъ двухъ рыцарей. Искусства и старанія на вышиванье было употреблено пропасть: брови и усы сарацина, сверхъ шерстей, были даже, кажется, тронуты краскою; красный плащъ съ дѣваго плеча его спускался безконечными складками; конь отличался яростію и бѣшенствомъ, и особенно эффектно выставлялись двѣ его, слегка красноватыя ноздри. Рыцаря замѣчательны были своими наклоненными позами къ Малекъ-Аделю. По стѣнамъ гостиной развѣшены были гравюры, изображающія пастушковъ и пастушекъ съ пасущимися стадами; мебель была не новая, но довольно мягкая; на свѣчахъ висѣли абажуры — все это, если хотите, было довольно уютно, но черезчуръ ужъ какъ-то грязновато и отъ всего точно пахло какой-то сухой травой.

Послышался, наконецъ, шелестъ женскаго платья и женскій, нѣсколько дребезжащій голосъ.

— Очень, очень рада!

Доминику Николаевну предувѣдомили уже о моемъ пріѣздѣ. Она вошла въ гостиную, свернувши нѣсколько голову на-бокъ; въ костлявыхъ рукахъ ея, заключенныхъ въ шелковыя à jour перчатки, она держала зонтикъ; на головѣ у ней была полевая соломенная шляпка. Какъ бы въ прямое противорѣчіе этому лѣтнему костюму, къ щекамъ Доминики Николаевны была привязана ароматическая подушечка; кромѣ того, дѣлая мнѣ книксенъ, она махнула подоломъ платья и обнаружила при этомъ, что была въ теплыхъ шерстяныхъ ботинкахъ. Я, по тогдашней модѣ, подошелъ къ ней къ рукѣ. Она на это мнѣ поспѣшно сдернула съ руки перчатку à jour.

— Благодарю вашу матушку и васъ! — сказала она, кидая на меня отчасти нѣжный и отчасти покровительственный взоръ.

— Усядемтесь, — прибавила она въ заключеніе. Усѣлись.

Доминика Николаевна нѣсколько времени осматривала меня съ головы до ногъ.

— Хорошо ли вы, во-первыхъ, учитесь?—спросила она.

Я обидѣлся.

— Хорошо-съ!—процѣдилъ я сквозь зубы.

Доминика Николаевна закатила глаза вверхъ.

— Я читала ваше письмо: перо превосходное, мысли возвышенныя!

Я помирился нѣсколько съ ней.

— Вы застали меня,—продолжала Доминика Николаевна съ глубокимъ вздохомъ: — убитую горемъ и болѣзнью...

Я молчалъ.

— Дмитрій Дмитричъ... вы, конечно, его знаете?

— Знаю-съ!

— Онъ получилъ еще новый ударъ отъ своихъ враговъ: его опять хотѣли посадить въ тюрьму.

Въ печальномъ выраженіи лица Доминики Николаевны была видна и насмѣшка, и грустное презрѣніе къ людямъ.

— Но, вѣроятно, онъ какъ-нибудь избавится отъ этого, — произнесъ я.

— Друзья его, конечно, не допустили; я вотъ это мое имѣніе заложила и внесла за него.

Дмитрій Дмитричъ, какъ все это знали и чего она сама не скрывала, былъ другъ ея сердца.

— Вотъ вамъ всёмъ, молодымъ людямъ, — продолжала она: — этотъ человѣкъ образецъ, который имѣетъ всё достоинства.

Дмитрій Дмитричъ въ самомъ дѣлѣ имѣлъ много достоинствъ: всегда безукоризненно и по модѣ одѣтый, съ перетянутой, какъ у осы, таліей, съ тонкими, каштановыми и уже съ просѣдью усами и съ множествомъ колецъ на худощавыхъ рукахъ — Дмитрій Дмитричъ былъ сынъ какого-то важнаго генераль-аншефа. Воспитывалъ его французскій графъ, эмигрантъ, и передалъ впечатлительному мальчику всё свои добродѣтели и пороки. Сначала Дмитрій Дмитричъ служилъ въ гвардіи, танцевалъ очень много на балахъ, потомъ гулялъ на Невскомъ уже въ штатской бекешѣ, и наконецъ, вдругъ, вслѣдствіе чего-то, высланъ изъ Петербурга съ обязательствомъ жить въ своей губерніи.

— По 14-му декабря замѣшанъ, — говорили сначала про него тайно.

Самъ Дмитрій Дмитричъ по этому поводу больше или отмалчивался, или дѣлалъ гримасу.

Все раскрывающее время, впрочемъ, дало и другаго рода толкованіе сему обстоятельству, и вслѣдствіи, когда кто-либо изъ пріѣзжихъ спрашивалъ какого-нибудь туземца, за что Мидинъ (фамилія Дмитрія Дмитрича) высланъ изъ столицъ:

— Высланъ-съ онъ... — отвѣчалъ туземецъ — и если при этомъ была жена въ комнатѣ, онъ говорилъ ей: «выдь, душа моя!» Та выходила, туземецъ что-то такое тихо говорилъ пріѣзжему, тотъ дѣлалъ знавъ удивленія въ лицѣ.

— Неужели? — восклицалъ онъ.

— Говорять! — отвѣчалъ грустнымъ голосомъ хозяинъ.

Дмитрій Дмитричъ наслѣдовалъ послѣ отца хорошее состояніе, но къ несчастію имѣлъ два совершенно противоположныя качества: проживать деньги онъ зналъ тысячи милліоновъ способовъ, но наживать ихъ — ни одного; онъ даже въ карты игралъ только съ дамами, и то въ бостонъ, и то всегда проигрывалъ; а между тѣмъ онъ любилъ принять ванну съ дорогими духами, домъ у него уставленъ былъ превосходными, почти рѣдными, растеніями... Дмитрій Дмитричъ былъ дамскій, а съ другой стороны и совершенно, пожалуй, недамскій кавалеръ. Для поправленія обстоятельствъ своихъ онъ могъ только занимать деньги. Способъ этотъ и навлекъ ему впослѣдствіи столько враговъ, о которыхъ упоминала Домника Николаевна.

— Онъ у меня будетъ сегодня, вы его не узнаете; несчастіе сломило и этого могучаго чело-вѣка, — проговорила она.

Я очень хорошо понялъ, что съ Доминикой Николаевной можно только говорить объ ея собственныхъ чувствахъ, а потому, отложивъ всякую надежду побесѣдовать съ ней о кузинѣ, сталъ невыносимо скучать и молилъ Бога, чтобы, по крайней мѣрѣ, поскорѣй явился Дмитрій Дмитричъ. Часовъ въ восемь онъ пріѣхалъ, развалился въ коляскѣ, на четвернѣ какихъ-то клячъ и тоже въ соломенной шляпѣ и лѣтнемъ пальто и башмакахъ.

Лицо Домники Николаевны освѣтилось. Она пошла на встрѣчу Дмитрію Дмитричу скорѣй какой-то торжественной, чѣмъ радостной походкой. Я не

пошелъ за ней, но въ зеркалѣ видѣлъ ихъ первую сцену свиданія. Дмитрій Дмитричъ взялъ и, по крайней мѣрѣ, разъ двадцать поцѣловалъ руку Доминики Николаевны.

— Добрый другъ, вы все для меня сдѣлали! — проговорилъ онъ наконецъ.

Въ голосѣ его какъ-будто бы слышались слезы.

— И дѣлается это для добраго друга, — отвѣчала Доминика Николаевна съ какой-то знаменательностью, затѣмъ прежней торжественной походкой ввела Дмитрія Дмитрича въ гостиную.

— Bonjour! — проговорилъ онъ, мотнувъ мнѣ головой, и сѣлъ.

Доминика Николаевна сѣла противъ него.

— А propos, сейчасъ сюрпризъ, — началъ Дмитрій Дмитричъ и потомъ крикнулъ довольно громко: — cher Назаръ.

На этотъ зовъ вошелъ въ комнату красивый изъ себя лакей въ казакинѣ и перетянутый поясомъ, сплошь выложеннымъ серебромъ съ чернетью. Усы и волосы у него были совершенно черные, на рукахъ было множество колецъ, а изъ-за борта казакина выставлялась толстая золотая цѣпочка.

— Подай, знаешь, это!.. — проговорилъ Дмитрій Дмитричъ.

Лакей вышелъ и, возвратясь, принесъ вѣтку, въ которой сидѣли два кролика.

Доминика Николаевна вдругъ вскочила и начала передъ ними прыгать.

— Ахъ, какъ это мило, предестъ, предестъ!

— На шейкѣ у нихъ розовыя ленточки! — проговорилъ лакей.

Домника Николаевна вдругъ перемѣнила выраженіе въ лицѣ и посмотрѣла на него строго. Лакей, кажется, это замѣтилъ и съ какой-то насмѣшливой улыбкой замолчалъ; а потомъ, постоявъ немного, совсѣмъ вышелъ изъ комнаты, не переставая усмѣхаться про себя. Домника Николаевна все еще продолжала прыгать передъ кроликами.

— Въ замѣнъ этого я иду вамъ показать мои цвѣты! — сказала она Дмитрію Дмитричу. — Молодой человѣкъ, вы тоже должны за нами слѣдовать, — прибавила она мнѣ развизно.

Я пошелъ.

Садишка былъ обыкновенный, очень запущенный, цвѣты даже не прополоты; но главная сущность состояла въ томъ, что Доминика Николаевна сорвала одну изъ розъ и прикрѣпила ее въ петлицу Дмитрію Дмитричу.

Всю эту прогулку они совершили подъ-руку. Моя юношеская брезгливость невольно возмущалась этимъ. «Все-таки этотъ господинъ», думалъ я, «былъ человѣкъ свѣтскій, вдалѣ же онъ женщинъ красивыхъ и, вѣроятно, сблизался съ ними; какимъ же образомъ онъ могъ такъ близко переносить около себя подобное безобразіе.»

Когда мы возвратились въ комнаты, насъ ожидалъ чай или, какъ выразилась Доминика Николаевна, супе орау, состоящій изъ протухлой солонины и плохаго масла. Дмитрій Дмитричъ принялся съ большой жадностью ѣсть варенье. Для меня собственно Доминика Николаевна велѣла принести кринку превосходнѣйшаго молока, и при этомъ рассказала всѣ высокія достоинства надойшей его ко-

ровы. Напрасно я съ божбой и клятвой увѣрялъ ее, что терпѣть не могу этого аркадскаго напитка — меня заставили выпить стаканъ. Сама Доминика Николаевна и Дмитрій Дмитричъ тоже выпили по стакану. Можно быть почти увѣрену, что они восхищались молокомъ единственно потому, что въ ихъ романическихъ головахъ непременно соединялись вмѣстѣ: деревня, молоко, ручеекъ, овечка, и кромѣ того такъ еще недавно французская королева держала у себя въ Трианонѣ коровъ и сама снимала сливки. Послѣ чаю я сейчасъ же хотѣлъ ѣхать.

— Подождите четверть часа, поѣдемте вмѣстѣ, — остановилъ меня Дмитрій Дмитричъ.

— А вы не останетесь у меня? — спросила Доминика Николаевна, и какъ бы молнія блеснула изъ ея глазъ.

— Завтра у меня покосъ, молотьба.. — отвѣчалъ Дмитрій Дмитричъ нѣсколько сконфуженнымъ голосомъ.

Когда они говорили это, мы выходили уже на балконъ. Доминика Николаевна сѣла тамъ на небольшой диванчикъ, а Дмитрій Дмитричъ довольно далеко отъ нея на стуль. Я пошелъ бродить по саду. Долетавшій до меня разговоръ между ними былъ довольно незначительный.

— Вы знаете, въ прошлое воскресенье, въ Веденскомъ, вашъ Назаръ опять былъ пьянъ! — говорила Доминика Николаевна.

— Можетъ быть! — отвѣчалъ Дмитрій Дмитричъ равнодушно.

— Вы говорите, что онъ пьетъ только красное

вино; онъ напился просто водкой, — продолжала Доминика Николаевна насмѣшливо.

— Очень жаль, — отвѣчалъ Дмитрій Дмитричъ тѣмъ же равнодушнымъ голосомъ.

Далѣе я уже ничего не слыхалъ: но когда возвратился назадъ, то увидѣлъ, что Доминика Николаевну почему-то лежала въ обморокъ, и около нея хлопоталъ Дмитрій Дмитричъ. Онъ поливалъ ей голову водой, уксусомъ. Пришелъ также и Назаръ, и довольно близко остановился около дивана, на которомъ лежала Доминика Николаевна. При этомъ одна изъ ея ногъ сначала согнулась, а потомъ вдругъ вытянулась и толкнула Назара такъ, что тотъ попятился и съ прежней своей насмѣшливой улыбкой вышелъ изъ комнаты.

Послѣ этого Доминика Николаевна опять какъ бы впала въ обморокъ, Дмитрій Дмитричъ опустился на стулъ и въ утомленіи закрылъ лицо руками. Нѣсколько времени все мы молчали. Доминика Николаевна открыла наконецъ глаза.

— Гдѣ я? — проговорила она.

— У себя на балконѣ, — отвѣчалъ Дмитрій Дмитричъ.

Доминика Николаевна начала подниматься, какъ поднимаются обыкновенно въ театрѣ актрисы послѣ обморока. Дмитрію Дмитричу, кажется, сдѣлалось совѣстно за нее; онъ отвернулся и не смотрѣлъ на нее. Чтобы не помѣшать разговору, который могъ между ними начаться, я снова сошелъ въ садъ, и когда возвратился оттуда, Дмитрій Дмитричъ стоялъ уже со шляпою въ рукахъ. Доминика Николаевна сидѣла, какъ разваренная въ водѣ: волосы у нея

спускались на лобъ, голова была опущена, руки опущены.

Когда я съ ней прощался, она съ чувствомъ взглянула на меня.

— Мой добрый привѣтъ вашей матушкѣ, — проговорила она больнымъ голосомъ.

Когда съ ней прощался Дмитрій Дмитричъ, она подала ему точно плеть слабую руку и, кажется, не имѣла даже силы отвѣтить ему поцѣлуемъ въ щеку.

Мы вышли и сѣли въ экипажъ. Дмитрій Дмитричъ упросилъ меня сѣсть съ нимъ.

— Фу, — произнесъ онъ, какъ бы человекъ, вырвавшійся изъ тюрьмы на свѣжій воздухъ.

— Что такое съ Доминикой Николаевной? — спросилъ я. Дмитрій Дмитричъ пожалъ плечами.

— Вы видѣли? — отвѣчалъ онъ мнѣ больше вопросомъ... подобныя сцены, — продолжалъ онъ съ разстановкою и грустно-насмѣшливымъ голосомъ: — она дѣлаетъ мнѣ на балъ, на раутъ, при двухъ-стахъ, трехъ-стахъ человекъ...

— За то, какую она къ вамъ искреннюю дружбу питаетъ!

— Mais, mon cher! — воскликнулъ Дмитрій Дмитричъ: — дружба, я полагаю, все-таки должна выражаться со стороны женщины скорѣй самоотверженіемъ, чѣмъ тираніей. Она, наконецъ, хочетъ войти во весь порядокъ мсей жизни, заставить тамъ меня пить чай пли иѣтъ, держать въ домъ такихъ людей, а не другихъ; этого нельзя. Назаръ! — крикнулъ онъ затѣмъ сладкимъ голосомъ: — дай мнѣ сигару!

Назаръ, сидѣвшій на возлахъ рядомъ съ куе-

ромъ, вынулъ изъ-за пазухи сигару, самъ закурилъ ее и подалъ барину. Дмитрій Дмитричъ взялъ и съ наслажденіемъ сталъ попухивать изъ нея дымомъ.

— У человѣка вашего физіономія совсѣмъ не русская! — замѣтилъ я ему.

— Да, *il est... je ne sais pas pour sûr...* армянинъ, или грузинъ, или черкесь — не знаю... но превосходный человѣкъ... чудо... это мой экономъ, нянька, мамка моя! — И затѣмъ Дмитрій Дмитричъ опять сталъ съ наслажденіемъ попухивать.

— Encore un mot объ Доминикѣ Николаевнѣ, — началъ онъ: — *tout le monde dit, que je suis son amant...* — Я улыбнулся.

— Mais ce n'est pas vrai. Я люблю изящное въ природѣ, въ картинѣ, въ поэзіи, въ мужчинѣ, въ женщинѣ. Но Доминика Николаевна какимъ образомъ можетъ быть отнесена къ изящному?

— Какое же собственно ваше чувство къ ней? — спросилъ я. По молодости моихъ лѣтъ я любилъ тогда потолковать о психологической сторонѣ человѣка, и полагалъ, что люди такъ сейчасъ и скажутъ въ этомъ случаѣ правду.

— Чувство простаго уваженія, — отвѣчалъ Дмитрій Дмитричъ, — которое я имѣю ко всякой женщинѣ, равной мнѣ по воспитанію и по положенію въ обществѣ, это — результатъ моихъ привычекъ. Я — человѣкъ порядочно воспитанный и чувство вѣжливости всосалъ съ молокомъ моей матери.

На этихъ словахъ мы уже подѣвзжали къ перекрестку, на которомъ должны были разѣвхаться; я попросилъ остановиться и выпустить меня.

— Adieu, cher ami, — сказала Дмитрій Дмитричъ,

пожимая мнѣ съ нѣжностію руку. — Назарь, пересядь ко мнѣ въ экинажъ! — крикнулъ онъ потомъ.

Назарь пересѣлъ, и я видѣлъ, что Дмитрій Дмитричъ прилегъ ему на плечо, какъ бы желая вздремнуть. Побѣхали. Утро, между тѣмъ, совершенно ужъ наступило. Пара моихъ лошадей, послѣ поворота, узнавъ дорогу домой, побѣжали быстрѣй, на меня подуло свѣжимъ вѣтромъ; съ рѣвки подымался густой туманъ росы; выкатившееся на горизонтѣ солнце было такое чистое, на деревьяхъ, на травѣ блестяли крупныя капли росы—все это было какъ-то молодо, здорово и полно силы, и какъ вся эта простая природа показалась мнѣ лучше изломанныхъ людишекъ, съ ихъ изломанными, исковерканными страстишками!

Когда я дописывалъ эти послѣднія строчки, мнѣ сказали, что пріѣхалъ старикъ кокинскій исправникъ *) и желаетъ меня видѣть.

— Боже мой,—воскликнулъ я въ восторгъ:—его-то мнѣ и надо! — и пошелъ на встрѣчу гостю.

Старикъ очень постарѣлъ, сдѣлался совсѣмъ плѣшивый; глаза у него стали какіе-то слезливые, но говорунъ, какъ видно, оставался по-прежнему большой.

— Скажите, пожалуйста, — началъ я, усаживая его:— живы ли ваши сосѣди, Доминика Николаевна и знаменитый Дмитрій Дмитричъ?

— Онъ померъ, а она еще жива.

— Что-жь? страсть ихъ все продолжалась?

— Какъ же-съ, до самой смерти его, все путались, ссорились и мирились, видались и не видались.

*) Разсказъ «Лѣшій».

— Онъ, однако, мнѣ самъ говорилъ, что не былъ ея любовникомъ.

— Нѣтъ-съ, не былъ; людишки вотъ ихніе часто тоже бѣгали къ намъ и сказывали, что она, какъ они выражаются, одной этой сухой любовью его любила... онъ вѣдь въ этомъ отношеніи, вы слыхали, я думаю...

— Ну да, изъ-за чего же онъ-то?

— Изъ-за денегъ больше, падо полагать, говорилъ и дѣлалъ ей эти разные комплименты. — Послѣ ссоры, бывало, помирятся, онъ станетъ передъ ней на колѣни, жесты этакіе руками дѣлаетъ, прощенья въ чемъ-то просить — умора! Неглухие были оба люди, а ужъ какіе комедіанты и притворщики, Боже упаси!.. Передъ смертью Дмитрія Дмитрича, любимый камердинеръ его обокралъ всѣ, какія тамъ были у него, деньжонки, перстеньки, часы, ковры, мѣха — укралъ и бѣжалъ, такъ что ужъ онъ и не разыскивалъ. Доминика Николаевна перевезла его къ себѣ, на ея рукахъ онъ и померъ; пишетъ мнѣ: «Помогите, говоритъ, похоронить моего друга!» Пріѣхалъ я къ ней, сидитъ она на диванѣ, глаза представляетъ какъ у помѣшанной, и все точно вздрагиваетъ. «Сама, говоритъ, смерти хочу!» а форточки, замѣтте, не позволяетъ отворить: простуды боится. Покойникъ, промежъ тѣмъ, лежитъ въ залѣ; я скорѣй, чтобы его въ церковь стащить; только мы, сударь, подняли гробъ, она и вылетаетъ: «Куда вы, говоритъ, моего ангела уносите? Не пуцу, не пуцу!» и сама уцѣпилась за гробъ и повисла. «Ахъ ты», думаю; «хорошо,» говорю, «ребята, оставьте;» оставили ей гробъ, а самъ ушелъ.

Посидѣла она этакъ, цѣлый день, однако высидѣла, но видить — невтерпежъ, опять шлетъ за мной.

— Унесите, говорить, теперь — можно.

VII.

Исторія о пѣтухѣ.

— Вотъ мы съ вами вчера насчетъ комедіантовъ говорили, — началъ старикъ Шамаевъ, пришедши на другой день ко мнѣ обѣдать. — Становой у меня былъ, такой тоже актеръ, что какую, кажется, роль только хотите, онъ можетъ разыграть передъ вами: родомъ онъ былъ изъ хохловъ, по фамиліи Карпенко, и все это, знаете, въ каждомъ словѣ, въ каждомъ шагѣ своемъ дѣлалъ лицемѣрство. Опредѣлясь на службу, въ станъ пріѣхалъ въ самый храмовой праздникъ, народу собралось почти что со всего уѣзда. Не заходя нигуда, — г. Карпенко прямо въ церковь и тихимъ голосомъ подзываетъ къ себѣ церковнаго старосту. «Въ какую, говорить, икону народъ больше вѣры имѣетъ?» — «Ѳеодоровскій престолъ-то,» — отвѣчалъ ему мужикъ. — Онъ сейчасъ помолился передъ этой иконой и первый ей свѣчку поставилъ. Послѣ обѣдни зашелъ въ другое наше собраніе — въ кабакъ: пьяныхъ тамъ, какъ полѣньевъ, по угламъ валяется. вмѣсто того, чтобы велѣть ихъ подобрать, еще ободрилъ. «Пейте, говорить, православные, рабочему человѣку выпить надо!» По лавкамъ потомъ пошелъ, къ каждому торговцу съ поклономъ и приговоромъ: «въ честь и въ деньги

торговать!...» и такъ дальше пошло: тихо, смиренно, ласково, только никто что-то этому не вѣрять. Никого безмена у торговцевъ не оставилъ, чтобы не оглядѣть, клейменный ли онъ, да еще подсылки дѣлаеть, вѣрно ли продають. Гдѣ мертвое тѣло поднимуть, точно стопудовая гиря свалится на селеніе: сидить-сидить, пока пятидесяти-ста рублей не сдереть съ мужиковъ; да потомъ ихъ же собереть въ сборную, прямо поднимаетъ у нихъ передъ глазами съ полу соринку: «Вотъ, говоритъ, мнѣ чего вашего не надо.» Тѣ послѣ и говорятъ: «что, наши деньги-то онъ хуже соринки, что-ли, полагаеть?» Слышу я все это, вызываю его къ себѣ, говорю ему, вдругъ онъ заплакалъ: «Слезы, — говоритъ — мой отвѣтъ!» — Ахъ, Боже ты мой, думаю, мужчина, въ крестѣ военномъ, плачетъ, что такое это? Въ другой разъ губернаторъ на него на ревизіи напустился: «Почему, говоритъ, васъ всѣ не любятъ?» — «Мнителенъ, говоритъ, ваше превосходительство, я очень по службѣ!.. и себя мучу, и другимъ не угождаю!» А губернаторъ, замѣтьте, самъ былъ премнительный человекъ, и повѣрилъ ему... Это вотъ, изволите видѣть, онъ — тихій, а то и строгимъ, крикуномъ иногда прикидывался. Ыдетъ онъ, разъ, мимо одного села, богатаго, тысячи двѣ душъ... и только еще, знаете, въ околицу-то вѣхалъ, закричалъ, загайкалъ... Сотскіе были народъ наметанный, сбѣгаются, видятъ: *сердитъ пріѣхалъ!* Прямо входитъ онъ въ сборную и обращается къ одному изъ нихъ:

— Какое, говоритъ, было въ селеніи происшествіе?

— Никакого, говорить, ваше благородіе!

— Какъ, никакого? Ахъ ты, говорить, земская полиція! Трахъ его по зубамъ.

Къ другому сотскому — тотъ этакъ изъ рыжихъ, плутоватый случился.

— Какое? — говорить.

— Было, ваше благородіе, Иванъ Петровъ тамъ у Николая Михайлова, что-ли, пѣтуха зарѣзалъ!

— Позвать, говорить, Николая Михайлова!

Приходитъ мужикъ.

— Здравствуйте, говорить, батюшка!

— Здравствуй, говорить, братецъ: все-ли у тебя въ домѣ благополучно?

— Все, батюшка, кажись, слава-Богу.

— Погляди-ка на образъ!

Смотритъ мужикъ.

— И не совѣстно тебѣ, и не стыдно? Не отворачивай глаза-то, нечего!..

— Да что мнѣ, сударь, отворачивать!

— Какъ что, а черный-то пѣтухъ гдѣ?

Мужикъ, знаете, и разсмѣлся.

— Подлецъ, Ванька, говорить, надругатель, зарѣзалъ!

— А объявилъ ты о томъ земской полиціи?

— Что, сударь-съ, говорить, объявлять!..

— Какъ, что?.. у тебя сына зарѣжутъ, ты скажешь: что объявлять!..

— Батюшка! — говорить мужикъ удивленный: — развѣ сынъ и пѣтухъ все одно и то же?

— Одно и то же! — Прочтите, — говорить онъ это писарю ужь своему, — статью, гдѣ сказано, что

совершившій преступленіе и покрывшій его подвергаются равному наказанію!

Прочитали мужику; стоит онъ, разиня ротъ. — Сотскіе, между тѣмъ, шепчуть ему:

— Видишь, говорятъ, сердить, пріѣхалъ; поклонись ему червонцемъ!

Поклонился мужикъ — освободили.

— Ну, теперь, говоритъ, убійцу давайте.

Приводятъ мужика; — бойкій такой былъ, и прямо къ рукѣ г. становаго.

— Прочь! — крикнулъ тотъ на него: — отъ тебя, говоритъ, кровью пахнетъ!

Отошелъ мужикъ.

— Какъ, говоритъ, ты смѣешь производить дневной грабежъ съ разбоемъ?

— Я, говоритъ, сударь, никого не грабилъ!

— Какъ никого? — а пѣтухъ Николая Михайлова гдѣ?

— Николая Михайлова пѣтуху, говоритъ мужикъ, я всегда голову сверну — онъ у меня всѣ подсолнечники перепортилъ!

— Ну, такъ, говоритъ ему Карпенко, возвысивъ уже голосъ: — я тебѣ прежде голову сверну. Эй! колодки!

Струсилъ и тотъ парень; — сотскіе и ему шепчуть:

— Видишь, говорятъ, сердить, — поклонись красненькой!

Сталъ мужикъ влнаться, такъ еще не беретъ г. становой. Онъ въ ноги ему повалился: — возьми, батюшко, только! — Принялъ.

Я послѣ услыхалъ это; пріѣзжаю, спрашиваю мужиковъ.

— За что, говорю, дураки, вы деньги ему давали?

— Да что, батюшка, говорятъ, сами видимъ, что одно только его надругательство надъ нами было, только то, что горячиться онъ очень изволилъ, какъ-бы и настоящее дѣло шло... Думаешь: прахъ его возьми, лучше отступиться!

Слушая Шамяева, я предавался довольно страннымъ мыслямъ: мнѣ казалось, что и онъ все это лжетъ и выдумываетъ для моей потѣхи. «Да, старичокъ», думалось мнѣ: «и ты съумѣешь разыграть сцену, какую только захочешь...» Наконецъ самъ-то я... авторъ? правду-ли я все говорю, описывая даже этихъ самыхъ лгуновъ!

VII.

Красавецъ.

Народы дикіе болѣе всего цѣнятъ въ человѣкѣ силу, ловкость и красоту физическую; народы образованные... нѣтъ, впрочемъ... и народы образованные очень цѣнятъ это: кто не помнитъ того времени у насъ, когда высокій ростъ, тонкая талія и твердый носокъ, дѣлали человѣку карьеру? Даже въ высоко-просвѣщенной Европѣ Леотаръ любимъ и почитаемъ женщинами. Весьма многія дамы, старыя и молодыя, до сихъ поръ твердо убѣждены, что у красяваго и статнаго мужчины непременно и душа прекрасная, нисколько не подозрѣвая въ своемъ дѣтскомъ простосердечіи, что человѣкъ своимъ тѣ-

домъ также можетъ драть, какъ и словомъ, и что весьма часто подъ пріятною наружностью скрываются самыя грубыя чувственные наклонности и самыя низкія душевныя свойства.

На эту тѣму намъ придется разсказать очень печальный случай.

Наступали уже сумерки... Въ воздухъ раздавался великопостный звонъ къ вечернѣ; но была еще масленица, и вокругъ Спасовходскаго монастыря, въ губернскомъ городѣ П..., происходило катанье. Въ насмѣшкѣ надъ уродливостью провинціальныхъ экипажей столько моихъ собратьевъ притупило свои остроумныя перья, что я считаю себя въ правѣ пройти молчаніемъ этотъ слишкомъ ужь опозоренный предметъ, и скажу только, что во всемъ катаніи самыя лучшія лошади и сани были предсѣдателя казенной палаты (питейная часть, какъ извѣстно, переносица всегда на своихъ жрецовъ самыя благодѣтельные дары, была тогда еще въ прямомъ и непосредственномъ завѣдываніи предсѣдателя казенныхъ палатъ). Въ саняхъ этихъ сидѣли двѣ молодыя дамы: одна въ прекрасной шляпкѣ и куньемъ салопѣ, съ лицомъ, напоминающимъ мурильевскихъ мадоннъ, въ которомъ выражалось много ума и чувства; другая была гораздо хуже одѣта, съ физиономіей нѣсколько загнанной, по которой сейчасъ можно было заключить, что она гораздо болѣе привыкла слушать, чѣмъ сама говорить. Первая была молоденькая жена предсѣдателя, а вторая — ея компаньонка. Хорошенькіе глаза хорошенькой предсѣдательши без-

престанно направлялись въ одну изъ боковыхъ улицъ.

— Александръ Ивановичъ выѣхалъ не оттуда-съ! — проговорила, наконецъ, ея компаньонка.

Предсѣдательша сейчасъ же перекинула взглядъ на ея сторону, къ нимъ подѣвжалъ, верхомъ на карабахскомъ жеребцѣ, высокій, статный мужчина, и хотъ былъ въ шляпѣ и статской бевешѣ, но благородствомъ своей фигуре, ей-богу, напоминалъ рыцаря. Конь не уступалъ сѣдоку: около красиваго рта его, какъ бы отъ злости, была цѣлая масса бѣлой пѣны; онъ безпрестанно вздрагивалъ своимъ нѣжнымъ тѣломъ... Ему, казалось, хотѣлось бы и взвиться на дыбы, и полетѣть, и только опытная, смѣлая рука, его сдерживавшая, заставляла его идти мелкою и игривой рысью.

Господинъ этотъ назывался Александръ Ивановичъ Имшинъ. Онъ подѣвжалъ къ нашимъ дамамъ.

— Хорошо, хорошо — такъ поздно!... — говорила предсѣдательша, въ одно и то же время ласковымъ и уворяющимъ голосомъ.

— Я объѣзжалъ въ полѣ Абрека; онъ ужасно у меня сегодня шалилъ, — отвѣчалъ Имшинъ и ударилъ коня по шеѣ; тотъ еще замѣтнѣе вздрогнулъ тѣломъ своимъ и еще ниже понурилъ голову. — Чтѣ вашъ мужъ? — спросилъ Имшинъ.

— Спитъ! — отвѣчала предсѣдательша.

Она уже съ красиваго наѣздника не спускала глазъ.

— Стало быть, покоенъ? — продолжалъ тотъ.

— Онъ еще ничего не знаетъ. Я буду кататься до самыхъ позднихъ сумерекъ и заѣду къ вамъ!

Имшинъ, въ знакъ согласія, мотнулъ головой; затѣмъ, сдѣлавъ лансаду, повернулъ лошадь такъ, что побѣжалъ не по направленію катанья, а навстрѣчу ему, и черезъ нѣсколько минутъ очутился въ самомъ заднемъ ряду. Тамъ, между прочимъ, ѣхала отличнѣйшая пара лошадей въ простыхъ пошевняхъ, въ которыхъ сидѣла толстая женщина, въ ковровомъ платкѣ съ красно-багровымъ лицомъ, и дѣвочка лѣтъ тринадцати-четырнадцати, прехорошенькая собой.

— Выѣхали? — спросилъ ихъ Имшинъ ласково.

— Да съ! — отвѣчала толстая женщина.

— А тебѣ, Маша, весело? — спросилъ онъ дѣвочку.

— Весело-съ! — отвѣчала та съ вспыхнувшимъ лицомъ.

Имшинъ далъ шпоры лошади и опять сталъ нагонять предсѣдательскія сани.

— Ужь темнѣетъ! — сказалъ онъ.

— Да, теперь можно! — отвѣчала предсѣдательша, и несовсѣмъ твердымъ голосомъ сказала кучеру: — выѣзжай!

Кучеръ выѣхалъ и, зная, вѣроятно, куда ѣхать, не ожидалъ дальнѣйшихъ приказаній и побѣжалъ въ ту сторону, въ которую при началѣ катанья госпожа его безпрестанно смотрѣла. Лошади побѣжали самой полной рысью; Имшинъ поскакалъ за ними. Молодой человѣкъ этотъ, будь онъ немножко не то, далеко бы ушелъ: еще въ корпусѣ, при весьма ограниченныхъ способностяхъ, онъ единственно за свою красоту предназначенъ былъ къ выпуску въ гвардію; но въ самомъ послѣднемъ классѣ, въ самое послѣднее

время, у него вышла, тоже по случаю его счастливой наружности, исторія съ однимъ мужемъ, который хотѣлъ его вышвырнуть въ окно, а Имшинъ его вышвырнулъ, и какъ молодымъ юнкеромъ ни дорожили на службѣ, однако послали на Кавказъ; здѣсь онъ тоже, говорятъ, опять, по рѣшительному вліянію жены полковаго командира на мужа, получилъ солдатскаго Георгія, офицерскій чинъ, шпагу за храбрость, и вышелъ въ отставку. Какъ большая часть красивыхъ людей, Имшинъ говорилъ мало, а больше своею наружностью и позами, къ нему идущими, старался себя запечатлѣть въ душѣ каждаго. Губернскія дамы принялись въ него влюбляться, какъ мухи мрутъ осенью, одна за другой, безпрерывно. Молоденькая жена предсѣдателя, Марья Николаевна Корбіева, прелестнѣйшее существо, въ первое же отсутствіе мужа въ Петербургъ впала съ нимъ въ преступную связь. Исканія со стороны Имшина въ этомъ случаѣ были довольно непродолжительны: онъ нѣсколько баловъ потанцовалъ съ этой милой женщиной исключительно, а потомъ, въ одинъ изъ безумно шумныхъ вольныхъ маскарадовъ, они какъ-то очутились вдвоемъ въ довольно отдаленномъ углу. У Имшина случайно поднялся рукавъ фрака, и оказалось, что на рукѣ у него былъ надѣтъ браслетъ.

— Это у васъ браслетъ? — спросила предсѣдательша, сгораемая казнь-то внутреннимъ огнемъ.

— Браслетъ.

— Женщины?

— Да.

— И дорогъ вамъ по воспоминанію?

— Очень!

Предсѣдательша надулась.

— Хотите, я его сниму для васъ?.. — нѣсколько протянулъ Имшинъ.

— Для меня?

— Да! Если только вы полюбите меня за это.

Имшинъ былъ очень смѣлъ съ женщинами.

— Ну, снимите! — отвѣтили ему.

Имшинъ снялъ браслетъ и подалъ его предсѣдательшѣ.

— Я не имѣю на него права,—сказала она, отстраняя отъ себя браслетъ рукою.

— Въ такомъ случаѣ, я его выброшу въ окно...

И Имшинъ всталъ, отворилъ форточку у окна и выбросилъ въ нее браслетъ.

Внутренній огонь предсѣдательши выступилъ у ней на личико, освѣтилъ ея глазки, которые горѣли, какъ два черные агата.

— Когда жъ доказательства вашей любви?—спросилъ Имшинъ.

— Когда хотите.

— Сегодня я могу къ вамъ заѣхать?

— Нѣтъ, это слишкомъ будетъ замѣтно для людей.

— Ну, такъ завтра?

— Хорошо.

Имшинъ всталъ и отошелъ отъ предсѣдательши. Черезъ полчаса она уѣхала изъ маскарада. Отъ переживаемыхъ ощущеній съ ней сдѣлалась такая лихорадка, что она едва имѣла силы сѣсть въ карету.

Последнее время страсть ея къ своему избран-

ному возросла до размѣровъ громадныхъ: она, кажется, только и желала одного, чтобы какъ-нибудь сѣсть около него рядомъ, быть съ нимъ въ одной комнатѣ; на вечерахъ у нихъ, когда его не было, она тѣ и дѣло взглядывала на входную дверь; когда же онъ являлся, она обыкновенно сейчасъ же забывала всѣхъ остальныхъ своихъ гостей.

— Entrez! — говорилъ Имшинъ, ловко соскакивая съ лошади и обращаясь къ дамамъ, когда онѣ подъѣхали къ крыльцу его.

Тѣ вышли изъ саней и стали взбираться по лѣстницѣ.

— Лѣстница моя крута, какъ Давалагири, — говорилъ онъ, слѣдуя за ними.

Внутренность квартиры молодаго человѣка была чисто убрана на военную ногу. Въ залѣ стояла цѣль для стрѣльбы, въ срединѣ которой вставлена даже бритва остриемъ впередъ. Въ гостиной, по одной изъ самыхъ большихъ стѣнъ, на дорогомъ персидскомъ коврѣ, развѣшаны шашки, винтовки, пистолеты, кинжалы, оправленные въ золото и въ серебро съ чернью.

Имшинъ, какъ вошелъ, сейчасъ же оставилъ своихъ гостей, прошелъ въ кабинетъ, переодѣлся тамъ и возвратился въ черкескѣ съ патронами и галунами. Въ нарядѣ этомъ онъ еще сталъ красивѣе. Между тѣмъ, компаньонка осталась ходить по залѣ, а предсѣдательша вошла и сѣла въ гостиной. Когда она сняла салопъ, то очень стало видно, что прелестное лицо ея истощено, а станъ, напротивъ, полонъ. Имшинъ осмотрѣлъ ее, и во взглядѣ его отразилось безпокойство.

— Онъ ничего не замѣчаетъ еще? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ, — отвѣчала предсѣдательша. — Я нарочно заѣхала къ тебѣ: научи меня, что мнѣ дѣлать. Имшинъ пожалъ плечами. Складъ красиваго рта его принялъ какое-то кислое выраженіе.

— Что дѣлать? — повторилъ онъ; — но въ это время въ лакейской раздалось чье-то кашлянье. Имшинъ проворно вышелъ туда. Тамъ стояла катавшаяся пожилая женщина съ той же молоденькой дѣвочкой.

— Ступайте туда, на нижнюю половину, — проговорилъ Имшинъ торопливо.

Старуха на это повернулась, отворила боковую дверь и, вмѣстѣ съ дѣвочкой, стала спускаться по темной лѣстницѣ внизъ.

Имшинъ снова возвратился къ предсѣдательшѣ.

— Дѣлать одно самое лучшее, — заговорилъ онъ: — ѣхать тебѣ къ отцу твоему или матери, остановиться, вмѣсто того, въ Москвѣ; тамъ есть женщины, у которыхъ ты получишь пріютъ.

— Прекрасно! — возразила предсѣдательша: — но мужъ можетъ спросить отца и мать — у нихъ ли я.

— Неужели же они не сдѣлаютъ для тебя этого?

— Ни за что, особенно отецъ. Онъ скорѣе убьетъ меня, чѣмъ покроетъ подобную вещь. Я рѣшилась на одно: скрываться — это только тянуть время; въ первый разъ, какъ онъ обнаружитъ подозрѣніе, я ему скажу все откровенно. Онъ меня, конечно, прогонитъ, и я тогда приду къ тебѣ.

— Разумѣется, приходи! — проговорилъ Имшинъ какимъ-то страннымъ голосомъ и хотѣлъ, кажется,

еще что-то прибавить; но въ это время въ лакейской опять послышался шумъ. Имшинъ вышелъ; тамъ стоялъ гайдукъ въ дивреѣ.

— Баринъ прислали за барыней; узнали, что онъ здѣсь, — проговорилъ онъ нахальнымъ лакейскимъ тономъ. Имшинъ немного измѣнился въ лицѣ.

— Мужъ за вами прислалъ! — сказалъ онъ, входя въ гостиную.

Предсѣдательшѣ въ это время человѣкъ подавалъ чай, и взятая ею чашка сильно задрожала у ней въ рукѣ.

— Чтожь? Ничего; я скажу, что озябла и заѣзжала къ тебѣ. Я ему говорила, что была у тебя безъ него въ гостяхъ, — проговорила она притворно смѣлымъ голосомъ.

— Да, пожалуйста, какъ-нибудь безъ рѣшительныхъ объясненій.

— Не знаю, какъ ужь выйдетъ.

Изъ залы вошла компаньонка.

— Николай говоритъ, что Петръ Антипычъ очень сердится и приказалъ, чтобы вы сейчасъ же ѣхали домой.

— Подождетъ, ничего! — отвѣчала предсѣдательша, однако, сама встала и начала надѣвать шляпку.

— Ну, прощай! — проговорила она Имшину, и, перегнувъ головку, поцѣловала его: — до скорого, можетъ быть, свиданья, — прибавила она.

— Прощай!.. — отвѣчалъ Имшинъ, и самъ страстно поцѣловалъ ее.

Свидѣтельница этой сцены, компаньонка, немного тунилась и краснѣла. Наконецъ дамы уѣхали.

Имшинъ остался въ замѣтномъ волненіи. Въ поданный ему чай онъ подлилъ по крайней мѣрѣ пол-ставана рому, скоро выпилъ и спросилъ себѣ еще чаю, подлилъ въ него опять столько же рому и это выпилъ. Красивое лицо его вдругъ стало принимать какое-то звѣрское выраженіе: глаза налились кровью, усы какъ-то ошетинились. Онъ кликнулъ человѣка.

— Федоровна тамъ? — спросилъ онъ лакея.

— Тамъ.

— И съ Машей?

— Съ Машей.

— Ступай на свое мѣсто!

Лакей ушелъ.

Имшинъ подошелъ къ одному изъ шкафовъ, вынулъ сначала изъ него пачку денегъ, потомъ изъ нижняго ящика нѣсколько горстей конфетъ и положилъ ихъ въ карманъ. Подойдя къ стѣнѣ, онъ снялъ одинъ изъ пистолетовъ и его тоже положилъ въ карманъ, и началъ спускаться по знакомой ужъ намъ темной лѣстницѣ. Въ комнатахъ не осталось никого.

Въ тускломъ свѣтѣ поставленныхъ на столѣ двухъ свѣчей было что-то зловѣщее. Черезъ часъ, по крайней мѣрѣ, двери изъ низу съ шумомъ отворились, и въ комнату вбѣжалъ Имшинъ, блѣдный, растрепанный: глаза у него были налиты, какъ у тигра, кровью; ротъ искривился. Онъ подбѣжалъ опять къ тому же шкафу, вынулъ изъ него еще пачку денегъ, оглядѣлся какимъ-то боязливымъ и суетливымъ взглядомъ и снова спустился внизъ по лѣстницѣ. Вслѣдъ затѣмъ, въ сараѣ и въ конюшнѣ, въ совершенной темнотѣ, послышалось тихое, но

торопливое закладываніе лошади; вскорѣ послѣ того со двора выѣхали сани и понеслись въ сторону, гдѣ городъ ужъ кончался, на такъ-называемое Прибрежное поле.

На другой день по городу разнесся довольно странный и любопытный слухъ, что молоденькая предсѣдательша бросила мужа и убѣжала отъ него къ Имшину на квартиру, мимо которой нѣкоторые изъ любопытствующихъ нарочно даже проѣзжали, и дѣйствительно видѣли къ одному изъ оконъ хорошенькую головку предсѣдательши.

Въ мірѣ такъ устроено, что когда одинъ сановникъ заболѣваетъ, другой сановникъ пріѣзжаетъ навѣщать его: къ нашему предсѣдателю пріѣхалъ самъ губернаторъ. Добродушный старикъ этотъ былъ въ нѣкоторой зависимости отъ предсѣдателя по тѣмъ любезностямъ, которыя, по вліянію предсѣдателя, дѣлалъ ему откупъ. Говоримъ мы это не въ обличеніе начальника губерніи, а единственно за тѣмъ, чтобъ объяснить тѣ отношенія, въ которыхъ находились между собой эти два почтенныя лица.

Предсѣдатель, по наружности, былъ мужчина ужасно похожій на осиновый вряжь. Въ жизни своей онъ все самъ себѣ пріобрѣталъ: учился на мѣдныя деньги, перенесъ потомъ страшные служебные труды, страшное подличаніе передъ начальствомъ, и нако-

нець всѣмъ этимъ достигъ достоянія, почета и женился на самой хорошенькой дѣвушкѣ въ губерніи. Двухъ вещей только онъ никакъ не могъ побороть, это—своей хорошенькой жены, которая выѣзжала, танцевала, наряжалась, веселилась, плакала, сердилась совершенно безо всякаго съ его стороны разрѣшенія. Другое обстоятельство, затруднявшее председателя, было то, что когда онъ сталъ занимать довольно видныя мѣста, то ему ужасно хотѣлось представить изъ себя, что онъ во всѣхъ случаяхъ жизни своей поступаетъ и говоритъ, какъ человѣкъ образованный.

Передъ послѣднимъ несчастіемъ, онъ, проснувшись послѣ обѣда, — спросилъ горничную: — подававшую ему воду: «гдѣ барыня?»

— Онъ на катанъѣ сначала были, а потомъ я ихъ видѣла, онъ къ Имшину проѣхали, — доложила та.

Въ горничной этой председатель еще и прежде находилъ для себя всегда нѣкоторое утѣшеніе и развлеченіе во всемъ претерпѣнномъ отъ жены, и она еще съ самаго пріѣзда объяснила ему, что у нихъ часто-часто бывалъ безъ него Имшинъ.

— Ну, поди же, пошли человѣка и скажи, чтобы она сейчасъ же, сію минуту ѣхала домой, — сказалъ онъ.

Горничная пошла и сказала лакею:

— Поди сейчасъ за барыней къ Имшину, чтобы она ѣхала домой: баринъ очень сердится.

Когда председательша возвратилась, мужъ спросилъ ее:

— Съ какой стати вы поѣхали къ Имшину?

— А съ такой, что я люблю его, — отвѣчала

безумная женщина. Дорогой она еще больше разсердилась за то, что ее требуют отъ нея ангела-Имшина къ чурбану-мужу.

Предсѣдатель, какъ человѣкъ высокой практической мудрости, почти признавалъ необходимость, чтобы жена его измѣнила ему, и онъ только желалъ одного, чтобы это вышло, какъ выходить между образованными людьми.

— Вы любите? — повторилъ онъ болѣе насмѣшливымъ, чѣмъ угрожающимъ голосомъ.

— Даже больше того: я беременна отъ него! — объявила Марья Николаевна.

Первымъ движеніемъ предсѣдателя было поколотить жену; но онъ удержался.

— Въ такомъ случаѣ я засажу васъ въ вашей комнатѣ и запру тамъ! — проговорилъ онъ, и взявъ въ самомъ дѣлѣ жену за руку, привелъ ее въ комнату, заперъ за ней дверь и ключъ положилъ къ себѣ въ карманъ; но, придя въ кабинетъ свой, разсудилъ, что ужъ конечно онъ поступаетъ въ этомъ случаѣ какъ самый необразованный человѣкъ: женъ запирали только встарину!

Онъ пошелъ и опять отперъ дверь.

— Я васъ выпускаю, но только изъ дому вы шагу не смѣете дѣлать, а Имшину велю отказывать — слышите?

— Я готова повиноваться во всемъ вашей волѣ, — проговорила притворно-покорнымъ голосомъ жена; но когда, на другой день, предсѣдатель уѣхалъ въ свою палату, она сама надѣла на себя салопъ, сапоги, сама отворила себѣ дверь, вышла, съ полверсты по крайней мѣрѣ своими хорошенькими нож-

ками шла по глубокому сумету, наконецъ подблкнула извощика и велѣла везти себя къ Имшину.

Узнавъ о побѣгѣ жены, предсѣдатель, до пріѣзда губернатора, рѣшительно недоумѣвалъ, что ему дѣлать.

— Что такое, скажите мнѣ на милость? — говорилъ тотъ, еще входя.

Предсѣдатель придалъ мрачную мину своему лицу.

— Что, я теперь вызывать его на дуэль что ли долженъ? — больше спросилъ онъ, чѣмъ обнаружилъ собственное свое мнѣніе.

— Ни, ни, ни! Ни, ни, ни! — воскликнулъ губернаторъ: — во-первыхъ, онъ — мальчишка, вы человекъ пожилой; онъ — военный, вы — штатскій. Это значить смѣшить собой общество!

Губернаторъ, родомъ изъ польскихъ жидовъ, чувствовалъ какое-то органическое отвращеніе къ дуэлямъ, и вообще въ этомъ случаѣ хлопоталъ, чтобы все-таки во ввѣренномъ ему краѣ не произошло комеражу. Предсѣдатель, съ своей стороны, хоть и считалъ губернатора за очень недалеяго человека, но въ понятія его, какъ понятія свѣтскаго господина, вѣрилъ.

— Въ этомъ случаѣ самое лучшее — презрѣніе! — продолжалъ губернаторъ: — всѣ мы — я, вы, Кузьма, Сидоръ — всѣ мы рогоносцы.

Предсѣдатель, пожалуй, готовъ бы былъ на презрѣніе; но дѣло въ томъ, что въ душѣ у него противъ Имшина и жены бушевала страшная злоба, которую ему какъ-нибудь да хотѣлось же на нихъ выместить.

— И этотъ господинъ очень странный, — гово-

рилъ губернаторъ, вѣтрено постукивая своей саблей: — сегодня... одна женщина... какая-то, должно быть, нищая... подала мнѣ на него прошеніе... что онъ убилъ тамъ ея дочь... дѣвочку... четырнадцати лѣтъ... изъ пистолета, что ли, какъ-то застрѣлилъ.

— Дѣвочку убилъ? — спросилъ предсѣдатель, и лицо его мгновенно просіяло, какъ бы смазали его масломъ.

— Убилъ... Я велѣлъ тамъ слѣдствіе полицій-мейстеру произвести.

— Этакія дѣла, я полагаю, нельзя такъ пропускать... тутъ кровь вопіетъ на небо, — проговорилъ предсѣдатель чувствительнымъ и въ то же время внушающимъ губернатору голосомъ. Тотъ, кажется, нѣсколько это понялъ.

— Я велѣлъ произвести самое строгое изслѣдованіе, беспощадное!..

— Что онъ дворянинъ, такъ, пожалуй, откупится и отвертится, — продолжалъ подзадоривать губернатора предсѣдатель.

— Нѣтъ, у меня не отвертится, не бываетъ у меня этого! — пѣтушился губернаторъ, и такъ какъ всегда чувствовалъ несовсѣмъ пріятныя ощущенія, когда предсѣдатель, человекъ характера строгаго, укорялъ его за слабость по службѣ, потому поспѣшилъ сократить свой визитъ.

— Ну, а вы пока, до свиданія, поуспокойтесь немного, — говорилъ онъ, вставая и надѣвая перчатки.

— Я поуспокоюсь! — сказалъ предсѣдатель. въ самомъ дѣлѣ совершенно покойнымъ голосомъ.

Зимнее солнце свѣтило въ окна гостиной Имшина; его кавказское оружіе ярко блестяло своимъ серебромъ и золотомъ. На турецкомъ диванѣ, стоящемъ подъ этимъ оружіемъ, сидѣлъ самъ Имшинъ въ шелковомъ, стеганномъ и выложенномъ позументомъ архалукѣ. Марья Николаевна лежала у него на плечѣ своей хорошенькой головкой; худоба ея въ лицѣ и полнота въ станѣ стала еще замѣтнѣе. Вошелъ лакей.

— Солдаты изъ полиціи къ вамъ пришли! — сказалъ онъ барину.

Имшинъ замѣтно встревожился; онъ сейчасъ же всталъ и вышелъ. Предсѣдательша послѣдовала за нимъ безпокойнымъ взглядомъ.

Въ дверяхъ изъ передней въ залу стояли полицейскій солдатъ и жандармъ.

— Что вамъ надо? — спросилъ ихъ строго Имшинъ.

— Въ часть васъ, ваше благородіе, взять велѣно! — отвѣчалъ полицейскій солдатъ глупымъ голосомъ.

— Какъ, въ часть?—переспросилъ Имшинъ, болѣе уже обращаясь къ жандарму.

— Приказано-съ! — отвѣчалъ тотъ.

— Ну, ступайте, я сейчасъ пріѣду, — сказалъ Имшинъ несовсѣмъ увѣреннымъ голосомъ.

— Я, ваше благородіе, на заятки, теперь выходитъ, стану къ вамъ, — началъ полицейскій солдатъ тѣмъ же своимъ голосомъ: — прѣставъ такъ и говорилъ: «не отпускай, говоритъ, его отъ себя!..»

— Убирайся ты къ чорту съ своимъ приставомъ! пошелъ вонъ!.. — крикнулъ Имшинъ, наступая на

солдата и хотѣлъ его вытолкнуть за двери. Тотъ сталъ упираться своимъ неуклюжимъ тѣломъ. — Пошелъ и ты! — прибавилъ онъ жандарму.

— На тебѣ рубль серебромъ, убирайтесь оба. Вотъ вамъ по рублю! — И онъ далъ обоимъ солдатамъ по рублю.

Тѣ ушли.

Имшинъ возвратился въ гостиную; лицо его изъ блѣднаго сдѣлалось багровымъ.

— Что такое? — спрашивала предсѣдательша: — тебя въ часть? зачѣмъ?

— Не знаю, чортъ ихъ знаетъ! — отвѣчалъ Имшинъ съ невниманіемъ, и торопливо сталъ перемѣнять архалукъ на сюртукъ.

— Лошадь живѣе запрягать! — крикнулъ онъ. Предсѣдательша подавала ему шляпу, палку, бумажникъ, но онъ какъ-будто бы и не видѣлъ ее и, не простясь даже съ ней, пошелъ и сѣлъ въ сани.

Солдаты, получившіе по рублю, сошли только внизъ, отъ подъѣзда не отходили, и когда Имшинъ понесся на своемъ рысакѣ, жандармъ поскакалъ на лошади за нимъ, а бѣдный полицейскій солдатъ побѣжалъ было пѣшкомъ, но своими кривыми ногами зацѣпился на тротуарѣ за столбикъ, полетѣлъ головою внизъ, потѣмъ перевернулся рожею вверхъ и лежитъ. Марья Николаевна, видѣвшая всю эту сцену, несмотря на то, что была сильно встревожена, не утерпѣла и улыбнулась. Она ждала Имшина часъ, два; наконецъ и лошадь его возвратилась. Марья Николаевна сошла заднимъ крыльцомъ, въ одномъ платьѣ, къ кучеру и спросила:

— Гдѣ баринъ — а?

— Въ части остался.

— Когда же онъ прїѣдетъ?

— Неизвѣстно-съ, ничего не сказалъ.

Марья Николаевна постояла немного, потеряла себѣ лобъ, потомъ велѣла подать салонъ.

— Вези меня туда въ часть! — сказала она, садясь въ сани, когда кучеръ только что было хотѣлъ откладывать лошадь. Кучеръ неохотно сталъ опять на облучокъ и сталъ неторопливо поворачивать.

— Скорѣй, пожалуйста! — воскликнула она. Въ части, въ первой же комнатѣ, Марья Николаевна увидала знакомаго ей полицейскаго солдата, приходившаго къ нимъ поутру. На этотъ разъ онъ былъ уже не въ своей военной бронѣ, а просто сидѣлъ въ рубахѣ и ѣлъ щи, которыя распространяли около себя вкуснѣйшій запахъ.

— Гдѣ Имшинъ, баринъ, за которымъ ты приходилъ? — спросила она его.

— Въ казamatъ, ваше благородіе, посаженъ.

— За что?

— Не знаю, ваше благородіе. Онъ тоже говорилъ: «поѣсть, говорить, мнѣ надо... ступай въ трактиръ, принеси!» я говорю: «ваше благородіе, мнѣ тоже далеко идти нельзя. Вонъ вахмистръ, говорю, у насъ щи тоже варить и студень теперь продаетъ... Разъ тутъ, говорю, взять... У насъ тоже содержался баринъ, все его пищу ѣлъ». «Ну, говорить, давай мнѣ студени одного».

— Пусти меня, проводи къ нему!

— Нельзя, ваше благородіе.

— Я тебѣ десять рублей дамъ!

— Помилуйте! теперь квартальный господинъ скоро придетъ, невозможно-съ!

— Ну, хоть записочку передай!

— Записочку давайте, ваше благородіе. Онъ тоже просилъ было, чтобы водки... «Ваше благородіе, хлещутъ, говорю, за это! Вотъ, Богъ дастъ, пооживитесь... господинъ квартальный и самъ, можетъ, то позволить. — Выслушавъ солдата, Марья Николаевна и сама, кажется, не знала что ей дѣлать; въ головѣ ея все перемѣшалось... Имшина отняли у нея... посадили въ казематъ... на студень... Что же это такое? Она сѣла въ сани и велѣла везти себя къ мужу.

Предсѣдатель только-что всталъ изъ-за стола и проходилъ въ свой кабинетъ. Горничная едва успѣла вбѣжать къ нему и сказать:

— Барыня наша пріѣхала-съ!

Предсѣдатель проворно сѣлъ въ свои вольтеровскія кресла и принялъ нѣсколько судейскую позу. Марья Николаевна вошла къ мужу совершенно смѣло.

— Имшинъ посаженъ въ часть, — начала она: — это ваши штучки, и если вы хоть сколько-нибудь благородный человѣкъ, вы должны сказать, за что?

Предсѣдатель улыбнулся.

— Я вашего Имшина ни собственнаго желанія и никакого права по закону не имѣлъ сажать, — проговорилъ онъ.

— Кто-жь его посадилъ?

— Это ужъ вы постарайтесь сами узнать: я этимъ предметомъ нисколько не интересуюсь.

— Его могъ посадить одинъ только губернаторъ. Я поѣду къ губернатору.

Предсѣдатель молчалъ, какъ молчатъ обыкновенно люди, когда желаютъ показать, что рѣшительно не принимаютъ никакого участія въ томъ, что имъ говорятъ.

— О, какіе вы всё гадкіе! — воскликнула бѣдная женщина, всплеснувъ своими хорошенькими ручками, и, закрывъ имъ лицо свое, пошла.

— Вашъ гардеробъ, вы сами за нимъ пришлете, или мнѣ прикажете прислать его вамъ? — сказалъ ей вслѣдъ мужъ.

Марья Николаевна ничего ему на это не отвѣтила.

Предсѣдатель остался совершенно доволенъ собой. Онъ самъ очень хорошо понималъ, и съ этимъ, вѣроятно, согласится и читатель, что во всей этой сценѣ велъ себя какъ самый образованный человѣкъ; онъ ни на одну ноту не возвысилъ голоса, а между тѣмъ — каждое слово его дышало ядомъ.

Марья Николаевна, между тѣмъ, сѣла въ сани и велѣла себя везти къ губернатору. Кучеръ было обернулся къ ней:

— Лошадь, сударыня, очень устала! баринъ послѣ гнѣваться будетъ.

— Вези! — вскрикнула она, и въ ея нѣжномъ голосѣ послышалось столько повелительности, что даже съ полулошадиной натурой кучеръ немножко струсилъ и поѣхалъ.

Губернаторъ еще не кушалъ, когда она къ нему пріѣхала. Дежурный чиновникъ, увидѣвъ предсѣдательшу, бросился со всѣхъ ногъ докладывать объ ней губернатору. Тотъ, въ свою очередь, тоже бросился къ зеркалу причесываться: старый повѣса въ

этомъ посѣщеніи ожидалъ кой-чего романическаго для себя.

— Pardon, madame... позвольте вамъ предложить кресла.

Марья Николаевна сѣла.

— Говорятъ, вы посадили Имшина — вы знаете мои отношенія къ этому человѣку; скажите, за что онъ посаженъ?

— Не могу, madame!

— Почему-жь не можете?

Губернаторъ былъ въ странномъ положеніи сказать дамѣ о такой вещи, которая, по его понятію, должна была убить ее; онъ рѣшился лучше уснокоить ее:

— Сказать вамъ этого я не могу, тѣмъ болѣе, что все это, можетъ быть, пустяки, которые пустяками и кончатся, а между тѣмъ, намъ всѣмъ очень дорого ваше спокойствіе; мы вполне симпатизируемъ вашему положенію, какъ женщины и какъ прелестнѣйшей дамы.

— Не знаю, что вы со мной всѣ дѣлаете? Ахъ, несчастная, несчастная я! — воскликнула предсѣдательша, и пошла шатаясь изъ кабинета.

Губернаторъ послѣдовалъ за ней до самыхъ дверей съ какимъ-то священнымъ благоговѣніемъ.

Дома она написала записку къ Имшину:

«Я вездѣ была, и ни у кого ничего не узнала; напиши хоть ты, за что ты страдаешь, мучать тебя... «Твоя».

На это она получила отвѣтъ:

«Все вздоръ, моя мплая Машенька, продѣлки однихъ мерзавцевъ; посылаю тебѣ сто рублей на

расходъ. Прикажи, чтобы хорошенько смотрѣли за лошадьми... Твой».

Никакое страстное письмо не могло бы такъ утѣшить бѣдную голубку, какъ эта холодная записка.

«Онъ спокоенъ; значить, въ самомъ дѣлѣ, все вздоръ», подумала она, покушала нотомъ немножко, и заснула.

Къ подъѣзду, между тѣмъ, подъѣхала ея компаньонка Эмилія, съ огромнымъ возомъ гардероба Марьи Николаевны. Со свойственнымъ ея чухонскому темпераменту равнодушіемъ, она принялась вещи выносить и разставлять ихъ. Шумъ этотъ разбудилъ Марью Николаевну.

— Кто тамъ? — окликнула она.

Эмилія вошла къ ней.

— Платя ваши Петръ Александрычъ прислалъ, и мнѣ не приказалъ больше жить у нихъ.

— Ну, и прекрасно; оставайся здѣсь у меня.

Эмилія въ церемонной позѣ усѣлась на одномъ изъ стульевъ.

— Ты слышала, Александра Иваныча въ часть посадили?

— Да-съ!

— Скажи, что про это мужъ говоритъ, или кто-нибудь у него говорилъ; ты, вѣроятно, слышала.

— Дѣвочку, что ли, онъ убилъ какъ-то!

— Какую дѣвочку, за что?

— Мѣщанка тамъ одна, нищенки дочь.

Марья Николаевна поблѣднѣла.

— Да за что же, и какимъ образомъ?

— Игралъ съ ней и убилъ.

— Что такое, игралъ съ ней?... Ты дура кабая-то... врешь что-то такое...

Эмилиа обидѣлась.

— Ничего я не вру-съ... всё говорятъ.

— Какъ, не вру!.. Убилъ, дѣвочку — за что?

Эмилиа нѣкоторое время колебалась.

— На любовь его, говорятъ, не склонилась, — проговорила она, какъ бы больше въ шутку, и отворотила лицо свое въ сторону.

Марья Николаевна взялась за голову и сдѣлась совсѣмъ какъ мертвая.

— Въ этотъ самый вечеръ это и случилось, какъ мы были у него съ катанья, — продолжала Эмилиа: — мужики, на другой день, ѣхали въ городъ съ дровами и нашли дѣвочку на подгородномъ полѣ зарытою въ снѣгъ, и привезли въ часть, а matka дѣвочки и приходитъ искать ее. Она два дня ужъ отъ нея пропала, и видитъ, что она застрѣлена.

— Почему же дѣвочку эту застрѣлилъ Александръ Ивановичъ?.. — спросила Марья Николаевна.

— Солдаты полицейскіе тутъ тоже рассказали: она, говорятъ, каталась на Имшиныхъ лошадяхъ со старухой, и прямо къ нему они и проѣхали съ катанья.

Молоденькое лицо Марьи Николаевны какъ бы въ одну минуту возмужало лѣтъ на пять; по лбу прошли двѣ складки; милая улыбка превратилась въ серьезную мину. Она встала и начала ходить по комнатѣ.

— Мужчина можетъ это сдѣлать совершенно не любя, и любя другую женщину! — проговорила она насмѣшливымъ голосомъ и останавливаясь передъ Эмилиєю.

— Онъ, говорятъ, совершенно пьяный былъ, — подтвердила та... Человѣка его также захватили, тотъ показываетъ: три бутылки одного рому онъ въ тотъ вечеръ выпилъ.

— Какимъ же образомъ онъ ее убилъ?

Личико Марьи Николаевны при этомъ сдѣлалось еще серьезнѣе.

— Сегодня полиціймейстеръ рассказывалъ Петру Александрычу, что Александръ Иванычъ говоритъ, что она сама шалила пистолетомъ и выстрѣлила въ себя; а человѣкъ этотъ опять показываетъ—ихъ въ рознь держать, не сводять, — что онъ ее сталъ пугать пистолетомъ, а когда она вырвалась и побѣжала отъ него, онъ и выстрѣлилъ ей вслѣдъ.

Дальнѣйшія ощущенія моей героини я предоставляю читательницамъ самимъ судить.

У входа въ домовую церковь тюремнаго замка стояли священникъ въ теплой шапкѣ и муфтѣ и дьячокъ въ калмыцкомъ тулупѣ. Они дожидались, пока дежурный солдатъ отпиралъ дверь. Войдя въ церковь, дьячокъ шаркнулъ спичкой и сталъ зажигать свѣчи. Вслѣдъ же за ними вошла дама вся въ черномъ. Это была наша предсѣдательша. Священникъ, какъ кажется, хорошо ее зналъ. Она подошла къ нему подъ благословеніе.

— Холодно? — сказалъ онъ.

— Ужасно! я вся дрожу, — отвѣчала она.

— Не на лошади?

— Нѣтъ, пѣшкомъ... У меня нѣтъ лошади.

— А Александра Иваныча кони гдѣ? Всѣ, видно, проданы и въ одну яму пошли.

— Всѣ въ одну! — отвѣчала Марья Николаевна грустно-насмѣшливымъ голосомъ:—но досаднѣе всего обманъ: каждый почти изъ нихъ — образъ передо мной снималъ и влялся: «не знаемъ, говорятъ, что будетъ выше, а что въ палатѣ мы его оправдаемъ».

— Ну, да губернатора тоже поиспугались.

— Да что же губернатору-то?

— А губернаторъ супруга вашего побоялся: еще больше, говорятъ, за послѣднее время ему въ лапки попалъ.

— Ну, да, вотъ это такъ... но это вздоръ—это я разоблачу... — проговорила Марья Николаевна, и глаза ея разгорѣлись.

• — На каторгу приговорили?

— На каторгу, на десять лѣтъ, и смотрите, сколько тутъ несправедливости: человѣкъ обвиняется или при собственномъ сознаниі, или при показаніи двухъ свидѣтелей; Александръ Иванычъ самъ не сознается; говоритъ, что она шалила и застрѣлила себя — а свидѣтели какіе же? Лакей и Федоровна! Они сами прикосновенны къ дѣлу. А если мать ея доносить, такъ она ничего не видала, и говоритъ все это она, разумѣется, какъ женщина огорченная...

— Въ поле онъ мертвую-то свезъ... Зачѣмъ? для чего?

— Прекрасно-съ!.. Но вѣдь онъ человѣкъ: могъ перепугаться: подозрѣніе прямо могло пасть на него, тѣмъ болѣе, что отъ другой матери было ужъ на него прошеніе въ этомъ родѣ, и онъ тамъ помирился только какъ-то съ нею — значить, просто

растерялся, и наконецъ, пьянъ былъ совершенно... Они вывезли въ поле трупъ и не спрятали его хорошенько, а бросили около дороги — ну, за это и суди его какъ за нечаянный проступокъ, за неосторожность; но за это не каторга же!.. Судить надобно по законамъ, а не такъ, какъ намъ хочется.

Любовь сдѣлала бѣдную женщину даже юристкою.

— Это все я раскрою, — продолжала она, все болѣе и болѣе съ возрастающимъ жаромъ: — у меня дядя членъ государственнаго совѣта; я поѣду по всѣмъ сенаторамъ, прямо имъ скажу, что я жена такого-то г. предсѣдателя, полюбила этого человѣка, убѣждала къ нему, вотъ они и мстятъ ему — весь этотъ чиновничій сборъ ихній!

— Дай Богъ, дай Богъ!... — произнесъ священникъ со вздохомъ: — васъ-то очень жаль...

— О себѣ, отецъ Василій, — я ужь думать забыла; — я тутъ все положила: и молодость и здоровье... — У меня вонъ ребенокъ есть; и къ тому, важется, ничего не чувствую, по милости этого дѣла...

Священникъ грустно и про себя улыбнулся, а потомъ поклонившись Имшихъ (такъ звали Марью Николаевну въ острогѣ), ушелъ въ алтарь.

Она отошла и стала на женскую половину. Вогомольцевъ почти никого не было: двѣ-три старушонки, какой-то оборванный чиновникъ, двое парней изъ сосѣдней артели.

Дежурный солдатъ сталъ отпирать и съ шумомъ отодвигать ставни, закрывающія рѣшетку, которая отдѣляла церковь отъ тюремныхъ камеръ. Вскорѣ послѣ того по дальнимъ корридорамъ раздались шаги.

Это шли арестанты къ рѣшеткѣ. Къ лѣвой сторонѣ подошли женщины, а къ правой мужчины. Молодцоватая фигура Имшина, въ красной рубашкѣ и бархатной поддѣвкѣ, вырисовалась первая. Марья Николаевна, какъ устала на него глаза, такъ ужь больше и не спускала ихъ во всю службу. Онъ также безпрестанно взглядывалъ къ ней и улыбался: въ острогѣ онъ даже потолстѣлъ, или по крайней мѣрѣ красивое лицо его какъ-то отекло.

Когда заутрени кончилась, Имшинъ первый повернулся и пошелъ. За нимъ послѣдовали и другіе арестанты. Марья Николаевна долго еще глядѣла имъ въ слѣдъ и прислушивалась къ шуму ихъ шаговъ. Выйдя изъ церкви, она не пошла къ выходу, а повернула въ одинъ изъ корридоровъ. Здѣсь она встрѣтила мужчину съ толстымъ брюхомъ, съ краснымъ носомъ и въ вицъ-мундирѣ съ краснымъ воротникомъ—это былъ смотритель замка. Марья Николаевна раскланялась съ нимъ самымъ раболѣпнымъ образомъ.

— Я прошу васъ сказать Александру Иванычу, — начала она заискивающимъ голосомъ: — что я сегодня выѣзжаю въ Петербургъ; — мнѣ пишутъ оттуда, что черезъ мѣсяцъ будетъ докладъ по его дѣлу въ сенатъ; ну, я недѣли двѣ тоже проѣду, а недѣли двѣ надобно обходить всѣхъ, рассказать всѣмъ все...

Смотритель на все это только кивалъ съ важностью головой.

— Тутъ вотъ я ему въ узелочкѣ икры принесла и груздей соленыхъ — онъ любитъ соленое, — продолжала она прежнимъ раболѣпнымъ тономъ, подавая смотрителю узелокъ.

— Пьянствуетъ онъ только, сударыня, очень и буянить, — проговорилъ тотъ, принимая узелокъ. — Эта на прошлой недѣлѣ вышелъ въ общую арестантскую, такъ двухъ арестантовъ избилъ, я ужь хотѣлъ-было доносить, ей-богу!

— Вы ему, главное дѣло, водки много не давайте, — совсѣмъ нельзя ему не пить — онъ привыкъ, а скажите, что много нельзя; я не приказала: вредно ему это.

— Нѣтъ-съ, какое вредно — здоровъ очень! — возразилъ простодушно смотритель, такъ что Марья Николаевна немножко даже покраснѣла.

— Такъ, пожалуйста, не давайте ему много пить, — прибавила она еще разъ и пошла.

На углу, на первомъ же поворотѣ, на нее подулъ такой вѣтеръ, что она едва устояла; хорошенькіе глазки ея отъ холода наполнились слезами, красивая ножка нетвердо ступала по замерзшему тротуару; но она все-таки шла, и ужь конечно не физическія силы ей помогали въ этомъ случаѣ, а нравственныя.

19-го мая 184... было довольно памятно для города П... Въ этотъ день красавца Импина лишали правъ состоянія. Сама губернаторша и нѣсколько дамъ выпросили въ домѣ у головы позволеніе занять балконъ, мимо котораго должна была пройти процессія. Въ окнахъ всѣхъ прочихъ домовъ вездѣ видны были головы женщинъ, дѣтей и мужчинъ; на тротуарахъ валила цѣлая масса народу, а съ

чительно похудѣло и какъ-бы осмыслилось и одухотворилось; на груди его рисовалась черная дощечка съ бѣлою надписью: *убійца...*

Изъ одного очень высокаго дома, изъ окна упалъ къ нему вѣнокъ. — Это была дама, которую онъ первую любилъ въ П... Съ ней послѣ того сейчасъ же сдѣлалось дурно, и ее положили на диванъ. На краю колесницы, спустивши ноги, сидѣлъ палачъ, тоже въ красной рубахѣ, синей, суконной поддѣвкѣ и больше съ глупымъ, чѣмъ съ звѣрскимъ лицомъ.

Въ толпѣ народа, вмѣстѣ съ прочими, безпокойной походкой шла и Марья Николаевна; тѣло ея стало совершенно воздушное, и только одни глаза горѣли и не утратили, кажется, нисколько своей силы. Ей встрѣтился одинъ ея знакомый.

— Марья Николаевна, вы-то зачѣмъ здѣсь.... Какъ вамъ не грѣхъ? — вы только растревожитесь.

— Нѣтъ, ничего! Съ нимъ, можетъ быть, дурно тамъ сдѣлается!

— Да тамъ есть и врачи, и все... И отчего жъ дурно съ нимъ будетъ?

Дурно съ преступникомъ въ самомъ дѣлѣ не было. Приговоръ онъ выслушалъ съ опущенными въ землю глазами, и только когда палачъ переломилъ надъ его головой шпагу и сталъ потомъ несовсѣмъ деликатно срывать съ него платье и надѣвать арестантскій кафтанъ, онъ только поморщивался и дѣлалъ насмѣшливую гримасу, а затѣмъ, не обращая уже больше никакого вниманія, преспокойно усѣлся снова на лавочку. На обратномъ пути, отъ колесницы все больше и больше стало отставать зрителей, и когда она стала приближаться къ

тюремному замку, то на тротуарѣ оставалась одна только Марья Николаевна.

— Я ужь лошадь наняла, и какъ тамъ тебя завтра или послѣ-завтра вышлютъ, я и буду ѣхать за тобой! — проговорила она скороговоркой, подбѣгая къ колесницѣ, когда та вѣзжала въ ворота.

— Хорошо! — отвѣчалъ ей довольно равнодушнымъ голосомъ Имшинъ.

Оставшись одна, Марья Николаевна стыдливо обдернула свое платье, изъ-подъ котораго выставился совершенно худой ея башмакъ: ей некогда было, да, пожалуй, и не на что купить новыхъ башмаковъ.

Въ теплый іюльскій вечеръ, по большой дорогѣ, между березокъ, шла партія арестантовъ. Впередѣ, какъ водится, шли два солдата съ ружьями, за ними два арестанта, скованные другъ съ другомъ руками женщина, должно быть, ссыльная, только съ котомкой черезъ плечо, и Имшинъ. По самой же дорогѣ ѣхала небольшая кибиточка, и въ ней сидѣла Марья Николаевна съ своимъ груднымъ ребенкомъ. Дорога шла въ гору. Марья Николаевна съ чувствомъ взглянула на Имшина, потомъ бережно положила съ рукъ спящаго ребенка на подушку и соскочила съ телеги.

— Ты посмотри, чтобы онъ не упалъ, — сказала она ѣхавшему съ ней кучеромъ мужику.

— Посмотрю, не вывалится, — отвѣчалъ тотъ грубо.

Марья Николаевна подошла къ арестантамъ.

— Ты позволъ Александру Иванычу побхать, онъ усталъ, — сказала она старшему солдату.

— А если кто изъ баръ найдетъ да донесутъ, засудятъ!... — отвѣчалъ тотъ.

— Если баринъ встрѣтится, тотъ никогда не донесетъ — всякій пойметъ, что дворянину идти трудно.

— И они вонъ тоже, вѣдь, часто ябедничаютъ! — прибавилъ солдатъ, мотнувъ головой на другихъ арестантовъ,

— И они не скажутъ. Вѣдь вы не скажете? — сказала Марья Николаевна, обращаясь ласковымъ голосомъ къ арестантамъ.

— Что намъ говорить, пускай ѣдетъ! — отвѣчали мужчины въ одинъ голосъ, а ссыльная баба только улыбнулась при этомъ.

Имшинъ ловко перескочилъ небольшую канавку, отдѣляющую березки отъ дороги, подошелъ къ повозкѣ и сѣлъ въ нее; цѣпи его при этомъ сильно зазвенѣли.

Марья Николаевна проворно и несовсѣмъ осторожно взяла ребенка себѣ на руки, чтобы освободить подушку Имшину, онъ тотчасъ же улегся на нее, отвернулся головой къ стѣнѣ кибитки и заснулъ. Малютка между тѣмъ расплакался. Марья Николаевна принялась его укачивать и страшать, чтобы онъ замолчалъ и не разбудилъ отца.

Когда совсѣмъ начало темнѣть, Имшинъ проснулся и зѣвнулъ.

— Маша, милая, спроси у солдата, есть-ли на этапѣ водка?

— Сейчас; на, поддержи ребенка, — прибавила она и, подавъ Имшину дитя, пошла къ солдату.

— На этапѣ мы найдемъ Александру Иванычу водки? — спросила она.

— Нѣтъ, барыня, не найдемъ; — коли такъ, такъ здѣсь надо взять; вонъ кабакъ-то, — сказалъ солдатъ.

Партія въ это время проходила довольно большимъ селомъ.

— Ну, такъ на вотъ, сходи!

— Намъ, барыня, нельзя: — сама сходи.

— Ну, я сама схожу, — сказала Марья Николаевна весело, и въ самомъ дѣлѣ вошла въ кабакъ. Черезъ нѣсколько минутъ она вышла. Цѣловальникъ несъ за ней полштофа.

— Что за глупости — такъ мало... каждый разъ останавливаться и брать... дай полведра! — кринулъ Имшинъ цѣловальнику.

Марья Николаевна немножко измѣнилась въ лицѣ.

Цѣловальникъ вынесъ полведра, и вмѣстѣ съ Имшинымъ они бережно устали его въ передокъ повозки.

— Зачѣмъ ты сама ходила въ кабакъ? развѣ не могла послать этого скота? — сказалъ довольно грубо Имшинъ Марьѣ Николаевнѣ, показывая головой на кучера.

— А я и забыла объ немъ совершенно, не сообразила!... — отвѣчала она кротко.

Нечаль слишкомъ видна была на ея лицѣ.

Этапъ находился въ сараѣ, нанятомъ у одного богатаго мужика.

— Въ этапѣ вамъ, барыня, нельзя ночевать; мы

запираемся тоже... — сказала Марья Николаевна солдатъ, когда они подошли къ этапному дому. — Тутъ, у мужика, изба почестъ подлѣ самаго сарая: попроситесь у него.

Марья Николаевна попросилась у мужика, тотъ ее пустилъ.

— Тамъ баринъ одинъ идетъ, дворянинъ, такъ что бы повѣсть ему! — сказала она хозяину.

— Отнесутъ; солдаты ужъ знаютъ, — говорили моей хозяйкѣ.

Марья Николаевна, сама уставшая до-нельзя, уложила ребенка на подушку, легла около него и начала дремать, какъ вдругъ ей послышалось, что въ сарай все болѣе и болѣе усиливается говоръ, наконецъ раздается пѣніе, потомъ опять говоръ, какъ-бы въ родѣ брани, черезъ нѣсколько времени двери избы растворились, и вошелъ одинъ изъ солдатъ.

— Барыня, сдѣлайте милость, уймите вашего барина!

— Что такое? — спросила Марья Николаевна, съ безпокойствомъ вставая.

— Помилуйте, съ Танькой все балуетъ... Она, проклятая, понесетъ теперь, и покажетъ, что на здѣшнемъ этапѣ — что тогда будетъ?

Марья Николаевна, кажется, не разслышала или не поняла послѣднихъ словъ солдата и пошла за нимъ. Тамъ ей представилась странная сцена: сарай былъ освѣщенъ весьма слабо ночникомъ. На соломѣ, облокотившись на деревянный обрубокъ, полулежалъ Имшинъ, совсѣмъ пьяный, а около него лежала, обнявши его, арестантка-баба.

Марья Николаевна прямо подошла къ ней.

— Какъ ты смѣешь, мерзавка, быть тутъ! Солдаты, оттащите ее! — прибавила она повелительнымъ голосомъ.

Солдаты повиновались ей и оттащили бабу въ сторону.

— А ты такая же, какъ и я—да!—бормотала та.

— И вы извольте спать сію же минуту, — прибавила она тѣмъ же повелительнымъ голосомъ Имшину; лицо ея горѣло при этомъ, ноздри раздувались, большая артерія на шейкѣ замѣтно билась: — сію же секунду! — прибавила она, и начала своею слабою ручкою теревить его за плечо, какъ бы за тѣмъ, чтобы сдѣлать ему больно.

— Поди, отвяжись! навязалась! — проговорилъ онъ пьянымъ голосомъ.

— Я вамъ навязалась, я?—говорила Марья Николаевна, — терпѣнія ея ужь больше не хватало. — Низкій вы, подлый человекъ, послѣ этого!

— Я бью по рожѣ, кто мнѣ такъ говоритъ, — воскликнулъ Имшинъ, и толкнулъ бѣдную женщину въ грудь.

Марья Николаевна хоть бы бровью въ эту минуту пошевелила.

— Ничего; теперь все ужь кончено. Я васъ больше не люблю, а презираю, — проговорила она, вышла изъ этапа и въ своей повозочкѣ уѣхала обратно въ городъ.

Исторія моя кончена. Имшинъ, какъ рассказывали впоследствии, тамъ ужь въ Сибири, сами товарищи арестанты, за его буйный характеръ, бросили живымъ въ саловаренный котель. Марья же Нибо-

лаевна... но я былъ бы сочинителемъ самыхъ лживыхъ повѣстей, еслибъ сказалъ, что она умерла отъ своей несчастной любви; напротивъ, натура ея была гораздо лучшаго закалу: она даже полюбила внослѣдствіи другаго человѣка, гораздо болѣе достойнаго, и полюбила съ тѣмъ же пыломъ страсти.

— Господи, что мнѣ нравилось въ этомъ Имшинѣ — рѣшительно не знаю!... — часто восклицала она.

— Стало-быть, и героиня ваша лгунья? — замѣтятъ мнѣ, можетъ быть, читательницы.

Когда она любила, она не лгала, и ей честь дѣлаетъ, что не скрывала потомъ и того презрѣнія, которое питала къ тому же человѣку. За будущее никто не можетъ поручиться: смѣемъ васъ завѣрить, что самъ пламенный Ромео покрасилъ бы до конца ушей своихъ, или взбѣсился бы до-нельзя, еслибъ ему напомнили, буева въ букву, тѣ слова, которыя онъ расточалъ своей божественной Юліи, стоя передъ ея балкономъ, особенно еслибы жестокіе родители не разлучили ихъ, а женили!

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ.

I.

Астрахань.

Выѣхавъ изъ Саратова, я уже былъ на настоящемъ юго-востокѣ: солнце пекло, какъ у насъ въ послѣднихъ числахъ марта. Везли меня по Волгѣ, на которой чувствительно потрескивалъ ледъ, а по сторонамъ виднѣлись полыньи и проруби, ничѣмъ почти неогороженные. вмѣсто правильно-расположенныхъ и плотно выстроенныхъ деревень нашихъ верховыхъ губерній, я видѣлъ на обрывистыхъ берегахъ какія-то хатки-мазанки, а около нихъ непокрытыя, изъ плетня, загородки для скота. Изъ гонядавшихся сельскихъ церквей хотъ бы одна каменная. Все это, если хотите, довольно живописно при заходящемъ солнцѣ, но и только.

Въ Дубовкѣ я увидѣлъ въ первый разъ волжскихъ казаковъ, которые дожидались тамъ проѣзда

изъ Оренбурга астраханскаго губернатора, чтобы держать ему почетный караулъ. У большей части изъ нихъ типъ лица и одежды довольно характеренъ и представляетъ смѣсь служиваго человѣка и мужика. Исторія волжскаго казачества коротка: это частію казаки-переселенцы съ Дона, частію сосланные Петромъ стрѣльцы, перекрещенные калмыки, татары и, наконецъ, бѣглые безпаспортные русскіе люди. Изъ всей этой смѣси теперь образовано три или четыре полка. Понятно, что правительственная цѣль поселенія ихъ была въ противодѣйствіе набѣгамъ кочующихъ племенъ, чему они, надобно сказать, и противодѣйствовали по пословицѣ: кулакъ на кулака нашелъ, хотя въ то же время и сами были не безгрѣшны. Такова, по крайней мѣрѣ, народная молва, которую удалось мнѣ подслушать при проѣздѣ моемъ чрезъ Антипинскую станцію *). Тамъ загорѣлась церковь. Народъ, по обыкновенію, безтолково принялся тушить пожаръ: кто таскалъ церковную утварь, кто кидалъ лопатами снѣгъ въ разбитыя окна; двое или трое плотниковъ отвязывали и спускали колокола съ колокольни, но вдругъ пламя вырвалось изъ-подъ церковной крыши и сразу охватило дымомъ и огнемъ колокольню и людей. Толпа дрогнула: мальчишки заревѣли, бабы завывли, мужики только крякнули:

— Ну, паря, попали наши ребятки, не вывернутся,—проговорилъ одинъ изъ нихъ.

---

*) Въ 30-ти, кажется, верстахъ отъ Саратова.

— Господи, что же это такое! — невольно воскликнулъ я.

— Не на угодныя, сударь, видно, Богу деньги сооруженъ нашъ храмъ Божій, — проговорилъ стоявшій около меня старикъ.

— Это отъ чего? — спросилъ я.

— Казаки, вѣдь, его выстроили: другой наворовалъ да нагребилъ; можетъ, не одну душу человѣческую загубилъ, такъ и давай строить храмъ, чтобы отпущеніе грѣхамъ было: казацкая денежка тоже всякая.

Человѣка два или три стоявшихъ около мужиковъ подтвердительно кивнули головами.

— Каинской жертвы, видно, Богъ не приѣмлетъ: вотъ теперь душа душу и окунаетъ, — заключилъ старикъ.

За Царицынымъ дорога пошла, къ вѣщему моему удовольствію, горами, но увы! это пріятное ощущеніе было только на первыхъ порахъ, а потомъ пожалѣлъ я и о Волгѣ. Не знаю какъ лѣтомъ, но зимой — трудно вообразить себѣ что-нибудь безотраднѣе этого пути; представьте себѣ снѣжную поляну. пещренную проталинами, а надъ ней опрокинутое небо: хоть бы деревенька, огородикъ, дымокъ на горизонтѣ; только изрѣдка попадаютъ таловыя безъ листьевъ деревья, да мелькаютъ однообразно столбы. Изъ живыхъ существъ развѣ увидите медленно тянущіеся возы, да десятка два-три воронъ, которыя пронесутся Богъ знаетъ откуда и куда, и все это еще въ хорошую погоду; но бываютъ мятели: я, какъ выросшій въ лѣсной губерніи, не могъ никогда вообразить себѣ, что это такое:

среди блага дня, за двѣ сажени, ничего уже нельзя видѣть; что-то въ родѣ крупы, песку, снѣгу падаетъ съ-верху, поднимается съ земли, наносится съ боковъ: захваченный такою мятелью, я, съ человѣкомъ, пріютился въ кибиткѣ за рогожей; но бѣдный извощикъ, съ залѣпленными глазами, поворотилъ лошадей какъ-то назадъ и проѣхалъ такимъ образомъ, не догадываясь самъ, нѣсколько верстъ — и только попавшіеся на-встрѣчу обозники надоумили его.

Степной характеръ, чѣмъ ниже спускаться, тѣмъ яснѣй и яснѣй обозначается: стали попадаться арбы, запряженные волами, верблюды, навьюченные и подь-верхомъ, и наконецъ показали калмыцкія кибитки, издали похожія на копны сѣна, а вблизи ни что иное, какъ войлочные шатры.

Съ самими калмыками я познакомился на первый разъ въ Енотаевскѣ, маленькомъ и грязномъ городишкѣ, и долго, вѣроятно, не забуду этого впечатлѣнія: я въѣзжалъ въ сумерки и вижу, что со всѣхъ сторонъ проходятъ какія-то мрачныя и, на видъ, подозрительныя фигуры въ малахаяхъ, овчинныхъ тулупахъ и штанахъ, и флегматически меня осматриваютъ.

— Что это за народъ? — спросилъ я извощика.

— Калмыкъ, — отвѣчалъ онъ.

— Экіе некрасивые, — замѣтилъ я.

— Съ чего ему красивому быть, — подхватилъ извощикъ, — звѣремъ въ степи живеть, всяку падаль трескаетъ; ребятишки, словно нечистая сила, бѣгаютъ голые да закопченные.

— А ты не здѣшній?

— Нѣтъ, не здѣшній; какой здѣшній! я верховой.

— Что же тебѣ не нравятся калмыки?

— Да чему же нравится? дикій народъ, — отвѣчалъ извозчикъ: — а сердцемъ такъ простъ, — прибавилъ онъ.

— Простъ?

— Простъ: прїѣзжай къ нему теперь въ кибитку хошъ баринъ, хошъ нашъ братъ-мужикъ, какое ни на есть у него наилучшее кушанье, сейчасъ тебѣ все поставитъ. Меня, псы, за незнамо, кобылятиной накормили, съ годъ послѣ того тошнило.

— А буянять иногда по дорогамъ?

— Нѣтъ: лошадей воровать, али другую скотину, такъ ловки: и промежь себя, да, пожалуй, и нашъ братъ извозчикъ не зѣвай, какъ разъ шею намылять и отобьютъ коней, да и угонять въ степнину — поди, ищи тамъ, какъ знаешь.

Почтовая ѣзда становилась все хуже и хуже; измученныя лошади, отсутствіе хоть сколько-нибудь устроенной дороги и, ко всему этому, по времени года — распутица; то вы ѣдете въ саняхъ по льду на отмеляхъ Волги, то въ кибиткѣ по буеракамъ и косогорамъ. Въ воздухѣ тепловато, но сыро и скорѣе походить на гнилую нашу осень, чѣмъ на зиму.

«Такъ вотъ онъ, думалъ я съ грустію, нашъ благословенный юго-востокъ, который я въ такомъ прїятномъ свѣтѣ представлялъ себѣ въ холодномъ Петербургѣ; такъ вотъ это иаше волжское приволье съ его степями, табунами и кочевниками!» Лѣтомъ, вѣроятно, все это оживится, но теперь бѣдно, неприглядно, а главное — пустынно. Много надобно труда, много надобно поселить людей, и

другихъ людей, чтобы оживить эти пустыни: степнякъ врядъ ли самъ по себѣ способенъ къ улучшенію: его надобно сильно понукать — и знать, въ чемъ понукать. Проѣзжая теперь по этимъ безлюднымъ и полнымъ безмитажнаго покоя окрестностямъ, странно даже подумать, что нѣкогда тутъ существовало воинственное царство Золотой-Орды, что наши великіе князья ѣздили чрезъ эти степи на поклоненіе своимъ грознымъ завоевателямъ, встрѣчая или унижительное покровительство, или, чаще того, позоръ и даже смерть; но всему прошла своя пора; время поглотило и людей, и силу ихъ, и власть, и даже память объ нихъ, такъ что теперь трудно отыскать достовѣрное сказаніе о томъ, что было и какъ было. Еще Самуилъ Георгъ Гмелинъ, докторъ врачебной науки Императорской академіи наукъ и разныхъ ученыхъ обществъ членъ, путешествовавшій по Астраханской губерніи въ 1770 году, говоритъ: «кто желаетъ въ неизвѣстностяхъ или сумнительствахъ бытописанія упражняться, тотъ нигдѣ лучше своихъ догадокъ употребить не можетъ, какъ при древней и средней исторіи города Астрахани, а потому довольно будетъ начать съ тѣхъ временъ, въ которыя сей городъ и все Астраханское царство присоединено къ Россійскому государству».

Не желая въ сихъ «сумнительствахъ обрѣтаться», послѣдуемъ и мы примѣру Гмелина и начнемъ съ того, что покорила Астрахань и вознесъ надъ ней главу свою царь Иванъ Васильевичъ при астраханскомъ ханѣ Этмурчѣ. Этмурчѣ, а по-татарски Джанъ-Турчѣ, прислалъ въ Москву посланникомъ князя Ишима съ просьбою къ царю — принять его

подъ свое покровительство. Царь, принявъ посла милостиво, согласился на его прошеніе, и на другой годъ отослалъ его обратно къ Этмурчею вмѣстѣ съ своимъ посланникомъ Себастіаномъ, которому наказано было развѣдать и привести весь народъ по ихъ вѣрѣ къ шерти (присягѣ).

Между тѣмъ прибыли въ Москву послы изъ Нагаи отъ Измаиль-Мурзы и другихъ татарскихъ князей съ жалобой къ царю на несправедливости Этмурчея, прося его о помощи и обѣщаясь служить ему не щадя живота. Отношенія, какъ видите, несовершенны искреннія. Пронырливый ханъ — какъ-будто бы добровольно отдаетъ себя во владѣніе, а въ сущности для того, чтобы удобнѣе тѣснить другихъ татарскихъ князьковъ; а царь, съ своей стороны, тоже какъ-будто бы общается только покровительствомъ, но въ то же время принимаетъ милостиво жалобы на Этмурчея и посылаетъ къ нему посла приводить народъ къ присягѣ. Дѣло разрѣшилось тѣмъ, что ханъ ограбилъ нашего посла и возгорѣлась война... но здѣсь я лучше буду продолжать по возможности подлинными словами единственнаго письменнаго сказанія о покореніи Астрахани, напечатаннаго Рычковымъ въ 1774 г., которое, мнѣ кажется, своимъ тономъ яснѣе и нагляднѣе, чѣмъ мои передаточныя рѣчи, представитъ читателю столь отдаленную эпоху:

«И онъ, Великій Государь, царь Иванъ Васильевичъ, говоритъ сказаніе: не стерпя своей обиды и отъ нагайскихъ мурзъ не презрѣвъ къ себѣ челобитья, изволилъ послать на Астрахань на Этмурчея царя съ орды его Дербишь-Алея царя Касимовскаго и съ нимъ воеводъ своихъ князя Юрія Ивановича

Пронскаго-Шемакина съ товарищами, разверставъ ихъ на три полка. И указалъ Великій Государь быть большому полку воеводою князю Юрію Ивановичу Пронскому да Мпхайлу Головнину, да въ томъ же полку приказалъ Великій Князь Государь идти князю Александру Ивановичу Святинѣ. Въ среднемъ полку идти постельничему своему Игнатію Михайлову сыну Вишнякову, да Ширяю Кобякову-Вяземскому. Въ третьемъ полку — Степану Григорьевичу Варятинскому, да Андрею Булгакову и съ нимъ другимъ воеводамъ и дѣтямъ боярскимъ изъ разныхъ городовъ, атаманамъ и казакамъ Ѳедору Павлову съ товарищи и всякихъ чиновъ людемъ.

«Повѣхали воеводы Волгою рѣвою, въ большихъ судахъ и, прѣхавъ на переволоку, что къ Дону, отпустили напередъ себя князя Александра Вяземскаго да Данилу Лучкова и съ нимъ дѣтей боярскихъ, атамановъ и казаковъ, Ѳедора Павлова съ товарищи для языковъ, которымъ повстрѣчались астраханскіе татары выше Чернаго острова и они ушли было въ ширяхъ (въ лодкахъ); но ихъ, нагнавъ, всѣхъ побили, только начальнаго ихъ Сямышы съ небольшими людьми, поймавъ, живыхъ отослали къ воеводѣ князю Юрью Ивановичу Пронскому, и тѣ языки въ допросѣхъ сказали: послалъ-де насъ изъ Астрахани Янгурчей князь отъ себя провѣдати отъ Астрахани на пять верстъ и осмотрѣть людей, а въ городѣ-де Астрахани людей много, всѣ стоятъ по островамъ и своимъ улусамъ, а царь-де Янгурчей стоитъ на Царевѣ протокѣ. Воеводы, по тѣмъ рѣчамъ, выбравъ князя Данилу Кандаурова, князя Тимофея Кроноткина, да Гри-

горья Жолобова и Данилу Сулкова, и съ ними дворянъ и дѣтей боярскихъ и всякихъ чиновъ людей, послали въ прибавку къ князю Вяземскому и велѣли имъ идти на станъ, гдѣ стоялъ Янгурчей царь; а сами воеводы пошли ко граду Астрахани. Того же году мая въ 29 день, прошли воеводы съ силою ниже города Астрахани и, призвавъ Господа Бога и Пречистую Его Матерь и всѣхъ свитыхъ, вышедъ изъ судовъ, пошли къ городу Астрахани, и астраханцы-татары, увидя ихъ, побѣжали всѣ изъ города, и въ то время, помощію Божіею, а Великаго Государя счастиемъ, они воеводы Астраханское царство взяли, а татаровой, которые побѣжали изъ города, нагнавъ, всѣхъ порубили, а иныхъ многихъ въ полонъ побрали. Князь же Александръ Вяземскій съ товарищи въ тѣ поры пришелъ на царевъ станъ, гдѣ стоялъ царь Янгурчей; но онъ, увѣдавъ про взятіе Астрахани, сометался на своихъ коней и незадолго передъ симъ утекъ не со многими людьми, а женъ и дѣтей своихъ напередъ себя отпустилъ къ морю въ ширяхъ; которыхъ же на стану застали татаръ, тѣхъ изрубили, а иныхъ живыхъ побрали. Пушки, и пищали, и всякую рухлядь поймали; а за бѣглыми татарами съ того стану ходилъ атаманъ казачій Федоръ Павловъ съ товарищи, и догнавъ въ ширѣ (на суднѣ) за царевыми деревнями, съ набатами и пищалями, многихъ людей тутъ порубили, а иныхъ многихъ живыхъ взяли, и тѣ языки про царя Этмурчя, куда онъ на утекъ пошелъ, ничего не сказали. И по указу Великаго Государя, воеводы князь Юрій Ивановичъ Шемякинъ-Пронскій съ товарищи, посадя во градъ Астрахани Дербись

царя Касимовскаго на царство, приведя всѣхъ астраханскихъ татаръ, которые побраны, къ правдѣ и шерти, но ихъ вѣрѣ, чтобъ имъ служить Великому Государю неизмѣнно, отпустили гонца къ Москвѣ къ Великому Государю Царю Ивану Васильевичу. Потомъ, оставя воеводы въ Астрахани, у Дербишь-Алея царя,—князя Андрея Бярятинскаго, да Петра Тургенева, да выборомъ дѣтей боярскихъ и стрѣльцовъ и казаковъ, сами воеводы пошли за Янгурчеемъ царемъ, а напредь себя послали къ морю князя Александра Вяземскаго и съ нимъ нижегородскихъ дѣтей боярскихъ, атамановъ и казаковъ, — Федора Карпова; на Абдуль рѣку — головъ стрѣлецкихъ Кузьму Масальскаго да дьяка Козьмина; на Казань рѣку послали передоваго полку воеводъ, постельничаго Игнатія Михайлова сына Вишнякова, да Ширя Кобякова съ товарищи. А въ Евангучь рѣку — головъ стрѣлецкихъ Полутка Тимоѣева, да князя Давыда Кандаурова — и тѣ воеводы, нашедъ на астраханскихъ татаръ, ихъ порубили, а иныхъ живыхъ побрали и полонъ русской отъ нихъ отполонили. И тѣ сказали, что Янгурчей царь съ людьми своими пошелъ въ Мочагъ, по которымъ вѣстямъ воеводы пошли за Янгурчеемъ въ Мочагъ къ морю и, пришедъ на Бѣлое озеро, взяли языковъ, кои сказали, что Янгурчей царь утекать будетъ со всѣми своими людьми въ Тюмень, и по тѣмъ вѣстямъ воеводы возвратились вспять, а дороги, куда ему Янгурчею ѣхать, объѣхали и послали искать его на море и по островамъ, но самого нигдѣ не нашли, только людей его, астраханскихъ татаръ, много перебили, а много живыхъ побрали, да

взяли-жь богатыря Кіязя съ товарищи, кои языки сказали: царицы-де со многими людьми пошли въ Батыевъ мочагъ, а про царя вѣдомости не сказали. Въ томъ урочищѣ атаманъ казанъ Ѳедоръ Павловъ съ товарищи, толмачъ Ѳедоръ Шишковъ, да Данило Шадринскій полонили трехъ царицъ — Тевкелю Гутѣву Мурзину дочь, другую царицу Крымшалкову дочь Куддусову, третію Янгурчееву-жь дочь Ульясавити-Марію, коя, по взятіи, родила сына; царевичеву-жь Ембуматеву жену Мергивину; царевичеву-жь дочь Бамбичеву царевну, и порубили у нихъ многихъ татаръ, а иныхъ живыхъ побрали и тѣ языки сказали, что Янгурчей царь, князи и мурзы, и уланове и всѣ астраханскіе татары пошли узкимъ мочагомъ въ Карбулатову озеру, по которымъ словамъ пошли воеводы вверхъ узкаго мочага на Карбулатъ озеро и, дошедъ ихъ, порубили изъ нихъ многихъ, а Янгурчей царь и съ нимъ немногіе люди ушли, иныхъ же, догнавъ у Бѣлаго озера, многихъ живыхъ побрали и полону русскаго отполонили много. Въ тѣ поры отъ князей, отъ мурзъ и улановъ и отъ всѣхъ астраханскихъ людей пріѣхалъ Ираклитъ князь и билъ челомъ Великому Государю, Его Царскому пресвѣтлому Величеству, чтобъ Царь пожаловалъ ихъ, казнить и рубить не велѣлъ, а велѣлъ бы служить себѣ, Великому Государю и служилому его государеву Дербишь-Алею царю Касимовскому, а они-бъ на то дали правду. Воеводы взяли отъ него Ираклита (и другихъ улусныхъ и черныхъ людей) клятву, чтобъ служить ему, Великому Государю, его Царскому пресвѣтлому Величеству и дѣтямъ его царскимъ и служилому его царскому Дербишь-Алею

нарю Касимовскому, да по всякой годъ давать ему, Великому Государю и его царскимъ дѣтямъ по тысячъ рублей денегъ, да по три рыбы матерья и, собирая имъ тое дань межъ себя самихъ, на всякій годъ посылать къ нему, Великому Государю и къ его царскимъ дѣтямъ со своими послы. А полонъ русскій, что у нихъ ни есть, купленный или взятый, безпохоронно отдать имъ весь, а ловцамъ его, Великаго Государя, ловить рыбу въ Волгѣ рѣкѣ отъ Казани по Астрахань и до моря безъ пошлинъ, не являсь въ Астрахани и не съ ихъ астраханскими ловцами, безъ кривды.

Между тѣмъ Дербишъ-Алей царь, принявъ царство Астраханское, отрядилъ къ Москвѣ къ Великому Государю гонцовъ на его Великаго Государя жалованье, за примство астраханскаго царства билъ челомъ и астраханскіе люди татарове весь отъ себя къ Великому Государю къ Москвѣ гонца-жь отряжали на его Великаго Государя жалованье съ челобитьемъ за то, что ихъ Великій Государь, Его Царское Величество пожаловалъ бы, казнить и развозить ихъ не велѣлъ и, давъ имъ царя, повелѣлъ бы служить себѣ, Великому Государю. А потомъ и воеводы царскіе послали Великому Государю доносъ о взятіи Астрахани и объясняя, что до указа твоего, Великаго Государя, вхать мы не смѣемъ». Разрѣшеніе было получено и въ сентябрѣ мѣсяцъ (7064 г.) войска возвратились въ Москву: — «и Великій Государь Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ воеводъ своихъ царскихъ Юрія Ивановича, сына Пронскаго-Шемякина съ товарищи, такожде и дворянъ, и головъ, и полковниковъ, и дѣтей бояр-

скихъ, и разныхъ людей за ту ихъ службу, что они Астраханское царство взяли и по его Великаго Государя указу въ Астрахани служиваго его Дербишь-Алея царя Касимовскаго посадили и всехъ астраханскихъ татаръ къ ихъ правдѣ и шертѣ привели, жаловаль своимъ царскимъ жалованьемъ».

Такимъ образомъ было взято и покорено царство Астраханское.

Пропускаю здѣсь объ измѣнѣ и изгнаніи Дербиша, о неудачномъ нападеніи турецкаго султана; пропускаю о бѣжавшихъ въ Астрахань Маринѣ Мнишекѣ съ Зарудкимъ; но какъ не пересказать о взятіи Астрахани Стенькой Разинымъ, славнымъ воровъ и морскимъ разбойникомъ, о которомъ мы все слышали еще въ дѣтствѣ, учили кое-что въ исторіи, имя котораго знаетъ, наконецъ, весь народъ. Появился онъ на Волгѣ съ шайкою донскихъ казаковъ около 1665 г., грабилъ и захватывалъ все суда, идущія въ г. Астрахань, перебрался потомъ моремъ къ Гурьеву, разбилъ на-голову посланную изъ Астрахани нарочитую команду стрѣльцовъ, взялъ городъ и произвелъ тамъ страшное кровопролитіе.

Перезимовавъ въ Гурьевѣ, Разинъ отправился весною въ Персію, разорилъ и разграбилъ тамъ многіе прибрежные города и селенія, соединился потомъ съ другимъ разбойникомъ Сержкой Кривымъ, осмѣлился, наконецъ, биться съ самимъ персидскимъ шахомъ и побѣдилъ персіянъ. Русское правительство приняло, наконецъ, болѣе рѣшительныя мѣры. Стольникъ Львовъ посланъ былъ для преслѣдованія Разина и нагналъ его у взморья. Стенька прислалъ повинную и принялъ указъ государевъ, которымъ

призывали его въ отечество съ тѣмъ только, чтобы онъ жилъ смирно; но, привезенный въ Астрахань, бѣжалъ оттуда на Донъ и снова появился на Волгѣ, завладѣлъ въ сторонѣ Царицынской многими калмыцкими и татарскими улусами, осадилъ городъ Царицынъ и, подкупивъ гарнизонъ, состоявшій изъ стрѣльцовъ, вошелъ въ оный и убилъ воеводу Петра Турчаннинова. Государева казна и всѣ государственныя суда сдѣлались его добычею. Для усмиренія Разина прибылъ изъ Москвы Иванъ Лопатинъ съ многочисленнымъ войскомъ изъ стрѣльцовъ, Стенька Разинъ вышелъ къ нему на встрѣчу и такъ его поразилъ, что онъ на сраженіи лишился жизни, а оставшіеся въ живыхъ изъ войска взяты въ полонъ.

Первые принесли эту вѣсть въ Астрахань татары. Прибывшій изъ Чернаго Яра сотникъ Данило Тарлыковъ объявилъ, что и сію крѣпость взяли непріатели и что, при взятіи оной, все дворянство лишилось жизни, исключая только одного князя Симеона Ивановича Львова (вѣроятно, измѣнившаго).

Астрахань приготовилась къ оборонѣ: починили городскія стѣны; астраханскій воевода Прозоровскій, узнавъ объ опасности, въ которой страна находилась, послалъ донесеніе къ царю, однако оно не дошло: посланный съ нимъ Тарлыковъ, вѣхавшій, для безопасности, въ Москву обвѣздомъ, утонулъ въ Терекъ. Между тѣмъ Разинъ приближался къ городу и, остановясь въ восьми верстахъ выше онаго, при Шарскомъ бугрѣ, отправилъ два легкіе струга; на нихъ съѣхали астраханскій священникъ Василій Маленковъ и слуга князя Львова, которые въ нищенскомъ платьѣ пробрались было въ городъ

лазутчиками. но были пойманы и, приведенные къ воеводѣ, сознались ему; слуга подвергнутъ былъ пыткамъ и потомъ повѣшенъ на стѣнѣ въ виду непріятельскихъ струговъ, а попа, заклепавши ему ротъ, отвели въ темницу.

Архіерей установилъ общенародное молебствіе. Прозоровскій съ своей стороны поставилъ на воротахъ вооруженныхъ людей, разставилъ по стѣнамъ пушки, ополчая весь городъ: иностранецъ, мальчикъ, всякъ, кто только могъ держать оружіе, долженъ былъ занимать назначенное ему мѣсто. Обо всѣхъ этихъ распоряженіяхъ Разинъ былъ увѣдомленъ астраханскими переметчиками Андреемъ Лебедевымъ и Самсономъ Курятниковымъ, и такъ какъ въ этомъ году полая вода была чрезвычайно велика, онъ повхалъ сначала въ волжскій проливъ Богда, а оттуда ручейкомъ Черепахой въ Кутумъ, а изъ Кутума въ рѣчку Кривушу. Здѣсь началъ онъ для осады заготовлять лѣстницы. Между тѣмъ архіерей приказалъ въ болото, отдѣляющее городскія стѣны отъ Кривуши, пустить изъ Волги воду; того-жь 19-го іюня двое нищихъ ушли изъ Астрахани къ Разину; онъ подкупилъ ихъ деньгами и они обѣщались во время осады зажечь городъ въ разныхъ мѣстахъ, но, возвратившись, признались въ своемъ замыслѣ и были казнены. Но кромѣ того архіерей и воевода сомнѣвались и въ вѣрности гарнизона; съ этою цѣлью Прозоровскій позвалъ къ себѣ войсковыхъ начальниковъ, совѣтовалъ имъ быть въ повиновеніи и напоминалъ имъ долгъ присяги.

21 числа въ вечеру воевода, съ своими братомъ

и сыномъ, съ головами стрѣльцами Табунцовымъ и Фроловымъ, надѣвши на себя воинское платье и доспѣхи, приказалъ играть на трубахъ и пошелъ въ Вознесенскимъ воротамъ, откуда полагалъ, что Разинъ сдѣлаетъ первоначально свое нападеніе. Онъ еще разъ увѣщевалъ здѣсь войско храбро биться и стараться не допускать непріятеля приближаться въ городу; но съ наступленіемъ ночи, когда разбойники приступили къ городу и приставили для приступа дѣстницы, подозрѣваемая измѣна обнаружилась: разставленные по городскимъ стѣнамъ стрѣльцы не только не отбывали непріятелей, но еще пригласили заранѣе условленнымъ словомъ; пушвари, которые должны были стрѣлять, оставались въ бездѣйствіи; нѣсколько храбрыхъ и вѣрныхъ защитниковъ изъ дворянъ и мѣщанъ были побиты. Самъ воевода Прозоровскій, раненый насквозь копьемъ, отнесенъ своими слугами въ Кремль, въ соборную церковь, куда собралось великое множество астраханскихъ жителей, какъ болѣе безопасное мѣсто, и гдѣ пришедшій архіерей причастилъ св. таинъ умирающаго воеводу.

Съ наступленіемъ дня разбойники овладѣли внѣшними стѣнами и стали осаждать Кремль: ворвавшись черезъ разломанныя Пречистенскія ворота и по невысокой стѣнѣ около магазиновъ въ самую крѣпость, они приступили къ собору. Находившійся здѣсь въ преддверіи пятидесятникъ Фролъ Дура, защищая входъ съ однимъ ножомъ, умертвилъ нѣсколько человекъ непріятелей; однако двери были наконецъ взломаны, и Дура изрубленъ въ куски. Послѣ чего разбойники взяли едва дышащаго Прозоровскаго и,

отнеся на раскатъ, находившійся при преддверіи церковномъ, сбросили его оттуда на землю. Всѣ бывшіе въ церкви мѣщане, головы Табунцовъ и Фроловъ, всѣ дворяне, дьяки за церковью побиты, и когда по приказу Разина отнесены въ Троицкій монастырь, то монахъ, который ихъ погребалъ, насчиталъ шестьсотъ мертвыхъ тѣлъ.

За убійствами слѣдовали грабительства: государственная казна, состоявшая изъ наличныхъ денегъ и куницъ, сдѣлалась первая добычею бунтовщиковъ. Дома Прозоровскаго, дьяковъ, дворянскіе и купеческіе, дворы гилянскіе, индійскіе, бухарскіе были расхищены. Пощады не было никому: самъ Стенька Разинъ ѣздилъ по улицамъ и, если кто ему нечаянно попадался, того приказывалъ колоть, или топить въ водѣ, или вѣшать. Шайка его дѣлала тоже, въ томъ числѣ и стрѣльцы, предавшіе городъ.

13 іюля, Разинъ, будучи пьянъ, послалъ своего эсаула къ архіерею требовать у него старшаго сына Прозоровскаго, и когда тотъ пришелъ, Разинъ спросилъ, куда употребилъ его отецъ пошлѣнныя деньги? Молодой Прозоровскій отвѣчалъ, что онѣ розданы стрѣльцамъ на жалованье. Дьякъ Алексѣевъ подтвердилъ тоже. А когда Стенька спросилъ, гдѣ схоронены пожитки его отца, Прозоровскій отвѣчалъ, что эсаулъ его, Ивашка Хохлачъ, все захватилъ и держитъ у себя. За такіе отвѣты Разинъ велѣлъ связать ему ноги, а дьяку Алексѣеву запустить за ребра крюкъ и такимъ образомъ обоихъ повѣсить на стѣнѣ. Черезъ полчаса Разинъ позвалъ и младшаго сына Прозоровскаго, и велѣлъ его также повѣсить подлѣ брата; хотя оба они по-

томъ были сняты живые, но старшій вскорѣ померъ. Совершивъ сіи злодѣянія, Разинъ пошелъ съ своею шайкою и съ частію астраханскихъ стрѣльцовъ въ Симбирскъ, поручивъ правленіе города Васкѣ Усу и Ѳедкѣ Шелудяку, коихъ онъ сдѣлалъ атаманами.

Во время бывшаго, третьяго числа августа, собранія, называемаго по ихъ *кругомъ*, разбойники сдѣлали новый бунтъ: побили всѣхъ астраханскихъ приказныхъ людей, иныхъ въ домахъ, а иныхъ на улицѣ и, приступая ко двору архіерея Іосифа, требовали, чтобъ скрывавшійся тамъ дьякъ Иванъ Турчаниновъ былъ имъ выданъ; но, не найдя его, ругали самого архіерея поносными словами и укоряли, что онъ держитъ болѣе сторону знатныхъ, а не казаковъ.

Вслѣдъ за тѣмъ мурза Емашедъ Енаевъ привезъ къ архіерею Іосифу государевъ указъ изъ Москвы, коимъ находившіеся въ числѣ измѣнниковъ астраханскіе жители увѣщевались, чтобъ они, оставивъ бунтовскіе замыслы, опять истинному своему Государю покорились. Архіерей написалъ съ указа копію, послалъ оную къ игумену Вознесенскаго монастыря Сильвестру, съ приказаніемъ, чтобъ онъ послушниковъ Андрея Лебедева и Сергѣя Баранова къ себѣ призвалъ и, прочитавъ указъ, отводилъ ихъ отъ измѣны. Лебедевъ, вышедши изъ кельи игумена, прямо пошелъ къ своимъ товарищамъ и сказалъ, что архіерей, вмѣсто царскаго, издалъ свой указъ и намѣренъ всѣхъ заговорщиковъ отдать въ руки, знатымъ. Архіерей же приказалъ въ колокола звонить и велѣлъ, чтобъ всѣ собирались въ

соборную церковь, гдѣ священникъ Ѳедоръ Негодяевъ прочиталъ государевъ указъ и хотѣлъ было вручить его архіерею, но бывшіе тутъ изъ бунтовщиковъ казакъ Иваша Самарянинъ и астраханскіе жители Ѳедюшка Пановъ, Ермолка Власовъ, Ивашко Ярило и др. вырвали у него указъ изъ рукъ и отнесли его къ атаману своему Васькѣ Усу, который, скрывавъ на другой день Негодяева, мучилъ его жесточайшимъ образомъ и спрашивалъ, царскій ли тотъ указъ или архіерейскій былъ? Негодяевъ стоялъ въ одномъ, что архіерей получилъ указъ изъ Москвы, и былъ наконецъ освобожденъ отъ мученій.

Двадцать перваго числа апрѣля стрѣлецъ Гаврила Ларіоновъ, прозываемый Шелудякъ, объявилъ архіерею, что юртовскіе татары вторично изъ Москвы привезли государевъ указъ и стоятъ на другой сторонѣ Волги. Архіерей послалъ къ главнымъ бунтовщикамъ Ивашкѣ Красулину и Абрамкѣ Андрееву, и требовалъ ихъ къ себѣ, приказывая сказать, что онъ имѣетъ съ ними говорить о дѣлахъ крайней важности; но они къ нему не пришли, а пошли на рынокъ. Архіерей, узнавши объ этомъ, самъ пришелъ туда, и объявивъ, что татары привезли отъ Государя указъ и стоятъ на другой сторонѣ Волги, говорилъ, чтобы главные изъ бунтовщиковъ или сами оный взяли, или кого-нибудь отъ себя отправили. Красулинъ съ своими товарищами отвѣчалъ, что онъ не смѣетъ ничего сдѣлать безъ вѣдома главнаго своего атамана, и пошелъ къ Васькѣ Усу, который, получивъ это извѣстіе, пришелъ въ соборную церковь, ругалъ архіерея поносными сло-

вами и грозилъ смертію, если онъ ему не отдасть присланнаго изъ Москвы указа. Архіерей отвѣчалъ, что онъ никакого указа не имѣеть, но только слухъ носится, что оный пришелъ и потому просить, чтобъ его приказано было взять. Ради чего Ивашко Овощниковъ поѣхалъ на западный берегъ Волги, осведомился объ указѣ и, дѣйствительно, найдя его тамъ, принесъ къ архіерею, который поспѣшилъ съ тѣмъ указомъ въ церковь и, распечатавъ оный въ присутствіи бунтовщиковъ, хотѣлъ тотчасъ прочитать, но крамольники, вышедъ изъ церкви, побѣжали въ свой кругъ. Архіерей, слѣдуя за ними, взялъ съ собою значительное число священниковъ и служителей церковныхъ и, придя въ кругъ, приказалъ сперва прочитать указъ, писанный собственно къ бунтовщикамъ, а потомъ другой, который онъ получилъ особливо. Когда оба указа были прочитаны, то, вмѣсто того чтобъ усовѣститься, бунтовщики кричали и говорили, что господа въ государствѣ все, что хотятъ, писать могутъ, но сіе до нихъ не касается. «Еслибы-де читанные указы были государевы, толковали они между собою, то была бы подъ ними красная царская печать, а можетъ-де и самъ архіерей сочинялъ оные».

— Давно уже тебя, архіерей, — продолжали крамольники: — ждетъ раскатъ, гдѣ покончилъ свою жизнь Прозоровскій; мы сожалѣемъ только, что не такіе теперь подошли дни *), а то бы ты узналъ, сколь великое дѣло столь многія казакамъ дѣлать затруд-

*) Была Страстная недѣля. <http://cin.org.pl>

ненія. Отъ тебя и отъ твоихъ выдумокъ рождаются всѣ безпокойства: ты посылалъ письма на Терекъ и на Донъ, и оными сдѣлалъ то, что донскіе и терекскіе казаки отъ насъ отстали.

Архіерей на это, обратившись къ астраханскимъ стрѣльцамъ, сказалъ: «Вамъ надлежитъ сихъ донскихъ разбойниковъ перехватать, наложить на нихъ цѣпи и оковы, и если это сдѣлаете и обратитесь къ своей службѣ, то я васъ обнадеживаю, что получите отъ Государя прощеніе за ваши преступленія.

Стрѣльцы на это отвѣчали: «Кого намъ хватать, мы всѣ разбойники».

Перваго числа мая того жъ года, бунтовщики снова взяли священника Негодяева въ свой кругъ, мучили его безчеловѣчно, вынуждая сказать, что указы сочинялъ самъ архіерей; но онъ стоялъ неизменно за правду и былъ убитъ. Тѣмъ же жестокимъ истязаніямъ обречены были двое знатныхъ дворянъ, жившіе въ домѣ архіерейскомъ, но когда злодѣи увидѣли, что и тутъ ничего не успѣли, то положили наконецъ убить самого архіерея. Одинадцатаго мая, пришло нѣсколько бунтовщиковъ въ церковь и звали святителя въ свой кругъ; онъ обѣщалъ придти, однако прежде того приказалъ звонить въ колокола, что для священниковъ было знакомъ собираться въ соборную церковь. Они облачили его въ архіерейскія одежды, въ коихъ онъ шелъ въ кругъ бунтовщиковъ, и спросилъ: для какой его причины туда призвали? Тогда Васька Усь, обратившись къ казаку Коченовскому, сказалъ: Что-жъ ты стоишь, иень? выдь и скажи, что ты

именемъ главнаго нашего атамана здѣсь сказать имѣешь.

Коченовскій началъ такъ: «Имениемъ Стеньки Разина, нашего предводителя, здѣсь я предстою и тебя, архіерей, спрашиваю: какая тебѣ была причина писать къ братьямъ нашимъ, на Донъ и Терекъ, письма, ибо твои письма сдѣлали то, что донскіе и терекскіе казаки отъ насъ отстали?»

Архіерей на это сказалъ, что онъ ни на Донъ, ни на Терекъ никакихъ писемъ не писалъ, а хотя бы — прибавилъ къ тому — и писалъ, то онъ думаетъ, что тѣмъ никакого злодѣйства не сдѣлалъ, ибо донскіе и терекскіе жители не непріатели, но подданныя одного и того же великаго государя, что совѣтовалъ бы онъ также и имъ постараться заслужить сіе имя: отложивъ свои мятежническіе и разбойническіе замыслы, испрашивать прощенія. Отвѣтъ этотъ ожесточилъ еще болѣе мятежниковъ.

— Такъ зачѣмъ же ты, архіерей, скрываешь свои плутовства и зачѣмъ къ намъ выходишь въ семь одѣяніи? — кричали они и хотѣли съ него снять на- сильно облаченіе.

— Не подобаешь на архіерея возлагать рукъ въ его святительскомъ одѣяніи, — сказалъ одинъ изъ казаковъ, Миронъ, и былъ за то вытасченъ изъ круга и тутъ же изрубленъ на части.

— Снимайте съ архіерея одежды! — кричали бунтовщики священникамъ; но архипастырь, видя къ чему это все клонится, самъ вручилъ крестъ, панагію и митру священникамъ, и сказавъ: «прииде часъ мой, прискорбна душа моя до смерти», приказалъ протоіакону разоблачать себя. Когда все было

готово, злодѣи, вытолкавъ священниковъ изъ круга, потащили святителя въ Кремль на *Зеленый дворъ*. Палачъ Ларька съ злодѣемъ Ветчиной сорвали съ святителя подрясникъ и, оставивъ его въ одной власяницѣ, связали ему руки и ноги и повѣсили на огонь.

Казакъ Сува сталъ допрашивать мученика, не самъ ли онъ сочинялъ указы и не писалъ ли еще писемъ на Терекъ и Донъ, — но никакого отвѣта не получилъ.

Послѣ пытки повели Юсифа на раскатъ.

— Пехъ? — закричали палачи къ народу.

— Пехъ, перепехъ — пехъ! — отвѣчала толпа мятежниковъ, и святитель былъ сброшенъ, и когда онъ упалъ на землю, говорится въ запискахъ семинаріи, въ то время сдѣлался великій стукъ и страхъ, отчего и воры, будучи въ кругу, устрашились и замолчали на долгое время, съ треть часа стояли, повѣся головы и другъ съ другомъ ничего не говорили, яко изумленные. Но когда священники хотѣли собраться къ тѣлу своего архипастыря, то бунтовщики ихъ налками отогнали; однако они на другой день, поливши оное муромъ, погребли въ соборной церкви *).

Всѣ эти бунты и убійства прекращены были бояриномъ Милославскимъ. Самъ Стенька Разинъ былъ разбитъ и пойманъ Долгорукимъ, и привезенъ въ Москву, гдѣ возили его на поруганіе по всему городу, на телегѣ подъ висѣлицей, а потомъ онъ былъ

*) Я видѣлъ въ астраханскомъ соборѣ изорванную власяницу святителя, въ которой онъ былъ мучимъ.

живой четвертованъ и части тѣла его были воткнуты на колья, а внутренности брошены на *снѣденіе псамъ*. При всѣхъ сихъ мученіяхъ Стенька показалъ себя неустрашимымъ. Но братъ его Фролка, вмѣстѣ съ нимъ пойманный и водимый позади телеги, обнаружилъ страхъ и малодушіе; однако ему дарована была жизнь за то, что онъ открылъ, гдѣ хранились спрятанныя сокровища брата.

Таковы нѣкоторыя подробности изъ исторіи города Астрахани. Обращаюсь, впрочемъ, къ настоящему:

Я ѣду по краю Волги; солнце обливаетъ яркимъ свѣтомъ окрестности и, отражаясь отъ бѣло-глянцеваго льда, беспокоитъ глаза; по серединѣ рѣки виденъ цѣлый рядъ треугольной пирамидой поставленныхъ жердей; около нихъ ходятъ, нагибаются по двѣ, по три черноватыя фигуры мужиковъ.

— Это что такое? — спросилъ я извозчика.

— Снасти, рыбу ловятъ, — отвѣчалъ онъ.

По сторонамъ сидятъ тамъ и тамъ какія-то большія птицы, и объ нихъ я спросилъ извозчика.

— Орлята это, — отвѣчалъ онъ.

«Вотъ наконецъ и орлята,» — подумалъ я не безъ удовольствія, и бросилъ въ одного изъ нихъ бусокъ льду. Онъ неторопливо поднялся, взмахнулъ нѣсколько разъ крыльями и потомъ, вытянувъ ихъ въ прямую линію, полетѣлъ; я думалъ, что прямо къ солнцу, однако — нѣтъ: просто въ сторону; за нимъ уцѣпились двѣ вороны и заигрываютъ съ нимъ.

— Вороны, видно, не боятся орловъ, — замѣтилъ я извозчику.

— Да чтожь имъ бояться? — возразилъ онъ.

— А убъетъ, съѣстъ.

— Пошто съѣстъ, онъ и рыбой сытъ.

— Гдѣ же онъ беретъ рыбу: ловить?

— Нѣтъ, на ватагѣ *) подхватываетъ мелочь которую, али внутренность, — вонъ ватага, — поясникъ извощикъ, показывая мнѣ кнутомъ на довольно большіе у берега подмости, на которые кладутъ и потрошатъ пойманную рыбу.

Городъ, между тѣмъ, становился все виднѣй и виднѣй: издали онъ напоминаетъ собой всевозможные приволжскіе города, виды которыхъ почти можно описывать заочно: широкая полоса рѣки, на ней барки съ ихъ мачтами, кидаящійся въ глаза на первомъ планѣ соборъ, съ каменными казенными и купеческими домами; а тамъ сбивчиво мелькаютъ и другія улицы, надъ которыми висятся колокольни съ церквами, каланчи, справа иногда мельницы, а слѣва сады, и наоборотъ. Таковы Ярославль, Кострома, Нижній, такова и Астрахань, но вблизи — другое дѣло. Измученная, едва передвигая ноги, пара лошадей подвезла меня, наконецъ, къ почтовому двору, но надобно еще было переѣхать черезъ Волгу, а это оказалось несовсѣмъ удобно: нельзя ни по льду, потому что ледъ проломится, ни на паромѣ, потому что ледъ, а перевозятъ калмыки на салазкахъ: васъ само по себѣ, человекъ само по себѣ, а вещи само по себѣ. Такъ потащили и меня двое калмыченковъ. Сначала они бѣжали рысью; ледъ,

---

*) Ватагами называются селенія, гдѣ живутъ рыбопромышленники.

между тѣмъ, выгибался на трещинахъ, изъ которыхъ выступала вода; въ сторонѣ, не больше какъ на сажень, была полузамерзшая прорубь, для прохода парома; съ половины рѣки калмыченки что-то болтнули между собой по-своему и пошли шагомъ.

— Что же вы не бѣжите: везите проворнѣе, — сказалъ я.

Они оглянулись на меня и улыбнулись.

— Нѣтъ, баринъ, ничего: тутъ крѣпко, — сказалъ одинъ изъ нихъ совершенно чисто по-русски.

— А у того берега опасно? — спросилъ я.

— Тамъ провалишься, пожалуй, хлибитъ, а тутъ ядреный ледъ, — отвѣчалъ калмыченокъ и опять что-то болтнулъ товарищу.

Но какъ же идутъ обозы? спрашивается. Идутъ и проваливаются, а иногда и тонутъ; на счастье: вывезетъ — такъ ладно, а не вывезетъ — такъ тоже ладно!

Съ калмыцкихъ салазокъ я попалъ по колѣно въ грязь, а изъ грязи взмогился на подѣхавшую за мной почтовую телегу и велѣлъ себя везти въ гостилицу, съ жаднымъ любопытствомъ смотря на всѣхъ и на все. Азіятскій характеръ даетъ себя чувствовать сразу: маленькіе деревянные домишки, по большей части за заборомъ, а который на улицу, такъ съ закрытыми окнами, — закоптѣлые, неуклюжіе, съ черепичными крышами, каменные дома, съ такими же неуклюжими балконами или, скорѣй, цѣлыми галлереями, и непременно на дворъ. Послѣ безлюднаго степнаго пути мнѣ показалось, что я попалъ въ многолюднѣйшій городъ, и то на ярмарку: народъ кишмя кишитъ на улицахъ; и что за разно-

образіе въ костюмахъ: малахай, персидская шапка, армякъ, халать, чуха. Точно послѣ столпотворенія вавилонскаго, отвсюду до васъ долетаютъ звуки разнообразныхъ языковъ, и во всѣхъ словахъ какъ-будто бы такъ и слышится: *рцы*. Пропастъ грязныхъ мелочныхъ лавочекъ, тѣмъ собакъ и все какія-то съ опущенными хвостами и смиренныя; наконецъ, коровы, свиньи и толстоголовые татарскіе мальчишки немного опрятнѣе и красивѣе свиней. Я каждую минуту ждалъ, что кувырнусь, хотя и ѣхалъ шагомъ: мостовой и слѣда нѣтъ, улицы устроены какими-то яминами въ серединѣ, въ которыхъ стоитъ глубокая грязь, и васъ везутъ почти по тротуарамъ.

Въ гостиницѣ, куда меня привезли, отвели мнѣ, какъ водится, сыроватый и темноватый номеръ, съ диваномъ, со столомъ и картинами, которыя на этотъ разъ изображали поучительно-печальную исторію Фауста и Маргариты.

Итакъ, подумалъ я не безъ удовольствія, для меня миновался этотъ степной путь съ его вьюгами, голодомъ и дѣвственной природой, незараженной людскимъ дыханіемъ и неизуродованной ни шоссе, ни желѣзными дорогами.

— Дай мнѣ, братецъ, ѣсть, — сказалъ я провожавшему меня номерщику. Онъ подалъ огромную порцію стерляжьей ухи, свѣжей осетрины и жаренаго фазана, при которомъ мѣсто огурцовъ занимали соленая дыня и виноградъ.

Вотъ съ этой стороны Астрахань красива, — сказалъ я самъ себѣ и заснулъ, какъ можетъ заснуть человекъ, проѣхавшій, въ перекидной повозкѣ, на почтовыхъ двѣ тысячи верстъ.

II.

Т а т а р ы .

Перехожу теперь къ другимъ поселенцамъ Астрахани, къ татарамъ. Гмелинъ, смѣшивая астраханскихъ татаръ съ тмутараканскими, говоритъ, что Астрахань, именуемая будто бы Тмутараванью, стояла не на томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ нынѣшняя, а ниже: «въ осьми верстахъ на западномъ, гористомъ берегу Волги, на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ прежде копали селитру, видны на одномъ бугрѣ оставшіяся развалины стариннаго города, гдѣ еще и по-нынѣ корыстолюбивые люди упражняются къ копаніи, потому что прежде сего старыя, серебряныя и золотыя монеты, кольца, серьги, зарукавья тамъ находили. Мѣсто это называется Шаренымъ бугромъ.» Карамзинъ опровергаетъ это предположеніе, признаваемое, по его выраженію, старыми книжниками. Онъ говоритъ, что издревле существовалъ городъ Козарскій-Амель, именуемый въ нашихъ лѣтописяхъ Астровани, который потомъ былъ владѣніемъ Золотой-Орды и, со времени ея паденія, сдѣлался столицею особенныхъ хановъ, единоплеменниковъ съ ногайскими князьями. Не менѣе того, однако, преданіе о томъ, что Астрахань перенесена съ прежняго мѣста на другое, существуетъ до-нынѣ, и татары до сихъ поръ называютъ ее Аджи-Дарханъ, что значитъ: Мекскій богомолецъ далъ свободу. Къ объясненію сего названія ходитъ такого рода ле-

генда, что нѣкто знатный татаринъ возвратился, во время постройки новаго города, изъ Мекки и, въ изъявленіе своей благодарности къ Богу за благополучно-оконченное путешествіе, одному изъ своихъ рабовъ далъ свободу, и жители строимый городъ свой назвали Аджидарханъ. Въ преданіи этомъ, какъ читатель видитъ, нѣтъ почти человѣческаго смысла, и потому, вѣроятно, для пополненія его сложилось другое, что Дарханъ есть просто прозвище одного изъ хановъ и значитъ: черный. Во всякомъ случаѣ, татары — коренные жители Астраханской губерніи: они ею владѣли, вмѣстѣ съ нею были завоеваны и до сихъ поръ составляютъ одну изъ значительныхъ частей ея населенія. Я самъ теперь живу въ татарской слободѣ, прохожу по бѣдно-обстроеннымъ татарскимъ переулкамъ, перехожу такъ называемый татарскій мостъ чрезъ каналъ, и, съ виду, здѣшніе татары очень похожи на татаръ костромскихъ, казанскихъ, пензенскихъ — только астраханскіе, кажется, покрупнѣе. Въ своихъ сапогахъ и туфляхъ въ родѣ калошъ, въ длинныхъ холстинныхъ рубашкахъ, въ стеганныхъ архалукахъ и халатахъ, въ ермолкахъ на бритыхъ головахъ и, сверхъ того, въ шапкахъ съ мѣховымъ околышемъ, сидя около своихъ маленькихъ и бѣдныхъ лавочекъ, они кажутся какими-то великанами, такъ что, глядя на нихъ, невольно припомнишь фигуру Собакевича и подумаешь, что на отдѣлку этихъ людей природа тоже не употребляла никакихъ мелкихъ инструментовъ, а рубила себѣ съ плеча: хватить разъ, выйдетъ носъ, хватить другой — губы, сверломъ ковырнетъ — глаза, да такъ, не отесавши, и пустить гулять

по Божьему міру, приговаривая: «живеть!» Попадаютъ на улицахъ, вопреки мусульманскимъ нравамъ, и татарки въ накинутыхъ съ головы халатахъ, которые у нихъ замѣняютъ чадру, но которыми онѣ вовсе нестарательно укутываются такъ, что очень хорошо можно разсмотрѣть ихъ широкія скудова-стыя лица, маленькіе, но довольно недурные глаза, наконецъ ихъ бешметъ (въ родѣ капота), узенькіе штаны, сафьянные чулки и туфли безъ задковъ. Таковъ костюмъ нарядной татарки, но ихъ можно встрѣтить и за-просто, особенно изъ калашницъ, когда онѣ перебѣгаютъ изъ своихъ куреней въ лавочку — въ платкѣ на головѣ, повязанномъ двумя концами, а двумя спущенномъ на землю, въ длинной рубахѣ, въ шерстяныхъ чулкахъ и старыхъ башмаченкахъ: ни дать, ни взять наши русскія бабы, когда онѣ лень мнутъ.

О промыслахъ здѣшнихъ татаръ мнѣ удалось говорить съ здѣшнимъ татаринномъ Абубекеромъ Султовичемъ Муратовымъ. Это былъ уже старикъ, прежде зажиточный купецъ, а теиерь обѣднѣвшій, но еще щеголевато, по своему, одѣтый и, въ противоположность своимъ землякамъ, съ довольно тонкими чертами и съ нѣсколько сонными глазами. Меня познакомилъ съ нимъ одинъ изъ моихъ астраханскихъ знакомыхъ К..., который говорилъ совершенно свободно по-татарски и, приведя ко мнѣ Абубекера, взялся быть нашимъ толмачемъ. Послѣ первыхъ привѣтствій, мы усѣлись.

— Скажите мнѣ, почтеннѣйшій, — началъ я съ историческаго вопроса: — какіе здѣсь именно въ Астрахани живутъ татары?

Абубекеръ повернулъ ко мнѣ голову; онъ не совсѣмъ понялъ, что я ему сказалъ. К.... перевелъ ему мой вопросъ.

— А!... — произнесъ Абубекеръ и обратился ко мнѣ:

— Здѣсь настояща житель юртовска татаринъ.

— Юртовска?

— Юртовска, да мала: Астрахань мала; больше прїѣзжій изъ Азіи, теперича бухарска дворъ, агряжанска, гилянска, то прїѣзжій, а не юртовска.

— Гдѣ же юртовцы больше живутъ?

— Юртовска больше деревня живетъ. Теперь Кпрсали, Кизань, Машайнъ *), все юртовска татаринъ.

— А чѣмъ они промышляютъ?

— У Юртовска земля есть, землю пашеть, скоть амѣютъ.

— Скоть?

— Скоть: корова, лошадь, баранъ амѣютъ.... бакчи есть.

— Что такое бакча?

Абубекеръ сначала не понялъ моего вопроса. К.... перевелъ ему. Абубекеръ улыбнулся моему незнанію, — что такое бакча.

— Бакча: дыня съеть, арбузъ, агурецъ, рѣдка, лукъ, — вотъ бакча! — отвѣчалъ онъ.

— А гилянскіе, бухарскіе, прїѣзжіе татары, тѣ чѣмъ промышляютъ: вѣроятно, торгуютъ? — спросилъ я.

*) Татарскія деревни въ окрестностяхъ Астрахани.

К... опять долженъ былъ перевести мои слова. Абубекеръ махнулъ рукой.

— Э! — проговорилъ онъ: — прежде было; прежде торговалъ онъ, а нынче бѣдна сталъ. Прежде у глянска, агряжанска двора заводъ билъ, фабрикъ билъ.

— Какія именно фабрики?

— Твуть; бумажна, шелкова матерія твуть, а женщинъ бумага прялъ, — хлѣбъ и билъ! сафьянъ тоже дѣлалъ; а нынче годъ пятнадцать все въ упадокъ стала.

— Отъ чего же это?

— Верхъ, въ Москвѣ стала дѣлать, — отвѣчалъ Абубекеръ.

— Они тоже вотъ, — вмѣшался К..., — какъ фабрики у нихъ поупали, на судохозяйство кинулись, суда завели, туть и остальное порѣшили!

— Развѣ это невыгодно? — спросилъ я.

— Не то, что невыгодно, — отвѣчалъ К...: — а рискованно, тоже надо умѣючи браться. Фарватеръ волжскій сами изволите знать, до моря еще три мели, да и тамъ еще есть, а море наше тоже не тихое. Они, татары, народъ необразованный, скупой. Нѣтъ, чтобы нанять лодмана опытнаго, а ладятъ такъ, чтобы изъ своего же брата — иодешевле. О вартахъ и понятія не имѣютъ; пдетъ — какъ Богъ пронесетъ, на память. Товары приходятъ съ Нижняго осенью, въ мелководье: хорошо, какъ моряна, съ мсря вѣтеръ дуетъ, а то, смотришь, и сѣлъ на мель. И гдѣ бы теперь пароходомъ стащить, такъ денегъ жалко и зазимумютъ, а къ веснѣ, глядишь, посудину и срѣжетъ льдомъ.

— Неужели все судно срѣжетъ?

— Все; по которое мѣсто стоитъ въ водѣ, такъ-какъ острымъ ножомъ и отхватить. У льда сила большая: вонъ у него у самого три, коли не четыре судна погнбло,—заклучилъ К...., указывая на Абубекера, и спросилъ его потомъ что-то по-татарски.

— Три, — отвѣчалъ Абубекеръ лаконически и вздохнулъ.

— Чѣмъ же промышляютъ, кормятся здѣшніе городскіе татары? — спросилъ я.

К.... растолковалъ по-татарски мой вопросъ.

— Э, — произнесъ Абубекеръ и опять махнулъ рукою: — такъ бѣдна: извощикъ возить, музоромъ ходить.

— Что такое музоръ? — спросилъ я.

— Бурлакъ, по здѣшнему, — пояснилъ К....

— Вечерній базаръ ходить, — продолжалъ Абубекеръ, грустно покачивая головою: — такъ, на рукахъ мерлушка, старый тулупъ продаетъ, такъ малость!

— Ну, а кумысные лавочки, противъ бульвару, это татарскія?

— Такъ, такъ, есть.

— А здѣсь, въ слободѣ лавочки?

— Есть, есть, — подтвердилъ Абубекеръ. — Все пустое дѣло, — продолжалъ онъ: — пудикъ купить, фунтъ продаетъ свой же братъ татаринъ; плитка калмыцкой чай купить, рѣжетъ кусочикъ и продаетъ — пустое дѣло; бѣдна здѣсь татаринъ!

— А какіе же это татары, калашники, чурейниви, или, вотъ, которые харчевни содержатъ на косѣ? — спрашивалъ я.

— Чурейника? — повторилъ мой вопросъ Абубекеръ, и потомъ, подумавъ, продолжалъ:—чурейника, калашника, харчевня держить, малайка, бабайка живетъ, «*стара желъза*» ходить, все теперь съ верха татаринъ.

— Верховой?

— Верховой: Саратовъ, Пенза, Казань. Плуть съ верха татаринъ, такъ шатающій; онъ плуть, а бабка, дѣвка — сторону: ми астраханска татаринъ лучше, добра, честна!

Изъ этой маленькой сцены читатель видитъ, что нѣкогда воинственные обладатели около Каспія, а потомъ торговцы и заводчики, въ настоящее время составляютъ послѣ калмыковъ ужь конечно самый бѣдный и чернорабочій классъ изъ всѣхъ поселенцевъ Астрахани. При всемъ филантропическомъ желаніи поправить ихъ житье-бытье, врядъ ли это возможно: зло лежитъ въ самой натурѣ азіятца. Нигдѣ, можетъ быть, не сходятся такъ близко два міра: азіятскій и европейскій, какъ въ Астрахани, и нигдѣ такъ ясно и такъ наглядно не поймете въ грѣчины, почему сѣверъ одолѣлъ востокъ и, современемъ, долженъ его совершенно поглотить. Лѣнивый умомъ, фатализмъ по религіи, неспособный къ какому бы то ни было улучшенію, къ выдержкѣ конкуренціи, съ отсутствіемъ даже практическаго задора, татаринъ здѣшній представляетъ собою нравственнаго рака и можетъ пятиться только назадъ. Всѣ его заботы направлены къ тому, чтобы жить, какъ жилъ его отецъ, прадѣдъ, а если и этого нѣтъ, такъ бьется изъ-за куска хлѣба. Чтобы опредѣлить степень довольства простолюдина, надобно принимать

въ расчетъ не то, какъ онъ одѣтъ, а то, какъ онъ ѣсть. Въ Астрахани въ этомъ отношеніи, кажется, довольство: рыба нипочемъ, скотоводство большое, птицу выводить привольно и тепло; между тѣмъ большая часть татаръ муку покупаютъ фунтиками, и круглый годъ сыты калачемъ съ калмыцкимъ чаемъ, и только развѣ у зажиточныхъ найдете вы баранину въ лапшѣ, пирогъ и съ пловомъ, а кобылятина и жеребятина — эта услада татарскихъ желудковъ, составляетъ уже роскошь и дозволяется только на свадьбахъ.

Спустя нѣсколько времени послѣ разговора съ Абубекеромъ, я поѣхалъ къ нему въ Царево, которое составляетъ предметіе Астрахани и напоминаетъ собой наши уѣздные городки, нѣкогда бойко промышлявшіе, а нынѣ обѣднѣвшіе. Видно, что оно нѣкогда было хорошо обстроено, съ нѣкоторыми даже претензіями на роскошь и азіятскій комфортъ; но теперь все это обветшало: нѣкоторые дома даже покачивались на сторону, крыши на нихъ покрылись травой и плѣсенью, заборы полуразвалились. У каждаго почти дома есть прирубное крылечко, разделяющее все строеніе на двѣ половины, изъ которыхъ въ одной помѣщается, обыкновенно, мужская и вмѣстѣ пріемная комната, убранство которой состоитъ изъ широкихъ, низкихъ наръ, покрытыхъ коврами или просто чакалами (цыновками изъ тростника). На нарахъ этихъ, обыкновенно, ставятся брачная кровать и сундуки съ платьемъ, а по стѣнамъ идутъ полки, уставленные чашками. Въ другой половинѣ — женскія комнаты; какъ онѣ убраны, — я не знаю: входъ постороннему туда недоступенъ. Домъ

Абубекера и по наружности, и по внутреннему убранству, былъ лучшей. Усѣвшисъ на нарахъ, мы повели съ нимъ бесѣду, которую я склонилъ на многоженство.

— Есть ли у васъ гаремы? — спросилъ я.

— Есть, — отвѣчалъ Абубекеръ утвердительно.

— А помногу ли женъ бываетъ?

— Одинъ, — произнесъ пресерьезно Абубекеръ.

— Какъ одинъ? — воскликнулъ я.

— Одинъ, два есть, — прибавилъ онъ.

— А по три?

— По три, не знаю! По три нѣтъ.

— Отъ чего же такъ мало? — спросилъ я.

— Э! — отвѣчалъ Абубекеръ: — много женъ, много деньга нада: калымъ платить, баба кормить, комнать ей держать, дѣтка родится — э! Здѣсь татаринъ бѣдна, одинъ баба есть и будетъ.

— А какъ у васъ женятся, расскажи мнѣ, пожалуйста, поподробнѣе, — спросилъ я ужь встати.

К... перевелъ мое желаніе.

Абубекеръ улыбнулся.

— Можно, — отвѣчалъ онъ и, уперши руки въ колѣна, продолжалъ: — по началу, сударь, т. е. у кого я желаю дѣвку взять для сына, посылаю поштенна женщина.

— Сваху?

— Да, свахъ, туда... дѣвка сторона. Ну, свахъ говоритъ ее мачкѣ, такъ и такъ, говоритъ, такой-то человекъ желаетъ ваша дѣвка для сына.

— Потомъ?

— Потомъ, сударь, мачка ея мужъ свой гово-

рить; тотъ, значить, ладно, соглашается. Черезъ два-ли, три-ли дня мужчинъ, говоритъ, пошлите.

— Сватовъ, значить?

— Свата, ширинъ, говоритъ, еще принесите.

— Что такое ширинъ?

— Сладка, леденецъ полпудъ, финикъ сладка.

— Потомъ?

— Потомъ мужчинъ этихъ шлютъ два!.. Поштенна жѣнщинъ — старухъ тоже два, ширинъ чтобъ несъ, сладка эта, туда, дѣвка сторона.

— Это сговоры, что ли?

— Сговоръ. Невѣста сторона теперь, значить, своей сродственникъ зоветъ; такъ и такъ, говоритъ, такой-то человекъ наша дѣвка для сына просить. Угощаетъ теперь ширинъ этотъ — сладка. Два мужчинъ теперь халать дарятъ.

— Сватамъ?

— Сватамъ — халать.

— А старухи эти, свахи, гдѣ же?

— А тамъ, у мачки, у жѣнщинъ сидятъ. У насъ мужчина съ жѣнщинъ нельзя быть.

— Потомъ?

— Потомъ мужчинъ домой идутъ, а жѣнщинъ — старухъ эта, давай, говоритъ, о калымѣ говорить.

— О калымѣ?

— Да, — отвѣчалъ Абубекеръ, и потомъ, подумавъ, прибавилъ: — все, что ли, сказывать?

— Конечно все, подробно.

— А! — произнесъ Абубекеръ и потомъ опять подумалъ и присовокупилъ: — калымъ, судырь, разный бываетъ.

— Ты Расскажи мнѣ средній, не очень бога-

тый и не очень бѣдный, а какой у васъ чаще бываетъ.

К... принужденъ былъ съ четверть часа толковать Абубекеру, чего я желалъ.

— Слышу, — сказалъ наконецъ Абубекеръ, уразумѣвъ въ чемъ дѣло, и потомъ, посчитавъ что-то по пальцамъ, обратился ко мнѣ: — Калымъ теперь, говорить, я возьму четыреста рублей деньгами, десять или пятнадцать баранъ возьму, сорочинская пшена сколько, одинъ быкъ, кобыла, два-ли, три-ли кулъ муки, пудъ, того — меду, четыре головы сахаръ, татарскій чай, четыре доски, какъ его это — сорокъ девятокъ чюрековъ.

— Порядочно наберется.

— Порядочно, многа деньга надо, сродственникъ тоже помогаетъ, кто одежда, кто деньгамъ помогаютъ.

— А невѣсть?

— Тоже дарятъ сродственникъ зеркаль, мыла, чашка, разная эдакая вещи.

— А правда ли, что у васъ, какъ сговорятся, такъ женихъ тайкомъ ходитъ къ невѣстѣ и даже ночи просиживаетъ у нея, и чтобъ чего не вышло, такъ ихъ стерегутъ старухи, а онъ имъ денегъ даетъ, такъ онѣ и не очень строго смотрятъ?

К... слово въ слово перевелъ, что я говорилъ. — Абубекеръ, выслушавъ, отрицательно покачалъ головой.

— Какъ можно! Грѣхъ эта и стыдно, верхъ татаринъ есть это, а здѣсь нѣтъ: грѣхъ, стыдно! — произнесъ онъ, какъ подобаетъ истому и благочестивому мусульманину, со всею искренностию и сми-

реніемъ, хотъ и говорилъ неправду, потому что я изъ вѣрныхъ источниковъ знаю, что обычай этотъ существуетъ и между астраханцами.

— Что же послѣ сговоръ бываетъ? — спросилъ я.

— Послѣ сговоръ, — продолжалъ Абубекеръ: — ка-лымъ бачка жениховъ съ родственникъ везетъ туда...

— Къ невѣстѣ?

— Да. Невѣстииъ бачка въ воротахъ ихъ стрѣ-чаешь, деньгамъ сыплеть, мѣдныхъ нищимъ, тутъ, у воротъ, видаешь.

— Потомъ?

— Потомъ ведетъ въ горницу, угощаетъ; парню бачкѣ бачка дѣвкинъ халатъ дарить.

— А дѣвка что же дѣлаетъ?

— Дѣвка около себя рядить.

— Рядить?

— Да, рубашки, штаны, бешметъ.

— Ну, потомъ, значитъ, свадьба?

— Свадьба. Бачка дѣвкинъ эта вещи, одежду, посуду, кровать, везетъ ту сторону.

— Къ жениху?

— Къ жениху. Тамъ стрѣчаютъ ихъ, деньгами сыплютъ.

— Такъ же, какъ и тамъ, у невѣсты?

— Такъ же, и теперича женихъ съ родственникъ туда, дѣвка сторона, идетъ. Тамъ попъ-мулла сидитъ, спрашиваетъ: желаешь ли, говорить, на такой-то дѣвкѣ жениться и кому за себя волю уго-воръ дѣлать даешь, спрашиваетъ. Такому-то, гово-рять, и жениться желаю...

— А невѣста гдѣ же? — спросилъ я.

— Тамъ, у себя, горница, — отвѣчалъ Абубе-

керъ:— къ ней маэзинъ съ двумя свидѣтель, значить, шлютъ: спрашиваетъ ее, охотой ли идетъ за такого-то человѣка и кому волю даетъ уговоръ дѣлать? Охотой, говоритъ, такому-то волю даю.

— Для чего жь эти повѣренные? Что они дѣлаютъ? — спросилъ я.

— Говорятъ! — отвѣчалъ Абубекеръ: — теперь женихъ давалъ волю тебѣ, а мнѣ дѣвка, теперь мы оба сторона и говоримъ: я дѣвка сторона говорю, чтобъ безвинно не бить, безъ хлѣба не оставлять, еще на другой безъ воли ея не жениться. Ну, ты жениховъ сторона, говоришь, ладно. Мулла книгу метрическу пишетъ, Богу молятся.

Побесѣдовавъ такимъ образомъ, я началъ прощаться съ Абубекеромъ.

— Извини, угощенья нѣтъ, — сказалъ онъ, протягивая ко мнѣ руку: — скоро праздникъ будетъ, милости просимъ гости къ намъ.

— Бейрамъ? — сказалъ я.

— Бейрамъ. Просимъ покорно.

— Непремѣнно, непременно, — отвѣчалъ я, очень довольный этимъ приглашеніемъ.

Бейраму, какъ извѣстно, предшествуетъ мѣсяцъ поста — Рамазанъ. Начитавшись и наслушавшись, какъ правовѣрные проводятъ этотъ мѣсяцъ въ Константинополѣ, я думалъ и здѣсь встрѣтить что-нибудь подобное, но положительно ничего не замѣтилъ, кромѣ развѣ того, что татарскія лица, особенно у стариковъ, вѣроятно отъ голода, дѣлались еще сердитѣе, и что въ мечети собиралось болѣе народа, а при закатѣ солнца по всѣмъ переулкамъ раздавался страшный крикъ мальчишекъ, которыми

тоже даютъ ѣсть только вечеромъ. Неудовлетворенный всѣмъ этимъ, я сталъ спрашивать, какимъ образомъ правовѣрные проводятъ ночи, и на всѣ вопросы получилъ одинъ отвѣтъ, что — очень обыкновенно: придетъ изъ лавочки или съ работы домой, съѣстъ все, что только подъ руку ему попадется, и потомъ ляжетъ спать, а нѣкоторые даже будто-бы проводятъ и ночь въ молитвѣ и богомыслии. Погуливаютъ и вознаграждаютъ себя за дневное воздержаніе больше изъ молодого поколѣнія и пришельцы съ-верху, и тѣ не дома, а гдѣ-нибудь въ кабакѣ, или въ харчевнѣ. Въ нынѣшнемъ году бейрамъ долженъ былъ наступить 24 мая. Наканунѣ этого дня я нарочно пошелъ ходить около мечетей. Духовенство и толпа народа стояли на ихъ крыльцахъ. Дальnozоркія очи муллъ были устремлены на небо, но солнце сѣло и луны не видали. Напрасно я толковалъ, что они просмотрѣли и что по ихъ календарю бейрамъ назначенъ завтрашній день, мнѣ не повѣрили и только на другой день усмотрѣли ожидаемое свѣтило. Мальчишки закричали благимъ матомъ; муллы и народъ пошли въ мечети, а я за ними. Духовенство и вся толпа, вошедши въ храмъ и снявъ туфли, усѣлись на корточкахъ и погрузились въ богомысліе. Старшій мулла зачиталъ потомъ нараспѣвъ, беря себя новременамъ за уши, чтò, кажется, означаетъ изощреніе слуха, складывалъ руки наподобіе раскрытой книги и гладилъ рукой бороду, знаменуя тѣмъ благодарность къ Богу. Народъ за нимъ повторялъ то же самое.

Поутру, въ день самаго бейрама, молебствіе должно было совершаться въ стени, куда собира-

ются, обыкновенно, всѣ астраханскіе, царевскіе, юртовскіе татары и все ихъ духовенство. Степь въ это время представляетъ довольно живописную и оживленную картину. Почти вся она, сколько можно окинуть глазомъ, покрыта сидящимъ на корточкахъ народомъ въ разноцвѣтныхъ халатахъ и рубахахъ. Надъ всѣми ими возвышается *Ахунъ* *), стоящій на возвышеніи и произносящій молитвословіе, а около группируются бѣлыя чалмы, болѣе, кажется, двухъ сотъ. Сначала я думалъ, что все это духовныя особы, такъ какъ бѣлая чалма есть принадлежность этого сана, но впослѣдствіи узналъ, что между астраханскими правовѣрными дѣло это совершается проще: бѣлую чалму носятъ не только духовныя лица, но и тѣ, у которыхъ, напримѣръ, былъ дѣдушка, отецъ, или прадѣдъ въ духовенствѣ и даже наконецъ тотъ, кто умѣетъ читать и писать, потому что это значитъ—онъ ученый. Послѣ чтенія молитвъ, Ахунъ сошелъ съ своего возвышенія, народъ поднялся и сталъ подходить къ нему съ поздравленіемъ, кладя при этомъ случаѣ довольно ловко ему въ руки деньги, и затѣмъ вся церемонія кончилась. Бѣдная религія, подумалъ я, и по содержанию, и по формѣ.

Празднованіе бейрама происходитъ у народа ровно цѣлую недѣлю. Я рассчитывалъ видѣть ихъ увеселенія, посмотрѣть на скачки, на борьбу, на пляску, услышать татарскія пѣсни и ровно ничего не видалъ; духовенство, въ продолженіе цѣлаго дня, хо-

---

*) Что-то въ родѣ нашего архіерея.

дило изъ дома въ домъ, и почти въ каждомъ, не предаваясь суетному пустословію, поглощало огромное количество кумысу, сладкихъ пирожковъ и баранины, а вечеромъ наполнялись кабаки татарами. На четвертый день праздника улицы нѣсколько оживились, потому что пошли другъ къ другу гостить женщины.

Теперь, конечно, запоютъ, ожидалъ я; — но увы! и тутъ сколько ни заглядывалъ въ дома, сколько ни прислушивался, вездѣ слышенъ одинъ только говоръ, скорѣе похожій на брань, чѣмъ на пѣніе. Но вотъ—изъ одного дома долетѣли до мена звуки, какъ мнѣ показалось, зурны. Я съ радостію пошелъ туда и съ ужасомъ увидѣлъ въ рукахъ молодой татарки нашу гармонику. Больше того ничего не было: хоть-бы пѣсня одна была пропѣта, хоть-бы пьяный какой-нибудь татаринъ проплясалъ какъ-нибудь по своему.

Миръ праху твоему, отжившій свое время народъ! сказалъ я. Историческое значеніе твое было случайное! Поддерживать и беречь твою народность все равно теперь, что нагрѣвать мертвый трупъ!

III.

Астраханскіе армяне.

Становится тепло. Волга прошла. Грязь на улицахъ подсохла; но, странное дѣло, хоть-бы повѣяло, дохнуло весной! На нашемъ ртутномъ сѣверѣ,

даже въ туманномъ Петербургѣ, еще поколѣнный снѣгъ лежитъ, а вы уже вдыхаете въ грудь что-то животворное, чувствуете запахъ почекъ, появляются проталинки, и сейчасъ же зазеленѣютъ; а здѣсь тепло, сыровато и вѣтренно. Передъ моими окнами цѣлая степь, снѣгу на ней, кажется, и не бывало во всю зиму, а между тѣмъ—хоть-бы одна зеленая травка показалась. Такъ идутъ дни за днями. Наступило и лѣто, а съ нимъ и жары, о которыхъ чтобъ имѣть понятіе, надобно вообразить себѣ самый жаркій нашъ іюльскій день, и то въ жаркій годъ, и растянуть этотъ день на два, на три мѣсяца, а къ этому еще прибавьте удушливый вѣтеръ, пропитанный тончайшею, солончаковою пылью, которая залѣпляетъ вамъ глаза, проникаетъ въ закрытыя окна, сундуки, комоды. Повременамъ, какъ-бы для разнообразія, залетаетъ саранча и носится надъ городомъ, какъ туча, а вечеромъ, привлекаемая свѣтомъ, щелкается въ ваши окна. Кромѣ того, въ нынѣшнемъ году, съ притокомъ верховой воды, Волга затопила пол-Астрахани, а въ августѣ появилась и холера. Вотъ вамъ всѣ прелести здѣшняго южнаго климата!

Больной, изнуренный жаромъ, истомленный скукою и одиночествомъ, брожу я по непригляднымъ астраханскимъ улицамъ, и весь городъ, съ его людомъ, какъ бы въ туманной картинѣ, начинаетъ, послѣ перваго смутнаго впечатлѣнія, ясенѣе и ясенѣе выступать передъ моимъ умственнымъ окомъ. Народу ужъ, мнѣ вкажется, акъ-то меньше, хотя въ то же время уличная жизнь здѣсь развита болѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Улицы великорусскихъ городовъ, сравнительно

съ астраханскими—пустыни. Тамъ купецъ, мастеровой, мѣщанинъ выходитъ изъ дома только за дѣломъ, но здѣсь татаринъ сидитъ, безъ всякой надобности и даже ни слова не говоря, у лавочки знакомаго татарина; сидятъ муллы и муэззины на крыльцахъ мечетей; армяне и персіяне ходятъ около канала и толпятся на мостахъ. По утрамъ народъ стекается на съѣстной базаръ, отличающійся отъ прочихъ базаровъ этого рода въ другихъ городахъ развѣ тѣмъ, что носитъ татарское названіе *Исады* и на немъ можно купить почти мѣрную стерлядь за четвертакъ, фунтъ осетрины за 5 коп. сер., фунтъ винограда за 3, а дыню и арбузъ за 2 коп. Послѣ полудня онъ замѣняется вечернимъ базаромъ, который представляетъ что-то въ родѣ нашего толкучаго рынка и расположенъ внутри гостинаго двора. Еще у входа въ ворота вы уже видите толпу народа, и тутъ же сидятъ бабы-торговки съ пареными грушами, айвамп, солеными дынями, арбузами, огурцами, маленькими яблочками. Идете во внутрь, и тотчасъ попадаете какъ бы въ корридоръ между кое-какъ построенными лавчонками; вонъ, въ одной изъ нихъ, вы видите калиновые чубуки, листовой табакъ, кожаные кошелки, мячики, кремь, трутъ и тому подобную дрянъ. Вонъ, перепачканный съ ногъ до головы въ муку татаринъ рѣжетъ ножемъ пшеничный хлѣбъ; влѣво идетъ переулочекъ съ ситцевыми товарами, и двѣ русскія бабы покупаютъ платокъ; вправо лавка съ топорами, гвоздями, пплами, далѣ лотки съ орѣхами, финиками, арбузными сѣмечками и надъ всѣмъ этимъ господствуетъ

всевозможныхъ сортовъ *кишмишъ* *)), и тутъ же что-то зеленое плаваетъ въ кадкѣ. Спрашиваю, что это такое? Говорятъ: персидскіе капорцы! Попробовалъ и выплюнулъ. Посреди всего этого толкается, бормочетъ, перекликается, перебрашивается толпа народу, такъ что едва пробраться можно. На каждомъ шагу у васъ передъ глазами: сапоги, связки кренделей, баранокъ, сбитень, старое платье. Проходитъ полицейскій солдатъ съ палочкой, торгуетъ ужъ съ полчаса башмачки для дѣтей чиновница въ шляпкѣ. Не смотря на всю эту разнохарактерность, вы очень хорошо поймете, что покупаетъ разный народъ: солдатъ, калмыкъ, татаринъ, русскій мужикъ; но продаетъ по большей части армянинъ. То же самое васъ встрѣтитъ и на главной здѣшней улицѣ, на которую выходитъ гостиный дворъ. Проходя по ней, вы какъ-будто бы идете по армянскому городу: проѣдутъ развѣ два, три морскихъ офицера, пройдетъ торопливо на службу русскій чиновникъ, да сидятъ у своихъ лавокъ нѣсколько персіянъ съ выразительными, но истощенными фізіономіями, въ высокихъ шапкахъ, франтоватыхъ чухахъ, съ крашеными руками и ногтями, а остальные — все армяне: армянинъ торгуетъ, армянинъ идетъ, ѣдетъ, толкуетъ съ своимъ братомъ на перекресткѣ. Словомъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ русскихъ купцовъ и персіянъ, вся астраханская торговля и, по преимуществу, торговля болѣе вѣрная и менѣе рискованная, вся въ рукахъ армянъ. Явле-

---

*) Сушеный виноградъ.

ніе, конечно, неслучайное, и заключается въ самомъ духѣ и нравственномъ складѣ армянъ, но какъ и когда появились они въ Астрахани — татарскомъ городѣ, завоеванномъ русскими? Вопросъ, на который не такъ-то легко отвѣтить. Гмелинъ просто-душно и голословно объясняетъ, что армяне болѣе ста лѣтъ поселились въ русской области и что будто бы они, для перваго своего обитанія, выбрали Казань, а въ Астрахань пришли только тѣ, которые послѣ морозаго повѣтрія тамъ остались, и что довольные астраханскимъ климатомъ, виномъ и садами, обхожденіемъ русскаго начальства, а паче вызовомъ Петра Великаго, стали перезывать въ Астрахань своихъ земляковъ *великое* множество. У Шопена, изыскателя историческихъ памятниковъ объ армянской области, собственно объ астраханскихъ армянахъ ничего нѣтъ. Карамзинъ говоритъ, что Мамай, горя местию на великаго князя Дмитрія Донскаго, велъ подъ знаменами своими татаръ, половцевъ и армянъ. Въ исторіи Тавріи митрополита Богуша сказано, что татары, завоевавъ Арменію въ 1262 году, перевели многихъ жителей для поселенія въ нынѣшнюю казанскую и астраханскую губерніи. Рыбушкинъ въ своихъ запискахъ объ Астрахани замѣчаетъ, что въ 1619 году торговые люди изъ армянъ, персіянъ и индійцевъ проложили себѣ дорогу въ Астрахань, черезъ Моздокъ и степи около Терека, и что постоянное водвореніе ихъ относится въ царствованію Алексѣя Михайловича. Изъ всѣхъ этихъ краткихъ и отрывочныхъ свѣдѣній можно вывести только одно заключеніе, что поселеніе армянъ въ Астрахани происходило не вдругъ, а

постепенно, и что они, подобно жидамъ, занимавшимъ мало-по-малу всё приморскіе и торговые пункты въ Европѣ, дѣлали то же самое въ Азіи, и съ этою цѣлію стали селиться и въ Астрахани. По крайней мѣрѣ, изъ всѣхъ просьбъ, договоровъ и льготныхъ грамотъ видно, что причина и цѣль поселенія, какъ со стороны армянъ, такъ и со стороны нашего правительства, была чисто-торговая: царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ разрѣшено было армянамъ производить съ Россією торговлю сырцовымъ шелкомъ, вывозимымъ изъ Персіи, и верблюжьей шерстью, съ обѣщаніемъ пособія изъ ратныхъ людей при перевозкѣ товаровъ. Съ распространеніемъ этой торговли, въ 1673 году, образовалась такъ называемая Джилфинская компанія, успѣхи которой побудили Императора Петра, въ 1701 г., даровать ей новыя льготы, съ условіемъ вывозить изъ Персіи весь шелкъ. Владѣя нашею восточною торговлею, армяне не ограничились этимъ и захватили собственно торговлю и въ Астрахани, такъ что русскіе купцы жаловались. «Армяне, писали они, съ давняго времени живутъ въ Астрахани слободами, имѣютъ свои дома, виноградные сады и заводы; кромѣ того, торгуя перекупными товарами, не несутъ никакихъ повинностей, почему неужгодно ли будетъ запретить имъ имѣть въ Астрахани сады и огороды. Если же кто изъ нихъ пожелаетъ симъ пользоваться, то, наравнѣ съ россиянами, исполнялъ бы всѣ повинности». По этой просьбѣ, въ 1723 г., указомъ сената воспрещено было армянамъ перекупать товары, а заводы и лавки приказано было продать русскимъ купцамъ; но распоряженіе это

впоследствии отмѣнено, и въ 1774 году были изданы для астраханскихъ армянъ особыя правила, которыми дозволялся имъ свободный проѣздъ для торговли въ Россію, съ правомъ возвращаться и оставаться въ Астрахани на временное жительство, но не на вѣчное (секретнымъ предписаніемъ, впрочемъ, разрѣшенъ пріемъ и на вѣчное подданство). Не велѣно подвергать ихъ гильдейскому сбору и вмѣнено только въ обязанность магистрату взывать съ нихъ за товаръ пошлину; дозволено селиться за поземельныя деньги слободами, и дома ихъ освобождены отъ постоя; дозволялось устраивать фабрики, заводы, безъ всякой, въ льготные годы, пошлины.

Для производства между армянами суда и расправы, въ 1765 г., учрежденъ былъ особый судъ, который судилъ не по законамъ, а по преданіямъ и обычаямъ, а потому въ 1839 г. онъ былъ упраздненъ и дѣла переданы въ общія полицейскія и судебныя мѣста. Въ 1793 году произведена была первая перепись армянамъ, и они обложены городскою повинностью, которая состояла въ назначеніи десятскихъ и въ содержаніи военныхъ постовъ. То и другое армяне отбываютъ деньгами. Такова внѣшняя, гражданская сторона быта этого народа; но у него еще есть другая — народность; армяне пришли и живутъ у насъ съ своей религіей, языкомъ, одеждою, обычаями и, наконецъ, со своимъ армянскимъ характеромъ.

По религіи всѣ почти астраханскіе армяне грегоріанскаго вѣроисповѣданія (армянъ-католиковъ мнѣе ста человекъ). Въ Астрахани они имѣютъ пять церквей: соборъ, во имя Успенія, Петровъ погостъ,

святаго Григорія и, наконецъ, кладбище. Время, съ котораго я начинаю мое описаніе, была сплошная недѣля, которой нѣтъ у грегорианцевъ и которые, напротивъ, содержатъ въ это время постъ, называемый *арачаворкъ* (предуготовительный). О происхожденіи этого поста армянскій архіепископъ Нерцесъ говоритъ, что когда св. Григорій изведенъ былъ изъ ямы, въ которой нѣсколько времени содержался, и армянскій царь Тпридать, наказанный отъ Бога обращеніемъ въ образъ свинной, и всѣ вельможи его и войско, одержимые злымъ духомъ, прибѣгли къ нему, тогда св. Григорій воспретилъ всѣмъ имъ, по примѣру ижевитянъ, вкушать въ продолженіе пяти дней пищу, и всѣ получили исцѣленіе и приняли христіанство, а св. учитель, въ воспоминаніе сего, установилъ постъ.

Чтобы видѣть ихъ богослуженіе, я пошелъ въ соборъ. У воротъ церковной ограды встрѣтился мнѣ молодой человекъ, какъ бы въ родѣ нашего монастырскаго послушника, въ черномъ подрясникѣ и клобукѣ. Я спросилъ, можно ли войти въ церковь.

— Можно, — отвѣчалъ онъ.

Я пошелъ. Передо мной входилъ старый армянинъ. При входѣ въ церковь, онъ поцѣловалъ висѣвшее на правомъ косякѣ распятіе. Я сдѣлалъ тоже и вошелъ за нимъ. На первый взглядъ внутренность церкви похожа на нашу: тѣже своды, опирающіеся на столбы, на которыхъ расположены иконы, живописныя и въ окладахъ, тѣ же паникадила, лампадки, и только, вмѣсто царскихъ дверей, задергивается одна только занавѣсъ съ изображеніемъ святыхъ и, кажется, окаяная. Въ служеніи

участвуетъ много лицъ: во-первыхъ, на клиросахъ молодые люди (дьячки), какъ и наши, въ стихаряхъ, потомъ два старые священника, одинъ въ влобукъ другой въ камилавкѣ, и въ черныхъ, какъ бы монашескихъ маитіяхъ, схваченныхъ у шеи серебряными пряжками. Совершающіе собственно литургію — священникъ и диаконъ, были въ облаченіи, очень похожемъ на православное, и только на священникѣ архіерейская митра и нѣтъ эпитрахили. Служба началась ударомъ въ небольшой колоколъ, который виситъ въ самой церкви, послѣ сего на клиросѣ зачитали, запѣли, сначала одинъ голосъ, потомъ другой, третій, человекъ шесть, безъ всякаго соглашенія въ тонахъ и, вдобавокъ, еще въ носъ. Говорятъ, что это старинное греческое пѣніе, но врядъ ли это такъ: греки все-таки были народъ эстетическій!

Церковь, между тѣмъ, болѣе и болѣе наполнялась народомъ: мужчины становятся впереди, а женщины позади. Посреди всей молящейся толпы, мнѣ, по преимуществу, бросились въ глаза бѣлыя женскія фигуры, которыя подходили къ образамъ, ставили свѣчки и отходили. Я догадался, что это женщины въ чадрахъ, и думалъ, что подъ ними скрываются болѣе скромныя красавицы. Загнулъ на одну, чадра нѣсколько раскрылась, и выставился длинный носъ и морщеватое лицо старухи. Послѣ я узналъ, что чадры носятъ изъ армянокъ только старыя и самыя безобразныя женщины. Въ продолженіе всей обѣдни, продолжавшейся около трехъ часовъ, благочиніе соблюдалось въ строгой степени: всѣ стояли въ благоговѣніи, крестились, какъ и мы, только не съ

праваго плеча на лѣвое, а наоборотъ; никто не проговорилъ другъ съ другомъ ни слова, не улыбнулся и не вышелъ изъ храма ранѣе конца службы.

Изъ другихъ церковныхъ обрядовъ, между армянами, кажется, многое измѣнилось и утратило свою церемонную торжественность и вообще дѣлается не такъ, какъ дѣлалось прежде и какъ дѣлалось въ Азіи. По крайней мѣрѣ, про старинныя армянскія свадьбы, Гмелинъ, видѣвшій ихъ въ Персіи, рассказываетъ цѣлыя дивы-дивныя: — онъ говоритъ, что женихъ, вечеромъ, въ сопровожденіи своихъ гостей, идетъ въ домъ къ посаженому отцу. Имъ предшествуютъ двое армянскихъ пѣвцовъ, за которыми слѣдуетъ армянинъ, несущій на головѣ большую четверугольную тарелку, на которой стоятъ двѣ бутылки съ водкой, а третья съ розовой водой. Около бутылокъ расположены разные плоды и закуски; края тарелки уставлены нѣсколькими зажженными свѣчами. Всѣ гости также держатъ въ рукахъ зажженные восковыя свѣчи. Женихъ съ шаферомъ идетъ посреди ихъ. Когда вся эта свита подойдетъ къ двору посаженаго отца, одинъ изъ гостей беретъ бутылку съ розовой водой и кропитъ всѣхъ, входящихъ въ домъ. Женихъ входитъ послѣдній, и всѣ остаются здѣсь около получаса, поютъ, пьютъ, а потомъ, вмѣстѣ съ посаженнымъ отцомъ, отправляются къ жениху въ домъ, гдѣ выходятъ имъ на встрѣчу нѣсколько человѣкъ армянъ, съ восковымъ деревомъ. Жениху, шаферу и посаженому отцу изъявляется почтеніе; они, съ своей стороны, отвѣчаютъ тѣмъ же, и общество входитъ въ палатку, освѣщенную нефтью. Здѣсь опять му-

зыванты играютъ, повзжәне поють, пьютъ, стрѣляютъ изъ ружей. Затѣмъ слѣдуетъ ужинъ, для котораго накрываютъ полъ коврами; края блюды съ кушаньями облѣпляются зажженными восковыми свѣчами. Первое, нѣсколько возвышенное надъ поломъ, мѣсто занимаетъ женихъ; передъ нимъ ставятся большая тарелка съ водкой и розовой водой, и восковое дерево, съ двумя восковыми большими свѣчами по бокамъ. У ногъ жениха кладется сабля. По правую его сторону садится посаженный отецъ, а по лѣвую — дружка. Послѣ ужина является армянинъ, съ плошкою на головѣ, въ которой находится мазь *кхна* (хина); сначала онъ произноситъ какія-то слова, послѣ которыхъ гости начинаютъ пѣть и бить въ ладоши, а онъ пляшетъ съ плошкою на головѣ, принимая ртомъ даваемые ему деньги. Вслѣдъ затѣмъ другой армянинъ вноситъ жаровню съ горящими угольями. Женихъ, отецъ посаженный и шаферъ мажутъ себѣ *кхной* всѣ руки и обсушиваютъ ихъ надъ жаровней, а прочіе гости мажутъ только ногти и обмываютъ ихъ водою. Приходитъ потомъ отецъ невесты и объявляетъ, что дочь его готова идти въ церковь. Тогда всѣ встаютъ, берутъ съ собою тарелку и восковое дерево и отправляются въ домъ невесты. Сначала, на открытомъ воздухѣ поють, пьютъ, входятъ потомъ въ домъ, и приготовленную тамъ, въ переднемъ углу, такую же тарелку отодвигаютъ прочь, а на мѣсто ея ставятъ принесенную съ собой. Священникъ благословляетъ новобрачныхъ молитвою и повязываетъ жениху на шею тонкую нитку, концы которой крѣпко связываетъ, въ знакъ воздержанія отъ плотскаго

свокупленія, а потомъ ведетъ новобрачныхъ въ церковь, гдѣ читаетъ имъ молитвы, водить кругомъ, даетъ пить обоимъ вино, и все сіе оканчивается обѣднею. По прошествіи трехъ дней, священникъ развязываетъ у жениха нитку, и супруги вступаютъ въ свои права. Напрасно я думалъ встрѣтить что-нибудь подобное въ свадьбахъ нынѣшнихъ астраханскихъ армянъ: они сватаются и вѣнчаются совершенно по нашему, и изъ всѣхъ старыхъ обычаевъ сохранился только обрядъ повязыванія на шею новобрачнымъ снурка, къ которому прикладывается еще, сверхъ того, церковная печать. Къ вечеру, послѣ вѣчанія, собираются обыкновенно къ молодой, такъ называемыя, сестры, составляющія ей стражу, для храненія отъ мужа; онѣ выбираютъ изъ родственницъ или знакомыхъ дѣвицъ. На третій вечеръ, при появленіи священника для снятія печати и разрѣшенія молодымъ брачнаго сожитія, дѣвицы эти сейчасъ оставляютъ домъ новобрачныхъ. Прежде, говорятъ, бывали здѣсь парадныя стоворы, на которыхъ выставлялась сахарная голова, украшенная лентами и знаменующая сладость невѣсты для жениха, но въ послѣднее время вывелся и этотъ обычай.

О похоронахъ, какъ и о свадьбѣ, тоже нечего много сказать, кромѣ развѣ того, что покойника окутываютъ въ саванъ не сверхъ одежды, а подъ платьемъ. Трауръ армянъ состоитъ въ томъ, что женщины голову повязываютъ лечекомъ и косынной изъ бѣлаго коленкора. Печаль свою женщины выражаютъ тѣмъ, что воютъ, причитаютъ, бьютъ

себя въ грудь и вырываютъ у себя волосы, для чего косы обыкновенно распускаются.

Въ одеждѣ армяне утратили еще болѣе свой національный характеръ. Старинный костюмъ ихъ состоялъ у мужчинъ — изъ бараньей шапки съ суконной верхушкой, изъ архалука, сверхъ котораго надѣтый кафтанъ (*чуха*), со стоячимъ и наискось срѣзаннымъ воротникомъ, застегивался съ половины груди до пояса, и наконецъ шальвары, отпущенные въ сапоги. Женщины носили на головѣ покрывало (*лечекъ*), которое обкладывало все лицо, закрывало верхнюю часть груди и спускалось сзади широкими концами. Сверхъ лечека, повязывалась широкою лентою темнаго цвѣта косынка (*якмухъ*). При этомъ головномъ уборѣ надѣвалась рубашка изъ канауса, воротъ которой обкладывался бархатомъ, вышивался жемчугомъ или бисеромъ, и назывался *грехаромъ*, а по-русски горлышкомъ; потомъ носились штаны и маленькіе на высокихъ каблучкахъ, безъ задковъ, туфли (*машикъ*). Платье было въ родѣ распашнаго капота, съ узкими, у кисти разрѣзанными рукавами, которые имѣли откладные обшлага и застегивались пуговицами, и наконецъ, сверхъ всего, надѣвалась *чадра*. Но ничего этого не увидите вы нынче: не болѣе трехъ или четырехъ мужчинъ, и то стариковъ, встрѣтилъ я въ архалукахъ; изъ женщинъ, нѣкоторыя носятъ старинные головные уборы и старинныя украшенія при праздничной одеждѣ, а именно: *узунчи*, состоящія изъ плетеныхъ квадратиками жемчужныхъ нитокъ съ золотыми по краямъ подвѣсами и надѣвающіяся около горла; сверхъ этой плетеницы навлаживается

еще другое украшеніе *сирсила*, состоящее изъ драгоцѣнныхъ каменьевъ, и наконецъ *жиджилъ* — золотыя полноцѣсныя цѣпи въ два, въ три и въ четыре ряда, съ прицѣпленными посредниѣ медальонами, на которыхъ изображаются, по большей части, женскіи лица, но и только. Остальное же все — шляпки, чепцы, салоны, пальто и шинели. Въ одной мѣстной сатирической на нравы армянскіе поэмѣ, подъ названіемъ «Гаспарка», пользующейся въ Астрахани большою популярностію, самъ герой Гаспаръ такъмъ образомъ описываетъ свой костюмъ:

Вотъ я новиму пальто,
Дриковому брюку,
Мимо всѣхъ армянъ иду
На карманамъ руку.

Модній шляпку пуховой
На високъ надѣлса;
И перчаткамъ пейковой,
И часамъ одѣлса.

Галстукъ съ бантику большой,
Кружеву манжетку;
И булавку золотой,
Бархатній жилетку.

Съ бронзовой балдашнику
Палкамъ взялъ подъ мишку;
Съ деньгами бумажнику,
И съ сигаркамъ книжку.

На високу каблучкомъ
Сапоги со сверинкомъ;
Усавъ черному кручкомъ,
На лице улыбомъ,

А вотъ и нарядъ его невѣсты на стоворахъ, по его же словамъ:

Много барышень пришла,
 Всѣ такой хорошій;
 Только Оксинька была
 Самій всѣхъ пригожій.

Краснымъ платьемъ, бахремою
 Тулеву обшиту,
 И цѣпочкахъ золотой,
 И кудрямъ завиту.

Кажній палець три кольца,
 Алмазій съ брилльянтомъ;
 Ишо ей купилъ отца
 Мантилья съ грамантомъ.

Кто хоть немного знаетъ астраханскихъ армянъ, тотъ пойметъ, какъ это вѣрно, и по языку, и по описанію. Такъ они говорятъ по-русски, такъ и одѣваются!

Страсть пофрантить и бросить пыль въ глаза наружною обстановкою — живетъ въ каждомъ армянинѣ, богатомъ и бѣдномъ. Въ какой бы странѣ ни жили, среди какого народа ни вращались бы армяне, они не узнаютъ хорошенько языка того народа, не усвоятъ себѣ ни наукъ, ни искусствъ его, но непременно схватятся за виѣшнюю, лакированную сторону и переймутъ ее: въ Персіи они считаютъ обязанностію рисоваться въ чухѣ, въ высокой шапкѣ и ходить въ сопровожденіи пяти-шести слугъ; въ Турціи — ѣздить на богатоубранной лошади, а въ Астрахани вождедѣнной мечтою для cadaго бѣднаго армянина служитъ пальто съ иголочки, и

наконецъ, какъ высшій предѣлъ человѣческаго могущества, пролетка съ рысакомъ и карета. Надобно видѣть самодовольное выраженіе армянскихъ физиономій, когда они ѣдутъ, разваливъ въ своихъ собственныхъ экипажахъ, чтобы понять ту безконечность и искренность наслажденія, которую испытываютъ они въ эти минуты.

Являясь, такимъ образомъ, на улицѣ, на гуляньяхъ, въ церкви, одѣтые какъ европейцы, армяне въ своей домашней жизни представляютъ какую-то смѣсь нашихъ обычаевъ и своихъ азійскихъ. Загляните въ большую часть ихъ домовъ, большихъ и малыхъ, и вы вездѣ почти увидите въ переднихъ комнатахъ зеркала, диваны, кресла, хотя въ то же время сзади непременно найдется *нарная*, гдѣ хозяева спдятъ, спятъ и ѣдятъ,—и ѣдятъ ужь совершенно по своему: на первомъ планѣ, конечно, кабавъ всевозможныхъ сортовъ: шишъ-кабавъ ¹⁾, моли-кабавъ ²⁾ и казанъ-кабавъ ³⁾. Впрочемъ, для описанія армянскихъ блюдъ, выпишу лучше опять нѣсколько строкъ изъ той же поэмы «Гаспарка», гдѣ онъ рассказываетъ про закуску, приготовленную въ домѣ у его невѣсты:

Вотъ здѣсь закуску полную:
Кини, цимлянскъ, мадеръ,
Арахъ, все въ волю вольную
Пей сколько твоя мѣрь.

¹⁾ Кусками жареная баранина на шишлагѣ (вертелѣ).

²⁾ Мелкая, рубленая баранина, и жареная тоже на шишлагѣ.

³⁾ Баранина, жареная въ котлѣ.

Панжарь ¹⁾, шпанахъ ²⁾ и куреча ³⁾,
 Солоній всѣмъ травамъ:
 Инжиръ ⁴⁾, фисташку, шаптала ⁵⁾
 Петрушкѣ ⁶⁾, копрушкѣ ⁷⁾, яйцамъ.

Бадерпапа ⁸⁾, суджухъ ⁹⁾ и сыръ,
 Долма ¹⁰⁾, рибу-кутумъ,
 Стерлядвямъ, курицу, паниръ ¹¹⁾
 Съ циленкомъ пловъ съ изюмъ.

Варенъ-маренъ, канфеть-манфеть ¹²⁾
 Все, что хочешь, все есть:
 Алва ¹³⁾, кабаву, весь буфеть
 Армянскимъ видимъ здѣсь.

Калачъ-малачъ, кишмиша-мишмишъ ¹⁴⁾
 Хроваусъ ¹⁵⁾ и диня есть.
 Ну что глядишь, ну что хочишь
 Все, не конфузясъ, съѣшь.

¹⁾ Ароматическая трава, употребляемая въ пищу.

²⁾ Шпинатъ.

³⁾ Сушеные абрикосы.

⁴⁾ Винная ягода.

⁵⁾ Сушеные персики.

⁶⁾ Петрушка.

⁷⁾ Укропъ.

⁸⁾ Сунъ изъ баранины и разныхъ сушеныхъ травъ.

⁹⁾ Сосиски, начиненныя большимъ количествомъ чесноку.

¹⁰⁾ Баранина, приготовленная въ выдолбленной тыквѣ.

¹¹⁾ Армянскій сыръ.

¹²⁾ Варенъ-маренъ, конфеть-манфеть, соотвѣтствуетъ нашему варенье не варенье, конфеты не конфеты, т. е. всякія варенья, всякія конфеты.

¹³⁾ Пирожки изъ орѣховъ и миндалю на меду.

¹⁴⁾ Калачъ не калачъ.

¹⁵⁾ Тоже, что и кабавъ.

Закуска, какъ видите, разнообразная, хотя и довольно расчетливая: все свое, домашнее, недорогое!

Къ числу болѣе характерныхъ особенностей должны быть отнесены удовольствія и развлечения армянъ: про зимнiя говорить нечего, въ нихъ уже вкралось европейское: играютъ въ карты, барышни брячатъ на фортепьянахъ, танцуютъ съ молодыми людьми польки, вальсы; но другое дѣло лѣтомъ: май мѣсяцъ самый блаженный для потомковъ Гаи. Появилась травка, половодье еще не наступило, дни свѣтлые, ясные; но солнце не палитъ, и въ всюду, тамъ и сямъ въ окрестностяхъ Астрахани, увидите цѣлыя группы сидящихъ на коврѣ армянъ. Это дѣлаютъ они, по ихъ выраженiю, кейфъ, хотя ихъ кейфъ вовсе не похожъ на усладительное, молчаливое ничего-недѣланiе мусульманъ. Эти загородныя поѣздки совершаются въ такомъ порядкѣ: собирается нѣсколько человѣкъ знакомыхъ армянъ, берутъ съ собой закуску, по большей части изъ соленыхъ травъ, водки, боченокъ безсмѣннаго кини, кабавщика ¹⁾, и ѣдутъ въ какому-нибудь мѣсту, гдѣ непременно должно быть хоть чахлое талое деревцо п рѣчка. Везетъ ихъ лошадь, хозяйственно содержащая на счетъ всей компанiи, но — при всемъ томъ — увы! конь этотъ не отличается ни силой, ни быстротой, такъ что нерѣдко на полу-пути останавливается: компанiя приходитъ въ безпокойство и начинаетъ понукать его къ дальнѣйшей дѣятель-

---

¹⁾ Армянинъ, промышляющiй приготовленiемъ кабава.

ности. Кто бьетъ возжами, кто машетъ платкомъ, а болѣе благоразумные просто начинаютъ подгалкивать тележку сзади. Для управленія пирушкой выбирается *тамада* (начальникъ), которому должны всѣ повиноваться, а его обязанность угощать компанію, наблюдая строго очередь и не забывая никого. Приѣхавъ на мѣсто, разстилаютъ коверъ, ставятъ на него привезенныя снадобья, и всѣ садятся въ кружокъ. Кабавщикъ между тѣмъ выкапываетъ невидаль яму, разводитъ въ ней огонь и начинаетъ готовить кабавы: шишь-кабавъ еще ничего, я его пробовалъ, довольно вкусенъ, хотя и отзывается дымомъ, но моли-кабавъ ужасенъ по своему приготовленію, по крайней-мѣрѣ тотъ, который я видѣлъ: представьте себѣ закоптѣлаго кабавщика, который грязными руками, помочивъ ихъ сначала въ водѣ, беретъ рубленую баранину, обкладываетъ ею пашлыкъ, нажимаетъ еще нѣсколько разъ тѣми же руками, какъ бы желая сообщить ей болѣе грязи, и потомъ жаритъ почти на золѣ. Въ это время тамада исполняетъ неукоснительно свою обязанность и, почти не переставая, повторяетъ очередь. Пирующие совершаютъ при этомъ что-то въ родѣ чоканья.

— Алла верды (Богъ далъ), — говоритъ армянинъ, подходя къ другому.

— Якши-ѣлъ (подобный путь), — отвѣчаетъ тотъ и непремѣнно выпиваетъ. При этомъ часто изъясняются различныя желанія: — одинъ говоритъ на примѣръ:

— Дай Богъ, чтобы несчастныхъ дней не было

въ нашей жизни, и протекла бы она такъ, какъ проводимъ мы этотъ день.

— Дай Богъ, дай Богъ, чтобы конецъ нашей жизни былъ счастливый, — отвѣчаетъ другой.

— Боже, сохрани наше царство, надолго, навсегда, — произноситъ съ умиленіемъ третій: — и чтобы одинъ нашъ воинъ побѣдилъ десятки враговъ, а десятокъ уложилъ сотню.

— Боже! — восклицаетъ иной: — не приведи быть намъ завоеванными, и дай Богъ успѣха мореходцамъ и всѣмъ странствующимъ.

Когда очередь повторится еще три, четыре раза, сердца окончательно умиляются: армяне, какъ и хохлы, подгулявъ, впадаютъ сначала въ пріятную меланхолю. Кто начинаетъ вспоминать о своей мивувшей молодости, о своихъ утратахъ, о томъ, какъ, двадцать лѣтъ назадъ, онъ проторговался было совсѣмъ; — но, послѣ кабаку и кини — одушевленіе возрастаетъ еще до бѣльшихъ размѣровъ: компанія начинаетъ пѣть, и пѣть самымъ плачевнымъ тономъ. Одинъ изъ нихъ произноситъ слова и поетъ какъ-бы соло, а прочіе повторяютъ одинъ мотивъ безъ словъ, составляя что-то въ родѣ аккомпанемента. Я спросилъ одного знакомаго мнѣ молодаго армянина, зачѣмъ пѣвцы такъ громко кричать, какъ будто-бы поютъ для глухихъ?

— Мы поемъ по-персидски, — отвѣчалъ онъ: — и солисть долженъ имѣть сильный голосъ, чтобы могли его слышать въ дальнемъ разстояніи.

— Зачѣмъ же въ дальнемъ? — спросилъ я.

— Персидскій манеръ, — отвѣчалъ армянинъ: — тамъ мужчина никогда и нигдѣ не можетъ встрѣ-

чаться съ незнакомою ему женщиной, или дѣвицей, но чрезъ пѣніе онъ объясняется съ ними въ любви и тѣмъ достигаетъ нерѣдко своей цѣли. Въ Персіи, упражняющіеся на этомъ поприщѣ выигрываютъ много и, плѣняя своимъ пѣніемъ женщинъ, сключаютъ ихъ къ себѣ.

Мнѣ передали потомъ одну изъ этихъ персидскихъ пѣсенъ, и вотъ ея переводъ:

«Говоришь, терни! Какъ же мнѣ терпѣть:

Ужель я камень! Помоги моей грусти.

Ты совершенно уничтожила мою жизнь.

Эта боль трудна!

Не дѣлай мнѣ столько мукъ, о, ты,

Безмилосердый предметъ любви моей!

Изъ безцѣнныхъ сокровищъ твоихъ,

О букетъ, вновь расцвѣтшій, пожертвуй хоть малое.»

И такъ далѣе: постоянныя обращенія къ жестокой, которая по словамъ поэта: «то гремитъ, какъ громъ, то несется тучей, то меркнетъ и дождитъ по каплѣ», и ко всему этому она, какъ выражается поэтъ, возымѣла привычку «прохаживаться съ инымъ, а его сдѣлала отъ себя чуждымъ». «Жалкій Адамъ-Абзаръ, — заключаетъ любострастный страдалецъ, уже самъ себѣ: — жалкій! Какъ люди могутъ знать твои горести!» Лѣтъ десять тому назадъ, были между армянами импровизаторы, слагавшіе цѣлыя поэмы, повѣсти, — впрочемъ, не изъ астраханскихъ армянъ, а пріѣзжіе изъ Тифлиса Герасимъ и Никита, оба слѣпцы. Вообще, какъ мнѣ сказывали, ремесломъ этимъ занимаются слѣпорожденные, которые, посвятивъ себя на служеніе Іоанну Крестителю,

нѣсколько лѣтъ живутъ въ монастырѣ имени этого святаго, и получаютъ здѣсь свой даръ.

Кромѣ персидскихъ пѣсень, армяне, на своихъ загородныхъ пирушкахъ, поютъ и русскія, передѣлывая ихъ на свой ладъ и языкъ. Такъ, напри-
мѣръ:

«На угламъ дѣвку стоитъ
Самъ онъ плачетъ, говоритъ:
Какая я безчастнiя!
Какая безталанiя!

Сговорился мою мать
Мнѣ за барину отдать.
Ниду, ниду, мамину,
Ниду я за барину.

Уйду, уйду, маминку,
Уйду за торбанчину;
А онъ будить мнѣ играть,
А я буду перпѣвать.»

Пѣнiе часто сопровождается музыкой, которую тоже составляютъ нанятые армяне-музыканты, и которые, какъ и пѣвцы, попреимуществу, стараются о томъ, чтобы какъ можно громче выходило. Играютъ они по большей части самоучкой и часто даже совсѣмъ не знаютъ нотъ, хотя и тщательно скрываютъ это и держатъ обыкновенно для виду передъ собой партитуры.

— Вы играете эти ноты? — спросилъ одинъ господинъ на вечерѣ музыканта-армянина.

— Эти, — отвѣчалъ тотъ утвердительно.

— А что вы играете?

— Польку. <http://rcin.org.pl>

— А тутъ написано вальсъ, — замѣтилъ господинъ, указывая на ноты.

Музыкантъ сконфузился и потомъ произнесъ умоляющимъ голосомъ:

— Не сказывайте другимъ господамъ, прошу васъ...

Вотъ все, что удалось мнѣ самому подмѣтить, отъ другихъ слышать, и наконецъ прочесть, объ этомъ полу-азіатскомъ, полу-европейскомъ народѣ, но здѣсь нельзя не прибавить еще о наружности и о нравственномъ складѣ армянъ, какъ чертахъ, которыя болѣе ярко, чѣмъ одежда и обычаи, отличаютъ ихъ отъ народовъ другой націи. Кто не знаетъ, что всѣ почти армяне брюнеты и имѣютъ довольно правильныя черты лица, бритыя бороды и усы, у большей части красивые черные глаза, въ выраженіи всѣхъ почти лицъ найдете присутствіе ума, сдержанныхъ страстей, но ни въ одномъ почти нѣтъ того, что вы особенно любите встрѣчать въ лицѣ человѣка, этой свѣтлой стороны его души, этого, если можно такъ выразиться, нравственнаго джентльменства: ума болѣе возвышеннаго и тонкаго манящей къ себѣ доброты и разлитой въ подвижныхъ чертахъ фантазіи. Въ безвлажныхъ черныхъ глазахъ армянъ, и даже армянокъ, такъ и проглядываетъ сухая, мелкая практичность, взглядъ ихъ какъ-будто бы говоритъ вамъ: мы умѣемъ считать деньги, играть въ карты, сводить торговые обороты, писать дѣловыя бумаги, въ насъ живетъ чувственность и мы любимъ землю, но небо и звѣзды, высокіе помыслы, мечты и чувства — это не наше, этого мы не знаемъ. Какъ результатъ этой практи-

ческой закваски, преобладающей въ каждомъ армянинѣ надъ всѣми другими душевными способностями, существуетъ такого рода фактъ, что между ними нѣтъ ни кутиль, ни мотовъ, ни нищихъ, хотя, въ то же время, армянинъ далеко не трудолюбивъ до поту лица: но онъ только расчетливъ, какъ десять аккуратнѣйшихъ и скупыхъ нѣмцевъ. Приобрѣтя деньгу, онъ никогда не истратитъ всего, что у него есть, но изъ послѣдняго рубля что-нибудь да оставитъ. Даже чиновники, изъ армянъ, не употребляютъ всего жалованья на расходъ, пока не сдѣлаютъ какого-нибудь оборота и не приобрѣтутъ процентовъ. Многіе изъ нихъ нажили капиталы, вовсе не торгуя, а отдавая деньги въ ростъ, и носятъ обыкновенно названіе «интересановъ». Круглый бѣднякъ, изъ армянъ, не возьмется за черную и трудную работу, а всегда съумѣетъ заработать себѣ хлѣбъ и повыгоднѣе, и полегче: пойдетъ въ услуженіе, сдѣлается музыкантомъ, кабавщикомъ, заведетъ цирюльню, кое съ чѣмъ лавчонку, въ которой, кажется, и товару не болѣе, какъ на двадцать рублей серебромъ, а между тѣмъ — хозяинъ вышиваетъ каждый день приличное количество чихирю, ѣстъ по праздникамъ кабавъ, жена у него пьетъ кофе, выйдетъ на гулянье въ шелковомъ платьѣ. Для домашняго обихода нанятъ *малайка*, молодой татарченокъ, который прислуживаетъ, водится съ дѣтками, моетъ и полощетъ бѣлье, иногда въ домѣ есть и *балайка* — старый татаринъ, что-то въ родѣ нашего дворника; на какіе доходы все эго дѣлается, — непзвѣстно! Если армянинъ теряетъ свое состояніе, то онъ больше всего боится показаться бѣднымъ; онъ не продастъ

ни лошади, ни дома, будетъ одѣвать жену какъ нельзя пышнѣе, хотя въ домашней жизни ограничится однимъ чуреконъ, съ калмыцкимъ чаемъ и водой, вмѣсто завѣтнаго кини, пока не придумаетъ средствъ, которыя снова поправятъ его обстоятельства.

IV.

К а л м ы ц ы.

Въ пору юности моей, я, часто глядя на карту, представлялъ себѣ Саратовъ рубежемъ нашего обыкновеннаго, человѣческаго міра, съ пошлыми уѣздными городками, бѣдными деревнюшками и скучною столбовою дорогою; а тамъ, дальше, мнѣ казалось, идетъ раздолье и приволье, среди котораго кочуютъ дикія и воинственные племена; табуны ихъ гуляютъ на тучныхъ пастбищахъ въ пожелтой травѣ; они сами, бодрые и необгонимые наѣздники, гарпуютъ на рьяныхъ коняхъ около своихъ кибитокъ, въ которыхъ изъ-подъ кошмы выглядываютъ ихъ смуглыя и черноокія жены, съ курчавыми мальчишками; нѣсколько стариковъ, усѣвшись въ густой травѣ и вдыхая теплый и благорастворенный воздухъ, пьютъ прохладительный кумысъ. Въ густыхъ камышахъ шевелятся кабаны, или проносятся вдали преслѣдуемое охотниками стадо дикихъ козъ. Теперь я самъ уже нѣсколько дней въ этихъ степяхъ и, Боже мой! хоть бы на миллионную долю дѣйствительность походила на мое представление. Эти плодоносныя степи,

начинаясь съ Каспійскаго моря и простираясь далѣе, представляютъ солончаковые бугры, на которыхъ, мѣстами, нѣтъ совсѣмъ никакой зелени; а если гдѣ и есть, такъ лучше бы и не смотрѣть на нее: тощая, сухая, красноватая и, по пословицѣ, трава травинку кличетъ... вмѣсто привольныхъ водъ, за исключеніемъ Волги и Кумы, текутъ рѣченки: Сарпа, Егорлышъ, Манышъ и другія, съ солоноватой и горьковатой водой, которую пить даже невозможно. Все это нѣсколько оживаетъ по берегамъ Волги и Кумы и къ границамъ Саратовской губерніи и земли Войска Донскаго, но и то, ей-богу, не лучше какого-нибудь нашего сѣвернаго около-рѣчнаго покоса. Благораствореннѣйшій воздухъ въ продолженіе года проходитъ вверхъ и внизъ по Реомюру до 40 градусовъ, а потому врядъ ли можетъ назваться здоровымъ. Про лѣсъ и говорить нечего: растутъ одни негодные даже на топливо тальникъ и ветла, и то надобно проѣхать десятки верстъ, чтобы попалось на глаза нѣсколько деревцевъ. Ни кабановъ, ни сайгачьихъ стадъ я не видалъ, но говорятъ, что они есть, и даже съ прибавкою барсуковъ, чекаловъ, лисицъ и огромнаго количества зайцевъ. Птицъ много и степныхъ, и водяныхъ: фазаны, дрохвы, крахали, лебеди, дикіе гуси, и вездѣ почти попадающіеся бакланы, бабы, мартышки, чайки и цапли.

Посреди такого рода бѣдной обстановки природы живетъ и кочуетъ цѣлый народъ, привязанный къ своему быту, малознающій и не желающій другой жизни, — народъ этотъ калмыки. Монголы, по происхожденію, изъ союза четырехъ родовъ (Дербень-Ойратовъ), отдѣлившіеся отъ своихъ соплеменниковъ

и названные за то клетами, а по-татарски *калмакъ* (отпавшими). Первоначально они раздѣлялись на четыре племени, изъ коихъ *хошоты* (храбрые) удержались около Тибета; *зюнгарты* лѣвое крыло) кочевали въ степи, называемой Зюнгарскою; *дербеты* (правое крыло) прикочевали сначала къ Уралу, потомъ перешли его, и подходили даже къ Дону; наконецъ *торгоуты* (великаны), которые, вслѣдствіе вражды съ хошоутами и зюнгарскими калмыками, откочевали подъ предводительствомъ Харлюка, въ числѣ 50 тысячъ кибитокъ, къ рѣкѣ Волгѣ. Несмотря на разъединеніе этихъ племенъ, политическія связи не были между ними совершенно нарушены: въ 1640 году монгольскіе князья, калмыцкіе ханы и знатные нойены съѣзжались около Уральскихъ горъ на общее совѣщаніе, на которомъ составлено было уложеніе, имѣющее силу до сихъ поръ въ калмыцкомъ судѣ. Въ уложеніи этомъ постановлено: чинить строгое наказаніе (не смертную однако казнь) за разбой, убійство, воровство, грабительство, безчестіе духовныхъ лицъ, за непочтеніе къ родителямъ, учителямъ, кто не пуститъ къ себѣ проѣзжаго ночевать, причинитъ пожаръ и насиліе женщинѣ, а кто только поцѣлуетъ чужую жену нахально, тому публично давать оплеуху; кто струситъ непріятеля, у того отбирать все военные доспѣхи и налагать пеню; но кто окажетъ храбрость и защититъ отъ удара непріятеля своего собрата, того награждать конемъ и оружіемъ. Кто же спасетъ на войнѣ жизнь своему владѣльцу, тотъ дѣлается *дарханомъ* (вольноотпущеннымъ) и награждается лучшими военными доспѣхами. Въ совѣщаніи этомъ участвовалъ, вмѣстѣ съ

прочими, и торгоутскій тайша Харлюкъ, которому наследовалъ первоначально сынъ его Щурукъ-Дайчингъ, а потомъ внукъ Пунцукъ — лица совершенно безцвѣтныя. Правленіе ихъ ипчѣмъ не ознаменовано, кромѣ того, что при Дайчингѣ калмыцкіе послы дали царю Алексѣю Михайловичу шертовальную грамоту на подданство Россіи, а при Пунцукѣ прикочевали къ Волгѣ и были присоединены къ торгоутамъ хошоуты. Наконецъ на горизонтѣ калмыцкой исторіи является яркая звѣзда славы, междоусобиць и хитрой политики. Это преемникъ и сынъ Пунцука Аюка. Правленіе его началось тѣмъ, что, вслѣдствіе заранѣе устроенныхъ связей, прикочевала къ нему родная его тетка Доржи Араптанъ съ 3-мя тысячами кибитокъ. Въ отношеніи русскаго правительства Аюка первоначально оказалъ полное повиновеніе; подтвердивъ шертовальныя грамоты дѣда и отца, онъ, кромѣ того, въ 1670, далъ воеводѣ Одоевскому еще свою, такого содержанія: «Чтобъ быть ему, Аюкѣ, съ его родомъ, улусными калмыками и нагайцами у его великаго государя Алексѣя Михайловича въ вѣчномъ подданствѣ и ходить вмѣстѣ на непріятеля; съ турецкимъ султаномъ, съ персидскимъ шахомъ, крымскимъ ханомъ, азовскимъ беємъ не пересылаться и ни въ чемъ имъ не помогать; когда, гдѣ случится ихъ калмыцкимъ войскамъ быть вмѣстѣ съ россійскими, въ такомъ случаѣ не измѣнять и надъ ними хитростей не дѣлать; подъ россійскіе города войною не ходить; селъ, деревень не жечь и, гдѣ бы ни было, на россійскихъ людей и подданныхъ россійскихъ, татаръ, не нападать и ихъ не побивать и не разорять, и для дѣлъ людей

присылаемыхъ въ калмыцкіе улусы не грабить, астраханскихъ татаръ, ушедшихъ въ калмыцкіе улусы и желающихъ возвратиться въ Астрахань, неволею не держать и не грабить, но отпускать и впредь къ себѣ таковыхъ не призывать и не приманивать; россійскихъ подданныхъ, христіанъ и иновѣрцевъ, выходящихъ изъ полону изъ Бухаріи, Хивы и другихъ мѣстъ, имъ калмыкамъ у себя не держать; торги подъ Астраханью чинить съ русскими людьми безъ всякихъ ссоръ и раздоровъ. Изъ всѣхъ этихъ обѣщаній, весьма покорныхъ и выгодныхъ для Московскаго двора, Аюка, положительно можно сказать, не исполнилъ ни одного: подчинивъ себѣ очень недолгъ дербетовскаго владѣльца Соломсерена съ его улусными людьми, въ числѣ 4-хъ тысячъ кибитокъ, и соединясь потомъ съ бунтующими башкирцами, онъ сталъ нападать на русскіе города, доходилъ даже до предѣловъ казанскаго и уфимскаго уѣздовъ, разорялъ и жегъ тамъ села, деревни, грабилъ на дорогахъ и на промыслахъ русскихъ людей, бралъ въ полонъ черемисъ, съ ихъ женами, дѣтьми, отгонялъ ихъ конскіе и скотскіе табуны... Остановленный наконецъ угрозами нашего правительства, Аюка на прежнемъ же мѣстѣ, близъ Астрахани, на урочищѣ Соляномъ, изъявилъ сокольничему и воеводѣ князю Щербатову покорность и скрѣпилъ ее страшною въ калмыцкомъ смыслѣ клятвою, въ которой призывалъ на себя и на всѣхъ людей своихъ гнѣвъ Божій и огненный мечъ, чтобы непріятель отсѣкъ ему голову его собственною саблею, которую онъ, вынувъ изъ ноженъ, держалъ надъ своею головою и прикладывалъ къ шеѣ. Клятву эту Аюка исполнилъ

только видимо, а втайнѣ дозволилъ одному изъ своихъ зайсанговъ напасть на заведенное выше Саратова поселеніе изъ крещеныхъ калмыковъ, разорить и сжечь его до тла, а калмыковъ отвести въ улусы. Когда онъ потомъ былъ спрошенъ по этому случаю, то отвѣчалъ съ новою влятвою, что зайсангъ сдѣлалъ это совершенно безъ его вѣдома. Пытаясь и рискуя такимъ образомъ на грабежи въ предѣлахъ Россіи, Аюка не упускалъ случая воевать и внѣ: онъ дѣлалъ набѣги на киргизъ-кайсаковъ, покорилъ своему подданству монгольскихъ трухменцевъ и скрѣпилъ свои связи съ Зюнгаріею замужествомъ дочери своей Сетеръ-Джапы за тамошняго владѣльца Цеванъ-Раптана. Посреди такого рода успѣховъ, въ самомъ семействѣ Аюки (въ 1701 году) произошла вражда, имѣвшая значительныя послѣдствія: любимый сынъ его Гунжепъ замыслилъ убить старшаго брата своего Чакдаржапа. Онъ послалъ ночью къ кибиткѣ брата калмыка, который выстрѣлилъ въ Чакдаржапа и сильно ранилъ его: всѣ подвластные улусы возстали, такъ что Гунжепъ бѣжалъ въ Саратовъ и самъ Аюка скрылся въ Яицкѣ, а Чакдаржапъ съ братьями и съ большею частію калмыковъ откочевалъ за Уралъ.

Вмѣшательство князя Бориса Алексѣевича Голицына, проѣзжавшаго черезъ Самару, остановило однако эту перекочевку, и только 15 тысячъ кибитокъ ушло за Санжипомъ (сыномъ же Аюки) въ Зюнгарію. Цеванъ-Раптанъ не оказалъ гостепріимства шурину. Онъ арестовалъ его и препроводилъ обратно къ отцу; но пришедшіе съ нимъ калмыки все-таки прикочевали къ зюнгарскимъ улусамъ. Ослаб-

ленный всѣмъ этими безпорядками, Аюка сталъ изъяснять какъ-бы совершенную поборность и, по случаю возникшаго возстанія башкирцевъ, къ которымъ пристали и калмыки и сдѣлали набѣгъ на пензенскую и тамбовскую области, онъ явился къ казанскому и астраханскому губернатору и всю вину сложилъ на тайшей Мункотемира и Чемея, оправдывая себя тѣмъ, что, по отдаленности кочеванья, ему неизвѣстны были ихъ замыслы. Анраксинъ при этомъ заставилъ его издать общее съ нимъ повелѣнiе, чтобы тайши и владѣльцы, подѣ страхомъ смертной казни, отнюдь на нагорную сторону Волги не переходили и людей своихъ на грабежи не посылали. Кромѣ того Аюка обязывался оказывать помощь нашимъ приволжскимъ городкамъ и самъ отъ нихъ ожидать защиты отъ крымцевъ и башкирцевъ. Во исполненiе этихъ условiй, въ 1710 году, онъ отправилъ пятитысячный отрядъ для усмиренiя башкирцевъ и назначилъ десять тысячъ кибитокъ кочевать на Дону и по рѣкамъ Салу и Манычу для удержанiя набѣговъ кубанцевъ и некрасовской шайки донскихъ казаковъ. Все это не мѣшало однако ему входить въ сношенiе съ китайскимъ императоромъ и стяжать славу — получить отъ далай-ламы титулъ хана. Съ этою цѣлю, вѣроятно, отправляя дочь свою Сетеръ-Джапу въ замужество за зюнгарскаго владѣльца, онъ далъ ей въ провозатые роднаго сына ея Рабжура, который, на обратномъ пути въ Россiю, какъ-бы страшась нападенiя отъ враждебныхъ племенъ, долженъ былъ заѣхать въ Пекинъ, куда Аюка, чтобы окончательно обезпечить возвращенiе сына, отправилъ еще другаго послан-

нива своего, Самтона. Китайскій дворъ, въ свою очередь, былъ столько же вѣжливъ, что все-таки опасался отпустить Рабжура и вознамѣрился самъ отправить посольство къ Аюкѣ, для совѣщанія о семъ обстоятельстве.

Съ разрѣшенія русскаго правительства, послы проѣхали черезъ Сибирь и Казань. Аюка встрѣтилъ ихъ (въ 1713 году) съ величайшимъ почетомъ и увѣрялъ въ глубокой преданности богдыхану, замѣчая при этомъ, что хотя калмыки и отчуждены пространствомъ отъ срединнаго государства, но по одеждѣ своей ничѣмъ отъ этихъ пословъ не отличаются. Въ 1715 году, счастливая звѣзда Аюки стала померкать: кубанскій султанъ Бакши-Гирей пришелъ съ войскомъ на Волгу и при Астрахани напалъ на калмыцкіе улусы, — нѣкоторые изъ нихъ разорилъ, кибитку Аюки захватилъ со всѣмъ ея имуществомъ и наконецъ отбилъ находившихся въ калмыцкомъ подданствѣ джетысановъ и дженбуловъ. Самъ ханъ съ семействомъ спасся только подъ защитою полка капитана князя Бековича, который однако въ битву съ кубанцами не вступилъ, потому что непріятель былъ гораздо многочисленнѣе. Аюка оскорбился этимъ, и тутъ же послалъ къ хивинскому хану секретное извѣстіе, что Бековичъ, подъ видомъ посла, идетъ въ Хиву войною. Предупрежденные такимъ образомъ, хивинцы встрѣтили князя и разбили его на голову. Съ кубанскимъ султаномъ Аюка заключилъ перемиріе и послалъ на Кубань сына своего Чакаржапа съ войскомъ, который разорилъ тамошнихъ татаръ (не подданныхъ, впрочемъ, султана) и привелъ на-

задъ джетысановъ и джебудуковъ, оставивъ изъ числа ихъ у Гирея 170 человекъ, которые ни больше, ни меньше какъ должны были служить тому проводниками на случай набѣга кубанцевъ на русскія владѣнія, и когда походъ этотъ состоялся, и когда Бакши-Гирей проходилъ мимо волжскихъ городовъ, начальники которыхъ просили у Аюки помощи, онъ отвѣчалъ, что безъ указа учинить того не можетъ, какъ и князь Бековичъ, при нападеніи на него Аюку кубанскихъ татаръ, стрѣлять по онимъ безъ указа не осмѣлился.

Въ 1722 году умеръ старшій сынъ и наследникъ Аюки Чакаржапъ, передавъ наследственную печать на ханство старшему сыну своему Дасангу, но старый ханъ съ своей стороны молчалъ. Около этого времени Петръ путешествовалъ по Волгѣ въ Персію. Ханъ Аюка и жена его Дармо-Бала представились ему. Императоръ, видя престарѣлость хаана, назначилъ ему наследникомъ нойёна Дорчжу Назарова, какъ самаго преданнаго русскому правительству, о чемъ и было сему послѣднему объявлено съ тѣмъ, что онъ, по вступленіи на ханство, долженъ будетъ отдать сына своего въ аманаты. Аюка продолжалъ молчать: тайное намѣреніе его было утвердить ханство за однимъ изъ двухъ сыновей своихъ — Церенъ-Дондокомъ. Съ этой цѣлью онъ поспорилъ Дасанга съ братьями и велѣлъ даже сдѣлать на него набѣгъ внуку своему Донконъ-Омбъ.

Въ 1724 году смерть прекратила дальнѣйшія дѣйствія Аюки. Жена его, ханша Дармо-Бала, бывшая въ связи съ внукомъ своимъ Дондокъ-Омбой, вознамѣрилась выдти за него замужъ и сдѣлать его

ханомъ; но русское правительство воспрепятствовало этому браку и первоначально назначило намѣстникомъ ханства сына Аюки Церень-Дондока. Недовольный Дондокъ-Омба возмущилъ калмыковъ, которые стали производить грабежи и разбои на Волгѣ, такъ что отъ Царицына до Саратова нужно было содержать особенную команду изъ 900 человекъ казаковъ. Дондокъ-Омба бѣжалъ въ Кубань, но и Церень-Дондокъ не долго удержалъ за собой намѣстничество: за пьянство и слабое управленіе улусами онъ былъ лишенъ нашимъ правительствомъ ханства и задержанъ въ Царицынѣ, а Дондокъ-Омба вызванъ изъ Кубани и, занявъ его мѣсто, порядкомъ въ управленіи напомнилъ нѣсколько дѣда своего, но послѣ смерти его снова началась безурядица. Наслѣдникомъ своимъ Дондокъ-Омба, умирая, назначилъ десятилѣтняго сына своего Рандула, объявивъ, что ханство онъ ему испросилъ уже у Далай-ламы... Мать Рандула, кабардинка Джанъ, безъ императорской власти, хотѣла окончательно утвердить за сыномъ своимъ народное правленіе; прямой наслѣдникъ ханства (старшій сынъ Омба) Галданъ-Данжицъ, его родственники, знатные зайсанги и бей были мучимы и лишены жизни.

Для прекращенія этихъ беспорядковъ былъ присланъ изъ Петербурга тайный совѣтникъ Татищевъ, и намѣстникомъ ханства назначенъ внукъ хана Аюка, Дундукъ-Даша, который въ 1756 году былъ утвержденъ дѣйствительнымъ ханомъ, а сынъ его, Убаши, наслѣдникомъ ханства, о чемъ и было имъ объявлено торжественно астраханскимъ губернаторомъ Жилинымъ. <http://reia.org.pl> Передаю этотъ церемоніаль съ

нѣкоторою подробностью, потому что онъ весьма вѣрно и живо характеризуетъ калмыковъ и отношенія нашего правительства къ нимъ.

«Ханъ и губернаторъ предположили съѣхаться ниже Чернаго Яра, при урочищѣ, называемомъ Соленымъ. Французскій тонъ елисаветинскихъ временъ перенесенъ былъ на этотъ разъ и въ калмыцкія степи. Губернаторъ началъ свои сношенія съ ханомъ *визитами*: первый, впрочемъ, пріѣхаль, уговоренный къ тому ассесоромъ Бакунинымъ, ханъ съ сыномъ, съ знатными зайсангами и калмыками, до 5-ти тысячъ человекъ. Во время приближенія ихъ къ губернаторской ставкѣ, отдана была отъ караула честь, безъ барабаннаго, впрочемъ, боя, причемъ вся, бывшая при губернаторѣ, команда стояла въ парадѣ, а передъ ставкою встрѣтилъ ихъ полковникъ Юнгерь съ оберъ-офицерами. Губернаторъ же принялъ хана и свиту его въ ставкѣ, вставъ съ креселъ и посадивъ по лѣвую себя сторону хана въ зрела, а сына на стулъ, прочиталъ имъ жалованную отъ ея императорскаго величества грамоту. Присяги, которыя они должны были сдѣлать, ханъ съ сыномъ слушали стоя и снявъ шапки, а потомъ, сказавъ, что резиденція ея императорскаго величества, какъ имъ думается, лежитъ на востокъ, припали оба на колѣни и произнесли благодареніе и, обѣщаясь со слезами на всю жизнь служить безъ всякой отмыны, земно и троекратно кланялись въ ту сторону.

«На другой день губернаторъ, имѣя при себѣ полковника Юнгера, ассесора Бакунина, офицеровъ и секретарей, 24 человекъ пѣшихъ гренадеръ, шесть

человѣкъ драгунъ и въ сопровожденіи казаковъ и татаръ, человѣкъ до 100, сдѣлалъ къ хану *контръ-визитъ*. Передъ ханскою кибиткою поставленъ былъ зеленый наметъ, у котораго встрѣтили губернатора ханскіе зайсанги, а у дверей кибитки и самъ ханъ, прося губернатора, чтобы онъ вступилъ первый въ кибитку, гдѣ сидѣвшіе ханша и сынъ его, а также жены зайсанговъ, при входѣ губернатора, встали съ своихъ мѣстъ. Ханъ посадилъ губернатора по правую отъ себя сторону въ кресла, а свиту его на стулья. Владѣльцы же калмыцкіе и зайсанги сѣли по лѣвую сторону, по ихъ обыкновенію, на землю на коврахъ. Губернаторъ съ ханомъ условились, чтобы формальному объявленію быть на другой день.

«30 апрѣля, въ первомъ часу пополудни, посланъ былъ за ханомъ губернаторскій берлинъ, заложенный цугомъ, и при немъ сынъ губернаторскій, поручикъ Жилинъ, и шесть человѣкъ гренадеръ съ унтеръ-офицеромъ, а за ханшею коляска ассесора Бакунина, которую, вмѣстѣ съ вдовой хана Аюки, губернаторъ приглашалъ на *контръ-визитъ*; но послѣдняя, извиняясь болѣзнію, не поѣхала, а ханъ и ханша пріѣхали въ назначенномъ за ними экипажѣ, а сынъ ихъ верхомъ, и при нихъ были калмыцкіе владѣльцы, гелюнги и другіе калмыки, тысячъ до десяти. Знатные всѣ были въ парчевыхъ и другихъ богатыхъ платьяхъ. При появленіи поѣзда, стоявшіе въ строю гренадеры и солдаты учинили честь поднятіемъ ружья на-караулъ, и ханъ съ сыномъ были встрѣчены и посажены въ большой десятирѣшетчатой кибиткѣ съ прежнею церемоніею,

а ханша, съ прїѣхавшими съ ней зайсангскими жемами, по собственному ихъ желанію, съли на особливо для нихъ приготовленное по ихъ обыкновенію мѣсто, на землѣ, на коврахъ, а также и прочіе владѣльцы, гелюнги и зайсанги.

«Губернаторъ первоначально предложилъ присяги, ханъ и сынъ его прочли ихъ передъ идоломъ Шавджимути, потомъ возлагали ихъ себѣ на голову, и затѣмъ подъ присягами подписались собственноручно, а ханъ къ обѣимъ приложилъ свою печать.

«Послѣ того губернаторъ приказалъ своему секретарю прочитать вслухъ жалованную ея императорскимъ величествомъ грамоту на русскомъ и на калмыцкомъ языкѣ, которая, кромѣ того, въ четырехъ мѣстахъ за губернаторскою ставкою была читана для народа. Послѣ чтенія вручены были хану дарственные знаки въ такомъ порядкѣ: саблю опоясалъ на него ассесоръ Бакунинъ, шубу надѣлъ губернаторскій сынъ, поручикъ Жилинъ, а шапку подполковникъ Юнгеръ; знамя держалъ штыкъ-юнкеръ, губернаторскій племянникъ, Кадниковъ, у котораго принялъ оное ханскій зайсангъ и вынесъ за ставку распущеннымъ. Сверхъ того ханъ снялъ съ себя шубу, саблю и шапку, и велѣлъ все это также держать за ставку для показанія народу. Бывшая между тѣмъ при губернаторѣ команда учинила хану честь поднятіемъ ружья на-караулъ съ барабаннымъ боемъ, а потомъ былъ троевратно веденъ бѣглый огонь при пушечной пальбѣ. Затѣмъ слѣдовалъ офиціальныи столъ.

«2-го мая ханъ оплатилъ губернатору такимъ же офиціальнымъ обѣдомъ, послѣ котораго происходила

обыкновенная въ калмыцкомъ народѣ при ихъ празднествахъ и торжествахъ борьба, а потомъ заженъ по приказу губернатора фейверокъ, на что ханъ и весь народъ смотрѣлъ съ любопытствомъ и удовольствіемъ.

«При прощаніи (3-го мая) ханъ провожалъ губернатора и, указывая на одинъ высокій бугоръ, объявилъ, что онъ намѣренъ тутъ, въ память оказанной къ нему и къ сыну его высочайшей ея императорскаго величества милости, воздвигнуть каменный столбъ, съ пристойными на немъ надписями на русскомъ и калмыцкомъ языкахъ.»

Утвержденный такимъ образомъ въ ханствѣ Дундукъ-Даша исполнилъ съ своей стороны присягу въ отношеніи русскаго правительства до конца своей жизни; но сынъ его, Убаши, выведенный изъ терпѣнія глухимъ, жестокимъ и корыстнымъ управленіемъ завѣдывавшаго калмыцкими дѣлами генерал-майора Кишенскаго, соединившись съ внукомъ Дундукъ-Омбы Цебекъ-Дорчемъ, откочевалъ изъ Россіи ровно съ 28-ю тысячами кибитокъ калмыцкаго народа, и за симъ побѣгомъ остался въ Россіи только полковникъ князь Дундукъ; сынъ умершаго владѣльца Ассарги, Цаганъ-Кичинъ, владѣлецъ Маша; владѣлецъ Цагалай; владѣлецъ Цаганъ; владѣлецъ Тюмень; владѣлецъ Джанъчанъ; владѣлецъ Нохонъ-Кюбенъ съ братомъ; жена владѣльца Яндыка Бютека; владѣльцы — Цендекъ-Доржи, Санжилъ и Габунъ-Намки. Въ подданствѣ у нихъ, по ихъ показаніямъ, осталось до 13-ти тысячъ кибитокъ. Всѣ эти владѣльцы, со своими подвластными улусами, вошедши въ общій составъ другихъ покоренныхъ племенъ, поступили

въ завѣдываніе министерства иностранныхъ дѣлъ, а нынѣ подчинены вѣдомству государственныхъ имуществъ.

Пройдя такого рода историческій путь, не совсемъ благопріятный для сохраненія народности, астраханскіе калмыки сохранили однако до сихъ поръ свой кочевой и нѣкоторымъ образомъ родовой бытъ. Первымъ основаніемъ ихъ общественнаго устройства послужилъ у нихъ *хотонъ*, т. е. соединеніе нѣсколькихъ близко-родственныхъ семей для общаго кочеванія неподалеку другъ отъ друга. Хотономъ обыкновенно управлялъ какой-нибудь общій всѣмъ дѣдъ или прадѣдъ. Соединеніе нѣсколькихъ хотоновъ, хотя и въ дальней степени, но родственныхъ между собой, составило *айманъ*, вторымъ управлялъ дѣдъ или прадѣдъ старшаго хотона и назывался *зайсанъ*. Званіе это сдѣлалось наследственнымъ отъ отца къ сыну.

Изъ аймановъ составились роды (*анги*), которые впрочемъ не имѣли особеннаго общественнаго значенія и, въ свою очередь сливаясь, составили *улусъ*, цѣлый отдѣльный народъ, правитель котораго назывался *нойёномъ*, господиномъ, и былъ обыкновенно изъ ближайшихъ родственниковъ *тайши*, правителя всего народа, носившаго иногда, какъ мы видѣли, титулъ хана.

Въ настоящее время *тайшей* нѣтъ. Ихъ замѣняетъ управляющій астраханскою палатою государственныхъ имуществъ, но есть нойёны, владѣльцы *улусовъ*: *Экицохоровскаго*, *Яндыковскаго*, *Харахусовскаго*, *Ердени-кичиковскаго*, *Большедербетовскаго*, *Малодербетовскаго*, *Хощутскаго*. Два улуса, *Богоцоху-*

ровскій и Еркетеиевскій, какъ выморочные, принадлежатъ казнѣ. Нойёны носятъ названіе *цаганъ-ясанъ* (*бѣлокостыхъ*). Наше крѣпостное право предъ властью нойёна надъ своими подданными можетъ показаться дѣтской забавой. Зайсанги, тоже называемые *цаганъ-ясанъ*, подчинены владѣльцамъ улусовъ и сами пользуются нѣкоторыми правами владѣнія надъ своими аймаками, которыя безраздѣльно переходятъ отъ отца къ которому-нибудь изъ сыновей, и вслѣдствіе того другія дѣти его дѣлаются зайсангами безъаймачными.

Каста духовенства калмыцкаго безбрачна, и каждое семейство, имѣющее трехъ сыновей, посвящаетъ одного изъ нихъ съ юныхъ лѣтъ духовному званію, которое представляетъ собой нѣсколько градацій.

- 1) Старшій изъ всего духовенства — лама (верховный первосвященникъ). Онъ живетъ въ Харахусовскомъ улусѣ. Его избираютъ всѣ калмыки изъ гелюнговъ.
- 2) Бакша (высшій учитель вѣры). Ихъ много въ каждомъ хурулѣ. Они что-то въ родѣ благочинныхъ.
- 3) Геленги (жрецы); ихъ по нѣсколько въ каждомъ хурулѣ.
- 4) Гецуль (служитель вѣры) — какъ бы дьяконъ.
- 5) Манжи (ученикъ вѣры) въ родѣ дьячка.

Кромѣ того, гунхудъ (начальникъ хора), который начинаетъ службу. Гейкъ (ключарь) — завѣдывающій хурульною утварью. Нирба (экономъ), у котораго на рукахъ часть продовольственная. Бурхачи (блюститель чистоты и цѣлости жертвъ въ хурулѣ).

Простолюдины (*хара*), черные, почти не имѣютъ никакихъ личныхъ правъ. Они или принадлежатъ аймаку, гдѣ несутъ всевозможныя повинности въ отношеніи нойёновъ и зайсанговъ, или составляютъ

у владѣльцевъ дворню (*кеточинеровъ*), или приписаны къ хуруламъ, которымъ они пожертвованы своими ноёнами.

Всѣ эти четыре касты осмыслены, утверждены и окончательно обезпечены отъ всякой реформы самой религіей калмыковъ.

Далеко-незнакомый съ сущностью ихъ вѣроученія, я воспользуюсь въ этомъ случаѣ, съ буквальною точностью, нигдѣ еще ненапечатанной статьей г. Черкасова, спеціально-ученаго въ этомъ отношеніи и обязательно сообщившаго мнѣ все, что можетъ уложиться въ мои бѣглые путевые очерки:

«Калмыки исповѣдуютъ вѣроученіе ламаитовъ, которое, по преимуществу, носить на себѣ характеръ политическій.

«Побѣды тангутовъ подъ Китаемъ и Хай-хурами дали имъ возможность подчинить своему вліянію народы, обитающіе между границами Китая и юго-восточными берегами Каспійскаго моря. По мѣрѣ расширенія ихъ власти, распространилось между этими народами и магометанство. Между тѣмъ, на востокѣ Азіи явилось христіанство. Оно проникло въ Зюнгарию и Китай, вѣроятно отъ грековъ, колоніи которыхъ распространились до самыхъ устьевъ Инда. Такимъ образомъ, въ нѣдрахъ Средней Азіи явились четыре религіозныя ученія: фоталтовъ, тхайшевъ, магометанское и христіанское. Весьма естественно, что, по различію этихъ ученій, средне-азіатскіе народы распались бы на отдѣльныя государства и ослабѣло бы вліяніе проповѣдниковъ; но какъ при всякомъ умственномъ переворотѣ неизбежна борьба новыхъ идей съ обычаями, повѣрьями,

предразсудками, суевѣріемъ и вѣрованіемъ, — то и здѣсь нужно было много времени, чтобы совершилось торжество новыхъ ученій, особенно христіанскаго, имѣющаго цѣлью измѣненіе внутренняго бытія человѣка. Фотанты воспользовались этимъ и, измѣнивъ свою политику, создали новое, смѣшанное вѣроученіе — вѣроученіе ламаитовъ, въ которомъ, сохраняя идеи прежнихъ вѣроученій, привили къ нимъ понятія магометанства и даже христіанства, внеся идею о Всемогущемъ и Предвѣчномъ. Кромѣ того, желая удержать могущественное вліяніе своей касты, они, попрежнему, уравновѣшиваютъ въ новомъ ученіи политику и религію и неразлучно съ ними соглашаютъ и философію. Въ вѣроученіи ламаитовъ отражаются, какъ въ зеркалѣ, всѣ прежнія ученія, почему и сочиненіе, служащее основою вѣроученія, извѣстно подъ названіемъ *Зеркала міра*. Предметами новаго ученія сдѣлались неизглаголанный творецъ и необъятное твореніе: Богъ и природа, міръ и человѣкъ. — Эта религія до сего времени существуетъ въ Китаѣ. Ей слѣдуютъ монголы и ее исповѣдуютъ астраханскіе калмыки. Ламаиты, признавая Бога, творца вселенной, не олицетворяютъ его ни въ какомъ подобіи, а сохраняютъ понятіе чисто-отвлеченное, какъ о существѣ предвѣчномъ, всеблагомъ и вездѣсущемъ. Они полагаютъ его превыше вселенной, въ странѣ, чуждой всякой матеріи, гдѣ нѣтъ ни образа, ни цвѣта, ни тѣни, и страну эту называютъ *Нарваною*, о которой имѣютъ понятіе также отвлеченное: въ ней не свѣтъ матеріальный и не отсутствіе его, не мракъ и не отсутствіе мрака; въ этой странѣ ничто не сознаетъ себя отдѣльно, въ

ней все свободно, самобытно, ничто не существуетъ особю жизнію. Въ этой странѣ, въ невидимомъ источникѣ жизни, хранится источникъ и начало всякой жизни и законъ видимой природы. Понятіе о предвѣчномъ, благомъ и вездѣсущемъ ламаиты почерпаютъ изъ откровенія, какъ это можно видѣть изъ самаго начала сочиненія *Зеркала міра*, которое начинается понятіемъ о Богѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «покланяюсь свято-добродѣтельному *Джингъ-Садину*, удостоенному соучастія славныхъ откровеній Предвѣчнаго Творца, неизмѣющаго подобія и въ могуществѣ равнаго; да видитъ твореніе дѣло рукъ творителя въ святомъ ученіи».

«Ученіе ламаитовъ, проповѣдуя Творца, отрѣшаетъ затѣмъ прежнія понятія о самопроявленіи и развитіи видимой вселенной; а чтобы отсѣчь навсегда всякую мысль и толкованіе объ этомъ, ламаиты проповѣдуютъ, что видимая вселенная не есть вселенная первозданная, и что она имѣла уже одиннадцать видоизмѣненій.

«Почерпая первыя понятія о вселенной изъ откровенія, они признаютъ въ міровомъ міростроеніи три дѣйствующія силы: 1) *силу творящую*, 2) *силу, создающую* — *духъ* и 3) *матерію*.

«Изъ совокупнаго дѣйствія этихъ міровыхъ силъ ламаиты опредѣляютъ происхождение видимой вселенной и объясняютъ его слѣдующимъ образомъ: все видимое во вселенной духовное и матеріальное составляло одно цѣлое, вмѣстѣ слитое, въ которомъ хранились законы жизни (*Заянь*). Вслѣдствіе этихъ законовъ жизни, слитое цѣлое состояніе вселенной пришло въ броженіе: части божье тяготящія оса-

ждались, сгущались и образовали океаны облаковъ. Послѣ того, по тѣмъ же міровымъ законамъ, произошли вѣтры, которые слившуюся, тяжелую массу разорвали и разнесли на разныя пространства, и такимъ образомъ образовались особые міры, дѣйствующіе, вслѣдствіе одинаковости происхожденія, по однимъ и тѣмъ же законамъ.

«Каждый міръ, развиваясь по законамъ своей жизни, достигнувъ крайней степени развитія, создаетъ законы новой жизни и дѣятельности, и вслѣдствіе этихъ новыхъ законовъ служитъ началомъ новыхъ міровъ, утрачивая въ нихъ свой образъ бытія. Съ измѣненіемъ одного міра измѣняются и всѣ системы міровъ, такъ какъ они начинаются и дѣйствуютъ въ одно и то же время, по однимъ и тѣмъ же законамъ.

«Каждая система и каждый міръ отдѣляются пустотою и воздушнымъ пространствомъ. Отъ этого раздѣленія духа и матеріи произошли два міра: міръ духовный и міръ матеріальный. Каждый изъ этихъ міровъ составляетъ особенный міръ, исполненный жизнію различныхъ духовныхъ существъ, полныхъ дѣятельности; духовные дѣятели раздѣляются на два разряда: на духовъ свѣтлыхъ, которыхъ обитель составляетъ все воздушное пространство, и на духовъ тьмы, духовъ матеріи, обитель которыхъ земля и глубь преисподня.

«Обитель свѣтлыхъ духовъ (*тенширевъ*), занимающихъ воздушное пространство, раздѣляется на тридцать степеней, отдѣленій и царствъ, образующихъ особенные три духовные міра. Міры эти, представляя видъ <http://cin.org.pl> цвѣтовъ свѣта, состоятъ

изъ разныхъ элементовъ:— первый составляетъ духъ, слитый съ самымъ тончайшимъ частицами матеріи; второй міръ — духъ, чуждый матеріи, а потому свѣтлый; и третій — исполненный лучезарнаго блнстанія и силы. Въ кругахъ предѣловъ этихъ міровъ, десять степеней свѣта, постепенно утончаяся, одианъ послѣ другаго, сливаются наконецъ въ безразличную недѣлимость. Поэтому и духовныя существа слѣдуютъ тѣмъ же законамъ, т. е. въ послѣднихъ или самыхъ высшихъ слояхъ свѣта они сливаются въ каждомъ мірѣ въ одно существо, одно недѣлимое.

«По различію міровъ, всѣ цѣлыя недѣлимыя существа имѣютъ свои отдѣльныя имена и отдѣльную дѣятельность. Недѣлимое существо перваго міра называется *Бурханъ*, втораго *Будда-Сатва*, третьяго *Будда*. Обязанность недѣлимаго перваго міра соприсутствовать на землѣ непрерывно и укрѣплять духъ; обязанность втораго — являться на землѣ, оживлять духъ. Обязанность третьяго недѣлимаго — соприсутствовать у престола Предвѣчнаго, укрѣпляться его мудростью и силою и этою мудростью и силою укрѣплять недѣлимыя низшихъ міровъ.

«Обитель духовъ матеріи, духовъ тьмы, начинаясь съ внѣшнихъ предѣловъ обитаемаго нами міра, нисходитъ въ глубь преисподней. Она раздѣляется на три главныя степени или области: на область *Ассурей* — разсѣянныхъ по лицу земли или внѣшней матеріальной природы, на область *Эрлиновъ*, занимающихъ глубь земли, и на область *Беритовъ*, занимающихъ преисподнія земли. За этими областями царство: www.mirak.org.ru которымъ слѣдуетъ адъ. Адъ раздѣляется на три главныя страны:

страну мученія, страну, страданія и страну очищенія. Каждая степень духовъ и каждая страна ада имѣетъ еще особыя подраздѣленія, такъ что степени или области духовъ свѣта и духовъ тьмы составляютъ двѣ лѣстницы, изъ которыхъ одна восходитъ выше вселенной, въ обитель безмятежнаго покоя и блаженства, другая — нисходитъ до области ада, въ обитель мукъ и страданій.

«Отъ противоположности міровъ, противоположны и призванія духовъ, самыя стремленія и дѣятельность ихъ. Духовъ свѣтлыхъ, *Тенширивъ*, долгъ и призваніе возвышать духъ, водворять на землѣ добродѣтель и тѣмъ распространять, размножать свою природу.

«Духовъ тьмы долгъ распалить страсти, возжигать огонь сладострастныхъ побужденій и сѣять плевелы на землѣ, дабы тѣмъ убивать духъ, заключать его въ узахъ матеріи и тѣмъ размножать свою матеріальную природу. Духовъ тьмы ученіе ламаитовъ не признаетъ однако же духами злыми и противниками чистѣйшихъ небожителей, потому что они служатъ средствомъ къ обнаруженію добра. Поэтому духи тьмы, какъ и духи свѣтлые признаются существами достойными почитанія. Духи матеріи, сверхъ общаго ихъ призванія и дѣятельности, отъ различныхъ элементовъ, изъ которыхъ получаютъ начало жизни, имѣютъ еще особую дѣятельность въ развитіи своихъ началъ, своихъ источниковъ жизни.

«Міръ, нами обитаемый, ламаиты опредѣляютъ состоящимъ изъ четырехъ элементовъ: воздуха, огня, земли и воды. Каждый изъ этихъ элементовъ, какъ предствитель духовной дѣятельности, въ немъ живу-

щей, имѣеть вліяніе па судьбу и жизнь человѣка и потому обоготворяется.

«Каждый дѣятель составныхъ частей обитаемаго нами міра старается развить свою природу на счетъ духа и началъ другихъ стихій, вслѣдствіе чего и происходитъ различіе въ перемѣнахъ года: весны, лѣта, осени и зимы.

«Среди объясненныхъ дѣятелей вселенной, на поверхности земли царство человѣка, колыбель и престолъ его — Индія. Царство это, занимая рубежъ между міромъ духовнымъ и міромъ матеріальнымъ, совмѣщаетъ въ себѣ — духъ и матерію, почему и составляетъ третій міръ, — міръ существъ органическихъ, высшимъ проявленіемъ котораго — царемъ міра — является человѣкъ и преобладающій его элементъ, духъ. Человѣкъ, совмѣщая въ себѣ два начала, міра матеріальнаго и міра духовнаго, совмѣщаетъ и потребности жизни обоихъ міровъ, оттого и побужденія его двойственны: духовный элементъ побуждаетъ человѣка къ соединенію съ сильнѣйшимъ и чистѣйшимъ началомъ природы своей — духомъ, но въ то же время другой элементъ — матерія или плоть — подчиняетъ человѣка всѣмъ побужденіямъ матеріальнаго организма.

«Такимъ образомъ, человѣкъ поставленъ въ борьбѣ съ самимъ собою, съ требованіями и побужденіями матеріальной природы и потребностями природы духовной. Отсюда два понятія о добрѣ и злѣ, изъ которыхъ подъ первымъ разумѣется строгая жизнь, удаленіе плотскихъ вожделѣвій, неутомимое бодрствованіе надъ страстями, благотворительность съ чистымъ намѣреніемъ и сострадательность къ другимъ

тварямъ; подъ вторымъ — сладострастіе и чувственныя вожделнія, неисполненіе духовныхъ обязанностей, смертоубійство, ссоры, войны, неподаніе милостыни. Двойственность природы человѣка при рожденіи — покойна, безсознательна.

«Начало же его бытія, по преобладающему духовному элементу, въ области добра, но въ то же время его окружаетъ и другая область, прелесть и очарованіе видимой природы. Поэтому человѣкъ безсознательно могъ бы стремиться въ ту или другую область, т. е. могъ бы быть или безсознательно добрымъ, или безсознательно злымъ, но, по мѣрѣ его развитія, въ немъ является третья сила — *высшій умъ* или *самосознаніе*, дающая ему возможность отличать добродѣтель отъ порока, добро отъ зла. Велѣдствіе этого самосознанія онъ воздерживается отъ всѣхъ побужденій плоти, отъ вожделнія страстей, восходитъ по лѣстницѣ добра въ свѣтлую область небожителей — добрыхъ духовъ тенгиріевъ, и наконецъ въ страну блаженства и безмятежнаго покоя, или предается всѣмъ побужденіямъ плоти и нисходитъ въ область мрака, обитель духовъ тьмы, и подвергается страданіямъ ада. При такихъ свойствахъ человѣка, существо его опредѣляютъ состоящимъ изъ трехъ элементовъ: тѣла, духа или души и, наконецъ, ума или самосознанія. Совершеннѣйшимъ изъ этихъ элементовъ признается умъ; душа и тѣло слабѣйшими; изъ приведенныхъ свойствъ человѣка, самосознаніе и духъ вѣчны, матерія или плоть переходящи.

«Признавая въ человѣкѣ три дѣйствующія силы: творческую — умъ, создающую — душу или духъ, и

матерію или плоть, ламаиты полагають, что человекъ на землѣ олицетворяетъ первоначальный образъ міра, какой онъ имѣлъ до начала того порядка, которому слѣдуетъ теперь видная нами вселенная.

«Дѣйствующія силы человека, подобно дѣйствующимъ силамъ вселенной, составляютъ духовную триаду, выраженную словами: *гурбанъ эрдени*, три драгоценности, подъ которыми разумѣется достигшая полного развитія природа человека, т. е. умъ, душа и тѣло.

«Отъ ученія о человекѣ, ламаиты переходятъ къ ученію о человечествѣ, къ образованію и жизни гражданскихъ обществъ. Они, сообразно дѣйствующимъ силамъ природы и человека, политическія и гражданскія общества раздѣляютъ на три главные класса и касты: духовную, аристократическую и простолюдиновъ. Кастамъ этимъ приписываютъ различныя начала въ происхожденіи, а потому и призванія или обязанности этихъ кастъ объясняютъ различно. Духовная каста почерпаетъ оживляющій ее духъ отъ двухъ высшихъ духовныхъ существъ: *Будда-Сатвъ* и *Бурхановъ*. Поэтому земное призваніе ихъ тождественно съ обязанностями существъ духовныхъ. Она состоитъ въ проповѣди о духовныхъ добродѣтеляхъ и чистотѣ дѣлъ, о неусыпномъ мышленіи объ источникѣ жизни, объ укрощеніи страстей, удаленіи отъ плотскихъ побужденій и вообще въ возвышеніи самосознательной силы. Духовная каста, раздѣляясь на нѣсколько степеней, имѣетъ главою одного верховнаго владыку, коему присвоенъ титулъ далай-ламы. Далай-лама почитается существомъ разумнѣйшимъ, совершеннѣйшимъ, чуждымъ

всѣхъ мірскихъ слабостей, начальнымъ источникомъ духовной іерархіи, посредникомъ между существами духовными и людьми, существомъ, которому сообщены и въ которомъ хранятся неисповѣдимыя судьбы Предвѣчнаго; поэтому, всякое слово далай-ламы — святыня, всякая обязанность, имъ наложенная, — воля Предвѣчнаго. Въ лицѣ далай-ламы послѣдователи ламайскаго ученія видятъ не земное существо, а Будда-Сатву, пришедшаго на землю и принявшаго образъ челоуѣка для блага челоуѣчества. Поэтому почитаніе его распалено фанатизмомъ до обожанія.

«Аристократическая каста, получая источникъ отъ духовъ свѣта низшихъ степеней, имѣетъ названіе *бълокостной*. Каста эта имѣетъ обязанностью попеченіе объ охраненіи и развитіи духовныхъ силъ, о благосостояніи матеріальномъ, строго уравнивать то и другое.

«Въ членахъ аристократической касты простолюдины видятъ не людей, а только тѣнь ихъ, происходящую отъ свѣта и неразлучную со свѣтомъ.

«Источникомъ жизни касты простолюдиновъ полагаютъ видимую природу, почему и призваніе этой касты на землѣ опредѣляютъ: въ слѣпомъ и безусловномъ повиновеніи и исполненіи обязанностей, назначаемыхъ высшими кастами; въ развитіи своей природы, въ распространеніи промысловъ, ремеселъ, художествъ, неразлучныхъ съ матеріальнымъ благосостояніемъ челоуѣка.

«Въ ученіи ламаитовъ, въ противоположность ученію древнихъ буддистовъ, признается судья и милосердіе, ибо исполнители судебъ Предвѣчнаго, не-

божители тенгриі, при грѣхопаденіи человѣка, нисходятъ изъ свѣтлыхъ странъ на землю, воплощаются въ образъ человѣка или въ другихъ видахъ, и возстановляютъ поврежденное человѣческое естество и укрѣпляютъ людей въ добродѣтеляхъ. Эти посланники неба всевѣдущи; все прошедшее и будущее знаютъ наравнѣ съ настоящимъ; отъ нихъ нѣтъ ни одной соврѣнной мысли, ибо они, посредствомъ высочайшей мудрости, видятъ все, во всѣхъ странахъ, какъ въ зеркалѣ, и, какъ скоро увидятъ дѣло правды и раскаянія, съ безпредѣльной любовью спѣшатъ на помощь, не имѣя другой цѣли, кромѣ освобожденія духа отъ тревоженій плотскихъ страстей. Съ признаніемъ судей и милосердія не опредѣляются наказанія; а, напротивъ, говорится, что человѣкъ, одаренный способностью самосознанія и имѣя передъ собой открытыми въ законахъ вселенной конечныя слѣдствія плотской и духовной жизни, степенью грѣхопаденія самъ себя опредѣляетъ и степень наказанія. Зло, слабости или грѣхъ человѣка, по степени ихъ, имѣютъ два главныхъ раздѣленія: *безпромежуточные* и *промежуточные*.

«Это дѣленіе грѣховъ основано на томъ, что за тяжкіе грѣхи человѣкъ подвергается всѣмъ вообще страданіямъ ада, а за грѣхи или слабости — только нѣкоторымъ. Безпромежуточными тяжкими грѣхами считаются: убійство духовнаго наставника, разрушеніе правилъ вѣры, убійство родителей, убійство воспитателя, наставника, самоубійство, разрушеніе духовныхъ памятниковъ.

«Ламаиты не признаютъ смерти; умереть, по ихъ понятіямъ, значитъ начать другую жизнь, въ новой

формъ бытія, по свойству началъ матеріальнаго и духовнаго.

«Матеріальный организмъ хотя и разрушается, но бытіе его не смертно. Трупъ, какъ мертвое зданіе природы, лишенное оживляющаго его духа, служитъ источникомъ жизни низшихъ органическихъ существъ, лишенныхъ самосознанія.

«Самосознательный духъ человѣка, освободясь отъ тѣла, какъ внѣшней оболочки, или начинаетъ новое высшее бытіе въ странахъ свѣтлаго міра по святости или чистотѣ дѣлъ, — или, по мѣрѣ грѣхопаденія, онъ сходитъ въ область духовъ тьмы и, очищаясь въ преисподней страданіями ада, въ видѣ трелучнаго свѣта вновь возрождается въ своемъ первообразѣ и чистотѣ и потомъ вновь начинаетъ свое земное поприще. По различію началъ, призваній и обязанностей въ жизни людей, — съ кончиною ихъ бытія земнаго, новая жизнь ихъ не одинакова, равно какъ и начало ихъ бытія же въ однѣхъ степеняхъ свѣта. Далай-лама, какъ существо неземное, принявшее образъ человѣка для одного лишь чело-вѣчества, исполнивъ свой долгъ на землѣ, возносится, вслѣдствіе его духовныхъ заслугъ, въ высшую область духовнаго міра, область Будды. Здѣсь его земная и духовная дѣятельность прекращается. Онъ, наслаждаясь созерцаніемъ *Нарваны*, престола Предвѣчнаго, принимаетъ, хранитъ и развиваетъ въ *Будда-Сатвахъ* неисповѣдныя судьбы Всемогущаго. исполнивъ этотъ долгъ, онъ погружается наконецъ въ страну *Нарвану* и достигаетъ общенія съ Всемогущимъ.

«Ламы, имѣя источникомъ духовную область

Бурхановъ и довершивъ духовное бытіе свое ученіемъ далай-ламы, восходятъ въ высшую степень свѣтлаго міра, въ область *Будда-Сатвы*, и затѣмъ исполняютъ его обязанности.

«Бакши, учителя вѣры, получающіе начало жизни изъ низшихъ степеней свѣтлаго міра, возвысивши себя свѣтомъ ученія ламъ и сочетавшись съ высшимъ источникомъ первыхъ десяти ступеней, принимаютъ образъ Бурхана. Члены аристократической касты, оставляя свое земное бытіе, свою земную тѣнь, переходятъ къ своему началу жизни — въ міръ духовный, такъ же различно, какъ и члены касты духовной. Богдо-ханъ возмощается непосредственно въ высшія страны высшаго духовнаго міра, вѣнецъ котораго — Будда. Первый моментъ духовнаго начала Богдо-хана не имѣетъ прямаго, непосредственнаго сочетанія съ Буддою, но мѣсто его въ крайней точкѣ ореола Будды, въ низшей степени его лучезарности, и для того, чтобы сочетаться съ Буддою, достигнуть недѣлимости съ нимъ и съ его лучезарной силой, — духовное бытіе Богдо-хана духовными заслугами должно перейти всю степень лучезарности Будды. Ханы переселяются въ среднія или вторыя страны духовнаго міра, высшимъ выраженіемъ которыхъ является Будда-Сатва. Нойены переходятъ въ страны низшаго духовнаго міра, высшее проявленіе которыхъ составляетъ Бурханъ.

«Такъ какъ члены аристократической касты, по воспріятію духовнаго бытія, не имѣютъ, подобно членамъ касты духовной, прямаго сочетанія съ недѣлимыми первообразами духовныхъ существъ духовнаго міра, — потому переходъ ихъ въ духовную

жизнь означается особыми терминами, опредѣляющими мѣсто ихъ духовнаго значенія.

«Переходъ Богдо-хана означается терминомъ: *Го—Го—до Волоксынъ* (вознесенный); хана: *Хубиль Гаксынъ* (преображенный); нойёновъ — терминомъ: *Юмуртоксынъ* (минувший, спасенный, избавленный). По началамъ духовной и аристократической касты, тѣла ихъ сожигаются въ преобразование того, что смертію ихъ земное бытіе и плотская дѣятельность окончены.

«Каста простолюдиновъ, заимствуя начало жизни изъ видимой природы, источника чисто-матеріальнаго, и имѣя своимъ долгомъ, своимъ призваніемъ на землѣ развитіе своей природы, не имѣетъ непосредственнаго перехода отъ земной жизни къ духовной. Вся самосознательная жизнь членовъ этой касты стоится въ развитіи природы, т. е. безъ остатка переходитъ въ поколѣніе. Не смотря на это, кастѣ этой не загражденъ, однако же, путь въ міръ духовный и въ *Нарвану*, страну безмятежнаго покоя. Такъ какъ всѣ дѣйствующія силы видимой вселенной произошли отъ одного слитаго состоянія, развивались и совершенствовались постоянно, то кастѣ простолюдиновъ переходъ отъ земной жизни къ духовной, путь къ достиженію *Нарваны*, возможенъ только подъ условіемъ, чтобы каждое семейство касты простолюдиновъ, для возведенія бытія своего въ область духовную и для достиженія блаженства, отдѣляло одного изъ дѣтей мужескаго пола на служеніе Богу и посвящало его духовной кастѣ. Здѣсь юное поколѣніе, при безбрачной жизни, укрѣпляя ученіемъ духъ, усвершая проповѣдью умъ, отрече-

внѣмъ отъ міра побораая страсти и утверждаясь въ добродѣтели чистотою жизни и святостію дѣлъ, не только можетъ достигнуть духовной жизни и страны безмятежнаго покоя, но возводитъ съ собою и своихъ предковъ. Чтобы придать болѣе прелести и занимательности, а тѣмъ сильнѣе дѣйствовать на воображеніе, ученію ламаитовъ данъ мнѣической, таинственный способъ проповѣди, исполненный поэтическихъ красоть и формъ. Ламаиты, признавая во всемъ духовномъ и матеріальномъ мірѣ три дѣйствующія силы, триаду ихъ изображаютъ слѣдующимъ образомъ:

«*Хурмуста* представляется мальчикомъ, ѣдущимъ на бѣломъ слонѣ несказаннаго блеска и прелести. У слона 33 головы, изъ коихъ каждая имѣетъ по 7-ми вѣлковъ, въ вѣлкѣ по 7-ми озеръ, въ каждомъ озерѣ по 7-ми цвѣтксовъ, въ каждомъ цвѣткѣ по 7-ми вевинныхъ дѣвъ небесной красоты, у каждой дѣвы по 7-ми спутницъ, у спутницъ по 7-ми тарелокъ, издающихъ пріятные звуки. Посреди всѣхъ этихъ очарованій, прелести, роскоши, красоть, возсѣдаетъ на средней главѣ слона *Хурмуста*, на остальныхъ 32-хъ спутники его, а за ними на слонахъ ѣдутъ еще 8 тысячъ спутниковъ. Дорога *Хурмусты* выходитъ изъ рши, исполненной благоуханія и отрады, проходитъ чрезъ четыре пространныя земли и идетъ къ мѣсту собранія всѣхъ небожителей (теніріевъ).

«Мнѣзъ этотъ, сообразно тройственной силѣ, имѣетъ тройное символическое значеніе: онъ изображаетъ первозданную, юную, чистую природу; слонъ его — міръ духовный: 33 головы — 33 духовныя стени; спутники и спутницы, цвѣтъ и красоат — ду-

ховную радость, которая сопровождает невинность и чистоту. Помѣщеніе *Хурмусты* въ средней головѣ слона — предѣлъ, до котораго продолжается земная дѣятельность духа; дорога *Хурмусты* знаменуетъ лѣстницу, ведущую небожителей въ *Нарвану*, страну покоя и блаженства; пространная земля — 4 міра: матеріальный, органический, духовный и *Нарвану*.

«Самъ *Хурмуста* представляетъ юношескій возрастъ и съ нимъ пылокое воображеніе, полное прелестей и самообольщеній, очарованій и стремленій, и наконецъ здѣсь изображаются первыя десять степеней міра духовнаго, въ которомъ достигшіе чистотою дѣлъ люди, сохраняя духъ, сохраняютъ и половое различіе, и отъ взаимнаго сочетанія ихъ, матеріальное ихъ свойство, ниспадая на землю тѣнью, воспроизводитъ *бллокостную природу* — аристократію.

«*Шакджи-Мюни* представляется человѣкомъ, сидящимъ на горѣ *Будалѣ* въ спокойномъ созерцаніи. Передъ нимъ вѣра въ видѣ мѣди. Кругомъ горы раскинуты богатыя рощи изъ плодоносныхъ деревьевъ, на коихъ висятъ зрѣлые плоды. Далѣе потомъ тинутся долины, красующіяся зрѣлымъ рисомъ. Символическое значеніе *Шакджи-Мюни* тоже тройко: онъ выражаетъ природу, достигшую совершеннѣйшаго. Въ ней все полно зрѣлости и возмужалости. *Шакджи-Мюни* представляетъ мужество и разсудительность, постоянство, твердость въ исполненіи предпріятій и зрѣлость ихъ плодовъ, и наконецъ, здѣсь являются вторыя десять степеней свѣтлаго міра, въ которомъ духъ, очистясь отъ матеріальныхъ частицъ въ первыхъ десяти степеняхъ и уни-

что живъ тѣмъ половое различіе, сочетается въ одно существо, въ одинъ свѣтъ, который и разливается на землѣ.

«*Манзу-Шири* изображается тоже сидящимъ въ созерцаніи на пяти-угольной горѣ: съ правой стороны гора Будада, на которую обращенъ взоръ его; остальные стороны горы усѣяны холмами съ спѣлымъ рисомъ и съ другими произрастеніями. Символическій смыслъ здѣсь также троекъ: подразумѣвается природа старѣющая, и ея наслажденія будущимъ развитіемъ изъ самой собственной ея жизни. Это ея старость и пользованіе плодами мужества; и наконецъ *Манзу-Шири* представляетъ послѣднія десять степеней свѣтлаго міра, въ которыхъ духъ, исполнивъ всѣ обязанности земной жизни, предается духовному смотрѣнію за исполненіемъ обязанностей воплотившагося *Будда-Сатвы* въ образъ далай-ламъ.»

Такова сущность калмыцкаго вѣрученія. Нужно ли говорить, что оно, по своей отвлеченности, не только не доступно для массы народа, но даже и для ихъ гелюнговъ. Для тѣхъ и другихъ вся религія заключается въ обрядовой части. Главное мѣсто священнодѣйствія составляетъ хурулъ. Это та же калмыцкая кибитка, т. е. войлочный шатеръ, въ которомъ противъ входа устраивается возвышеніе, на которомъ помѣщаются мѣдные истуканы Бурхановъ и что-то въ родѣ образовъ тѣхъ же Бурхановъ, нарисованные на шелковыхъ матеріяхъ. Предъ возвышеніемъ ставится столъ, уставленный обыкновенно разными сосудами, въ которыхъ положены разные масла, <http://www.moscow.org/> мука, фрукты; между всѣмъ этимъ разставляются курительныя свѣчки и сдѣлан-

ные изъ серебра цвѣты. На полу, отъ жертвенника къ выходу, разстилается коверъ, на который садится духовенство при священнодѣйствіи. Служба обыкновенно производится каждодневно: поутру — *Ероля-Мергуль* и вечеромъ — *Аскана-Мергуль*. Кромѣ каждодневной службы, она производится и съ большею, конечно, торжественностью по праздникамъ, которыхъ установлено довольно значительное число. Дѣля годъ, какъ и мы, на 12 мѣсяцевъ: 1-й *морингъ* *) (около нашего февраля), 2-й *мога*; 3-й *хонингъ*; 4-й *мечингъ*; 5-й *така*; 6-й *ноха*; 7-й *гоха*; 8-й *хулугуна*; 9-й *укюръ*; 10-й *баръ*; 11-й *тулла*; 12-й *лу*. Калмыки празднуютъ въ каждомъ изъ нихъ 8-е, 15-е и 30-е числа, называемыя *Мацакъ*. Духовенство и нѣкоторые изъ благочестивыхъ мѣрянъ въ эти дни не употребляютъ мясной пищи. Кромѣ того, у нихъ въ году 6 праздниковъ: 1) *Деминшиненъ-Дюцунокъ* въ мѣсяцъ *така* (4 іюля), установленный въ честь Бурхана Бакши — покровителя бѣдныхъ; 2) *Дюцунокъ* въ мѣсяцъ *хулугуна* (22 октября), тоже въ честь Бурхана Бакши; 3) въ мѣсяцъ *моха* (въ августѣ) въ честь Бурхана Майдере — общаго покровителя.

Гораздо важнѣе этихъ праздниковъ три остальные: *Зула-Сара* въ мѣсяцъ *укюръ* (въ ноябрѣ). Онъ бываетъ передъ наступленіемъ новаго года. Каждый почти калмыкъ въ этотъ день дѣлаетъ изъ муки ча-

*) Въ каждомъ мѣсяцѣ у нихъ тоже 4 недѣли, а въ недѣлѣ 7 дней: 1) *Нарынъ-Гарекъ* (воскресенье), 2) *Саронъ-Гарекъ* (понедѣльникъ), 3) *Мекмиръ* (вторникъ), 4) *Умомоджи* (среда), 5) *Шорьбе* (четвертъ), 6) *Бисанъ* (пятни), 7) *Бембе* (суббота).

шечку, наливаетъ ее коровьимъ масломъ и, сколько ему лѣтъ, столько же дѣлаетъ свѣтиленъ и зажигаетъ ихъ, и получаетъ при этомъ случаѣ по году: на примѣръ, если ему 17 лѣтъ, то послѣ этого дня бываетъ уже 18.

Цаганъ-Сара (5 февраля) продолжается семь дней. Онъ особенно замѣчательнъ тѣмъ, что съ него у калмыковъ начинается весна, и они, оставляя свои зимнія кочевья, переходятъ на лѣтнія.

Юрусъ-Сара въ мав мѣсяцѣ. Въ продолженіе его всѣ кибитки украшаются зеленью и древесными вѣтвями.

Въ праздникъ и будни калмыцкое духовенство, съ своими бритыми головами, съ выщипанной бородой, въ юпкахъ вмѣсто портокъ, въ желтыхъ и красныхъ кафтанахъ, съ четками въ рукахъ, съ перекинутымъ черезъ плечо кушакомъ, въ шапкѣ съ мѣховымъ околышемъ и непремѣнно желтаго цвѣта, — лишь только услышитъ раздирательные звуки священнодѣйствующихъ трубъ, сейчасъ же спѣшитъ въ хуруду, въ которой вступаютъ съ босыми ногами и непокрытыми головами. Здѣсь, усѣвшись по старшинству въ двѣ линіи, какъ становится и наше духовенство въ соборномъ служеніи, они берутъ принадлежащій каждому духовный инструментъ. Инструменты эти состоятъ изъ огромныхъ мѣдныхъ трубъ (*бюре*), изъ дудочекъ (*бикшуре*), изъ турецкихъ барабановъ (*кенере*) и наконецъ изъ большихъ морскихъ раковинъ (*дунгъ*). Сверхъ того есть еще *цанъ* — серебряныя тарелки, и *гандама*, небольшія трубочки, сдѣланныя, не болѣе, не менѣе, какъ изъ берцовыхъ костей человѣческихъ, которыя для этого

обыкновенно бывают оправлены въ серебро. Священнодѣтели, прежде чѣмъ вознесутъ свои мысли въ неизреченную страну *Нарвану*, укрѣпляютъ свое немощствующее тѣло, и для этого имъ приносятъ огромное количество калмыцкаго чая, котораго нѣсколько ложекъ они вливаютъ въ особенный сосудецъ и ставятъ его передъ бурханомъ, а остальное выпиваютъ сами съ проворствомъ и аппетитомъ, къ какому способно только духовенство. Затѣмъ начинается служба, которая состоитъ изъ пѣнія и игра- нія на описанныхъ мною инструментахъ. Въ какой степени все это невыносимо въ музыкальномъ отношеніи — трудно даже вообразить, и всѣхъ ужас- нѣе мнѣ въ этомъ случаѣ показались раковины, на- дуваемые мѣхами здоровеннѣйшаго гелюнга. Онѣ пищать, режутъ, стонуть, и только спасибо еще ба- рабану и тарелкамъ, которые иногда ихъ пересили- ваютъ и заглушаютъ. Міряне во время священно- дѣйствія не входятъ въ хуруль и стоятъ около, а женщины даже совсѣмъ никогда не могутъ въ него входить.

Въ рожденіи, свадьбахъ и похоронахъ калмыцкое духовенство тоже принимаетъ значительное участіе. Когда родится ребенокъ, то при матери нѣтъ пови- вальныхъ бабушекъ, а просто приходятъ сосѣдки. Имя новорожденному у богатыхъ обыкновенно вы- бираетъ гелюнгъ изъ книгъ, за извѣстную, конечно, плату, а для бѣдныхъ выбираетъ самъ отецъ или кто-нибудь изъ родныхъ, и что только придетъ въ голову: собака, свинья, собачій пометъ, козель, мо- розъ, сенаторъ; для женщинъ иногда это посмяг- чаютъ, называя ихъ лисичкой, куничкой, а иногда

даже спокойствіемъ, драгоценностью. Гелюнгъ для новорожденнаго пишетъ на тангутскомъ языкѣ молитву, которую каждый калмыкъ и носить потомъ всю жизнь на шеѣ, зашивши въ кожу. Младенца, вмѣсто люльки, заплетаютъ въ лубочный ящикъ, съ тремя отверстіями, и вкладутъ въ ротъ сало. Въ этихъ пеленкахъ онъ, говорятъ, остается до тѣхъ поръ, пока не разломитъ ихъ ростомъ. Потомъ, когда дѣти начинаютъ ползать, родители, уходя изъ кибитокъ на работу, обыкновенно привязываютъ ихъ, какъ собаченокъ, на сворку къ кровати на такое разстояніе, чтобы можно было подползти и погрѣться у горящаго цѣлый день посрединѣ каждой кибитки огня, но обжечься и попасть въ самый огонь невозможно. Грудью кормятъ ихъ дѣтъ до трехъ, и около этого времени онъ ужъ начинаетъ и трубку курить. Такимъ образомъ растетъ калмыченокъ и ходитъ обыкновенно голый до стыда, но когда наконецъ почувствуетъ эту необходимость, то и тутъ не роскошествуетъ; на немъ рубашка изъ холста или бязи (хуже холста); у бѣдныхъ часто бываетъ всего одна. Если видить, что очень ужъ грязна, такъ снимаетъ ее, вымоетъ и ждетъ голый, пока она высохнетъ. Порты тоже холщевые изъ бязи. Какъ признакъ нѣкотораго довольства, является кафтанъ изъ китайки или нанки. Весь черный лѣтомъ ходитъ босикомъ, и только зимой надѣваетъ сапоги изъ козловой, бараньей или коровьей кожи.

Выщипывая бороду и оставляя одни усы, калмыки, подобно китайцамъ, подбриваютъ спереди волосы, а сзади заплетаютъ въ косички, и носятъ

на головахъ шапки — зимой лисьей шкуры, которыя называются *бючилем*, а лѣтомъ изъ мерлушки — *тумашъ*. Кромѣ того у нихъ еще есть четырехугольныя шапки, называемыя *хаджинками*. На верху всѣхъ шапокъ нашиваются обыкновенно красныя кисточки, почему калмыковъ и называютъ *краснокисточными*. Платье женское почти точно такое же, и только воротникъ у рубашки нѣсколько пошире, и есть еще особый кафтанъ, называемый *цекдыхъ*.

Когда молодой калмыкъ начинаетъ чувствовать нѣкоторое поползновеніе чаще мыть свою рубашку, чаще надѣвать китайчатый *беимень* и ту же перетягиваться ремнемъ, — значитъ, жениться задумалъ; цѣль эта достигается обыкновенно двумя путями: или добровольно, или воровствомъ. Въ первомъ случаѣ, сговорившись съ товарищами, онъ беретъ съ собой сколько можно болѣе водки, разнаго варенаго мяса и ѣдетъ къ отцу избранной имъ дѣвки, гдѣ ему или прямо отказываютъ, или говорятъ, что напередъ желаютъ разузнать объ немъ, а между тѣмъ — привезенное имъ вино выпиваютъ, мясо съѣдаютъ. Парень ѣдетъ въ другой разъ — его отпускаютъ съ тѣмъ же отвѣтомъ. Онъ ѣдетъ въ третій; ему говорятъ наконецъ, что не желаютъ за него отдать, и ничего отъ него не принимаютъ. Тогда онъ рѣшается украсть невѣсту: сговорившись опять съ тѣми же товарищами, онъ ѣдетъ въ хотонъ ея и, изловивъ минутку, когда она выйдетъ за чѣмъ-нибудь изъ кибятки, хватаетъ ее. Весь хотонъ поднимается: сколько ни есть бабъ, дѣвокъ, а иногда и калмыковъ, начинаютъ ее отнимать, бьютъ жениха и его повѣздъ палками, кольями, но

почти всегда безуспѣшно: похититель, ухвативъ за руку, за волосы, за ногу, словомъ — за что только попало, свою суженую, ускакиваетъ и привозитъ ее въ свою кибитку, изъ которой ее уже никто не имѣетъ права у него отнять. Гелюнгъ читаетъ надъ новобрачными молитву. Молодую сажаютъ за занавѣсъ, сдѣланный въ ногахъ кровати, а повѣжане съ молодымъ начинаютъ пировать. На другой день приходятъ отецъ и мать новобрачнаго. У молодой, между тѣмъ, ея дѣвичью косу расилетаютъ на двѣ и выводятъ ее на-показъ свекру и свекрови, а потомъ снова уводятъ на кровать за занавѣсъ: тѣмъ почти все и кончается. Но гораздо большею торжественностью сопровождается свадьба добровольная, при согласіи родителей: въ этомъ случаѣ гелюнгъ назначаетъ счастливый день, въ который женихъ отправляется къ тестю за невестой, гдѣ, по совершеніи нѣкотораго обряда, начинается пиршество; но и здѣсь, когда женихъ начинаетъ брать невесту, то женщины и дѣвки не даютъ ему ее и начинаютъ бить его и товарищей; но они, разумѣется, одолеваяютъ ихъ и сажаютъ невесту на особую лошадь, а приданое — кошмы, ковры, платье, посуду — навьючиваютъ на верблюда, и все это привозится въ женихову кибитку, гдѣ заранѣе приглашенный гелюнгъ сажаетъ жениха и невесту рядомъ и даетъ имъ баранью кость, за которую они должны держаться руками. Сзади новобрачныхъ ставится калмыкъ (что-то въ родѣ шафера), который заставляетъ ихъ кланяться. Гелюнгъ кладетъ имъ на голову книгу, потомъ даетъ по куску сала, а также и всѣмъ присутствующимъ. Послѣ этого

начинается пированіе, а молодую сажают на кровать за занавѣсъ. На другой день также приходятъ отецъ и мать, и имъ показываютъ невѣсту съ двумя уже косами.

Женившись такимъ образомъ, калмыкъ начинаетъ жить отдѣльнымъ отъ семьи хозяйствомъ, которое, впрочемъ, немногосложно. Главнымъ образомъ оно состоитъ изъ кибитки, о которой да не подумаетъ читатель, что она хоть сколько-нибудь похожа на нашу кибитку. Это просто на-просто войлочный шатеръ, составленный изъ крестообразныхъ рѣшетокъ (*жерме*), которыхъ пять или шесть полотнищъ укрѣпляется въ землѣ такимъ образомъ, что изъ нихъ составляется одна круглая рѣшетка съ небольшимъ въ нее входомъ. Концы рѣшетокъ крѣпко связываются между собой сыромятными ремнями. Верхъ кибитки составляетъ обручъ и въ сдѣланные въ немъ отверстія втыкаютъ шесты (*унины*), которые другими концами укрѣпляются на рѣшетку и крѣпко потомъ къ ней привязанные образуютъ усѣченный конусъ.

Все это покрывается войлоками, т. е. бѣлыми или сѣрыми кошмами. Верхъ кибитки закрывается кускомъ войлока (*цагрык*), который можетъ открываться и закрываться. Входъ въ кибитку притворяется дверью, на которую, сверхъ того, съ наружной стороны спускается еще войлочный пологъ. Весь этотъ снарядъ, какъ дѣтская игрушка, можетъ быть въ полчаса сложенъ и разложенъ.

Внутреннее убранство кибитки точно также не отличается большими удобствами: прямо противъ входа обыкновенно уставляется супружеская кро-

вать, на которой, вмѣсто перины, постигается тю-
 фякъ (*дербюльджинъ*) — въ нѣсколько разъ сложен-
 нныя кошмы; онѣ покрываются одѣяломъ (*кюнжилъ*);
 лѣтомъ оно бываетъ нанковое или шелковое, а зи-
 мою изъ овчины или лисьяго мѣху; въ ногахъ и
 головѣ кровати кладутся кожаныя подушки (*дер-
 боцко*, — *кельбоцко*) — набитыя старымъ платьемъ и
 бѣльемъ. Самымъ почетнымъ мѣстомъ въ кибиткѣ
 считается мѣсто вѣво отъ кровати, называемое
большой баранъ, куда складываются самыя дорогія
 вещи: попоны, верблюжьи недоузды, обшитыя раз-
 ноцвѣтнымъ сукномъ; на нихъ ставятся сундуки
 съ лучшей одежей и съ деньгами; сундуки эти на-
 крываютъ ковромъ — и на нихъ размѣщаются литые
 и лѣпные бурханы, передъ которыми на особомъ
 столикѣ возлагаются разныя жертвоприношенія:
 вода, пшеница, ароматныя куренья. Мѣсто по пра-
 вую сторону кровати называется *малымъ бараномъ*,
 въ которомъ помѣщается вся домашняя утварь,
 съѣстные припасы и вино. Посреди кибитки устро-
 енъ бываетъ таганъ, подъ которымъ почти посто-
 янно тлѣетъ *кизякъ*. Этотъ огонь согрѣваетъ ма-
 ленькихъ дѣтей и старыхъ калмычекъ, которыя
 обыкновенно лежатъ около него и поворачиваютъ
 къ нему то одинъ бокъ, то другой. На этомъ же
 огнѣ готовятъ калмыки и незатѣйливую пищу
 свою: для каждаго изъ нихъ составляетъ его усладу,
 его почти потребность, такъ называемый *кирпичный
 чай*. Нарѣзавъ его нѣсколько кусочковъ, они раз-
 вариваютъ его въ водѣ и прибавляютъ къ этому
 соли, масла и молока, и потомъ, переливши въ осо-
 бый сосудъ — *домбо* (что то въ родѣ высокой де-

ревянной кружки), все это разливаютъ по чашкамъ и пьютъ. Хлѣбомъ калмыки не слишкомъ себя лакомятъ: муку они должны купить и умѣютъ испечь изъ нея непріятнѣйшимъ образомъ прѣсныя лепешки. Роскошь въ мясѣ является только въ случаѣ скотскаго падежа, или когда звѣрь повредитъ скотину. Обыкновенную же пищу калмыка составляетъ: *куртъ-хурсунъ*, отвердѣвшій и засушенный творогъ, остающійся послѣ гонки вина; *ейзи*, что-то въ родѣ сыра изъ овечьяго молока, и наконецъ разнаго рода кушанья изъ коровьяго молока: *седмыкъ*, *маханъ-седмыкъ*, *кюхорцукъ*.

Изъ царства прозябаемаго, вмѣсто нашего лука, рѣдьки, картофеля, калмыки употребляютъ *тилмъ* (водяной орѣхъ) и *бодмонцукъ* (свиной орѣхъ), *алчинхо* (головатую осину), *буулукъ* (спорышь), что-то въ родѣ луку. Они ихъ ѣдятъ или сырые или высушенные, истолченные и замѣшенные въ видѣ тѣста. Къ хмѣльнымъ напиткамъ калмыки чрезвычайно склонны и добываютъ ихъ, посредствомъ закваски, или изъ овечьяго молока — *чиганъ*, или изъ коровьяго — *арганъ*. Эти напитки, перегианные, даютъ *арка*, т. е. вино, которое, будучи еще разъ перегиано, называется *арза*.

Изъ этого бѣглаго перечня житья-бытья калмыцкаго видно, какъ незавидно положеніе этого народа.

Если вамъ станутъ указывать на нѣсколько зажиточныхъ калмыцкихъ хозяевъ, на нѣсколько казенныхъ улусовъ, приученныхъ къ хлѣбопашеству, на заработки по рыбнымъ и солянымъ промысламъ, на лѣсные питомники и общественный садъ, то не вѣрьте ничему этому: это только пустая замазка

сверху, подъ которой таится страшная картина. Черный народъ, обреченный почти божеской власти, которую имѣютъ надъ ними нойѣны, — люди нельзя сказать, чтобы развитые и склонные къ филантропiи, — народъ, опиваемый, объѣдаемый и обманываемый духовенствомъ, наконецъ, стѣсняемый и обираемый чиновниками, до такой степени бѣденъ, что нашъ сѣверный задѣльный мужикъ передъ калмыкомъ — герцогъ, лордъ по тѣмъ удобствамъ, которыми пользуется въ жизни, наконецъ по самому взгляду на вещи.

Калмыковъ обыкновенно укоряютъ въ лѣности, въ безпечности, въ прирожденной склонности къ кочевой жизни, но какого рода иную жизнь можно вести посреди этой природы, въ которой невозможно хлѣбопашество, нѣтъ ни лѣсу, ни воды, а только одна, весьма невысокаго качества, степная трава, которая и даетъ имъ возможность заниматься скотоводствомъ, — но и въ этомъ случаѣ, т. е. заготовить кормомъ, нанять косарей и накопить сѣна на зиму, можетъ только человекъ зажиточный... Калмыкъ же средней руки рассчитываетъ на то, что скотина сама по себѣ будетъ добывать круглый годъ кормъ. Это иногда и удается, но зато, какъ только наступаетъ зима похолоднѣй, а главное, съ глубокими снѣгами, овца первая теряетъ возможность пробивать ногой снѣжную кору и доставать себѣ изъ-подъ нея кормъ. За нею слѣдуетъ рогатый скотъ и наконецъ даже лошади, и такимъ образомъ гибнутъ цѣлыя стада, табуны, повергая тысячи семействъ въ полнѣйшую нищету. Что касается до заработковъ, то какія блага полу-

чаетъ чернорабочій калмыкъ на соляныхъ заработкахъ — я не знаю, но что съ ними дѣлаютъ на рыбныхъ промыслахъ, такъ объ этомъ земля слухомъ полнится: его нанимаютъ обыкновенно съ тѣмъ, чтобы онъ имѣлъ всѣ свои рыболовные снаряды, для этого даютъ ему впередъ денегъ. Ни жалованья, ни пищи ему не полагается, а обѣщаютъ платить по мѣрѣ улова въ продолженіе всего лѣта. Онъ, работая постоянно на холоду и въ водѣ, не долженъ ни разу заболѣть, иначе ему ставится въ рубль серебромъ каждый день, такъ что, въ случаѣ неулова или болѣзни, бѣдный попадаетъ въ полнѣйшую кабалу, и ему единственное средство спастись отъ нея остается въ побѣгѣ, но между тѣмъ онъ никакого другаго промысла не знаетъ и ничего другаго не умѣетъ дѣлать — идти и наняться къ другому хозяину не можетъ, потому что тотъ, по взаимной стачкѣ, выдастъ его прежнему хозяину. И конечно ужь одна только кротость и добродушіе, прирожденные калмыцкому характеру, удерживаютъ этихъ несчастныхъ бѣглецовъ, что они не дѣлаются подорожными разбойниками.

Какъ ни скудна и ни печальна жизнь этого народа, однако онъ (за исключеніемъ чиновничества и общественнаго сада) терпѣливо сноситъ и свои нужды, и своего нойѣна, и своего попа, любитъ свой кочевой бытъ и склоненъ даже веселиться. Лошадиныя скачки врядли не составляютъ въ этомъ случаѣ главнѣйшаго и самаго заборнаго удовольствія: при каждомъ почти праздникѣ у нойѣна пригоняется табунъ совершенно дикихъ лошадей (неуковъ); вы можете указать на любую изъ нихъ,

чтобы поймали ее: опытный въ этомъ дѣлѣ калмыкъ закидываетъ на нее почти съ-разу арканъ и, захвативши къ себѣ на сѣдло мальчишку лѣтъ 12-ти, 13-ти, нагоняетъ ее... мальчишка перепрыгиваетъ съ его сѣдла на неука, съ котораго снимаются арканъ... онъ начинаетъ стремглавъ лѣзть, бить передомъ, задомъ, желая сбить сѣдока, но тотъ, уцѣпившись за гриву, сидитъ какъ прикованный... старый калмыкъ снова ихъ нагоняетъ... мальчикъ перепрыгиваетъ къ нему на сѣдло, и снова опять вспрыгиваетъ на свою лошадь... Словомъ, самые знаменитѣйшіе вольтижеры, сравнительно съ маленькимъ калмыченкомъ, ничего не стѣятъ. Кромѣ этой потѣхи, устраиваются спорныя скачки, кто кого перегонитъ; для этого назначается въ степи огромный кругъ, нѣсколько наѣзтниковъ пускаются вперегонку: кто ранѣе возвратится къ началному пункту, тотъ и получаетъ отъ владѣльца призъ.

За скачкой часто слѣдуетъ борьба, которая въ свою очередь воспаляетъ калмыцкія сердца. Настоящей, торжественной борьбы я не видалъ; при мнѣ боролись только двое борцовъ, призванные владѣльцемъ случайно показать намъ свое искусство; но вотъ что говорить объ ней г. Небольсинъ въ своихъ прекрасныхъ «Очеркахъ быта калмыцкаго народа»:

«О времени борьбы дается народу знать заранѣе и весь улусъ раздѣляется на двѣ мнимо-враждебныя партіи: сторону владѣльца и сторону гелюнговъ.

«Каждая сторона, секретно одна отъ другой, представляетъ владѣльцу списокъ борцовъ, или приоб-

рѣвшихъ уже себѣ имя, или впервые вызывающихся на бой, и вмѣстѣ съ тѣмъ назначаетъ двухъ или трехъ представителей родовъ и аймаковъ, для охраненія правъ своихъ борцовъ отъ незаконнаго нарушенія борцами враждебной партіи.

«Владѣлецъ назначаетъ количество и качество призовъ, опредѣляемыхъ имъ въ награду побѣдителямъ; сообщаетъ списокъ этихъ наградъ противной себѣ партіи и, отстраняя отъ себя всякое вмѣшательство въ ея собственныя дѣла, предоставляетъ ей избрать себѣ отдѣльнаго, на все время борьбы, главу для предводительствованія народомъ и для полного распорядка всѣмъ, касающимся до приготовления и исполненія затѣянной игры.

«Затѣмъ каждая партія, условившись, въ какой день борьба должна совершиться, назначаетъ срокъ, къ которому всѣ борцы изъ разныхъ концовъ улуса должны съѣхаться на опредѣленное мѣсто, и день, въ который должно произойти распредѣленіе борцовъ по номерамъ.

«Съѣхавшіеся борцы на репетицію, отдохнувъ съ дороги и собравшись съ силами, испытываютъ сами себя въ богатырствѣ, вступая въ схватки съ кѣмъ случится по знакомству или по дружбѣ, и послѣ уже неоднократныхъ опытовъ и убѣжденія въ собственной силѣ, ловкости и проворствѣ, рѣшаются приступить къ генеральной пробѣ.

«Въ дни, предшествующіе народному празднеству, борцы стараются сохранить и укрѣпить свои силы разными способами: они со всѣхъ ногъ кидаются о землю, чтобъ приучить себя къ ударамъ, вытягиваютъ и размахиваютъ руками и ногами, ва-

ляются по песку, чтобъ сдѣлать кожу менѣе чувствительною къ небольшимъ ушибамъ и царапинамъ, и спать виѣ кибитки, на голой землѣ, подложивъ подъ себя, вмѣсто тюфяка, жесткіе арханы, а въ изголовье кусокъ простой кожи.

«На утро борцы идутъ въ хурулъ, каждая партія поодинокѣ и подъ предводительствомъ избранныхъ старшинъ, исполняющихъ должность судей, и молятъ бурхановъ долго и усердно о дарованіи имъ побѣды.

«Мѣсто, гдѣ при насъ происходила борьба, было обставлено такимъ образомъ: Между хурудами и владѣльческой ставкой была выровнена на степи небольшая площадка: рѣдкую траву здѣсь повыдергали, разрыхлили немного песокъ, изъ котораго состоитъ почва. По одну сторону арены стояли владѣльческаа кибитка и кибитки его гостей и сторонниковъ; по другую сторону, прямо противъ нихъ, были кибитки представителей другой партіи: тутъ сидѣли старшіе гелюнги, и съ ними самъ бакши, также нойѣнъ — правитель улуса, дядя владѣльца, и нѣсколько почетныхъ зайсанговъ; рядомъ съ ними былъ разбитъ огромный шатеръ изъ паруснаго холста, въ которомъ укрывались отъ солнца простые гелюнги. По двумъ остальнымъ сторонамъ побоищнаго мѣста сидѣлъ народъ, раздѣлившись на партіи: влѣво сидѣли калмыки, изъ среды которыхъ выбраны были борцы со стороны владѣльца, справа — ихъ противники. По діагонали этого четырехугольника поставлено было по одной кибиткѣ, въ которыхъ собрались сами борцы.

«Когда владѣлецъ вошелъ въ свою кибитку и по-

далъ сигналъ начатія ратоборства, степь стихла, и водворилась мертвая тишина.

«Въ одно и то же мгновеніе, двери угловыхъ кибитокъ растворились, и секунданты вывели борцовъ, стоявшихъ во главѣ списка. Секундантъ партіи гелюнговъ, старикъ лѣтъ за 50, рослый, плечистый, въ свое время самъ считавшійся первымъ борцомъ улуса, шелъ въ праздничномъ калмыцкомъ нарядѣ, гордо поднимая голову; два его сына, славившіеся силою, были въ числѣ борцовъ его партіи, и старшій сынъ, надежда отца и краса партіи, былъ первымъ на очереди; онъ неоднократно уже оставался побѣдителемъ на прежнихъ празднествахъ, а его противникъ, первый борецъ со стороны владѣльца, былъ юноша безвѣстный, только теперь, въ первый разъ выступавшій передъ народомъ.

«Секунданты въ одной рукѣ несли по «кумчану», т. е. по мѣдному кувшину, наполненному водой: это на случай обморока, которому могутъ подвергнуться борцы во время жестокихъ схватокъ; другою рукой они поддерживали борцовъ. Рядомъ съ секундантомъ партіи гелюнговъ шелъ сынъ его, твердою поступью.

«Борецъ, котораго велъ секундантъ владѣльческой стороны, весь трясся отъ избытка энергіи и отъ страха за будущее; шаги его были неравномерны. Онъ, подобно своему противнику, былъ съ головы до ногъ закутанъ въ бѣлую простыню.

«Вступивъ на арену, борцы остановились; секунданты сняли съ нихъ покрывала, воздухъ огласился радостными кликами, которыми народъ привѣтствовалъ молодыхъ атлетовъ. Борцы явились взорамъ

народа полунагими: на нихъ надѣты были одни широкія, бѣлыя, далеко недоходящія до колѣнъ шальвары. Они низко наклонились, коснулись пальцами обѣихъ рукъ земли, отдали почестъ владѣльцу и, умывъ руки пескомъ, стали медленно кружиться по аренѣ, шагая исполинскими шагами и сильно размахивая руками. Потомъ остановились одинъ противъ другаго и старались схватить другъ друга рукою. Нѣсколько томительныхъ мгновений длился этотъ маневръ: одинъ схватывалъ противника за кисть правой руки, тотъ вывертывалъ ее у него изъ пальцевъ и, въ свою очередь, выжидалъ случая схватить его за пальцы, или за плечо, или за часть одежды, въ которую выгоднѣе всего было вцѣпиться. Наконецъ они схватились — и другъ на другѣ повисли, обманывая другъ друга намѣреніями перемѣнить позицію.

«Смотря по тому, который изъ борцовъ начинаетъ осливать, съ той или съ другой стороны арены раздаются поощрительные клики партіи. Станетъ въ выгодное положеніе прославленный побѣдами сынъ старика-секунданта, крики «ура» раздаются въ партіи калмыцкаго духовенства; падетъ преимущество на безвѣстнаго еще юношу — степь оглашается торжествующими воплями партіи владѣльца.

«Борьба кончается иногда съ одного раза, иногда послѣ нѣсколькихъ отдыховъ; иногда она бываетъ коротка и быстра; иногда длится очень долго, до тѣхъ поръ, пока одинъ борецъ не прижметъ другаго къ землѣ спиною. Въ первой парѣ видѣнныхъ мною борцовъ побѣда принадлежала сторонѣ вла-

дѣльца. Шумные влики народа покрыли побѣдителя славою; къ нему отъ имени владѣльца подвели дорогаго коня и поднесли въ подарокъ новый чекмень изъ сукна, да нѣсколько денегъ. Изъ толпы той партіи, къ которой юноша принадлежалъ, выскочило нѣсколько человекъ, они винулись борцу въ объятія, надѣли на него шапку — хошоутку, обвѣшали его халатами и платками, приподняли его на руки и, окруживъ вниманіемъ и почтеніемъ его подвига, вынесли его изъ арены съ громкими восклицаніями. Борецъ, отуманенный и прежними паденіями и теперьшнимъ торжествомъ, шелъ и шатался какъ опьянѣлый. — Бѣдный отецъ побѣжденнаго борца едва крѣпился, чтобъ не дать торжествующей партіи прочесть на своемъ лицѣ волновавшихся его обиды, злобы и огорченія; а сынъ, блѣдный какъ только можетъ быть блѣденъ калмыкъ, скрылся въ толибъ, которая съ злою насмѣшкою посматривала на свѣжіе знаки его посрамленія, на мелкій песокъ, плотно прилипшій къ мокрой спинѣ побѣжденнаго атлета.

Къ числу калмыцкихъ забавъ можетъ быть также отнесена и охота. Въ большихъ размѣрахъ она производится только за сайгами. Для этого, выслѣдивъ первоначально въ степи сайгачье стадо, человекъ шесть или восемь охотниковъ выѣзжаютъ въ поле верхомъ и съ винтовками. Половина изъ нихъ сѣшивается и засѣдаетъ по разнымъ уютнымъ мѣстамъ: кто за кустикомъ, кто въ ложбинѣ; остальные же объѣзжаютъ стадо, поворачиваютъ его и стараются гнать его въ ту сторону, гдѣ устроены засады, откуда, конечно, и стрѣляютъ по нему, какъ только душѣ угодно. По случаю этой охоты мнѣ одинъ изъ

охотниковъ разсказывалъ, что однажды, когда онъ сидѣлъ въ засадѣ, то бѣжавшее стадо до того, какъ говорится, обмишурилось, что прямо полетѣло на него, и онъ, чтобъ не спугнуть его и не отвести въ противоположную отъ товарищей сторону, рѣшился лучше прилечь, и такимъ образомъ черезъ него перескочило по крайней мѣрѣ 500 козъ, изъ которыхъ каждая его щелкнула копытомъ то въ голову, то въ спину, такъ что онъ всталъ чуть живой и весь покрытый синяками.

Богатые нойёны охотятся также съ соколами и ястребами на гусей, казарей и дрозъ. Охота за кабанамъ производится только въ каспійскихъ прибрежьяхъ. За волками охотятся не съ ружьемъ, а съ нагайкой, которою, ударивши волка по мордѣ, убиваютъ на смерть.

Чтобы заключить нашу статью, скажемъ нѣсколько словъ о болѣзняхъ калмыковъ, ихъ смерти и погребеніи. Самую ужасною между ними болѣзнію считается оспа. Достаточно какому-нибудь несчастному заболѣть ею, чтобы его родные, и даже иногда цѣлый улусъ, изъ боязни заразиться, откочевали въ нѣсколько верстъ, покинувъ больного одного, въ степи, на голодную смерть. Единственными лекарствами для калмыковъ служатъ ихъ гелюнги, которые, безъ всякихъ, конечно, анатомическихъ знаній, безъ всякой рациональной системы, говорятъ, бываютъ очень искусны въ излеченіи нѣкоторыхъ болѣзней, доказавъ еще разъ, что медицина все-таки остается, по преимуществу, наукой опытной. Истошивъ всѣ физическія пособія, гелюнги обыкновенно прибѣгаютъ къ молитвѣ и при этомъ случаѣ нерѣдко объявляютъ,

что причиной болѣзни служить какая-нибудь цѣнная вещь, принадлежащая больному, которую онъ, чтобъ только избавиться отъ нея, сейчасъ же жертвуетъ въ хуруль. Кроме того, въ случаѣ упорной и продолжительной болѣзни, они относятъ ее къ тому, что больной имѣетъ *несчастное имя*. Чтобы снять съ него это имя, гелюнги дѣлаютъ изъ глины или изъ тѣста подобіе человѣческой фигуры, даютъ ей имя больного и забрасываютъ ее куда-нибудь въ степи или приносятъ ее въ жертву злему духу (эрлику), котораго считаютъ виновникомъ болѣзней и всѣхъ другихъ несчастій; больной при этомъ случаѣ получаетъ другое имя, вмѣстѣ съ которымъ ожидаетъ и выздоровленія. Когда бываетъ боленъ нойенъ или богатый зайсангъ, то вуклу замѣняетъ иногда живой человѣкъ, кто-нибудь изъ подвластныхъ калмыковъ, рѣшившійся изъ любви къ господину пожертвовать собой и предаться во власть эрлика. Для этого передаютъ ему имя больного владѣльца, наряжаютъ его въ лучшую одежду того, сажаютъ на любимаго господскаго коня и, при большомъ торжествѣ, изгоняютъ изъ улуса съ прозвищемъ *андына* (отверженнаго). Это наименованіе изгнанникъ передаетъ потомству и никогда уже не можетъ возвратиться въ родной улусъ. Чтобы разнообразить свои приемы, гелюнги иногда объявляютъ тяжко-больному, что хоть онъ еще и живъ, но душа его уже отлетѣла, и потому надобно постараться призвать ее обратно. Больной, разумѣется, готовъ имъ отдать все, чтобъ только воротить жизнь. Условившись въ платъ, гелюнги начинаютъ призывать отлетѣвшую душу просьбами, <http://rcin.org.pl> уговорами, духовной музыкой, и

если больной выздоровѣетъ, — значить, они воротили душу, а если нѣтъ, такъ преспокойно объявляютъ, что душа была уже недалеко, что они даже видѣли ее, но злой эрликъ не пустилъ ее. Всѣ эти разнообразныя способы леченія гелюнги являютъ только въ отношеніи людей зажиточныхъ, — тогда какъ бѣднякъ, безъ всякой почти помощи отъ нихъ, болѣетъ и умираетъ. Мало того, они даже не берутъ на себя труда похоронить его по обряду своей религіи; а просто-напросто родные оставляютъ его трупъ въ степи на сгниеніе или на съѣденіе волкамъ, а сами откочевываютъ куда-нибудь въ другое мѣсто. Другое дѣло похороны владѣльцевъ и достаточныхъ зайсанговъ: умершаго обыкновенно облачаютъ въ лучшую его одежду. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ улуса выкапываютъ яму и накладываютъ въ нее дровъ. Тѣло выносятъ на коврѣ, за нимъ ведутъ лучшаго покойнаго, который потомъ поступаетъ въ хурулъ, какъ жертвоприношеніе бурхану. Придя на мѣсто, сажаютъ трупъ на костеръ и сжигаютъ его при пѣніи гелюнговъ. Оставшійся пепелъ собираютъ, дѣлаютъ изъ него маленькіе цилиндрики *цяця*, и ставятъ ихъ въ хурулахъ и въ памятникѣхъ, сооружаемыхъ на мѣстѣ погребенія, и которые поэтому тоже называются *цяця*. Менѣе торжественныя похороны состоятъ въ томъ, что тѣло просто зарываютъ въ землю, и гелюнгъ въ этомъ случаѣ, справившись по своимъ книгамъ, только опредѣляетъ, куда покойника положить головой: на сѣверъ, на востокъ, на югъ или на западъ.

V.

Бирючья коса.

Съ кѣмъ бы вы въ Астрахани ни заговорили объ морѣ: съ морскимъ-ли, съ чиновникомъ-ли земскою полиціи, отъ всѣхъ вы услышите на второмъ — третьемъ словѣ *Бирючья коса*. Это маленькій островъ, на которомъ содержится брандвахта, устроены карантинъ и таможенная застава. Адмиралъ поѣхалъ туда и пригласилъ меня. Выѣздъ былъ предположенъ 23-го марта. Дулъ верховой вѣтеръ. Слухи носились, что на Волгѣ еще много льду. Съѣхавшись въ портъ, мы дѣйствительно увидѣли весь около-берегъ замерзшимъ. Проламывая и расталкивая ледъ, добрались мы кое-какъ въ катеръ до парохода, дали ходъ и стали сниматься съ якоря. Пароходъ сначала было двинулся, но, затираемый льдомъ, не слушался руля и не ворочался, и только употребивъ завозы, мы выбрались на фарватеръ. Всѣ стояли на палубѣ, хотъ вѣтеръ и продувалъ до костей. Скоро миновалась Астрахань, миновалось и Царево, а тамъ и пошли тянуться однообразные и мертвенные берега: то ровные пустыри, то высокій камышъ, очень похожій на поспѣвшую рожь, только въ десять разъ крупнѣй ея. Мѣстами онъ горѣлъ.— Это отъ чего? — спросилъ я. — Нарочно жгутъ, иначе онъ на слѣдующій годъ не выростетъ, — отвѣтили мнѣ.

Съ пятнадцатою, кажется, версты виды нѣсколько

пооживились: стояли на якоряхъ кусовыя *), и бойко шли косныя, изъ которыхъ нѣкоторыя едва отста- вали отъ парохода. По берегу стали показываться рыбныя ватаги **) и калмыцкія кибитки, предъ которыми толпились задымленные и волосатые калмыки и нагіе ихъ мальчишки. Въ сторонѣ, на одной изъ отмелей, сидѣли бѣлыя, довольно большія, и черныя, поменьше, птицы. Это пеликаны и бакланы, двѣ разныя породы, но живущія между собою въ замѣчательно оригинальныхъ отношеніяхъ: бакланы составляютъ для пеликановъ какой-то чернорабочій классъ. Они подгоняютъ и ловятъ для пеликановъ рыбу и будто-бы даже кладутъ ее имъ въ ротъ, за- совывая при этомъ случаѣ свой клювъ въ ихъ глотку, но чѣмъ вознаграждаютъ ихъ пеликаны за эту слугу — неизвѣстно; кажется, ничѣмъ: ни дать, ни взять какъ на новой половинѣ земнаго шара бѣлая и черная породы людей.

Для здѣшняго плаванія только и спасеніе, когда дуетъ вѣтеръ съ моря и даетъ возможность проходить черезъ три главные мели: Княжевскую, Харбай-скую и Ракушинскую. Маленькій пароходъ нашъ сидѣлъ въ водѣ только четыре фута, но и того было много: на княжевской Крозсыпи пошли мы тихимъ ходомъ и стали кидать лоть: 6 футъ, 5 футъ, $4\frac{3}{4}$, кричалъ матросъ.

— Авось пройдемъ и Харбайскую, она меньше Княжевской на одинъ только футъ, — сказалъ капи-

*) Большая лодка.

**) Небольшія селенія, въ родѣ нашихъ ель.

танъ; но Харбайскую не прошли. Надобно было пересѣсть на катеръ. Невдалекѣ виднѣлась деревня Оля, въ которой поселены русскіе мужики, бывшіе нѣкогда въ плѣну въ Хивѣ. Адмиралъ благоразумно приказалъ грести къ этому селенію. Подъѣхали. На встрѣчу къ намъ вышло нѣсколько мужиковъ. Мы стали спрашивать ихъ. «На катеръ, говорятъ, не проѣдете Ракушинскую розсыпь, мелко». — «Дайте ваши лодки». — «Да и на лодкахъ, которыя побольше, — нельзя, а на бударкахъ, — отвѣтили намъ и стали снаряжать бударки. Я пришелъ въ ужасъ, взглянувъ на маленькую и едва сволоченную лодченку, въ которой, сверхъ того, случай усадилъ меня съ почтеннымъ и значительно-полнымъ полковникомъ Б. До сихъ поръ не могу я безъ непріятнаго ощущенія представить себѣ его массивной фигуры. Миѣ казалось, что мы оба съ нимъ помѣстились въ суповой ложкѣ, и что достаточно съ нашей стороны одного движенія, чтобы бударка кувыркнулась вверхъ-дномъ; а полковникъ между тѣмъ находилъ какое-то странное наслажденіе осматривать окрестность и безпрестанно ворочался изъ стороны въ сторону. Проѣхавъ мель, намъ пришлось ѣхать почти моремъ. Солнце сѣло. Вѣтеръ разыгрывался, волны выше и выше поднимались. Я только и смотрѣлъ на мелькающіе вдали огоньки съ Бирючьей косы и думалъ: «Господи, настанетъ-ли когда-нибудь такая счастливая минута, когда я буду тамъ, на землѣ, не буду чувствовать атого непріятнаго покачиванія, не буду видѣть этихъ сѣроватыхъ, какъ бы бѣлой гривой взмахивающихъ, волнъ. Ъхавшая впереди лодочка, на которой сидѣлъ адмиралъ, остановилась. «Что

ткое?» спросили мы, подъѣхавъ.—«Нельзя дальше, ѣхать: ледъ!» Надобно было проламываться. Принялись работать, но еще нѣсколько саженъ, и бударка остановилась — мелко. Дѣлать нечего, оставалось одно: крпчать. Услыхавшіе насъ матросы пришли наконецъ къ намъ на помощь и перетаскали насъ на своихъ плечахъ на берегъ. Такъ совершился мой первый водяной вояжъ; на обратномъ пути пришлось испытать не лучше. На другой день задулъ верховой вѣтеръ еще сильнѣе и холоднѣе. Весь фарватеръ мы увидѣли замерзшимъ. Оставленный нами катеръ, говорятъ, обмерзъ весь кругомъ. Положили переночевать и въ ожиданіи, что будетъ завтра, пошли мы осматривать *Бирючью косу*. Замѣчательнаго немного, кромѣ развѣ совершенно бесплодной почвы, которая вся состоитъ изъ ракуши, плотно связанной глинянымъ цементомъ, такъ что представляетъ собой нѣчто въ родѣ мозаического паркета, а остальное: домъ брандвахтеннаго начальника, въ сторонѣ таможня, чрезъ поле — казармы для карантинной стражи, и наконецъ самый карантинъ, обведенный рвомъ.

— Вотъ здѣсь умирали чумные и холерные, — говорили намъ, указывая на маленькія комнатки.

«Ну, чтобы только видѣть это, не стоило ѣхать сквозь ледъ, черезъ отмели», подумалъ я.

— Спалъ верховой вѣтеръ, дуетъ съ моря, обрадовали насъ на другой день.

Свойство здѣшняго фарватера таково, что достаточно двухъ-трехъ часовъ моряны, и вода нагонится на два, на три фута. Стало быть, откладывать было нечего, всѣ поспѣшили одѣться и отправиться. Леду

почти было не видать. У ближайшей кусовой виднѣлся нашъ катеръ; но, чтобы добраться до него, мы должны были сначала вѣхаться на долгушѣ, запряженной лошадыю, въ воду, потомъ пересѣсть на маленькія лодочки, которыя и подвезли насъ къ катеру. Дружно хватили 12 человекъ гребцовъ, все сева-стопольскіе, георгіевскіе кавалеры; послѣ востроно-сой бударки мнѣ казалось, что я ѣду на могуще-ственнѣйшемъ винтовомъ пароходѣ, верстъ пять про-летѣли мы въ полчаса, но тутъ, увы, подошла Раку-шинская мель и сплошь оказалась покрытою льдомъ; надобно было опять проламываться. Гребцы стали у носа колоть ледъ, а мы, пассажиры, — раскачи-вать катеръ, вставая и ударяясь объ его бока. Вдали, наконецъ, показался нашъ пароходъ. Давно я не бывалъ такъ доволенъ своимъ положеніемъ, когда вѣжалъ по трапу на гладкую и чистую па-лубу парохода. О, мудрость человѣческая! восклик-нулъ я, — хвала тебѣ за изобрѣтеніе большихъ су-довъ съ каютами, каминами, кухнями, паровымъ двигателемъ, и здѣсь тебѣ остается только очистить фарватеръ и устроить хоть какую-нибудь пристань на Бирючьей косѣ.

VI.

В а к у.

Наконецъ я былъ въ морѣ. Адмиралъ пошелъ въ Баку и пригласилъ меня. Въ 9 часовъ утра вы-

шли мы изъ Астрахани. Я еще хорошо помнилъ мою поѣзду на Бирючью косу, но на этотъ разъ дула моряна: ни Княжевская, ни Харбайская, ни даже Ракушинская розсыпи насъ не задержали. Къ пяти часамъ мы прошли Волгу, подошли къ Бирючьей косѣ и пересѣли на большой пароходъ «Тарки». Впереди, за Знезинской розсыпью, виднѣлся четырехбугорный маякъ, мѣсто для котораго будто бы еще выбрано было Петромъ Великимъ, а тамъ ужъ и море, настоящее море; но дальше мы не пошли: дулъ свѣжій вѣтеръ, и пароходъ не въ состояніи былъ выгрести.

Проснувшись на другой день поутру, я по стуку машины догадался, что мы идемъ, поспѣшилъ одѣться и вышелъ на палубу. Надо мной было небо, а кругомъ вода. Приятное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какое-то боязливое чувство овладѣло мною; на телеграфахъ, на желѣзной дорогѣ, на пароходахъ какъ-то неволью начинаешь больше уважать человека, больше вѣрить въ силу его разума, видя, какъ онъ почти съ волшебной силой пробѣгаетъ пространства, на враждебной ему средѣ строить себѣ домъ, заставляеть этотъ домъ слушаться руля, воспользовался вѣтромъ, изобрѣлъ компасъ, наконецъ приложилъ новый двигатель — паръ; но съ другой стороны, сильна и неразумная стихія; новичковъ, обыкновенно, пугаютъ качкой и это еще, говорятъ, ничего, — но бываетъ штормъ: руль сломанъ, компасъ бесполезенъ, паръ безсиленъ. При этой мысли мнѣ неволью захотѣлось увидѣть хоть бы гдѣ-нибудь вдали землю.

— Будутъ ли на нашемъ пути острова? — спросилъ я штурманскаго офицера.

— Не скоро; ближе встаетъ Тюлений островъ, да

и тотъ врядли увидимъ, — отвѣчалъ онъ. «На землю, стало быть, рассчитывать нечего», подумалъ я. Между тѣмъ задулъ небольшой вѣтерокъ, нанеслись облака, и стали накрапывать дождикъ.

— Непогода дѣлается, — сказалъ я простодушно капитану.

— Какая непогода? — спросилъ онъ.

— А вѣтеръ и дождикъ, — отвѣчалъ я.

— Это хорошо, зыбь скорѣй уляжется, — объяснилъ онъ мнѣ. У моряковъ на все свой расчетъ.

Тюленьяго острова мы, дѣйствительно, не видали, но зато видѣли цѣлый косякъ тюленей: тамъ и сямъ стали показываться на морѣ одно, два, болѣе двадцати черныхъ пятенъ; вынырнуть, поиграть и скроются, а потомъ опять вынырнуть. Хоть все это не очень любопытно и живописно, однако среди морской пустыни насъ заняло на цѣлый часъ.

Къ вечеру, на другой день, мы подошли въ острову Чечень; но было уже темно, такъ что я едва разсмотрѣлъ что-то зеленѣющее вдали.

— Вотъ мы теперь въ настоящемъ морѣ, — сказалъ мнѣ поутру адмиралъ.

— А тамъ? — спросилъ я, указывая назадъ.

— Тамъ лужа, мелко, а здѣсь глубоко.

— Глубоко?

— Да, совсѣмъ дна нѣтъ, нельзя смѣрять, — отвѣчалъ адмиралъ.

«Мало, что я въ морѣ, да еще въ бездонномъ,» подумалъ я, и невольно посмотрѣлъ на равноидушія одна за другой волны, которыя какъ-будто бы похожи на рѣчныя, только шире разливаются и совершенно аквамариноваго цвѣта; а тамъ, внизу,

подъ водою, продолжалъ я разсуждать самъ съ собой, поглощены, можетъ быть, горы, лѣса, города. Предположеніе, что море Каспійское нѣкогда было соединено съ моремъ Чернымъ, не имѣетъ въ настоящее время никакого сомнѣнія. Начиная отъ Кубани черезъ всю Землю Войска Донскаго и поднимаясь выше вплоть до Каспія, можно прослѣдить однѣ и тѣ же породы раковинъ, одинаковаго свойства наносный грунтъ, всюду раскиданы соленыя озера, озерки, ясно свидѣтельствующія, что нѣкогда все это пространство было морскимъ дномъ; но куда дѣвалась вода? Испаренія тутъ недостаточно. Я говорилъ объ этомъ любопытномъ фактѣ съ Бэрромъ. Онъ полагаетъ, что Каспійское море въ соединеніи съ Чернымъ занимало только сѣверную часть свою, но послѣдовавшимъ дѣйствіемъ вулканическихъ силъ подняты восточныя Кавказскія горы, и образовалась пропасть, составляющая нынѣ южную часть Каспія, вода хлынула въ нее, мелкія мѣста обмелѣли еще болѣе, осушились, и море раздѣлилось.

Къ полудню на горизонтѣ заблѣлось что-то въ родѣ туманной полосы, — это Кавказскія горы. Чѣмъ дальше, тѣмъ берегъ виднѣе, наконецъ показали и *Два брата*, два огромные камня, стоящіе вдали отъ берега и на довольно значительной глубинѣ. Адмиралъ желалъ бы устроить здѣсь маякъ; но какъ его укрѣпить отъ напора волнъ и вѣтровъ? Мы знаемъ, сколько хлопотали англичане со своимъ эддистонскимъ маякомъ. Вставши въ параллель съ каменьями, мы увидѣли на нихъ цѣлую стаю тюленей, выстрѣлили изъ пушки ядромъ и не убили ни одного: всѣ нырнули въ море.

Апшеронскій проливъ былъ уже недалеко: его образуетъ морской берегъ и голый, пустой, низменный островъ, называемый *Святымъ*, отъ могилы какого-то благочестиваго дервиша, на поклоненіе которой ходили иногда персіяне. На берегу между тѣмъ показалась башня, потомъ другая, третья. Кавказское преданіе говоритъ, что это сторожевыя башни, построенныя Александромъ Македонскимъ (Искендеромъ), который, между нами сказать, совѣмъ и не бывалъ въ этихъ краяхъ.

Вечеромъ обогнули мы Шахову косу и вошли на Бакинскій рейдъ, а къ утру подтянулись къ пристани. — Гдѣ-жь Баку? — спросилъ я, входя на палубу; мнѣ указали на другую сторону. Я обернулся и чуть не вскрикнулъ: впечатлѣніе мое очень походило на впечатлѣніе человѣка, который вдругъ неожиданно взглянулъ на театральную сцену; гдѣ давали какой-нибудь восточный балетъ. Представьте себѣ дугообразный морской заливъ, въ недальнемъ отъ него разстояніи крѣпость, надъ которой идутъ, возвышаясь по берегу, бѣлые безъ крышъ, въ родѣ савлей, домики и, образуя какъ бы пирамиду, коронуются ханскимъ дворцомъ съ высокимъ минаретомъ. Ко всему этому прибавьте благораствореннѣйшій воздухъ, которымъ гдѣ-либо дышать смертные, воздухъ, которымъ грудь не насытится. Сначала я думалъ, что это личное мое ощущеніе, но оказалось, что и другіе то же самое чувствуютъ: сухой и горный, притекаетъ онъ съ берега, и здѣсь увлажняется и смягчается моремъ, и пропитывается нефтяными газами. «Душа наша» — называютъ персіяне Баку за ея климатъ. Для нашихъ астрабадскихъ крейсе-

ровъ, она служитъ лечебницей: часто болѣзненные и изнуренные лихорадкой прїѣзжаютъ они изъ Астрабада въ Баку — и въ недѣлю поправляются.

Баку, нѣкогда столица ханства, присоединена была къ Россіи въ первый разъ при императорѣ Петрѣ I, генераль-маіоромъ Матюшкинымъ, которому она послѣ осады сдалась на дискрессію; но по ганджинскому миру снова поступила во власть Персіи и управлялась ея намѣстниками, или скорѣй особыми ханами: первымъ изъ нихъ былъ Надиръ, потомъ Мирза-Мухаммедъ-ханъ, потомъ сынъ Мухаммеда Меликъ-Мухаммедъ-ханъ, еще Мирза-Мухаликъ, сынъ Мелика, у котораго отнялъ престолъ дядя Мухаммедъ-Кули-ханъ и, наконецъ, послѣднимъ бакинскимъ ханомъ былъ Хюссейнъ-Кули-ханъ, пріеягнувшій на подданство Россіи, а между тѣмъ сносившійся съ Персіей и тѣснившій нашу торговлю. Для усмиренія его послана была эскадра съ войскомъ, подъ командою генераль-маіора Завалишина; Баку была осаждена, но безуспѣшно. Князь Циціановъ, тогдашній главнокомандующій кавказскою арміею, послѣ этой неудачи, пошелъ самъ. Хюссейнъ-Кули-ханъ вызвалъ его на свиданіе у городской стѣны, будто-бы для переговоровъ о сдачѣ. Главнокомандующій выѣхалъ — и былъ измѣнически убитъ. Хюссейнъ-Кули-ханъ бѣжалъ послѣ того въ Персію, и Баку сдалась генералу Бурлакову безъ сопротивленія: съ тѣхъ поръ она осталась навсегда въ нашихъ владѣніяхъ и теперь составляетъ уѣздный городъ Шемахинской губерніи. Въ настоящее время есть предположеніе устроить въ Баку портъ. Адмиралъ со своими офицерами объѣздитъ, для испытанія, всю

бухту: глубина оказалась достаточною, грунтъ для якорныхъ стоянокъ удобный, а защиту отъ вѣтровъ мы сами испытали: въ день нашего прїѣзда, къ вечеру задулъ сильнѣйшій SO, а пароходъ хоть бы колыхнулся. Говорятъ, еще Петръ Великій, по своему геніальному историческому провидѣнію, думалъ связать Кавказъ съ Россією — Каспійскимъ моремъ. Дѣло, повидимому, очень простое; достаточно взглянуть на карту, чтобы убѣдиться, какія преимущества представлялъ этотъ естественный и самой природой устроенный путь; но истина рѣдко дается человѣку прямо въ руки: цѣлое столѣтіе мысль эта была забыта, и только въ настоящее время является она снова, въ своей неотразимой силѣ.

По общему желанію мы, прежде всего, пошли осматривать ханскій дворецъ и, пройдя таможеню, тотчасъ же должны были подниматься въ гору. Прелесть перваго впечатлѣнія Баку совершенно пропадаетъ, когда войдешь во внутрь ея. Кто не бывалъ въ азіатскихъ городахъ, тотъ представить себѣ не можетъ, что такое бакинскія улицы: задніе, грязные закоулки нашихъ гостиныхъ дворовъ могутъ дать только слабое о нихъ понятіе; мы шли между стѣнами безъ оконъ, подвое въ рядъ, и ужь третій съ нами не устоялъ бы; надъ собой видѣли только полосу неба, а подъ ногами навозъ. Задыхаясь отъ усталости, мы добрались, наконецъ, до обиталища властителей. Каково оно было въ свое время внутри, судить невозможно: въ главномъ зданіи теперь сдѣланы казармы, а въ мечети хранятся оружіе и артиллерійскія принадлежности. Наружный видъ сохранился еще довольно дѣльно: галерея, идущая во-

вругъ дворца, и нѣкоторые входы, украшенные рѣзьбой, прекрасны; видимо, что это дѣло грековъ и никакъ не персидскаго вкуса; но что лучше всего, передъ чѣмъ дѣйствительно можно простоять нѣскольво минутъ въ восторгѣ, — это видъ съ террасы на спускающуюся внизъ уступами Баку, на раскинувшееся въ сторонѣ предмѣстье и, наконецъ, на море, уставленное судами и сливающимся вдали съ горизонтомъ, и все это какъ бы облитое яркимъ солнечнымъ свѣтомъ.

Изъ ханскаго дворца мы пошли къ чрезвычайно высокой башнѣ въ лѣвой сторонѣ крѣпости. Вѣроятно, это былъ прежде тоже сторожевой пунктъ, но народное воображеніе, назвавъ ее *дъвичьей башней*, украсило такого рода преданіемъ, что одинъ изъ древнихъ хановъ воспылялъ страстію къ родной своей дочери и долго склонялъ ее на свои преступныя желанія; дочь противилась, наконецъ объявила, что готова раздѣлить любовь въ такомъ только случаѣ, если для нея построена будетъ на берегу морскомъ особая башня. Безумный отецъ согласился и выстроилъ эту самую башню. Дочь перешла, и въ ту же ночь, спасая свое дѣвство, бросилась въ море.

Осмотрѣвъ, такимъ образомъ, городъ, мы предприняли прогулку на море. Верстахъ въ двухъ отъ пристани и въ очень недалнемъ разстояніи отъ берега, на шести-футовой глубинѣ, существуетъ подводное зданіе *), оно состоитъ изъ нѣсколькихъ

*) Планъ этого зданія приложенъ къ статьѣ г. Филиппова: Описаніе города Баку и его бухты. См. М. Сб. т. XXIV, II. о. стр. 146.

башенъ, между которыми идетъ стѣна, внизу у башенъ есть на морское дно сходы уступами, наподобіе лѣсенки. Вообще видъ его совершенно напоминаетъ нѣкогда бывшій караванъ-сарай, но какимъ образомъ онъ очутился подъ водою? преданія объ этомъ, какъ водится, и безтолковы, и противорѣчатъ другъ другу: одни говорятъ, что уровень моря поднялся, а другіе, наоборотъ, рассказываютъ, что прежде море обмывало основаніе двичьей башни, которая теперь стоитъ довольно далеко на берегу; всего, кажется, вѣроятнѣе объяснить это явленіе присутствіемъ въ огромномъ количествѣ нефтянаго газа по всему Бакинскому полуострову, который заставляетъ предполагать пустыя пространства въ самомъ материкѣ; очень можетъ быть, что надъ одной изъ этихъ подземныхъ пустотъ берегъ обрушился, и съ находившимся на немъ зданіемъ опустился на дно морское; но въ такомъ случаѣ трудно понять, какимъ образомъ, при провалѣ, каменное строеніе могло такъ цѣльно сохраниться.

Отъ караванъ-сарая мы отправились дальше. Темнѣло; море слегка колебалось и вмѣстѣ съ небосклономъ болѣе и болѣе тускнѣло, какъ бы подергиваясь матовыми черноватыми пеленами. Версть черезъ шесть, насъ вдругъ обдалъ сильный запахъ нефти, и мы разсмотрѣли, что море, не-вдалекѣ отъ насъ, слегка пѣнилось и шипѣло. Подъѣхавъ въ мѣсту, мы бросили зажженную пеньку: вспыхнуло ярко-свѣтлое пламя и разлилось на большое пространство *).

*) Здѣсь отдѣляется углеводородный газъ, какъ продуктъ нефти.

На другой день пріѣхалъ шемахинскій губернаторъ для совѣщанія съ адмираломъ, по случаю устройства порта, и пригласилъ насъ съѣздить на такъ называемые индѣйскіе огни. Близъ селенія Суруханы почва до того пропитана нефтью и углеводороднымъ газомъ, что стѣбитъ, на какомъ угодно мѣстѣ, раскопать немного землю, приложить огня — и тотчасъ появится пламя, которое не угаснетъ до тѣхъ поръ, пока его не задуетъ вѣтеръ. На мѣстѣ этомъ существуетъ монастырь, обитаемый огнепоклонниками. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, нѣкто индѣйскій купецъ Собра-Магундасъ, откупщикъ сальянскихъ рыбныхъ промысловъ, покровительствовалъ обители, и въ ней было до восьмидесяти отшельниковъ; но въ персидскую кампанію онъ разорился, обитель оскудѣла въ средствахъ, братія перемерла, новые не приходили, и теперь налицо осталось только всего двое. Самое ближайшее, повидимому, предположеніе — что монастырь устроенъ персидскими огнепоклонниками (гебрами); но выходитъ не такъ: нашъ ориенталистъ Березинъ, въ своемъ путешествіи по Дагестану и Закавказью, положительно говоритъ, что на Апшеронскомъ полуостровѣ никогда не было, собственно, гебровъ, а всегда обитали индусы, которыхъ нѣкоторые ученые, какъ, на примѣръ, Лангле и Сузани, принимали за гебровъ; исповѣдуемая ими религія, обряды, идослуженіе, языкъ, родина и, наконецъ, самая физіономія, — все говоритъ объ ихъ индѣйскомъ происхожденіи. Персидскіе гебры, съ которыми г. Березинъ имѣлъ случай познакомиться въ Тегеранѣ, не имѣютъ ничего общаго съ индусами <http://ainsheron.ru>, и на вопросъ

его о бакинскихъ неугасаемыхъ огняхъ, отвѣчали отрицательно и даже съ любопытствомъ спрашивали: «Что это у васъ тамъ за атешгаръ? Намъ и дѣла нѣтъ до него. Огонь мы уважаемъ, какъ начало, но никакого почтенія въ бакинскому атешгару не питаемъ.»

Часовъ въ 5 вечера, мы отправились на огни, въ трехъ экипажахъ; впереди насъ скакали казаки, и сзади конвоировали комендантъ и нѣсколько морскихъ офицеровъ верхами. Дорога шла довольно ровная, и я съ любопытствомъ оглядывалъ окрестности: послѣднее время я видѣлъ то великолѣпный Невскій проспектъ, — то холодныя, но прелестныя и сотни тысячъ стоящія дачи на Крестовскомъ, на Елагинѣ, то Неву съ ея пароходами, то мертвыя приволжскія степи, то грязныя улицы Астрахани; но вотъ, наконецъ, передо мной старыя знакомыя — хлѣбныя поля, и какія поля: земля здѣшняя удобрения не знаетъ, пашутъ ее, едва поднимая верхній дернъ, а между тѣмъ пшеница родится самъ восемьдесятъ. Припоминая кровавыя труды нашихъ сѣверныхъ мужиковъ, я невольно подумалъ: что бы они сдѣлали на этой почвѣ? или, можетъ быть такъ же бы обдѣнились, какъ дѣнивъ и здѣшній туземецъ.

Подѣвжая къ монастырю, мы увидѣли бѣдно-одѣтую толпу народа съ музыкантами, которые, при нашемъ приближеніи, заиграли на зурнахъ, заколотили въ барабаны. Напрасно я старался въ этихъ оглушительныхъ звукахъ словить хоть какое-нибудь сочетаніе: — каждый, кажется, выколачивалъ и выигрывалъ, что ему вздумалось и захотѣ-

лось. Утѣшивъ насъ музыкой, старшіе изъ народа предложили видѣть ихъ пляску: для этого одинъ изъ музыкантовъ снялъ съ себя верхній кафтанъ, сапоги и пошелъ выхаживать, складывая руки, нагибая голову и закатывая глаза, а между тѣмъ музыканты старались, насколько силъ хватало, особенно зурнисты, у которыхъ, отъ напряженія, лица были красныя и глаза налились кровью. Окружающая толпа народа принимала, въ свою очередь, тоже немалое участіе: кто прихлопывалъ въ ладоши, кто прикрикивалъ, и вообще привѣтствовали насъ съ самымъ неподдѣльнымъ и искреннимъ радушіемъ. Мнѣ объяснили, что все это татары, хоть они совершенно непохожи на татаръ астраханскихъ: горскій характеръ ярко отпечатывается и въ одеждѣ, и въ стройномъ складѣ тѣла, и въ какомъ-то благородномъ и воинственномъ выраженіи лицъ.

Въ монастырскихъ воротахъ насъ встрѣтили двое индѣйскихъ отшельниковъ, желтолицыхъ, худыхъ и босикомъ. Одинъ изъ нихъ ужъ нѣсколько лѣтъ исполняетъ положенный на себя обѣтъ нечесанія волосъ, и потому можно судить, въ какомъ положеніи была его голова; другой тоже, кажется, не чешется, но ужъ такъ, безъ искуса.

Въ центрѣ монастырской площади стоялъ главный жертвенникъ, — что-то въ родѣ каменной, на четырехъ столбахъ, бесѣдки. — Одинъ изъ индѣйцевъ принялся зажигать огни: сначала онъ бросилъ огня на полъ бесѣдки, и пламя вспыхнуло, потомъ поднесъ, на длинныхъ шестахъ, огни къ верхушкамъ столбовъ—и тѣ запылали. Но кромѣ того намъ хотѣлось еще видѣть ихъ богослуженіе; оказалось что,

это довольно не трудно. Отрекшіеся отъ міра подвижники, въ надеждѣ получить какой-нибудь рубль серебра, совершаютъ обыкновенно свои священнодѣйствія для всякаго путешественника, въ какое угодно время и насколько тому желается. Мы вошли въ ихъ моленную — это была небольшая комната съ купольнымъ сводомъ, въ одномъ углу ея помѣщался жертвенникъ, на которомъ стояли колокольчикъ, раковины, вода въ чашечкѣ и мѣдные истуканчики. Я взялъ одного изъ нихъ и спросилъ индѣйца, — что онъ изображаетъ? «Баба-Адамъ», отвѣчалъ онъ. — А другой? — «Абель», отвѣчалъ онъ. — А этотъ, третій? — «Дьяволь»! Словомъ, пустынножитель, не зная самъ хорошенько, болталъ мнѣ, что только пришло ему въ голову. Свое молебствіе индусы совершаютъ обыкновенно нагіе, но съ нами были дамы, и потому имъ запретили выполнение этихъ подробностей, и они начали съ того, что въ нѣсколькихъ мѣстахъ зажгли проведенный въ трубочки газъ; одинъ изъ индусовъ сѣлъ на корточки передъ жертвенникомъ, что-то зачиталъ, потомъ покандилъ, кажется, кипарисомъ, позвонилъ въ колокольчикъ, а другой, нечесанный, стоя у стѣны и понутивъ голову, билъ въ тарелочку. Въ моленной между тѣмъ, была невыносимая жара и какой-то удушающій, сѣрный запахъ.

— Будеть!... — сказала, махнувъ рукою, уѣздный начальникъ, самъ задыхавшійся и замѣтившій, что всѣ мы, посѣтители, поблѣднѣли до обморока. Индѣйцы остановились и пошли насъ обходить, поднося на маленькомъ блюдечкѣ кусочки леденца, который мы брали и едали имъ за это деньги, чѣмъ

они, кажется, остались весьма довольны, потому что кланялись намъ, улыбались и прижимали руки къ сердцу.

Послѣ идолослуженія оставалось осмотрѣть еще два колодца, вырытые поселянами неподалеку отъ монастыря. Получаемая изъ нихъ вода была довольно годная и отзывалась только немного нефтью, но кромѣ того въ ней случайно замѣтили такое свойство, что если колодезь закрыть не-надолго досками, потомъ бросить огня на воду, то на поверхности ея вспыхивало пламя. Все это стали показывать, какъ фокусъ, путешественникамъ, но года два тому назадъ въ одномъ изъ колодцевъ пламя разгорѣлось, его оставили непогашеннымъ, и на другой день, къ ужасу, увидѣли, что въ колодцѣ воды уже не было ни капли, а вмѣсто ея зіяло огненное жерло, которое горитъ и до сихъ поръ, и въ которое мы заглядывали. Вѣроятно, зажженный газъ передалъ пламя нефти, находящейся на днѣ колодца, вода испарилась, и образовалось что-то въ родъ маленькаго вулканическаго кратера.

Осматривать больше было нечего; порядкомъ усталые. мы вошли въ небольшую башенку, устроенную надъ монастырскими воротами, и стали тутъ пить чай. Музыканты перебрались за нами и усѣлись на стѣнѣ, перемѣнивъ на этотъ разъ свои инструменты: одинъ надувалъ что-то въ родъ флейты — *дюдюкъ*; другой билъ въ бубны — *каваль*; у третьяго была какъ-будто бы скрипка — *каманчаръ*; у четвертаго гитара съ проволочными струнами — *сасъ*; барабанъ — *нагара* и зурна. Заиграли они пѣсню и какъ-будто бы нѣсколько поскладнѣе прежняго; но

вотъ одинъ изъ музыкантовъ, кажется гитаристъ, запѣлъ или, скорѣе, завизжалъ, какъ-будто кто-нибудь ущипнулъ его за руку или за ногу и немилосердно жалъ. Наступившя темныя сумерки придали всей картинѣ какой-то фантастическій характеръ. Эта толпа народа, наигрывающіе музыканты, желтолицыя индусы и, наконецъ, наши дамы въ шляпкахъ и бурнусахъ, мы въ шинеляхъ, мундирахъ, аксельбантахъ и всѣ, освѣщенные яркимъ пламенемъ пылающихъ огней, казались какими-то огнепоклонниками, пришедшими совершать поклоненіе великой стихіи.

Но обратный нашъ поѣздъ въ Баку совершился еще того торжественнѣе и былъ почти царственный: кромѣ нашей конницы, насъ конвоировали верхами чловѣкъ тридцать татаръ съ зажженными факелами изъ нефти, по здѣшнему — *машалами*; среди темной ночи раздавались лошадиный топотъ, крики и перебранка гарцующихъ назадъ и впередъ татаръ, ярко пылали машалы, съ которыхъ сдуваемый вѣтромъ огонь сыпался на землю. Когда у кого-нибудь изъ машальниковъ пламя ослабѣвало, его нагонялъ молодой татарченокъ и на всемъ скаку подливалъ въ машала нефть; напрасно лошади фырвали и рвались въ сторону отъ огня: наѣздники ихъ сдерживали. Подѣзжая къ Баку, мы увидѣли весь городъ иллюминированнымъ: по горѣ, гдѣ воздвигнутъ памятникъ князю Циціанову, извивались разнообразными линиями огни, по дорогѣ стоялъ народъ съ такими же машалами.

— Каково бакинцы торжеству отъ! — замѣтилъ я здѣютанту Р—ри

— Это имъ дешево стоитъ — всего девять цѣлковыхъ, — отвѣчалъ онъ.

«Девять цѣлковыхъ — тысячи огней! въ Петербургъ переулка не освѣтишь на эти деньги. Что бы сдѣлали и какихъ бы фабрикъ настроили здѣсь англичане, имѣя подъ руками даровое топливо и освѣщеніе», — подумалъ я.

Три дня мы пробыли такимъ образомъ въ Баку, и я желаю одного, чтобы статейка моя представила воображенію читателя этотъ маленькій городокъ въ столь же яркой картинѣ, въ какой останется онъ навсегда въ моемъ воспоминаніи!

VII.

Тюкъ-Караганскій полуостровъ и Тюлень острова *).

Чтобы попасть въ Тюкъ-Караганскій заливъ, мы должны были отъ Бирючьей Косы перерѣзать море почти поперекъ. Плаваніе наше было въ высшей степени благополучное: въ продолженіе ночи мы прошли половину нашего пути, и на другой день передъ закатомъ солнца сталъ показываться Тюкъ-Караганскій берегъ, съ бухтою въ правой отъ насъ сторонѣ и съ виднѣвшимся влѣвъ Новопетровскимъ

---

*) Тюкъ-Караганскій полуостровъ находится на восточномъ берегу Каспійскаго моря, подъ 44° широты и 21° долготы.

уврѣпленіемъ. Въ самый заливъ мы вошли въ тихія сумерки, при свѣтѣ луны, слѣдовательно при обстоятельствахъ благоприятныхъ для морской картины, но при всемъ томъ видъ полуострова не представилъ для глазъ ничего особенно привлекательнаго: берегъ, море, мелькающія тѣни людей и — только; даже дикость природы не имѣетъ здѣсь своей обычной грандіозности и какая-то безчуждая заурядная и обыкновенная. Въ морскомъ отношеніи бухта, впрочемъ, хвалятъ: съ густоилистымъ дномъ, при четырехсаженной глубинѣ, она образована песчаною косою, которая, загибаясь отъ сѣвера къ юго-востоку, закрываетъ ее совершенно отъ вѣтровъ.

Поутру мы сошли на берегъ, чтобы ѣхать въ крѣпость. На самой косѣ расположена слобода, заселенная русскими переселенцами изъ верховыхъ губерній. Правительство обстроило ихъ, дало имъ на десять лѣтъ льготы, предоставило имъ около берега рыбную ловлю. Я заходилъ въ ихъ дома: живутъ чистенько, замѣтны нѣкоторые слѣды довольства, а между тѣмъ, не говоря уже о бабахъ, даже мужики плачутъ объ родинѣ, — скучно!

Крѣпость лежитъ отъ слободы въ пяти верстахъ; по дорогѣ только и видны песокъ, ракуша и выдающійся мѣстами изъ земли известковый камень, употребляемый на постройку домовъ; растительность самая бѣдная, съ морскаго берега опухиваетъ волючій запахъ отъ выкидываемой волнами и гниющей здѣсь морской травы. Наконецъ, къ общему нашему удовольствію, мы увидѣли два соленые озерка, единственно-любопытные предметы среди этой скудной и печальной природы. Замѣчательны они тѣмъ, что

совершенно розоваго цвѣта. Вода ихъ, налитая въ стеклянный сосудъ, красновата, и у берега, гдѣ дно ракушечное, черноватое, она представляется съ блѣдно-розовымъ отливомъ; но дальше, гдѣ происходитъ уже осадокъ соли и гдѣ грунтъ дна бѣлый, красноватость ея сгущается до цвѣта розы. Самая соль, въ первое время осадки, когда еще бываетъ сыровата, сохраняетъ розовый цвѣтъ, но высушенная — дѣлается совершенно бѣлой. По мнѣнію Эйхвальда, розовый цвѣтъ озерковъ происходитъ вслѣдствіе отраженія солнечныхъ лучей отъ растущей на днѣ красноватой травы; но почтенный ученый нашъ Бэръ, предпринимавшій вмѣстѣ съ нами эту поѣздку, объяснилъ это иначе и болѣе правдоподобно: онъ открылъ въ водѣ присутствіе инфузорій, которыя въ живомъ состояніи окрашиваютъ ее въ розовый цвѣтъ, но, умирая, разлагаются и утрачиваютъ это свойство.

Крѣпость стоитъ на вершинѣ горы: невысокія стѣны ея идутъ зигзагами, охраняемая съ одной стороны крутымъ скатомъ, а съ другой — почти перпендикулярными обрывами. Устроена она для прекращенія разбоевъ на морѣ, которые производили кочующіе по восточному берегу киргизъ-кайсаки.

Въѣхавъ въ крѣпостныя ворота, мы прошли сначала въ церковь, видѣли потомъ казармы, лазаретъ, гауптвахту, ходили на бастіоны, откуда я взглянулъ на далеко-разстилающуюся степь, и опять та же убойственная мертвенность: хоть бы деревцо, хоть бы лужайка свѣжей земли! и только, какъ признаки чего-то живаго, плетутся вдаль, едва передвигая ноги, по два, по три верблюда или, лучше сказать,

остовы верблюжьи. Сажень дробь здѣсь стоитъ 70 р. сер., за пригоршню муки кочевникъ готовъ работать цѣлый день: «и среди этого безлѣся и безводья (невольно подумаешь) могутъ жить люди?» Живутъ, и живутъ тысячи! Мало того: имѣютъ политическія партіи, враждуютъ и междоусобствуютъ другъ съ другомъ. Читатель, можетъ быть, знаетъ, что большая часть киргизъ-кайсацкихъ племенъ признаетъ надъ собой власть хивинскаго хана, которому еще въ недавнее время они отбывали свою дань тѣмъ, что захватывали въ морѣ нашихъ рыбопромышленниковъ и поставляли ихъ въ Хиву натурой въ плѣнъ, и только въ 1840 году походъ Перовскаго заставилъ хана отмѣнить сборъ подобной пошлины, и захваты прекратились. Не знаю, въ какой мѣрѣ справедливо, но мнѣ рассказывали такого рода междоусобный эпизодъ: старый хивинскій ханъ убитъ въ войнѣ съ персіянами, на мѣсто его избранъ хивинскою партіею другой, противъ желанія партіи трухменцевъ, тѣ объявили возстаніе, новый ханъ вышелъ усмирять ихъ и былъ убитъ въ схваткѣ. Ему наследовалъ родной братъ его, который, между прочимъ, издалъ прокламацію съ воззваніемъ къ киргизъ-кайсакамъ, бить и уничтожать трухменцевъ, но тѣ предупредили и напали на хивинскій купеческій караванъ, шедшій изъ Новопетровска въ Хиву, подъ прикрытіемъ киргизовъ; товары были разграблены, а конвой разбитъ. Киргизы, возвратясь домой, въ свою очередь стали грабить трухменцевъ, но не тѣхъ, которые ихъ грабили, а находящихся подъ нашимъ покровительствомъ и прикочевавшихъ къ Новопетровску. Эти

трухменцы теперь являются безпрестанно къ коменданту съ просьбою защитить ихъ, а киргизы въ свое оправданіе говорятъ, что они сами ограблены.— Словомъ, споръ, который, кажется, лучше всего разрѣшило бы турецкое правосудіе, отколотивъ, для возстановленія мира, истца и отвѣтчика по пятамъ.

Вотъ все, что мы видѣли и слышали на Тюкь-Караганскомъ полуостровѣ; на другой день, снявшись съ якоря, направили мы нашъ курсъ къ такъ называемымъ Тюленьимъ островамъ, которыхъ собственно четыре: Морской, Святой, Подгорный и Кулалы. Для посвѣщенія своего мы избрали послѣдній. Якорь брошенъ у западной его оконечности, противъ единственнаго жилаго мѣста — небольшой ватаги тюленьихъ промышленниковъ. До берега добрались мы въ шлюпкѣ, и первое, что увидѣли — это скорпионовъ и двухъ-трехъ огромнѣйшихъ собакъ, которыхъ, говорятъ, тутъ болѣе двухъ десятковъ. Промышленники ѣздятъ на нихъ охотиться по льду за тюленями.

Изъ всѣхъ водяныхъ обитателей Каспія, тюлень ужь конечно самое простодушное животное: ихъ ловятъ почти руками. Выходятъ, напримѣръ, они лѣтомъ на морской берегъ понѣжиться, погрѣться, и главное, я думаю, поспать, и спать, какъ мертвые, лопааясь иногда отъ собственнаго своему жира. Между тѣмъ охотники, осторожно, съ колотушками (чекушками) въ рукахъ, и стараясь быть подвѣтромъ, обходятъ ихъ съ моря; достаточно перебить передній рядъ косяка, остальные уже не въ состояніи перескочить этой загороди и всѣ убиваются

на мѣстѣ *). Когда ловець замахивается на тюленя, онъ, бѣдный, не защищается, не спасается, и только обращаетъ на убійцу глаза, полные слезъ, а маленькіе тюленята, говорятъ, даже издають стонъ наподобіе плача ребенка. На морѣ ловятъ тюленей въ сѣверной части Каспійскаго моря; сначала ловцы замѣчаютъ, гдѣ вьются надъ водою мартышки, — явный знакъ, что тутъ ходитъ тюленій косякъ; мѣсто это ловцы обставляютъ съ одной стороны оханами, а съ другой обходятъ въ лодкахъ и начинаютъ шумомъ и крикомъ беспокоить косякъ, который бросается, тычется рыломъ въ загородъ, ворочается и, встрѣтивъ здѣсь разставленныя сѣти, запугивается въ нихъ. Но другое дѣло, и дѣло гораздо по-опаснѣе, — охота за маленькимъ бѣленькимъ тюленемъ зимой, когда тюлени плодятся. Для этого они обыкновенно продувають на льду отверстіе (лазокъ), выползаютъ на него и, родивъ дѣтенышей, оставляютъ ихъ, для защиты отъ вѣтра, около льдинъ, стоящихъ ребромъ. Сопровождаемые плачемъ и воемъ семей своихъ, ѣдутъ охотники къ этому, напередъ опознанному мѣсту, и начинаютъ несчастныхъ птенцовъ убивать чекушкой, или просто колотя головенкой объ ледъ; но горе отважнымъ промышленникамъ, если въ это время подуетъ морской вѣтеръ: льдины отрываетъ и относитъ, куда

---

*) Впрочемъ, ловъ этотъ иногда бываетъ соединенъ съ опасностью для ловцовъ; если они не успѣли перебить передняго ряда тюленей, прежде тѣмъ проснутся остальные, то весь косякъ устремляется въ воду, увлекаетъ съ собою и давить ловцовъ.

вѣтеръ дуетъ. Только счастливая судьба можетъ уривнуть ее къ берегу или къ другой льдинѣ, съ которой можно перебраться на землю, или наконецъ перехватить ловцовъ какая-нибудь кусовая; но часто бываетъ, что уносить въ море, гдѣ впереди смерть отъ холода, голода, потопленія, и трудно вообразить, съ какой отважностью и неутомимостью спасаются, погибающіе: послѣдній способъ, самый рѣшительный — когда уже никакой не осталось надежды, — это плаванье на бурдюкѣ. Дѣлается онъ просто: убиваютъ обыкновенно лошадей, мясо ихъ запасають на пищу, а шкуру надуваютъ, и образовавшіеся изъ нея пузыри привязываютъ къ саямъ, которыя спускають на море, и пускаются въ нихъ плыть, употребляя мѣсто весель лошадиныя кости; кого вынесетъ — такъ хорошо, а ивтъ — такъ, значитъ, Богомъ такъ назначено. Чиновникъ произведетъ очень аккуратное мѣстное изысканіе, о причинѣ смерти такихъ-то и такихъ-то. Родные, а больше всѣхъ матери, поревутъ, постонутъ. На мірской сходкѣ переговорають: «Затерло, братъ, ребятъ-то, затерло... Затерло, затерло, съ кусовой отъ Оомы Ильича видѣли, слышь... Видѣли, видѣли, братецъ ты мой, да подступу не было, льдишко кругомъ... Льдишко, льдишко — извѣстно!» заключится разговоръ, да тѣмъ дѣло и покончится. Гдѣ-то, подумаешь, не вершить головушкой русскій человекъ ни за что, ни про что, а пора бы, кажется, намъ поберегать людей: весь этотъ промыселъ, напримѣръ, доставлялъ шкурку, изъ которой гыдѣлся мѣхъ въ родѣ бобра, употребляемый на опушку вучерскихъ кафтановъ, и для

подобнаго комфорта каждый годъ гибло до 20-ти человекъ, а сверхъ того переводились и самыя тюлени. Въ последнее время правительствомъ, впрочемъ, запрещень этотъ промыселъ.

1856 г. Астрахань.

ЗАПИСКИ САЛАТУШКИ.

Мысли, чувства, воззрѣнія, наружность и краткая біографія
статскаго совѣтника Салатушки.

I.

Мнѣ всего еще только 38 лѣтъ, но я уже статсвій совѣтникъ. Изъ этого одного читатель можетъ заключить, что я лицо довольно общее въ Петербургѣ, или, лучше сказать, я могу служить совершенно вѣрнымъ и довольно полнымъ отраженіемъ самой лучшей и благоразумѣйшей части петербургскаго народонаселенія. Начву съ того, что всѣ мы, т. е. я и другіе мои собратья статскіе совѣтники, въ тотъ моментъ, какъ я приступаю къ моимъ запискамъ, всѣ мы переживаемъ одну общую драму, тѣмъ болѣе тяжелую, что мы ее должны, особенно въ послѣднее время, тщательно скрывать, и условленную страшнымъ для насъ вопросомъ: буду я на Новый годъ дѣйствительнымъ, или нѣтъ? Въ этомъ

случаѣ я рѣшительно нахожу даже нѣкоторую жестокость со стороны Провидѣнія: какимъ образомъ и для чего было такъ устроено, что всѣ чины идутъ прекрасно, по строго-заведенному порядку, а тутъ вдругъ въ этомъ именно столь желанномъ повышеніи и ставится заковычка! Извѣстно, что только чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и Владиміръ второй степени могутъ составить серьезную служебную карьеру. До тѣхъ поръ человѣкъ все еще какъ-то колеблется и, можно сказать, не устоялся на жизненномъ поприщѣ. Сколькихъ мы знаемъ статскихъ совѣтниковъ, поистинѣ полезнѣйшихъ сыновъ отечества, но оставившихъ службу и поникнувшихъ въ тиши именно потому только, что стыдно же было всю жизнь служить и оставаться не генераломъ. Предпиши человѣку какой хочешь подвигъ, назначь ему какой хочешь срокъ, но не терзай его случайностію! Последнее время между всѣми нами, сообразно духу времени, завелось обыкновеніе говорить: «что чины и кресты — суета, что намъ нужны деньги и деньги!...» Если вы, читатель, знаете вообще сердце человѣческое, а чиновничье въ особенности, то, конечно, ни на волосъ тому не вѣрите и даже очень хорошо знаете, что всѣ эти, напримѣръ, господа, въ столь внушительныхъ бекешахъ и съ такими значительными фізіономіями, такъ спокойно гуляющіе около 4-хъ часовъ по Невскому, въ душѣ — предъ Новымъ годомъ — далеко не спокойны; что эти старцы-правители разныхъ канцелярій и начальники отдѣленій, кажется, ни о чемъ больше, какъ о любви къ своему начальнику не помышляющіе, и тѣмъ питаются въ своихъ крот-

кихъ душахъ никогда, можетъ быть, несбыточную, но тѣмъ не менѣе обольстительную мечту о чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника; что, наконецъ, даже молодое поколѣніе статскихъ совѣтниковъ съ весьма еще не-густо отросшими бакенбардами, поколѣніе, такъ свободно отзывается о Наполеонѣ III и такъ много говорящее въ пользу безчиновныхъ чиновниковъ Соединенныхъ Штатовъ, и они носятъ въ душѣ ту же рану.

Что касается тѣхъ счастливицевъ, которые произведены уже въ дѣйствительные, — я не могу прямо и опредѣлительно судить, такъ какъ самъ еще не испытывалъ этого прекраснаго чувства, но полагаю, что оно должно состоять, на первое время по крайней мѣрѣ, въ совершенномъ спокойствіи духа, въ нѣсколько усиленно чувствуемой нѣжности къ семейству и, наконецъ, въ полномъ самоуваженіи.

Познакомивъ такимъ образомъ читателя почти съ главной, исходной точкой моихъ воззрѣній, я, въ біографіи моей, касательно своего происхожденія — желалъ бы умолчать, такъ какъ происхожу отъ бѣднаго и блѣднаго племени, обитающаго въ около-петербургскихъ болотахъ, — племени впрочемъ облагороженнаго со стороны бабки моей чистою германскою кровью. Учился я — какъ слѣдуетъ всякому порядочному петербургскому чиновнику — въ одномъ изъ высшихъ заведеній, и учился, надобно сказать, хорошо, руководствуясь въ этомъ случаѣ не столько любовью къ наукамъ, сколько мерцающимъ впереди 10-мъ классомъ.

Въ продолженіе всего моего ученія, я постоянно принадлежалъ къ числу молодыхъ людей называе-

мыхъ отъ прочихъ грубыхъ нашихъ товарищей *жилетниками!* На это насмѣшливое названіе мы, конечно, не обращали ни малѣйшаго вниманія, и всегда старались быть прилично одѣтыми и умѣли такъ носить съ бобровыми воротниками шинели, что даже солдаты, особенно семеновцы, вѣроятно за голубой воротникъ, очень часто отдавали намъ честь, что и доставляло, по крайней мѣрѣ мнѣ, самое искреннее удовольствіе. Страстей или какихъ-нибудь юношескихъ увлеченій я, сколько мнѣ помнится, не имѣлъ, кромѣ впрочемъ страсти къ сладкому, но и ту старался постоянно скрывать. Даже самая любовь въ моихъ юношескихъ мечтаніяхъ мнѣ представлялась въ довольно-солидномъ видѣ. Я никогда не мечталъ о какомъ-нибудь небесномъ существѣ, прилетѣвшемъ на землю только временно, не мечталъ даже о какой-нибудь особенно молоденькой и хорошенькой дѣвушкѣ, а напротивъ: дама сердца моего мнѣ представлялась въ видѣ не очень еще старой, но за-то совершенно независимой и съ порядочнымъ состояніемъ вдовы, у которой былъ бы свой домъ и въ этомъ домѣ хорошенькая квартирка, рублей въ десять серебромъ, кухарка, и вслѣдствіе этого довольно пріятный столъ и недурной погребъ тонкихъ, легкихъ винъ. Вдова эта, видѣвъ, что у меня нѣтъ экипажа, подарила мнѣ его, и настоятельно требовала, чтобы я его постоянно держалъ. Увидѣвъ случайно разъ, что я хожу въ подбитой ватой шинели, она вдругъ экспромпитомъ, какъ бы отъ неизвѣстнаго, прислала мнѣ ильковую шубу, и надобно сказать, что все это въ тѣхъ почти самыхъ подробностяхъ и повторилось въ жизни моей. Но,

такъ какъ ни одинъ порядочный молодой человѣкъ не дозволить себѣ компрометировать женщину разсказомъ о подобныхъ отношеніяхъ, потому и это обстоятельство прохожу молчаніемъ, и скажу только одно, что явнымъ и постояннымъ моимъ стремленіемъ было: бывать въ семейныхъ домахъ, особенно въ тѣхъ, гдѣ отецъ былъ заслуженный человѣкъ, или мать съ хорошими связями.

Признаюсь, — до сихъ поръ я въ полнѣйшемъ восторгѣ отъ этихъ небольшихъ чайныхъ вечеровъ, которые въ такомъ обиліи распространены въ петербургскомъ обществѣ. Скажите сами, что можетъ быть лучше этого: у подъезда швейцарь-солдатъ; лѣстница освѣщена газомъ. Въ прекрасной казенной квартирѣ, и въ прекрасной, въ этой квартирѣ, столовой, за круглымъ большимъ столомъ, сидятъ нѣсколько дамъ, одѣтыхъ почти по-бальному (только не съ открытымъ лифомъ). Около нихъ иногда нѣсколько, хоть не совсемъ розовыхъ и свѣжихъ дѣтей, но за-то въ такихъ крылоподобныхъ юбочкахъ и съ такими кудрями, что какъ будто бы это были ангелы, ниспосланные съ неба, чтобы усладить жизнь ихъ чинсовыхъ папенокъ. На другомъ концѣ стола сидятъ все почти статскіе и дѣйствительные статскіе совѣтники. Разговора вообще никакого нѣтъ. Говорятъ иногда, и то вполголоса, мужчины о сигарахъ, а дамы объ оперѣ, и наконецъ тѣ и другія — о погодѣ и о блаженствѣ жить на дачѣ. Словомъ, происходитъ все такъ прилично, благополучно, звука грубаго не услышишь, не увидишь даже успленной улыбки, и когда выйдешь оттуда, то чувствуешь, что на душѣ свѣтло, спо-

койно, радостно, особенно если тутъ же съ тобой вмѣстѣ былъ начальникъ твой, который нѣсколько разъ обращался къ тебѣ съ весьма замѣтной, ласковой улыбкой. Въ театръ я хожу, разумѣется, только въ оперу и не столько для удовольствія, сколько для поддержанія себя въ уровнѣ съ образованнымъ обществомъ. Приходя и имѣя намѣреніе постоянно приходить въ восторгъ отъ разныхъ пѣвицъ и пѣвцовъ, я, откровенно говоря, чувствую страшную скуку во всѣхъ этихъ «Донъ-Жуанахъ» и «Севильскихъ цирюльникахъ». Про Петербургъ — никогда, разумѣется, во всю свою исторію не спѣвшей и порядочно не сыгравшей ни одной пѣсни — вдругъ, съ появленія итальянской оперы, прошла молва, что это самый музыкальный городъ въ мірѣ. Но тутъ была очень простая штука, чисто-на-чисто нашъ поддѣльный чиновничій восторгъ, который выражали, чтобы прослыть людьми образованными и заслужить вниманіе у женъ нашихъ начальниковъ, которыя тоже въ свою очередь восхищались потому, что сами кой-что попискивали и поигрывали.

Я понимаю, что можно пять часовъ сряду толковать объ открывшейся, наиримѣръ, вакансіи, на службѣ, о характерѣ и душевныхъ свойствахъ начальника вашего, наконецъ, обдѣлывая какое-нибудь частное дѣльце, тысячь въ 30 серебромъ, — но пять часовъ слушать, какъ пилать на скрипкахъ и поютъ, хоть и хорошіе, но все же не райскіе голоса, — это, какъ хотите, почти невыносимо и даже, полагаю, что положительно нездорово.

Ко всему тому, что я сказалъ о самомъ себѣ, не знаю, нужно ли мнѣ объяснять, что я имѣю са

мую приличную наружность, т. е., не смотря на то, что владѣю замѣчательно прожорливымъ аппетитомъ и, когда случай выпадетъ, особенно на чужой счетъ, то ужасно много ѣмъ, — не смотря на это, сохранилъ и надѣюсь сохранять еще долго мою талию въ самомъ юношескомъ положеніи. Бѣлокурые волосы мои, несовсѣмъ, конечно, пріятнаго желтоватаго цвѣта, я держу всегда опрятно и, по бакенбардамъ, тоже желтоватаго цвѣта, похожу даже нѣсколько на дипломатическаго чиновника изъ англійскаго посольства. Службу я уже давно имѣю самую пріятную, и такъ какъ въ этомъ случаѣ есть нѣсколько любопытныхъ тонкостей, съ которыми юному поколѣнію чиновниковъ, полагаю, будетъ небезполезнымъ познакомиться, то потому и излагаю ихъ: съ перваго же моего шага на это поприще, исполненное столькихъ конкурентовъ, столькихъ отчаянныхъ труженниковъ, столькихъ, наконецъ, умовъ и людей со связями и богатствомъ, — я, человекъ, имѣющій все это въ весьма малыхъ размѣрахъ, кажется, сразу понялъ, какъ тутъ нужно изловчиться. Вступивъ на службу въ довольно еще отдаленное для современной эпохи время, когда еще не думали даже о сокращеніи переписки, я, выбравъ себѣ начальника, первымъ долгомъ поставилъ для себя привязаться къ нему всей душой, и въ этомъ случаѣ, смѣю завѣрить, не было нисколько притворства съ моей стороны: я именно увлекся имъ, какъ прекраснымъ образцомъ всего прекраснаго, и сталъ ему подражать во всемъ: я полюбилъ то, что онъ любитъ, протестовалъ противъ того, что ему было непріятно, и наконецъ подумилъ даже тѣ науки, съ которыми онъ отчасти былъ

знакомъ; а вслѣдствіе способности моей втираться въ семейные дома, попалъ и къ нему въ домъ, и чрезъ посредство его супруги и свояченицы, весьма милыхъ и любезныхъ дамъ, показалъ ему, что я не только чиновникъ исполнительный, но и человѣкъ гуманный. Надобно сказать, что между всѣмъ молодымъ и свѣжимъ человѣчествомъ, давно уже закономъ положено, какъ и между старымъ французскимъ адвокатствомъ, только въ томъ и признавать служебныя достоинства, кто хорошъ какъ человѣкъ, т. е. не иьяница, не мотъ и не взяточникъ. Надобно сказать, что начальникъ мой, слѣдовательно и я, служили и служимъ по двумъ совершенно разнымъ системамъ. Въ началѣ моей службы, все наше вниманіе было направлено на то, чтобы завести чистоту и порядокъ канцелярскій и потомъ, главное, чтобы облагородить и сдѣлать краткимъ, выразительнымъ и яснымъ нашъ языкъ бумажный. Читатель, можетъ быть, даже не повѣритъ тому, какихъ мы громадныхъ результатовъ достигли въ этомъ случаѣ: при одной легонькой ревизіи по нашему департаменту, ревизору показалось, что заголовки на дѣлахъ были литографированы, — до такой степени красоты и чистоты былъ доведенъ почеркъ у писцовъ. Ни одинъ отпускъ никогда не оставался черновымъ и непереписаннымъ. Настольный реэстръ велся въ двухъ экземплярахъ: одинъ для себя, а другой, почище, для начальства.

Въ отношеніи языка, еще болѣе того: по прежнему порядку, на примѣръ, писали: *«что вотъ вашему превосходительству, по такому-то дѣлу, было тогда-то предписано то-то и то-то. Ваше пре—во, въ донесеніяхъ вашихъ объявить то-то и то-то.»* — Находя

это по такимъ-то и по такимъ причинамъ неудовлетворительнымъ, снова вамъ предписываемъ то-то», — мы довели это до того, что писали прямо: «находя донесеніе ваше отъ такого-то числа, за номеромъ такимъ-то, по такому-то дѣлу, неполнѣ удовлетворительнымъ, предлагаемъ вашему превосходительству постыпшій окончаніемъ сего дѣла въ томъ направленіи, каковое указано законами...» кратко, благородно и ясно!... Прекрасное слово: «почтительныйше», употребляемое въ донесеніяхъ отъ подчиненнаго къ вышнимъ, — тоже, при всей своей скромности, я долженъ сказать, что изобрѣтено въ нашемъ вѣдомствѣ. Въ настоящее время положительно можно сказать, что самый молодой помощникъ столоначальника не напишетъ бумаги безъ того, чтобы не сократить ее до возможныхъ размѣровъ. И многія бумаги пишутся съ такой художественной отдѣлкой, что ей-богу лучше многихъ стихотвореній, особенно являющихся въ послѣднее время. Намъ, старшимъ и болѣе любимымъ начальствомъ чиновникамъ, въ этомъ отношеніи теперь чрезвычайно легко, все дѣлается прекрасно и безъ насъ; но зато на насъ лежатъ другія, болѣе серьезныя обязанности — обязанности дѣлать преобразование, давать развиваться подъ фирмою нашихъ распоряженій разнымъ народнымъ силамъ, уничтожать преграды, ставимыя невѣжествомъ и апатичностью русскаго народа. Откровенно говоря, это такъ трудно, такъ неопредѣленно, особенно же, совершенно не зная этой огромной Россіи, — столько, наконецъ, щекотливыхъ столеновій съ другими вѣдомствами, что даже удивляешься самому себѣ, какъ до сихъ поръ вывертываешься. Въ этомъ слу-

чаѣ я больше всего благодарю Бога за выборъ начальника, который я сдѣлалъ въ моей молодости. Это человекъ совсѣмъ готовый на настоящее дѣло. Онъ знаетъ Европу и различныя ея учрежденія до такихъ, напримѣръ, подробностей, что можетъ вамъ рассказать цѣны на всевозможныхъ европейскихъ дорогахъ. Только вслѣдствіе его высокаго образованія, силой котораго онъ держитъ наше управленіе на одинаковой напряженной высотѣ съ другими, у насъ все идетъ благополучно, и хотъ не предвидится особенныхъ повышеній, но зато нечего опасаться и перемѣнъ въ начальствѣ, — а для чиновника это дороже всего, потому что награды все когда-нибудь да дождешься, но хорошаго начальника не наживешь иногда и во всю остальную жизнь потомъ.

Главнымъ и общимъ разговоромъ теперь во всемъ обществѣ, конечно, составляютъ финансовыя реформы, въ которыхъ есть много утѣшительнаго. Какая, напримѣръ, теперь начинается прекрасная служба по всѣмъ кредитнымъ учрежденіямъ. Хотя она и всегда была тамъ хороша, то теперь виднѣе: удастся вамъ какая-нибудь мѣра, вы можете взлетѣть только что не на небеса, а если нѣтъ, такъ что такое: все-таки трудъ вашъ будетъ замѣченъ. При хорошемъ ходѣ дѣлъ, даже страницу въ исторіи можно занять, а быть какимъ-нибудь Кольбертомъ такъ же пріятно, какъ и Цезаремъ и Данте. Въ общемъ говоръ приводятъ различныя тонкія причины тому, что мы не въ хорошемъ денежномъ состояніи, но, по моему, все происходитъ отъ глупости и закоренѣлости русскаго народа, который теперь припряталъ себѣ деньги, которые у него надобно, наагомомъ тамъ какимъ-

нибудь, или какимъ-нибудь акцизомъ, вызвать и вырвать наружу. Совѣты такихъ людей, какъ Кокоревъ, въ настоящемъ случаѣ весьма могли бы быть полезны и дѣйствительны. Этого я, конечно, не говорю въ обществѣ, потому что не принято, — но твердо убѣжденъ, что еслибы поручили это дѣломъ, то—два, три распоряженія, и все пришло бы въ порядокъ: ну пускай, чортъ его дери, иностранный курсъ падаетъ, пускай акціонерныя общества дѣлаютъ что хотятъ съ собою и лопаются, какъ глупыя бомбы; но какъ же позволить, чтобы дальше-то это шло. Надобно было бы сразу прекратить это и не позволять развиваться фальшивому страху. Помилуйте! кричатъ мнѣ на это: государство органическая вещь, ни одна насильственная мѣра не приносила еще пользы. Я этого не знаю-съ! но исторія, сколько я ее понимаю, говорятъ намъ совершенно другое. Не обрѣй, не умой и не причеши русскаго человѣка безсмертный Петръ, онъ до сихъ поръ оставался бы невѣждой и неряхой; не заведи онъ чиновниковъ—не было бы никогда порядка въ Россіи, не устрой ранговъ—никогда бы въ обществѣ не проявилось должнаго уваженія къ заслугамъ отечеству, потому что даже теперь, что бы тамъ ни говорили, а какъ пріѣзжаетъ въ общество тайный совѣтникъ, такъ всѣ этакъ и поприжмутъ хвостики и говорятъ ужъ поблагоразумнѣй и поосторожнѣй, и курить ужъ не смѣютъ каждую минуту и въ каждомъ углу.

Изъ общественныхъ удовольствій, занимающихъ нашъ солидный образованный кружокъ, къ которому особенно принадлежу я, конечно на первомъ планѣ стоитъ Ристори. Признаюсь — госпожа эта рѣши-

тельно ставить меня въ тупикъ. Съ покойной Рашелью намъ гораздо легче было справляться: про ту, по крайней мѣрѣ, весь Петербургъ такъ ужь сплошь и кричалъ: прекрасно, неподобно! ну и ты кричалъ съ прочими то же; а объ этой—мнѣнія рѣшительно раздѣлились, или, лучше сказать, не составилось никакого. Я человекъ занятой: мнѣ и на представленіяхъ-то ея бывать, такъ подвигъ страшный, а тутъ еще подчитывай разную дребедень, которую она представляетъ, смотри на нее во всѣ глаза, а потомъ обдумывай и придумывай, что о ней говорить. Къ несчастію, всѣ почти знакомыя мои дамы,—и дамы, отъ которыхъ, надобно сказать, я нѣкоторымъ образомъ по разнымъ отношеніямъ завишу, всѣ онѣ, какъ нарочно, абонировались и, заплативши и деньги, ужь конечно не пропускаютъ ни одного раза и постоянно спрашиваютъ меня: «а вы» м-г Салатушка, были въ «Юдифь»? были въ «Маріи Стюартъ»?... Ну, и ѣздишь почти каждый разъ, такъ что ей-богу это мучительнѣе, чѣмъ итальянская опера, тѣмъ болѣе, что за всѣ эти труды безпрестанно еще провираешься и ставишь себя въ весьма щекотливое положеніе: одной дамѣ, напримѣръ, на вопросъ ея объ Ристори, я отвѣчалъ: «Да, что-жь?... Ничего...»—«Какъ ничего!..» воскликнула она, «вы говорите это такимъ тономъ, что у васъ, я вижу, сердца нѣтъ!» Я, разумѣется, сконфузился и сталъ было доказывать противное, и еще болѣе спутался, и видѣлъ, по крайней мѣрѣ, до десятка устремленныхъ на меня насмѣшливыхъ женскихъ взоровъ. Другой дамѣ, еще женѣ моего начальника, дамѣ съ весьма густымъ голосомъ и даже наружностью своей нѣсколько под-

ходящей къ Ристори, я нарочно выразился: «О, она божественна!»

— М-г Салатушка! вы видѣли Рашель, и можете такъ восхищаться этой госпожей!—сказала она и винула на меня ей-богу не менѣе грустно-выразительный взглядъ, какой и сама Ристори, будучи Маріей Стюартъ, въ послѣднемъ актѣ, кидаетъ на Лейчестера. Видимо, что я на сто процентовъ упалъ въ ея мнѣніи. Вотъ, наши журналы, вмѣсто того, чтобы соваться, куда имъ не слѣдуетъ, лучше бы писали объ этихъ вещахъ прямо, и опредѣлительно говорили, что вотъ какъ надобно понимать эту госпожу. Послѣдній разъ, я, бывъ въ театрѣ, вынужденъ былъ подслушать наконецъ разговоръ о ней двухъ господъ, показавшихся мнѣ на видъ очень умными. Одинъ изъ нихъ, по моему, прекрасно выразился:

— У Ристори есть большой талантъ, но нѣтъ поэзіи женщины.

Теперь у меня ни одна дама объ ней другаго отвѣта не добьется. Однако извините, читатель, я долженъ кончить—сейчасъ ѣду къ моему начальнику встрѣчать Новый годъ. Каждый разъ этотъ вечеръ бываетъ для меня въ самой высокой степени умилителенъ. Представьте себѣ, въ той же превосходной казенной квартирѣ, но уже въ залѣ, предъ двѣнадцатью часами департаментскій священникъ служитъ благодарственный молебенъ. Самъ начальникъ мой, нѣсколько уже сѣдовласый, весь погруженъ въ одно и то же время въ молитву и въ свои государственные помыслы. Супруга его, нѣсколько, какъ мы знаемъ, похожая на Ристори, грустна. На лицахъ дѣтей (двухъ дочерей и одного пажа) написана покорность.

Я молюсь и благоговѣю, и тронуть до глубины души. Но вотъ молебень кончился. Лакей въ бѣломъ галстухѣ и жилетѣ подаетъ на серебряномъ подносѣ всѣмъ шампанскаго: всѣ взяли за бокалы, чокнулись, пожали другъ другу руку съ глубокимъ чувствомъ и молча, съ улыбками, выпили. Поѣдешь домой — въ передней поздравить тебя курьеръ; на лѣстницѣ — швейцаръ. Какъ-то радостно замреть сердце, и скажешь самому себѣ:

«Жизнь хороша, когда мы въ ней необходимое звѣно».

Именно необходимое... Я полагаю, что въ Россіи многое можетъ измѣниться: сольются разные народности, уничтожатся сословія, но мы, чиновники, останемся.

Одно только непріятно въ завтрашнемъ днѣ, эти каналы — извошники, на которыхъ вотъ бы именно въ эти высокаторжественные дни и слѣдовало бы наложить строжайшую таксу: мнѣ надобно, напрямѣръ, сдѣлать до 150-ти визитовъ, и сколько за это съ меня слупить, боюсь даже подумать.

Прочитавъ мою статейку, всякій, конечно, замѣтитъ, что я нѣсколько сбиваюсь: не вездѣ и не во всемъ вѣренъ самому себѣ, то вдругъ откликнусь порывистымъ юношей, то благоразумнымъ старцемъ. Что дѣлать? Все это мы сами видимъ и должны признаться, что наплывъ этихъ разныхъ вопросовъ, идей, насъ нѣсколько порасшаталъ и поколебалъ, такъ что и держаться не знаешь чего! но во всякомъ случаѣ сущность наша, какъ видитъ читатель, остается одна и та же.

Статскій совѣтникъ Салатушка.

II.

Не могу скрыть передъ читателемъ, что, писавъ прошлыя мои замѣтки, я думалъ, что уже подписываюсь дѣйствительный статскій совѣтникъ, но нѣтъ!.. не вышло!.. Вотъ что собственно и подѣдаетъ насъ, петербургскихъ чиновниковъ!.. Это не сидячая жизнь, не дурной петербургскій климатъ, ни даже геморой, — все это, благодаря нашему сухожильному и почти уже финскому происхожденію, мы перенесли бы; но насъ губитъ наше благородное и постоянно раздражаемое самолюбіе. Провинціальныя чиновники понять этого даже не могутъ: тамъ какой-нибудь увалень засядетъ на теплое мѣстечко, да такъ себѣ лѣтъ пятнадцать и дуется въ чинѣ надворнаго совѣтника; а послужи-ка здѣсь такимъ образомъ, такъ и на улицѣ, не только что въ обществѣ, стыдно будетъ показать глаза. Недалше, какъ съ недѣлю тому назадъ, иду я по Невскому, по солнечной, разумѣется, сторонѣ, и вдругъ за голландской церковью, около этого самаго, знаете, аристократическаго мѣста, попадаетъ мнѣ одинъ мой знакомый и немножко еще пріятель: рожа, можете себѣ представить, отвратительнѣйшая!.. моложе меня службою двумя годами!.. умственныхъ способностей, для какихъ-нибудь болѣе возвышенныхъ служебныхъ работъ — никакихъ, а между тѣмъ, вижу, идетъ, какъ какой-нибудь павлинъ, надувшись; и, поровнявшись со мною, объявилъ, что онъ уже съ годъ, какъ дѣйствитель-

ный статскій совѣтникъ, имѣеть казенную квартиру, тысячь около семи содержанія и къ Пасхѣ еще надѣется получить звѣзду! За что все это, скажите на милость? Встрѣча съ этимъ господиномъ, какъ хотите, можетъ у самаго хладнокровнаго и разсудительнаго человѣка разлить желчь. Возвратясь домой, я рѣшительно расхворался: во рту сдѣлалось скверно, и аппетитъ пропалъ и, право, только-что не всплакалъ. Думаешь: что же это такое наконецъ? Начальника своего любишь, кажется, Богъ знаетъ какъ, всякую мину непріятную, малѣйшій оттѣнокъ грусти замѣчаешь на его лицѣ, а онъ, между тѣмъ, при всемъ благородствѣ и возвышенности своего характера, какъ-будто бы не понимаетъ глубочайшихъ твоихъ страданій. Въ продолженіе всей моей службы я никогда не просилъ ни одной награды; даже отъ тѣхъ, которыя слѣдовали мнѣ по закону,—я постоянно отказывался, желая тѣмъ показать, что поймите мое самоотверженіе, и наградите меня тогда, когда я самъ того захочу. Но вотъ и захотѣлъ, и заговаривалъ почти прямо, и все-таки ничего не вышло. Это наше убійственное отмалчиванье и покачиванье съ грустью головой,—только и были мнѣ отвѣтомъ. Если онъ не можетъ этого сдѣлать для меня, такъ признайся, открой мнѣ свою душу; все-таки, по крайней мѣрѣ, я съ его-то бы стороны видѣлъ любовь и признательность.

Въ тоскѣ и въ хандрѣ, я заперся дома и велѣлъ себѣ изъ клуба носить журналы и газеты. Чортъ знаетъ, что такое нынче пишутъ! Книпы, кажется, бумаги, а между тѣмъ, для серьезнаго и солиднаго ума, читать почти нечего: прочтешь, разумѣется,

привазы и правительственныя распоряженія, про-
бѣжишь — такъ себѣ, pour la bonne bouche, нѣко-
торыя повѣстуши въ «Сынъ Отечества». Есть очень
не дурныя! Изъ новинокъ мнѣ больше всего нравятся
рѣчи Греча и стихи Бенедиктова, пропзнесенныя на
одномъ большомъ обѣдѣ. Что бы тамъ ни говорили,
а по моему, это двое самыхъ почтенныхъ писателей;
хоть бы взять съ того: оба они, въ весьма нестара-
рыхъ еще лѣтахъ—были уже дѣйствительные статскіе
совѣтники; у Владиміра Григорьича давнымъ-давно
Владиміръ 2-й степени, а у Николая Ивановича врядъ
ли нѣтъ звѣзды. А изъ новыхъ-то, нынѣшнихъ-то
журналистовъ? Самые ловкіе и умные изъ нихъ
допятали до статскаго совѣтника, да и сѣли на томъ.
Оба эти старца, не смотря на преклонныя лѣта
свои, постоянно отзываются душой на все прекрасное
и возвышенное, съ тою только разницею, что Нико-
лай Ивановичъ все еще нѣсколько держится консерва-
тивныхъ понятій своей бывшей «Сѣверной Пчелы»,
тогда какъ Владиміръ Григорьичъ совершенно чело-
вѣкъ свободно-мыслящій: на всякій почти, болѣе
или менѣ торжественный случай онъ пишетъ стихи,
и стихи совершенно свободныя. Прошлаго года, на-
примѣръ, въ Пассажѣ, я ужасно ему хлопалъ, когда
онъ, описавъ эту борьбу между старымъ и молодымъ
поколѣніемъ, очень просто объяснилъ, что это испо-
конъ-вѣковъ всегда было, есть и будетъ, и что это
ровно ничего не значитъ, потому что Богъ все-таки
шествуетъ впередъ. Очень глубокая мысль.

Между всѣмъ остальнымъ печатнымъ товаромъ,
я съ особымъ удовольствіемъ только и встрѣтилъ въ
«Вѣкѣ» своего стараго друга. Ч-р-н-к-н-ж-к-ва.

Пріятное перо имѣеть этотъ фельетонистъ! Тутъ онъ, напрімѣръ, вздумалъ позадѣть акціонерныя компаніи, и для этого пзобрѣлъ такое общество, какое развѣ есть между умалишенными, потомъ приписалъ ему дѣйствія, которыя тоже могутъ быть свойственны только бѣлогорячечнымъ, а именно: втыканіе акціонеру въ шубу трезубца, втаскиваніе его этимъ трезубцемъ въ сѣни. Изложилъ онъ все это языкомъ совершенно уже не колкимъ и не злымъ!.. Такимъ образомъ выстрѣлъ, какъ-будто бы, и былъ произведенъ, а между тѣмъ никто не задѣтъ, и даже ни въ кого особенно имѣчено не было, а—такъ, произведена была только маленькая игра съ фантомами собственнаго воображенія. Такого рода гласности каждому благонамѣренному человѣку желать надо, а то, помплуйте, что это такое: въ послѣднее время уже стали открыто и явно нападать на нашихъ главныхъ капиталистовъ. Эти люди, какъ хотите, достойны другаго пониманья!.. Вся жизнь ихъ есть подвигъ: сколько они должны были выказать характера, ума, соображенія, сколькихъ людей снискать любовь и покровительство, сколько разной мелюзги, мѣшавшей имъ на ихъ пути, придавить и растоптать, сколькихъ обмануть, можетъ быть, и наоборотъ; словомъ, повыкинуть иной разъ пзъ души всякое чувство совѣсти и стыда,—и на такихъ людей можетъ подымать голосъ г. Вернадскій, который, можетъ быть, очень и почтенный человѣкъ, но онъ слишкомъ много себѣ позволилъ, обвиняя, по слухамъ, гг. Кокорева и Бенардаки въ томъ, что они деньги, собранныя съ акціонеровъ общества «Сельскій Хозяинъ», употребляютъ на что-то другое. У Кокорева

и Бенардаки — не стало уже нынче своихъ денегъ; вѣдь это просто смѣшно подумать!.. А между тѣмъ, какъ бы то ни было, обвиненіе было печатно высказано такъ, что обвиненные, по благородству своей души и охраняя свои ничѣмъ незапятнанныя имена, рѣшились возражать ему и прямо говорить, что, вопервыхъ, слуховъ этихъ нѣтъ, — значитъ это клевета, а вслѣдъ за тѣмъ приводятъ 2075 статью XV т. Св. Зак., въ которой прямо сказано, что тѣ лица, которыя дозволяютъ себѣ въ печати клевету, подвергаются заключенію въ тюрьмѣ на время отъ трехъ мѣсяцевъ до одного года, и обязаны просить у обиженнаго прощенія, а буде пожелаетъ — и заплатить ему опредѣленное въ законахъ безчестіе. Что бы, вы думали, Вернадскій отвѣчалъ на то? онъ говоритъ, что слухи эти есть, а что постановленія собранія акціонеровъ, на которыя особенно напираютъ гг. Кокоревъ и Бенардаки, опровергъ во всѣхъ пунктахъ г. Ячевскій. Прекрасно-съ! да г. Ячевскій и можетъ опровергать, потому что онъ акціонеръ, а у васъ есть ли акцій хоть рублей на десять? Тутъ должно быть, по моему, весьма тонкое различіе на счетъ гласности. Въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, безъ всякаго суда и отвѣта, она должна быть допущена между литераторами; они ее выдумали, пускай ею и потѣшаются, щелкая другъ друга. Вотъ какъ сегодня же я пробѣгалъ литературныя воспоминанія г. Панаева. Этотъ писатель долженъ быть чрезвычайно свободномыслящій человекъ. Онъ, я думаю, способенъ все на свѣтѣ написать про всякаго, кто только имѣлъ неосторожность пускать его къ себѣ въ домъ. Интересно знать, опишетъ ли онъ въ этихъ воспо-

минаніяхъ, въ прилично-нѣжныхъ краскахъ, свою дружбу съ г. Некрасовымъ, передъ которой теперь даже дружба Греча съ Булгаринымъ теряетъ уже всю свою прелесть.

Но все это, почтенный читатель, надобно тебѣ сказать, я только думаю самъ про себя; въ обществѣ же пикнуть объ этомъ не смѣю, такъ что, ей-богу, какъ-будто бы во мнѣ теперь сидятъ два совершенно противоположные челоувѣка, — одинъ солидный, умный и, не смотря на это, вынужденный молчать, а другой — мальчишка, фантазеръ, который, напротивъ того, вездѣ кричитъ, ораторствуетъ, и все противъ своихъ убѣжденій. Даже въ домѣ моего начальника я не могу быть вполнѣ откровененъ, потому что въ немъ самомъ замѣчаю какой-то странный поворотъ мыслей; а главное — его супруга, которая послѣднее время, насмотрѣвшись вѣроятно Ристори, бредитъ итальянскими дѣлами: заказала себѣ браслетъ съ портретомъ Гарибальди, восхищается разными выходками журнальными, по моему, довольно пошлыми.

— А ну какъ, говорю, ваше пр — во, — вашего супруга вдругъ задѣнутъ?

— И прекрасно, говоритъ, сдѣлаютъ: онъ всегда былъ бездушнымъ и низкопоклоннымъ чиновникомъ.

Тайный совѣтникъ — низкопоклонный чиновничко! Интересно знать, передъ кѣмъ ему теперь кланяться-то особенно надо; а главное — прилично-ли дамѣ, въ ея званіи, выражаться такимъ образомъ? Совершенно потерянная женщина! И вдругъ еще надняхъ мнѣ говорить:

— А что, м-г Салатушка, участвуете ли вы въ воскресныхъ школахъ?

— Съ какой мнѣ стати, говорю, участвовать въ нихъ.

— А зачѣмъ же вы участвовали въ комитетѣ о «дѣтскихъ пріютахъ»?

— Тамъ, говорю, Анна Ивановна, вы сами знаете, былъ такой кругъ, который могъ составить честь и даже карьеру для каждаго молодаго человека.

— А! говорить, такъ вы добрыя дѣла любите дѣлать только для собственной пользы... Прекрасно! говорить, и пошла... пошла на ту тему, такъ что я долженъ былъ отступиться, и сказать, что «я очень радъ участвовать», и вотъ прошлое воскресенье она ужъ и возила меня въ одну изъ школъ. Представьте себѣ — эти мальчишки, мужичье, въ своихъ чуйкахъ, полушубкахъ, въ дегтярныхъ сапогахъ, такъ что мнѣ чуть дурно не сдѣлалось. Я мужика и бабу могу переносить только на воздухъ, а въ комнатѣ отъ нихъ ужасно воняетъ. Но все это было бы еще ничего: одинъ разъ въ недѣлю, въ воскресенье, сходить и — тѣмъ дѣлу конецъ; но она возлагаетъ на меня новыя вериги: она заставляетъ меня играть на театрѣ въ пользу этихъ же проклятыхъ школъ! Что я могу и съ какою цѣлью играть? Добро бы участвовать въ спектаклѣ въ какомъ-нибудь аристократическомъ домѣ, — это, дѣйствительно, для всякаго не стараго и служащаго человека — пріятно; а тутъ играть въ какомъ-то глухомъ переулицкѣ, только-что не въ шкафѣ вмѣсто сцены, съ сальными, я думаю, свѣчами, и въ обществѣ какихъ-нибудь

гимназистовъ, — это чортъ знаетъ, что такое! А отказаться невозможно, потому что, между нами сказать, она ужасное имѣетъ вліяніе на мужа. Вотъ хоть-бы насчетъ тѣхъ же школъ. Когда я прежде съ нимъ переговаривалъ, что принимаетъ ли онъ въ нихъ участіе или нѣтъ, такъ онъ мнѣ прямо сказалъ: «Погодите, говорить, повыждите, что изъ всего этого выйдетъ». А теперь вдругъ говоритъ, что это одна изъ благодѣлительнѣйшихъ мѣръ: — видимо, что повторяетъ ея напѣвы.

Какъ бы для того, чтобы еще болѣе усилилось мое грустное расположеніе духа, я почти случайно прочелъ въ «Сѣверной Пчелѣ» извѣстіе, что тайный совѣтникъ Гвоздевъ упалъ съ вагона и раздавленъ поѣздомъ. Вотъ наша жизнь человѣческая! Жилъ, служилъ, отличался красотой тѣла, ума и сердца! Сколько трудовъ понесъ хоть бы по однимъ только раскольничьимъ дѣламъ, и вдругъ какое-нибудь одно неосторожное движеніе — и всему конецъ! Какъ, однако, не-вдолгъ онъ покинулъ свѣтъ вмѣстѣ съ другомъ своимъ Суковкинымъ. Миръ праху вашему, именитые сподвижники! Мы можемъ утѣшать себя одной только мыслью, что еще осталось нѣсколько вашихъ товарищей, раздѣляющихъ съ вами убѣжденія и равныхъ вамъ по уму, по сердцу и по образованію.

Сегодня я грустно началъ и грустно кончаю.

Статскій совѣтникъ Салатушка.

21-го января 1861 года.

III.

Нѣтъ! Какъ хотите, а начальница моя рѣшительно съ ума сошла. Въ домѣ ея, на этихъ, какъ бывало прежде, умныхъ и солидныхъ вечерахъ, стали ужь появляться студенты и молоденькіе офицерики. Это новое молодое поколѣніе рѣшительно для меня непереносимо. Валеріанъ Ѳедосѣичъ (имя моего начальника), не смотря на свой деликатный характеръ, не смотря на свое несчастное подчиненіе вліянію жены, послѣднее время, наконецъ, вышелъ изъ терпѣнія и имѣлъ съ ними весьма неприятный споръ.

Надобно сказать, что въ этотъ крутой переломъ, который произошелъ въ половинѣ послѣдняго десятилѣтія, я и Валеріанъ Ѳедосѣичъ очень хорошо поняли, что мы какъ бы нѣсколько поотстали отъ вѣка, и что для успѣха по службѣ намъ надобно подправить себя въ смыслѣ образованія; но какимъ образомъ было это сдѣлать? Сами согласитесь, не наукамъ же учиться, — и какимъ именно? Пробовали было читать *Revue de deux mondes* — не помогаетъ; ухватились было за «Энциклопедію законовѣдѣнія» Неволіна — ничего не поняли; къ счастью, около этого времени, сталъ выходить «Русскій Вѣстникъ». Журналь этотъ, я могу сказать по собственному опыту, рѣшительно способенъ поучать не только какихъ-нибудь департаментскихъ директоровъ, но и лицъ повыше. На всѣ реформы, которыя только возникли въ головахъ нашихъ преобразователей-чиновниковъ, онъ сейчасъ же отвѣчалъ, начиналъ ихъ

развивать, разработывать; и даже... что я говорю!... онъ дѣлалъ болѣе того: онъ еще иногда ранѣе насъ ставилъ какой-нибудь общественный вопросъ, такъ что мы просто пожимали плечами и, разумѣется, не зѣвая, пользовались этимъ. Словомъ, услугъ, оказанныхъ этимъ журналомъ Россіи, я даже не въ состояніи перечислить: хотъ бы взять съ одного этого обличительнаго направленія, введеннаго имъ въ литературу. Читатель, можетъ быть, даже и не знаетъ, что не столько самое общество, сколько мы, петербургскіе чиновники, питали гнѣва и озлобленія противъ взяточничества губернскихъ и уѣздныхъ чиновниковъ; и вотъ—на страницахъ «Русскаго Вѣстника», въ первый разъ пылкій Щедринъ показалъ это зло и сразу выставилъ его въ настоящемъ свѣтѣ. Прежде, обыкновенно, какъ-то смутно и смѣшанно понимали, что — мы чиновники, и другой — чиновникъ и что это все равно; но тутъ Россія наконецъ увидѣла разницу губернскихъ и уѣздныхъ чиновниковъ отъ чиновниковъ департаментскихъ и министерскихъ. По всемъ этимъ очеркамъ мы святы и неопорочны, яко ангелы. Я даже сильно подозреваю, что самъ авторъ, по духу своему, долженъ быть чисто-министерскій чиновникъ, потому что такъ ненавидѣть и преслѣдовать этихъ маленькихъ червей можно только человѣку, который или начальствуетъ надъ ними, или ревизуетъ ихъ; а потому, чѣмъ строже онъ къ нимъ относится, тѣмъ болѣе для него заслугъ. Еще гораздо большую, конечно, заслугу журналъ этотъ оказалъ касательно русской общины. Съ тѣхъ поръ, какъ это общественное устройство было признано нами, чиновниками, а

полезное, онъ сдѣлалъ уступку и вошелъ по этому предмету въ нѣкоторое соглашеніе съ «Русской Бесѣдой», которая, какъ извѣстно, по своему исключительно нѣмецко-философскому воспитанію, признавала только ту общину, на которую намеки она читала въ нашихъ лѣтописяхъ; настоящей же, жпвой, она и въ глаза не видала, точно такъ же, какъ и «Русскій Вѣстникъ», который, однако, такъ какъ вопросъ этотъ былъ чрезвычайно насущный, у себя въ кабинетѣ сочинилъ свою общину: я не читалъ, но, говорятъ, сочинено очень хорошо. Конечно, нашлись противники, которые стали кричать, что она совершенно неприложима, что въ ней даже нѣтъ смысла, но этого никто еще не доказалъ. Можетъ быть, нашъ народъ только этого благодатнаго устройства ждалъ, и уцѣпился бы за него съ радостію; слѣдовательно, о достоинствѣ ея говорить нечего, а нравственный подвигъ и умственный трудъ я во всякомъ случаѣ тутъ вижу. Про финансовыя вопросы и говорить нечего; однѣ статьи Безобразова написаны съ такимъ глубокимъ знаніемъ дѣла и такимъ спеціальнымъ языкомъ, что даже такіе люди, какъ я и мой начальникъ, люди сами немножко финансовыя, читая эти статьи, во многихъ мѣстахъ весьма трудно понимаемъ, а въ общемъ такъ ничего и уразумѣть не можемъ, что это такое, для чего онъ пишетъ и что онъ хочетъ этимъ сказать. Чрезвычайно ученый авторъ. Изъ всего этого читатель видитъ, что я и мой начальникъ, какъ и большая и лучшая часть петербургскаго чиновничества, стоимъ и зиждемся на идеяхъ «Русскаго Вѣстника». Во время моей молодости, когда мы ходили въ семейные дома, мы

прежде всего старались узнать кругъ понятій хозяевъ, и если не были съ нимъ согласны, то все-таки ни въ какомъ случаѣ не позволяли себѣ высказывать своихъ идей или какъ-нибудь невѣжливо спорить, тѣмъ болѣе, что тогда это было и не совсѣмъ безопасно. Нынѣшняя молодежь въ этомъ случаѣ, кажется, дѣйствуетъ совершенно наоборотъ: она, какъ ворона въ павлиньихъ перьяхъ, носится со своими идеями, хвастается ими, хочетъ васъ подразнить ими.

На послѣднемъ вечерѣ у Анны Ивановны, нечесанный и нестриженный, съ усами и съ бородой, студентъ и непонятнаго для меня вѣдомства офицеръ, въ штатскомъ жакетѣ (ужасно красиво!), до того зарাপортовались, что студентъ вдругъ объявилъ, что онъ больше ужъ не читаетъ «Русскаго Вѣстника», потому, что это журналъ отставшій и свое дѣло сдѣлавшій.

Валеріанъ Федосѣвичъ только съ грустію посмотрѣлъ на него.

— Почему же вы такъ думаете? — спросилъ онъ его, своимъ, по обыкновенію, серьезнымъ, но короткимъ голосомъ.

— Потому, — говоритъ, — что онъ дальше бельгійскаго порядка не видитъ ничего.

Тутъ ужъ Валеріанъ Федосѣвичъ улыбнулся.

— А вашего взгляда, — говоритъ, — позвольте узнать, какая крайняя точка?

— Никакая, — говоритъ, — для меня только важна инициатива движенія впередъ.

Валеріанъ Федосѣвичъ опять улыбнулся.

— Движенія впередъ... — повторилъ онъ: — но

чтобъ двигаться впередъ, для этого, во-первыхъ, надобно знать, куда именно, а во-вторыхъ, тутъ нужно или идти пѣшкомъ, или ѣхать на лошади, или, наконецъ, по желѣзной дорогѣ, но все-таки дѣло дѣлать по-человѣчески, и только развѣ какой-нибудь сумасшедшій для этой цѣли велитъ собой зарядить пушку и выстрѣлить имъ въ какое-нибудь пустое пространство, — авось куда-нибудь да долетитъ.

Эта рѣчь нѣсколько озадачила говоруновъ.

— Это, помилуйте!... — забормоталъ шаршавый дуралей изъ нихъ: — ставить намъ въ примѣръ западныя государства, значитъ, стѣснять нашу народность.

Валеріанъ Федосвичъ вышелъ наконецъ изъ себя (онъ терпѣть не можетъ русскую народность, а больше всего русскаго мужика и вообще простолюдина).

— Вотъ, — говоритъ, — сейчасъ и видно, что вы говорите съ вѣтру, нахватавши оттуда и оссюда... Въ чемъ состоитъ наша народность?... Въ чемъ?... говорите:

— Тимъ, тимъ!... — Тлямъ... тлямъ!... — и ничего не сказалъ. — Пѣсни, — говоритъ, — общинное начало... лѣтописи... — такъ что даже его пріятель-офицеръ замѣтилъ ему:

— Нѣтъ, — говоритъ, — м-г Каринскій, въ этомъ случаѣ вы заблуждаетесь... Припомните, — говоритъ, — статью «Темное царство»... Тамъ прямо доказано, что у насъ все нехорошо.

— Да, — говоритъ, — это правда... согласимся съ этимъ.

— Вся, — говоритъ, — наша народность: — про-

должалъ ужъ Валеріанъ Федосвичъ, — состоитъ въ томъ, чтобъ ходить небритымъ, невытымъ и нечесанымъ, говорить на о..., ѣсть рѣдку, пить сивуху и какимъ-нибудь осиплымъ голосомъ пѣть глупѣйшія пѣсни; но у насъ есть, благодаря Петру, въ небольшомъ кружкѣ людей образованіе; руководимые ими, мы должны учиться у Европы всему: и наукамъ, и общественному устройству, и наконецъ нравственно выдѣлывать себя по образцу европейскаго чловѣка.

— Что же, вы хотите, — возражаетъ опять этотъ студентъ: — чтобъ вся наша исторія была передразниваніемъ и гримасою съ того, что тамъ дѣлалось.

— Хоть бы, — говорить, — даже гримасою, потому что она все-таки лучше милаго роднаго облика; и вмѣсто того, чтобъ хлопотать о какой то народности, не гораздо ли лучше учиться тому, что есть подъ руками. Вотъ вы, — говорятъ, — теперь въ университетъ; на которомъ вы курсъ, и чему вы учитесь?

— Я, — говорить, — даже и не знаю, на которомъ я курсъ, я учусь не для того, чтобъ сдѣлаться ученымъ, а чтобъ образовать изъ себя гражданина.

— Какой же вы будете гражданинъ, когда вы не кончите курса? вамъ не дадутъ никакого чина и потому никакой должности. Что же вы за гражданинъ будете?

— Этого мнѣ и не нужно, — говорить, — была бы во мнѣ инициатива.

— Подите вы съ вашей инициативой, ... — вспылъ наконецъ Валеріанъ Федосвичъ: — вы не учи-

тесъ потому, что для всякой науки надобны извѣстная доля ума и добрая воля, а вы умѣете только, загнувши лобъ, бѣгать изъ дому въ домъ и кричать: начала... инициатива... — И такъ расходился, что всталъ, ушелъ къ себѣ въ кабинетъ и хлопнулъ дверьми.

Тутъ эти господа привязались ужъ ко мнѣ, п офицеръ, между прочимъ, говоритъ:

— Валеріанъ Федосвичъ, — говоритъ, — сердится; но чему же, скажите Бога-ради, учиться? Напримѣръ, хоть бы исторіи: какова она даже въ европейскихъ литературахъ: одинъ ее пишетъ какъ вигъ, другой какъ торій, третій оплакиваетъ старое французское дворянство. Я, конечно, весьма неопытенъ въ подобнаго рода спорахъ, — замѣтилъ онъ.

— Да вамъ, я говорю, какъ офицеру, и не надобно учиться исторіи; а занимайтесь военными науками, совершенствуйте постройку мостовъ, крѣпостей, изобрѣтайте новыя пушки.

— Я, — говоритъ, — войну признаю только ту, которая отстаиваетъ естественныя права человѣка, а не усиливаетъ ихъ.

— Что такое, — говорю, — вы говорите? я васъ не понимаю.

— Да, — говоритъ, — дѣйствительно вамъ трудно насъ понять.

— Европа, — говоритъ... — началъ опять этотъ студентъ, огорошенный Валеріаномъ Федосвичемъ: — никогда, и ничего ужъ, — говоритъ, — изъ этой Европы не выйдетъ, потому что въ ней города, села, деревни, все въ ней выстроено не такъ... какъ слѣдуетъ...

— Всю, — говорю, — значить, ее перестраивать надобно.

— Да, — говоритъ, — сначала надобно мозгъ, кости и мясо европейскаго человѣка перестроить, тогда онъ перестроитъ и города.

— Словомъ, — говорю, — пересоздать весь міръ... Чортъ знаетъ, что такое!...

Всего печальнѣе и досаднѣе въ этомъ глупомъ спорѣ то, что Анна Ивановна впиалась и ушами, и глазами въ милыхъ ея ораторовъ, такъ что, когда пришли къ ней проститься дѣти, она не хотѣла хорошенько имъ дать руки, а пихнула въ зубы и сейчасъ же проговорила: — «Ступайте, не мѣшайте!» До чего дойдетъ эта женщина, Богу извѣстно. Въ такомъ чинѣ и въ такихъ лѣтахъ позволить себѣ такъ увлекаться всякимъ вздоромъ — непростительно.

Чтобы хоть сколько-нибудь разсѣяться отъ подобныхъ бессмысленно-глубокомысленныхъ вечеровъ, я ходилъ смотрѣть Леотара въ конномъ представленіи. Вотъ молодецъ, такъ молодецъ. Есть такіе смѣшные люди, которые говорятъ, что смотрѣть на него непріятно: чрезвычайно дѣйствуетъ на нервы, — все равно, что смотрѣть на казнь: а я — такъ, напротивъ, рѣшительно ничего не чувствовалъ. Ну, если бы и шлепнулся — что же такое? Самъ виновать, еще интереснѣе было бы представленіе. Былъ потомъ въ театральномъ маскарадѣ. Очень оживлено, хоть и не совсѣмъ благопристойно. Говорятъ, нарочно подсылаютъ разныхъ фигурантовъ и фигурантокъ плясать и ломаться, и которые не усердно

исполняютъ это, у тѣхъ вычитаютъ изъ жалованья. Можно себѣ представить послѣ этого, какъ они вытанцовываютъ.

Статскій совѣтникъ Салатунка.

26 февраля 1861 года.

ОБЛИЧИТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО

ИЗЪ АДА.

Милостивый государь!

Съ тѣхъ поръ, какъ вашъ высокодаровитый предшественникъ Осипъ Ивановичъ Сеньковскій (между нами сказать, гораздо лучше вашего понимавшій вкусы и наклонности русской публики) написалъ етоль вѣрную и такъ близко касающуюся земной, планеты сцену «Въ аду», съ тѣхъ поръ, говорю я, не смотря на такое широкое развитіе въ нашемъ отечествѣ гласности, — объ «адѣ» и его злоупотребленіяхъ не было сказано ни слова; а сами согласитесь, по вашему же принципу, такія порочныя существа, какъ черти, не должны же быть оставляемы въ покоѣ: ихъ надобно обличать и имена ихъ предавать позору. Въ этомъ случаѣ я рѣшился взять на себя эту великую обязанность и, какъ вы увидите изъ моей коротенькой біографіи, имѣю на это нѣкоторое право: во-первыхъ, до сихъ поръ —

я ничтожнѣйшее существо въ «аду». Пробовалъ было сначала служить, и вся служба моя состояла въ томъ, чтобъ записывать прибывающихъ въ «адъ» грѣшниковъ, съ обозначеніемъ ихъ лѣтъ, чина и званія, но не могъ. Скучно показалось, да и умишка, откровенно сказать, не совсѣмъ хватило. Занялся потомъ торговлей и поступилъ въ приващивъ къ чорту, торгующему въ «аду» каменнымъ углемъ. Товаръ этотъ, по потребленію своему въ «аду», развѣ можетъ только равняться вашей водкѣ, потому что, кромѣ частнаго употребленія каждымъ чортикомъ въ потѣху себѣ, онъ забирается и правительствомъ, для поджиганія грѣшниковъ, въ страшнѣйшемъ количествѣ и по цѣнамъ, не уступающимъ вашимъ севастопольскимъ цѣнамъ. Мѣсто было прекрасное, но я, по благородству своего характера, не только не нажилъ себѣ ничего, но даже, захвативъ часть хозяйскихъ денегъ, промоталъ ихъ — и меня прогнали. При такихъ стѣснительныхъ обстоятельствахъ, я съ нѣсколькими подобными мнѣ товарищами, желая показать, что мы — изъ самыхъ передовыхъ чертей и раздѣляемъ вполне современные понятія, образовали изъ себя легионъ и, принявъ образъ мулатовъ, отправились въ Америку освобождать негровъ. Приемъ былъ восхитительный! Дамы осыпали насъ цвѣтами, мужчины пили наше здоровье. Но этотъ проклятый Макъ-Клаганъ невдолгѣ такъ насъ отчесалъ, что я первый далъ тягу. Я вообще, долженъ сказать, чортъ осторожный: принять нѣсколько палочныхъ ударовъ за идею я готовъ и перенесу это съ полнѣйшимъ спокойствіемъ; но, чтобъ жизнью пожертвовать, — никогда. Воспользовавшись обы-

чаемъ американскихъ солдатъ выходить въ отставку, когда имъ угодно, хоть бы даже въ самый пылъ сраженія, я, придравшись будто бы къ неполной выдачѣ кофейной порціи, уволилъ себя и возвратился вспять, на родину. Не могу описать вамъ моего озлобленнаго состоянія; всѣ чертовскія страсти меня волновали каждо-минутно: мнѣ хотѣлось и золотыхъ роговъ... хотѣлось прослѣдить тѣмъ поэтическимъ демономъ, который такъ прекрасно, хоть и безъ всякаго смысла, клянется у вашего Лермонтова... хотѣлось, наконецъ, быть, по крайней мѣрѣ, бездарнымъ дьяволомъ Фридерика Сулье и разойтись по свѣту въ такомъ пріятномъ количествѣ экземпляровъ; но до сихъ поръ ничего этого нѣтъ, и потому можете судить, до какой степени я, снѣдаемый завистью и злобой, сталъ чутокъ къ порокамъ дьяволовъ: каждое ихъ тщехвальное поматываніе роговъ, каждый самодовольный взмахъ хвостомъ, каждое корыстолюбивое запусканіе ихъ лапы во что бы то ни было пріятное для чертей, меня раздражаетъ до бѣшенства. Будьте столько великодушны, дайте мѣсто на страницахъ вашего журнала излиться всей моей злобѣ.

Я, въ этомъ случаѣ — не безпокойтесь — не буду похожъ на вашихъ земныхъ обличителей, не впаду въ мелочи и буду брать самыхъ крупныхъ лицъ, ужь отчасти извѣстныхъ русской публикѣ изъ «Большаго выхода сатаны». Начну съ Астарота, чорта-политика (читателю, можетъ быть, неизвѣстно, что обязанность чорта-политика совершенно противоположна обязанности лорда Пальмерстона, который, къ искреннему неудовольствию всего «ада», почти въ

каждой рѣчи своей говорить, что всѣ его старанія направлены къ сохраненію мира между человѣчествомъ. Политикъ-чортъ, напротивъ, долженъ заводить какъ можно больше войнъ и доставлять такимъ образомъ грѣшниковъ въ «адъ»).

Надобно сказать, что предшественникъ, по службѣ, Астарота, такъ блистательно начавшій свое политическое поприще изобрѣтеніемъ Магомета и напускомъ дикихъ и фанатическихъ племенъ на философствующую Грецію, дѣйствовалъ и потѣмъ превосходно: одна тридцатилѣтняя война доставила «аду» нѣсколько милліоновъ душъ, потому что каждый убитый на полѣ сраженія лютеранинъ, по католическому ученію, поиадалъ въ «адъ», и наоборотъ: каждый католикъ, по Лютеру, тоже шелъ къ намъ. Совершивши такіе подвиги, старикъ, разумѣется, поусталъ — даже, можетъ быть, позалѣнился немножко; но въ «аду», точно такъ же какъ у васъ, на землѣ, сейчасъ воспользовались этимъ, и пошли противъ него козни, интриги и, наконецъ, нынѣшній политикъ, Астаротъ, подалъ сатанѣ проектъ объ образованіи французской революціи. Вы не можете вообразить себѣ того восторга, когда была читана записка по этому предмету въ присутствіи сатаны и при многочислѣннѣйшемъ стеченіи чертей. Ожидали самыхъ блестящихъ результатовъ и въ началѣ, дѣйствительно, шло недурно: няобинцы и монтаньяры душили своихъ и отчасти самихъ себя въ весьма удовлетворительномъ для «ада» количествѣ; а потомъ корсиканецъ пошелъ ужъ на всю Европу съ проповѣданіемъ «новыхъ вооруженныхъ идей», которыя, впрочемъ, дохали только до рейнскихъ провинцій,

а дальше ужь шли одни штыки и солдаты. Затѣмъ русскій морозъ въ сентябрѣ, переправа черезъ Березину, битва при Ватерлоо — были послѣдними его порядочными дѣлами, а дальше мы только и видимъ, что инерція да инерція, потому что, какъ хотите, господа, а ваша крымская кампанія и послѣдняя итальянская, въ смыслѣ дьявольскаго творчества — весьма слабыя созданія. Какъ это можно, помилуйте! довести итальянцевъ и французовъ до четвероугольника и остановить на томъ. Для чего же, послѣ этого, какъ не для рѣзни, и устроенъ, и усовершенствованъ этотъ четвероугольникъ? Не Австрію же, въ самомъ дѣлѣ, охранять — велика до нея надобность чертямъ! Крѣпости, по нашимъ чертовскимъ внушеніямъ, для того именно и строятся, чтобъ больше на нихъ лѣзло простаковъ и убивалось, а другая ихъ часть внутри бы ихъ съ голоду умирала — и, доведя до такого прекраснаго пункта такія двѣ храбрыя арміи, вдругъ остановить, тогда какъ, не говоря ужь объ итальянцахъ, сколько бы французовъ *pour la gloire de la France* легло бы на полѣ сраженія, и прокливаемые, по австрійскому конкордату, паной, прямо бы понали къ намъ. Все это, впрочемъ, еще нѣсколько сносно; но что ужь теперь происходитъ, мнѣ даже и говорить совѣстно: видимо, что Астаротъ поддерживаетъ интересы католическаго Рима.

Объ этомъ обстоятельствѣ я дѣлалъ донесеніе сатанѣ — не знаю, какія будутъ послѣдствія; или наконецъ въ этой Америкѣ, что это такое? чего онъ держится, спросите его: хлопка или негровъ? и затѣмъ, наконецъ, <http://rain.org.pl> ватушаетъ дѣло «Трента»? Сло-

вомъ, этотъ господинъ, занимая такой важный постъ, видимо не имѣетъ никакихъ убѣжденій, никакихъ ясныхъ понятій о своихъ обязанностяхъ, никакой энергіи въ исполненіи своихъ плановъ. Этакихъ властителей уже у васъ, на землѣ, начинаютъ смѣнять, — какъ же въ аду-то, при такой обширности управленія, можно допускать это. Послѣ политики, конечно ужь одно изъ важнѣйшихъ орудій, которыми сатана властвуетъ надъ землею, это есть журналистика. Первый лордъ-дьяволъ ея тотъ же Бубантусъ *), имѣющій совершенно противоположное назначеніе вашимъ земнымъ журналистамъ, такъ справедливо, особенно у васъ въ Россіи, считаемымъ за безкорыстныхъ просвѣтителей рода человѣческаго. Бубантусъ, какъ блестящій затмеватель всякаго здраваго смысла, выводитель и распространитель по большей части того, что мелко, лживо, бездарно, необразованно и дерзко, можетъ быть, въ глазахъ «ада» имѣетъ огромную заслугу; но все-таки я долженъ сказать, что онъ нечестно и эгоистично поступаетъ въ отношеніи ближайшихъ бы, кажется, помощниковъ своихъ — чорта словесности и чорта наукъ. Изъ своихъ корыстолюбивыхъ расчетовъ, онъ, съ одной стороны, преслѣдуетъ ихъ, а съ другой — профанируетъ, и не знаю, замѣчаете ли вы или нѣтъ, но у васъ, на землѣ, одна только Англія, давши Бубантусу приличное ему мѣсто, не поддается ему окончательно, да и самъ онъ тамъ, хоть не совсѣмъ честенъ, но гораздо умнѣй и основатель-

---

*) Смотри Новоселье; Большой выходъ сатаны.

нѣй. Во Франціи онъ почти въ услуженіи у Персіньи, и наконецъ оглядитесь, господа, около себя повнимательнѣй и поймите, что въ вашемъ отечествѣ надѣлалъ Бубантусъ. Извѣстнo ли вамъ, что онъ скверными, грязными продѣлками способствовалъ дуэли Пушкина, изнурилъ и вогналъ въ чахотку журнальной работой Бѣлинскаго, очень хорошо понимая, что въ этихъ двухъ душахъ горѣлъ свѣтильникъ истинной мысли и истиннаго чувства мѣры и красоты, и потомъ, съ такимъ небывалымъ успѣхомъ въ Россіи, распространилъ въ 55 и 56-хъ годахъ «Русскій Вѣстникъ» — журналъ весьма почтенный — но уже, сами согласитесь, совершенно равнодушный къ изящной литературѣ. Но въ немъ, по крайней мѣрѣ, Бубантусъ находился въ очень честныхъ и благородныхъ отношеніяхъ съ чортомъ политики и чортомъ науки, и втроемъ они дѣйствительно дѣлали серьезное дѣло; но ужь потомъ какую баламутицу онъ завелъ, — такъ даже мы, черти, удивляемся. Критическія статьи «Современника», на примѣръ, читаются передъ сатаною какъ обвинительные акты на бѣднаго чорта словесности, такъ что повелитель ада, болѣе принадлежащій, по своей натурѣ, къ публицистамъ, чѣмъ эстетикамъ, взбѣсился на того:

— Какъ, говорить, ты, каналья, позволилъ поэтамъ писать тавія стихотворенія, какъ «Поэтъ и чернь».

— Стихи-то, говорить, ужь, ваша мрачность, очень мнѣ его нравились, да и притомъ такъ скромно кончались: «какое дѣло поэту мирному до васъ».

— Молчи!... Посадить его въ одно пекло съ Шекспиромъ и Лессингомъ!

Хорошо и сатана-то понимаетъ вещи: онъ полагаетъ, для того, чтобы угодить Бубантусу и вашей современной публикѣ, надобно писать какъ Шекспиръ и хлопотать о томъ, о чемъ хлопоталъ Лессингъ. Вслѣдствіе такого въ высшей степени несправедливаго ареста чорта словесности, у васъ на землѣ уже нѣсколько лѣтъ не появлялось ни одной критической статьи, имѣющей хоть какую-нибудь цѣну, а только и слышались скорѣй какіе-то подземные вздохи, чѣмъ ясныя, опредѣленные рѣчи. Но вотъ, года съ полтора, его выпустили изъ заточенія. Но, да откусить мнѣ хвостъ послѣдняя собака, въ какомъ жалкомъ и несостоятельномъ видѣ онъ явился: при всѣхъ своихъ благородныхъ стремленіяхъ силящійся сказать что-то такое, но вмѣсто того издающій одинъ только тоскливый хрипъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдствіе вѣроятно своего безсилія, нѣсколько прихваливающій свой недорогой товаръ! Не зная рѣшительно, что съ собой дѣлать, онъ на нѣкоторое время вселился въ одного эстетическаго критика, притворился человѣкомъ съ глубокими страстями и глубоко чувствующимъ, произвелъ съ нимъ по Петербургу нѣсколько блестящихъ бѣснованій, и наконецъ бѣжалъ съ нимъ въ Брынскіе лѣса, гдѣ и передалъ его чорту педагогій, возвратился въ Петербургъ и сдѣлался главнымъ сотрудникомъ журнала «Время». Добрый и умный, какъ и прежде, онъ безпрестанно почти противорѣчитъ себѣ и почти-что договаривается до безсмыслицы въ родѣ непосредственнаго творчества.

Точно также, какъ противъ чорта словесности, Бубантусъ поступаетъ и противъ чорта науки.

Чтобы повредить ему, Бубантусъ, по всѣмъ такъ называемымъ ученымъ рубрикамъ журналовъ, преимуществу пустилъ въ ходъ двѣ науки, политическую экономію и педагогію, которыя собственно и науками назвать нельзя, такъ какъ первую надобно перестраивать послѣ каждаго голоднаго года и финансоваго кризиса, а вторую для каждаго мальчугана писать особенную; а наукамъ естественнымъ, которыя дѣйствительно дѣло дѣлаютъ для человѣчества, отводить самые нераспространенные журналы и, мало еще того, дѣлаютъ по случаю ихъ на чорта наукъ доносъ сатанѣ, что будто бы тотъ къ тому наконецъ доведетъ естествознаніе, что и ихъ, чертей, совсѣмъ не будетъ. Можете себѣ представить, какъ взбѣсился повелитель ада! «У предмѣстника твоего, говоритъ, каналья, цѣлая наука, черная магія, была замѣшана на чертяхъ, а ты что дѣлаешь?» Чортъ наукъ, чтобъ какъ-нибудь спастись, только и пропищалъ: «и я готовъ, и я готовъ» и вслѣдъ затѣмъ отправился въ Америку и напустилъ оттуда въ человѣческія головы чепухи въ родѣ столоверченія, и наконецъ, принявши образъ Юма, проѣхалъ по Европѣ и даже былъ у васъ въ Петербургѣ.

Изъ этого краткаго перечня можете видѣть, до какой степени Бубантусъ, когда ему дали такъ болѣзненно развиться, старался постоянно вредить чорту науки и чорту словесности; но онъ, мало того, завербовалъ себѣ и чорта браковъ, поднявъ такъ называемый вопросъ объ эмансипаціи женщинъ, и сначала пустилъ это чрезвычайно ловко посредствомъ чорта словесности, въ произведеніяхъ вашей пре-

красной писательницы Жоржъ-Зандъ. Она описывала такихъ прелестныхъ, такихъ ангелоподобныхъ женщинъ, что имъ дѣйствительно можно было позволить все дѣлать. Но ваши, земныя женщины, сами вы согласитесь, немножко вѣдь пониже сорта! имъ можно кой въ чемъ и отказать. И какъ вѣдь, шельма, тонко прикрылъ этотъ вопросъ! Насоваль такія фразы, что женщинамъ надо дать право быть и полководцами, и первыми министрами, и вести банкирскія дѣла, забывъ то, что не было еще на свѣтѣ ни одного полководца, не состоявшаго подъ командою женщины, ни одного тонкаго политика, который бы частію своихъ тонкостей не былъ одолженъ женщинѣ, и ни одного собирателя богатствъ, который бы копилъ ихъ не для женщинъ. Разсчетъ тутъ былъ тотъ, что передовые люди по этому вопросу всегда будутъ холостые, которымъ очень удобно любить вашу жену, которую вы кормите, одѣваете, сносите всѣ ея капризы, а онъ получаетъ только удовольствіе, а иногда даже и деньжонки. Другая половина человечества это—мраколюбцы женатые, которые никакъ не могутъ понять наслажденія—стоять на той нравственной высотѣ, на которой, напримѣръ, стоитъ Соковинъ, и прямо необразованные скоты, какъ какой-нибудь Отелло, говорить: «Милостивый государь, если эта госпожа вамъ очень нравится, такъ не угодно ли вамъ совсѣмъ уже взять ее отъ меня, въ противномъ случаѣ, если вы будете оба наслаждаться на мой счетъ, такъ я васъ выброшу въ окно». Чортъ браковъ, руководствуемый такимъ образомъ Бубантусомъ, ожидалъ самыхъ блестящихъ послѣдствій отъ этого противоположнаго нравствен-

паго сопротивленія, ожидалъ, что въ каждомъ домѣ будетъ шумъ, крикъ, непрерывныя дуэли, смерть отъ любви: но—увы! чортъ финансовыхъ кризисовъ и акціонерныхъ компаній испортилъ все дѣло, нанесъ на все такія цѣны, что не только что любить, но и ѣсть стало не на что. Самая пылкая женщина очень хорошо поняла, что ея варваръ-мужъ не дастъ ей денегъ на удовлетворенія ея страстнаго сердца, такъ-какъ въ послѣднее время онъ видимо ужь отказываетъ ей даже въ болѣе законныхъ требованіяхъ, какъ напимѣръ въ шляпкѣ, бурнусѣ, тогда какъ у m-r, qu'ile pourrait aimer, какъ она тоже очень хорошо знала, совершенно нѣтъ денегъ, и потому—какъ это ни грустно, но зачѣмъ мѣнять вѣрное на невѣрное: «Я была мужу вѣрна и останусь вѣрною; а этого шатуна въ пестрыхъ штанахъ (т. е. ея обожателя) не велите и принимать; онъ все варенье у меня съѣлъ», со скрытымъ вздохомъ говоритъ она своей любимой горничной дѣвушкѣ, и вслѣдъ затѣмъ принимается самымъ старательнымъ образомъ повѣрять мѣсячный расходъ. Гораздо правильнѣе и самозабвеннѣе дѣйствуютъ жены и дочери совсѣмъ бѣдныхъ людей. О! онѣ готовы пожертвовать для васъ всѣмъ. На вопросъ итальянки Майкова: гордилась ли-бъ она любви своей позоромъ? можно смѣло отвѣчать: гордилась-бы! Но въ этомъ случаѣ самые молодые люди показываютъ гораздо менѣе страсти, чѣмъ въ отношеніи женщннъ богатыхъ, Они начинаютъ представлять изъ себя разочарованныхъ, говоря, что имъ все уже надоѣло, что любить они не могутъ, и сейчасъ постараются шмыгнуть въ домъ, гдѣ лучше

освѣщено и гдѣ лучше кормятъ, — словомъ, вмѣсто ожидаемыхъ скандаловъ, холодъ и приличіе повсюду!

Боюсь далѣе утомлять васъ, и имѣю честь быть и пр.

1862 года, января 18.

ЗАВѢЩАНІЕ МОИМЪ ДѢТЯМЪ:

ВАСИЛІЮ и НИКОЛАЮ.

Любезныя дѣти мои, Николай и Василій! оставляю я васъ, какъ вамъ не безъизвѣстно, въ весьма счастливомъ положеніи: у васъ нѣтъ крѣпостнаго состоянія, и потому вы не были и не будете призваны къ той великой жертвѣ, которую съ такимъ увлеченіемъ русское дворянство принесло на алтарь великихъ фалантропическихъ идей; вы не на столько, наконецъ, бѣдны, чтобы гоняться за 5-ю процентами, и можете ваши капиталы держать въ англійскомъ банкѣ, а съ другой стороны не такъ открыто богаты, какъ какой-нибудь Кокоревъ, чтобы всѣ къ вамъ лѣзли за деньгами. Даже ближайшему вашему пріятелю вы всегда можете отказать, отозвавшись, что у васъ теперь нѣтъ ни копѣйки, что и совѣтую вамъ постоянно дѣлать, потому что дать человѣку займы денегъ, значитъ, навѣрное сдѣлать изъ него на будущее время себѣ врага. Эгоизмъ свойственъ всѣмъ людямъ, но вы на него болѣе чѣмъ кто-либо

имѣете права: вы не холмогорцы какіе-нибудь, не полтавцы, чтобы проламывать здоровой головой какую-нибудь новую дорогу, а тѣмъ болѣе не итальянды, выросшіе въ прелестнѣйшемъ климатѣ, и не англичане, вскормленные мозгами своихъ предковъ—вы чистѣйшіе, въ осьмомъ колѣнѣ, петербуржцы, слѣдовательно, исключительное порожденіе бездарнѣйшей въ мірѣ почвы. Ваше мелкоуміе, вашъ хилый организмъ вы старайтесь пополнить:

Во-первыхъ,—прилежаніемъ. Качество это, благодаря большей части холерическихъ темпераментовъ и постоянному лихорадочному раздраженію, весьма свойственно Петербургу. Между тѣмъ какъ вся остальная Россія, по большей части, или спитъ, или въ карты играетъ, онъ одинъ только безпрестанно копошится и хоть пустяки, но каждоминутно дѣлаетъ.

Во-вторыхъ, вы должны заботиться о благообразномъ и приличномъ поведеніи: пьяница, на примѣръ, въ Петербургѣ, кто бы онъ такой ни былъ, пропащій человѣкъ—въ этомъ отношеніи Петербургъ воздержнѣй всей остальной Россіи: здѣсь пьянствуютъ только одни мужики, а господа только иногда напиваются няняны!

Въ-третьихъ, наконецъ, вы должны воспитать въ себѣ дерзость и нахальство: лучше этого свойства для успѣха въ жизни я ничего не имѣю вамъ рекомендовать: — дерзостью въ Петербургѣ можно сдѣлаться великимъ публицистомъ, замѣчательнымъ философомъ, даровитымъ актеромъ и знатнымъ чиновникомъ. По подробностямъ, дерзость эта должна состоять въ мѣдномъ дѣлѣ, способномъ пробиться и

пролѣзть ко всякому сильному міра сего, въ неудержимомъ стремленіи брать на себя всякое дѣло, всякую службу, — способны ли вы къ ней или нѣтъ, говорить и писать самымъ дерзкимъ тономъ обо всемъ, что только интересуеть Петербургъ. Словомъ, стремиться самымъ нахальнымъ образомъ, при нѣкоторомъ, разумѣется, умѣ, лѣзть въ глаза публикѣ, или начальству и не ждать, что васъ найдутъ способнымъ на что-нибудь, а самому явиться и сказать: ваше высокопревосходительство, позвольте — я это сдѣлаю. Что же собственно касается до васъ, то вы сами очень хорошо знаете, что для всего этого получили весьма приличное воспитаніе: вы имѣете хорошія манеры; вы говорите по-французски, по-нѣмецки, по-англійски такъ же хорошо, какъ и по-русски; вы выросли совершенно безъ почвы; никакого опредѣленнаго и замкнутаго цикла понятій въ вашей душѣ нѣтъ: внутри васъ вамъ рѣшительно ничто не мѣшаетъ распоряжаться вашимъ умственнымъ направленіемъ и вашими поступками, въ какую только угодно сторону, и для этого надобно только вамъ нюхать верхнимъ чутьемъ, откуда дуетъ повыгоднѣе вѣтеръ, и постоянно становиться подъ него; я самъ въ этомъ случаѣ могу для васъ служить живымъ примѣромъ: въ молодости моей, служа при полиціи, я былъ масонъ, потомъ былъ дѣятельнымъ чиновникомъ министерства финансовъ по дѣламъ въ Сибири, и наконецъ, въ послѣднее десятилѣтіе, сдѣлался публицистомъ, литераторомъ и директоромъ-распорядителемъ N—й компаніи и долженъ вамъ сказать, что всѣ эти занятія были весьма для меня выгодны. Конечно, каждый разъ, при переходѣ изъ одной

дѣятельности въ другую, приходилось въ своемъ взглядѣ на вещи дѣлать смертельные скачки; но это рѣшительно пустяки, потому что, собственно говоря, я не знаю въ Петербургѣ ни благородныхъ, ни неблагородныхъ направленій, а знаю только болѣе модныя, а потому болѣе выгодныя, и менѣе общія общей массѣ, а потому и совершенно безвыгодныя, и вы всегда, разумѣется, должны держаться первыхъ. Пусть всё ваши дѣйствія, всё ваши слова будутъ ничтожны, пошлы, — вы все-таки будете въ выигрышѣ. Петербургъ жестокъ только къ тѣмъ, кто, хоть и очень глубокомысленно, но не по его думаетъ.

На счетъ вашей службы, я рѣшительно никакихъ рѣзко опредѣленныхъ границъ начерчивать не желаю, — выбирайте только такую, которая выгоднѣе и виднѣе: въ настоящее время всего лучше брать службы новыя, такъ какъ на старыхъ и жалованья меньше, да и въ сломку онѣ, вѣроятно, скоро пойдутъ. О взяткахъ въ этомъ случаѣ я не хочу и говорить: вы слишкомъ благовоспитанные молодые люди, слишкомъ петербуржцы, чтобы позволить себѣ марать руки и уничтожать свое достоинство жалкимъ взяточничествомъ. Теперь, сколько я могу судить по ходу времени, вы, по преимуществу, должны представлять изъ себя передовыхъ молодыхъ людей, толковать какъ можно больше о политической экономіи, приходить въ ужасъ отъ бюрократической системы и между тѣмъ, какъ только вамъ поручатъ что-нибудь, сейчасъ же учреждать самую строгую бюрократію, потому что, между нами сказать, вы, какъ и всё ваши товарищи, ни на что другое и не годитесь. По послѣднему направленію вѣтра не

дурно даже, съ нѣкоторой похвалою, отзываться о децентрализаціи. Объ этомъ вы можете прочесть у Токвиля, и вообще, когда этакія новыя идейки будутъ встрѣчаться въ обществѣ и васъ затруднять тѣмъ, что надобно же объ нихъ что-нибудь говорить, для этого надобно подчитывать, или всего лучше познакомиться съ какимъ-нибудь болѣе моднымъ журналистомъ или какимъ-нибудь поумнѣй юридическимъ профессоромъ, тамъ вы всего этого вздора наслушаетесь Богъ знаетъ сколько, и потомъ, ѣздивши въ общество, прямо можете все, что тамъ услышите, выдавать за свое. Съ этой собственно цѣлью, я, старикъ, во всю свою жизнь ничего кромѣ дѣловыхъ бумагъ не сочинявшій, купилъ и напечаталъ подъ своимъ именемъ разныя статьи. Статейки вышли совершенно компилятивныя изъ самыхъ затхлыхъ нѣмецкихъ журнальчиковъ, и которыя я поручалъ сдѣлать одному бѣдному, но очень образованному человѣку; но онѣ все-таки были замѣчены, такъ что вскорѣ потомъ, когда я пріѣхалъ въ маскарадъ, одинъ извѣстный тамъ господинъ спросилъ про меня одного моего знакомаго: «кто этотъ мужчина съ сѣдыми бакенбардами?» «Это, говоритъ, ваше превосходительство, Круглополовъ, авторъ статьи объ Американскихъ банкахъ».—«А!..» произнесъ господинъ съ замѣтнымъ уваженіемъ. Не мѣшаетъ также попасть въ члены разныхъ ученыхъ обществъ и торчать по разнымъ комитетамъ. Положимъ, что вы тамъ пообнаружите, что вы и наукъ-то совсѣмъ никакихъ не знаете и Россіи совершенно не вѣдаете, но все-таки ваше ближайшее-то начальство будетъ думать, что вы повыше и поумнѣй вашихъ товари-

щей. Тому, что все можетъ быть хорошо, въ свое время самымъ блестящимъ доказательствомъ могутъ служить наши акціонерныя компании: въ первоначальныя два года директорства я нажилъ 112 тысячъ серебромъ... На какой службѣ и въ такое короткое время можно такъ хватить, позвольте васъ спросить?.. Да еще въ службѣ-то, пожалуй, и подъ судъ попадешь: а тутъ что возьмешь... у насъ, слава Богу, и законовъ-то акціонерныхъ никакихъ не существовало... покричатъ бывало, пошумятъ акціонеры, да тѣмъ все и кончится: еще сами потомъ, для своей же пользы, скрываютъ что было, и если бы тутъ не вмѣшалась дурацкая гласность, лѣтъ еще десять можно было бы заниматься этимъ дѣломъ, которое и само-то помаленьку-бы шло и, можетъ быть, даже и до конца дошло... акціи бы тоже покупались, продавались, а директора бы богатѣли,

Столь же важная въ жизни вещь, какъ и служба, это знакомства. Старайтесь постоянно сближаться съ людьми, которые, или по своему положенію, или по богатству, выше васъ: отъ равнаго знакомства вы никогда ничего не получите, отъ низшаго — прямой убытокъ; а отъ высшаго всегда, хоть маленькій и ничтожный, но барышъ: какой-нибудь, напри- мѣръ, обѣдъ съ трюфелями, мягкое, душистое вино, бесѣда въ хорошихъ комнатахъ. Въ безконечно-сладкое чувство дружбы и неисчерпаемое блаженство улаждать минуты нашей нищей братіи — вы конечно столько же вѣрите, какъ и въ десятитысячелѣтнее царствованіе мира и любви. Постоянства въ знакомствѣ я тоже не совѣтую вамъ соблюдать; воз- вышаясь больше и больше въ жизни — вы, вмѣстѣ

съ тѣмъ, мѣняйте и кругъ вашихъ знакомыхъ: какъ сравнялись съ человѣкомъ и онъ уже ничѣмъ не можетъ быть вамъ полезенъ, такъ и перепрыгивайте черезъ него и ищите уже въ томъ, кто вамъ нуженъ, и въ этомъ случаѣ, Бога ради, не увлекайтесь ни умомъ, ни образованіемъ, ни превосходными душевными качествами, ни даже знатностью, а только — тѣмъ, что человѣкъ въ силѣ или нѣтъ, богатѣеть или бѣднѣеть. Петербургъ, какъ земля въ первобытное время своего существованія, черезъ каждые два-три года мѣняетъ формацію сильныхъ міра сего, и въ этотъ-то вліятельный слой всегда и старайтесь пролѣзть! Сидя въ пріятельской и равной для васъ бесѣдѣ, вы только теряете, и теряете несомнѣнно даже пріятно, ваше время, тогда какъ, торча на кончикѣ стула или даже стоя навтыяжкѣ передъ какимъ-нибудь важнымъ лицомъ, вы все-таки дѣлаете полезное для васъ дѣло, — жизнь есть подвигъ, трудъ, а не долина игръ и смѣховъ: толкитесь же въ вашей юности въ переднихъ вельможъ, чтобы подъ старость у васъ у самихъ была передняя! Собственно для развлеченія вы можете читать книги, заходить въ хорошія рестораны пообѣдать, ѣздить въ Павловскъ, въ итальянскую оперу и клубъ.

Не меньшая, друзья мои, вамъ угрожаетъ также опасность и отъ знакомства съ такъ называемымъ среднимъ кругомъ, особенно съ тѣми домами, гдѣ есть дѣвицы. Я ничего въ мірѣ не знаю ужаснѣе, по нестерпимому желанію выйти замужъ, петербургскихъ барышень средней руки, и въ этомъ случаѣ ихъ руководствуютъ не чувство, не душа, ни даже разгорѣвшіяся тѣлеса, какъ это бываетъ съ про-

винціальными барышнями и московскими купеческими дочками, а просто одинъ и тотъ же холодный, надъ всѣми царствующій въ Петербургѣ, расчетъ. Петербургская барышня мало что выйдетъ за васъ замужъ, она приведетъ къ вамъ нѣсколько свояченицъ, которыхъ вы должны будете кормить, лечить, одѣвать, она неперемѣнно страшная охотница наряжать свое костлявое и уродливое тѣло, охотница ѣздить въ каретѣ, торчать въ итальянской оперѣ, каждое Рождество, каждый большой праздникъ, способна заразъ сѣдять по три фунта самыхъ дорогихъ конфетъ. Когда я вижу молодаго человѣка въ обществѣ подобныхъ дѣвицъ, онъ, по моему, всегда похожъ на бѣднаго пловца, который бросился въ заливъ, наполненный десятками утопающихъ, которые всѣ стремятся спастись имъ, хватаютъ его, и болѣе ловкіе и смѣлые увлекаютъ его вмѣстѣ съ собой въ пучину!

Когда вы еще были маленькими, то кормилицу для васъ, прелестную собою, стоило нанять 10 рублей ассигнаціями въ мѣсяцъ; но нынче за самую уродливую чухонку, способную изъ себя отдѣлять молоко, надобно заплатить 10, 15 рублей серебромъ!.. Есть ли послѣ этого возможность жениться въ Петербургѣ? Въ провинціи, гдѣ содержаніе дешево, для услажденія общественнаго темперамента женитьба еще простительна; но здѣсь для всякаго порядочнаго молодаго человѣка, который хоть сколько-нибудь любить тратить деньги на пріятное для себя, который наконецъ дорожитъ своей карьерой, — это просто сумасшествіе!.. Позволительно въ одномъ только случаѣ, если попадется какая-нибудь сирота съ

50-ю тысячами дохода; но если живы отецъ и мать, то не вѣрьте никакимъ слухамъ о приданомъ: я еще въ Петербургѣ не знавалъ ни одного тестя и тещи, которые бы не надули своихъ зятей.

Вотъ все, что я считаю нужнымъ сказать. Если дни мои еще продолжатся, то я напишу для васъ нѣсколько разсказовъ, изъ которыхъ вы ясно увидите, что жизнь вовсе не такова, какъ объ ней по большей части пишутъ въ книгахъ и журналахъ и толкуютъ въ гостиныхъ.

1862 г. С.-Петербургъ.

ПО ПОВОДУ СОЧИНЕНІЯ Н. В. ГОГОЛЯ

НАЙДЕННАГО ПОСЛѢ ЕГО СМЕРТИ

ПОХОЖДЕНІЯ ЧИЧИКОВА

ИЛИ

МЕРТВЫЯ ДУШИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Пользуясь выходомъ въ свѣтъ «Сочиненій Н. В. Гоголя», я рѣшился высказать печатно нѣсколько мыслей о произведеніяхъ его вообще и о второй части «Мертвыхъ Душъ» въ-особенности, и беру на себя это право не какъ критикъ, а какъ человѣкъ, который когда-то страстно знакомился съ великимъ писателемъ, начиная съ представленія на сценѣ большей части написанныхъ имъ ролей до внимательнаго изученія и повѣрки его эстетическихъ положеній. Но прежде всего я просилъ бы читателя бѣгло взглянуть на состояніе литературы и на отношеніе къ

ней общества въ то время, когда Гоголь сталъ являться съ своими первыми произведеніями. Нужно ли говорить, что тó былъ періодъ исключительно пушкинскій, не по временному успѣху поэта и его послѣдователей, но по той силѣ, которую сохранило это направленіе до нашихъ дней, и когда уже все современное ему въ литературѣ забывается и сглаживается, оно одно мужаетъ и крѣпнетъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе. Но въ массѣ публики того времени это было нѣсколько иначе; отдавая должное уваженіе поэту, она увлекалась и многимъ другимъ: въ ней не остыла еще симпатія, возбужденная историческими романами Загоскина и Лажечникова, авторитеты—Жуковский и Крыловъ, еще жили и писали. Кромѣ того, Марлинскій все еще продолжалъ раздражать воображеніе читателей напыщенными велико-свѣтскими повѣстями и кавказскими романами, въ которыхъ герои отличались сангвиническимъ темпераментомъ и въ то же время рѣшительнымъ отсутствіемъ истинной страсти. Полевой компилировалъ драмы изъ Шекспира, изъ повѣстей, изъ анекдотовъ, и для произведенія театральнаго эффекта прибѣгалъ къ колокольному звону. Кукольникъ создавалъ псевдо-историческую русскую драму и производилъ неподдѣльный восторгъ, выводя на сцену, въ мужественной фигурѣ Каратыгина, Ляпунова, изъ-за чего-то горячащагося и что-то такое говорящаго звучными стихами. Баронъ Брамбеусъ, въ общему удовольствію, зубоскалилъ въ одномъ и томъ же тонѣ надъ наукой, литературой и надъ лубочными московскими романами. Бенедиктовъ и Тимоеѣевъ звучали на своихъ лирахъ, въ полномъ разгарѣ силъ. Никто

конечно, не позволить себѣ сказать, чтобы всѣ эти писатели не владѣли талантами, и талантами, если хотите, довольно-яркими, но замѣчательно, что всѣ они, при видимомъ разнообразіи, имѣютъ одно общее направленіе, ушедшее совершенно въ иную сторону отъ истинно-поэтическаго движенія, сообщеннаго было Пушкинымъ; направленіе, которое я иначе не могу назвать, какъ направленіемъ *напряженности*, стремленіемъ сказать больше своего пониманія—выразить страсть, которая сердцемъ нѣ пережита—словомъ, создать что-то выше своихъ творческихъ силъ. Въ это-то время сталъ являться въ печати Гоголь съ своими сказками, и нельзя сказать, чтобъ на первыхъ его опытахъ, свѣжихъ и оригинальныхъ по содержанію, не лежало отпечатка упомянутой мною напряженности. Стоитъ только теперь безпристрастно прочитать нѣкоторыя описанія природы, а еще больше—описанія молодыхъ дѣвушекъ, чтобъ убѣдиться въ этомъ. При воссозданіи природы, впрочемъ, онъ овладѣлъ, въ позднѣйшихъ своихъ произведеніяхъ, прилично ему сплюю. Степи и садъ Плюшкина, на примѣръ, представляютъ уже высокохудожественныя картины; но, при созданіи любезныхъ ему женскихъ типовъ, великій мастеръ никогда не могъ стать къ нимъ хоть сколько-нибудь въ нормальное отношеніе. Это—фразы и восклицательные знаки при обрисовкѣ ихъ наружности, фразы и восклицанія въ собственныхъ рѣчахъ героинь. Кто, положа руку на сердце, не согласится, что именно таковы дѣвушки въ его сказкахъ: пылкая полячка въ «Тарасѣ Бульбѣ», картинная Аннуціата, и наконецъ, чудо по сердцу и еще большее чудо по

наружности—Улинька. Точно то же потомъ бесплодное успіе чувствуется и въ созданіи нравственно-здоровыхъ мужскихъ типовъ: государственный мужъ и забившійся въ глушь чиновникъ въ «Театральномъ развѣздѣ» ученически-слабы по выполнению. Никакъ нельзя сказать, чтобъ въ задумываніи всѣхъ этихъ лицъ не лежало поэтической и жизненной правды, но авторъ просто не совладѣлъ съ ними. Снабдивъ ихъ идеей, онъ не далъ имъ плоти и крови. Эта слабость и фальшивость тона при представленіи правой стороны жизни, сторпцею выкупались сялою другого тона, извнутри энергическаго, несокрушаемо-правдиваго, исполненнаго самымъ задушевымъ смѣхомъ, съ которымъ Гоголь, то двумя-тремя чертами, то беспощаднымъ анализомъ, рисуетъ лѣвую сторону, тономъ, изъ котораго впоследствии вышла первая часть *Мертвыхъ Душъ*.

Вотъ почему, мнѣ кажется, Пушкинъ, какъ чуткій эстетикъ, съ такой полной симпатіей встрѣтилъ *Носъ*,—разсказъ, повидимому, безъ мысли, безъ понятнаго даже сюжета, но въ которомъ онъ видѣлъ начало новаго направленія, чуждаго его направленію, однакожь столь же истиннаго, столь же прочнаго—и это направленіе было юморъ, тотъ трезвый, разумный взглядъ на жизнь, освѣщенный смѣхомъ и принявшій полныя этую жизнью художественныя формы,—юморъ, тонъ котораго чувствуется въ нашихъ лѣтописяхъ, старинныхъ дѣловыхъ актахъ, который слышится въ нашихъ пѣсняхъ, въ сказкахъ, поговоркахъ и въ перекидныхъ рѣчахъ народа, и который въ то же время въ печатной литературѣ не имѣлъ права гражданства до Гоголя. Кантемиръ,

Фон-Визинъ, Грибоѣдовъ, были величайшіе сатирики—но и только. Они осмѣивали зло, какъ-бы пзъ личнаго оскорбленія, какъ-бы вызванные на это вышними обстоятельствами. Первые два караютъ необразованіе и невѣжество, потому-что сами были люди, по-тогдашнему, образованные; послѣдній выводитъ фальшивыя, пошлыя, предрасудочныя понятія цѣлаго общественнаго слоя, потому-что среди ихъ былъ всѣхъ умнѣе и получилъ болѣе серьезное воспитаніе. Но ужъ гораздо иную единицу для промѣра, гораздо-болѣе отвлеченную и строгую встрѣчаемъ мы у Гоголя. Настолько поэтъ, насколько флософъ, настолько сатирикъ и, если хотите, даже насквилистъ, насколько все это входитъ въ область юмора, онъ первый устремляетъ свой смѣхъ на нравственные недостатки человѣка, на болѣзни души. Еслибъ Недорослей, Бригадировъ, Фамусовыхъ, Скалозубовъ поучить и пообразовать, то, кажется, авторы и читатели помиряться бы съ ними. Но Ноздревъ, Подколесинъ, Плюшкинъ, Маниловъ и другіе страдаютъ не отсутствіемъ образованія, не предрасудочными понятіями, а кое-чѣмъ посерьезнѣе, и для исправленія ихъ мало школы и цивилизаціи. Сатирическое направленіе Кантемира, Фон-Визина, Грибоѣдова, какъ бы лично только имъ принадлежащее, кончилось со смертію ихъ; но начало Гоголя, какъ болѣе въ одномъ отношеніи общечеловѣчное, а съ другой стороны болѣе народное, сей часъ же было воспринято—и пошло въ развитіи образовавшеюся около него школою послѣдователей. Вотъ въ чемъ состоитъ огромное превосходство Гоголя передъ всѣми предшествовавшими ему номическими писателями,

и вотъ почему онъ одинъ, по преимуществу, можетъ быть названъ юмористомъ въ полномъ значеніи этого слова. До какой степени эта прирожденная способность была велика въ немъ, можно судить изъ прогресса его собственныхъ произведеній. Начавъ, между-прочимъ, съ чудаковъ Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича, страдающихъ наклонностью къ тяжбамъ, онъ возвышается до благородной, нравственно-утонченной, но все-таки болѣющей личности Тѣнтѣтнкова; но, кромѣ того, посмотрите, сколько изъ этой истинной силы поэта вытекло внѣшнихъ художественныхъ формъ, которыя созданы Гоголемъ: онъ первый вводитъ типическіе характеры, трепещущіе жизнью; онъ первый даетъ типическій языкъ каждому типу. Какъ ни вѣрны въ своихъ монологахъ лица комедіи Фон-Визина и Грибоѣдова, а все-таки въ складѣ ихъ рѣчи чувствуется *сочинительство, книжность*; даже и тѣни этого не встрѣчаете вы въ разговорномъ языкѣ большей части героевъ Гоголя: языкъ этотъ бьетъ у нихъ живымъ ключомъ и важнымъ словомъ обличаетъ самого героя. Не оскорбляя упрекомъ драгоценной для меня, какъ и для всѣхъ, памяти великаго писателя, я не могу здѣсь не выразить сожалѣнія, какъ онъ самъ, сознавая, конечно, въ себѣ эту творческую способность, не оперся исключительно на нее при своихъ созданіяхъ: и чѣмъ болѣе припоминаешь и вдумываешься въ судьбу его произведеній, въ его эстетическія положенія, наконецъ, въ его письма, въ признанія, тѣмъ болѣе начинаешь обвинять не столько его, сколько публику, критику и даже друзей его: всѣ они, какъ-бы сообща, не давъ себѣ труда подумать объ истинномъ призва-

нѣи, значеніи этого призванія и средствахъ поэта, наперерывъ старались повліять на его впечатлительную душу, кто мыслью, кто похвалою, кто осужденіемъ, и потомъ, говоря его же выраженіемъ, напустивъ ему въ глаза всякаго книжнаго и житейскаго тумана, оставили на распутии...

Немногіе, вѣроятно, изъ великихъ писателей такъ медленно дѣлались любимцами массы публики, какъ Гоголь. Надобно было нѣсколько лѣтъ горячему, съ тонкимъ чутьемъ критику, проходя слово за словомъ его произведенія, растолковывать ихъ художественный смыслъ и, ради раскрытія этого смысла, колебать, иногда даже пристрастно, устоявшіеся авторитеты; надобно было нѣсколько даровитыхъ актеровъ, которые воепроизвели бы гоголевскій смѣхъ во всемъ его неотразимомъ значеніи: надобно было, наконецъ, обществу воспитаться, такъ сказать, его послѣдователями, прежде чѣмъ оно въ состояніи было понять значеніе произведеній Гоголя, полюбить ихъ, изучить и разнать, какъ это есть въ настоящее время, на поговорки. Но прежде, чѣмъ устоялось, такимъ образомъ, общественное мнѣніе, сколько обиднаго непониманія и невѣжественныхъ укоровъ перенесъ поэтъ! «Скучно и непонятно!» говорили одни. «Сально и тривіально!» повторяли другіе, и «соціально-безнравственно!» рѣшили третьи. Критики и рецензенты почти повторяли то же. Одна газета, на примѣръ, стоявшая будто-бы всегда за чистоту русскаго языка, неприлично бранилась! другой журналъ, кутившій ѳиміамъ похвалъ драмамъ Кукольника, называлъ творенія Гоголя пустяками и побасенками. Даже и тотъ критикъ, который такъ искренно всегда высту-

паль къ ободренію Гоголя, даже и тотъ, въ порывѣ личнаго увлеченія, открылъ въ немъ, по-преимуществу, соціально-сатирическое значеніе, а нѣсколько псевдо-последователей какъ-бы подтвердили эту мысль. Между-тѣмъ друзья, въ искренности которыхъ мы не смѣемъ сомнѣваться, вліяли врядъ ли еще не къ худшему: питая, подъ вліяніемъ очень умно составленныхъ лирическихъ отступленій въ первой части «Мертвыхъ Душъ», полную вѣру въ лиризмъ юмориста, они ожидали отъ него идеаловъ и поученій, и это простодушное, какъ мнѣ всегда казалось, ожиданіе очень напоминало собой доброе старое время, когда жизнь и правда были сама-по-себѣ, а литература и, паче того, поэзія сама-по себѣ, когда вымысль стояла въ творчествѣ на первомъ планѣ и когда романъ и повѣсть наивно считались ни чѣмъ инымъ, какъ пріятною ложью. При такихъ эстетическихъ требоваціяхъ создать прекраснаго человѣка было не трудно: заставьте его говорить о добродѣтели, о чести, быть, пожалуй, храбрымъ, великодушнымъ, умѣреннымъ въ своихъ желаніяхъ, при этомъ не мѣшаетъ, чтобъ и собой былъ недуренъ, или, по крайней-мѣрѣ, имѣлъ почтенную наружность — вотъ вамъ и идеаль, и поученіе! Но для Гоголя оказалась эта задача гораздо труднѣе: въ первой части «Мертвыхъ Душъ», объясняя, почему имъ не взять въ герои добродѣтельный человѣкъ, онъ говоритъ:

«Потому, что пора наконецъ дать отдыхъ добродѣтельному человѣку, потому-что праздно вращается на устахъ слово: добродѣтельный человѣкъ, потому-что обратили въ лошадь добродѣтельнаго человѣка,

и нѣтъ писателя, который бы не ѣздилъ на немъ, понукая и внутомъ и чѣмъ ни попало: потому-что изморили добродѣтельнаго человѣка до того, что теперь нѣтъ на немъ и тѣни добродѣтели, а остались только ребра и кости вмѣсто тѣла; потому-что лицемѣрно призываютъ добродѣтельнаго человѣка; потому-что не уважаютъ добродѣтельнаго человѣка» (стр. 431 первой части «Мертвыхъ Душъ»).

Въ этихъ словахъ вы сейчасъ видите художника-критика, который въ то же время, съ одной стороны, какъ-бы испугавшись будто-бы бессмысленно-грязнаго и исключительно соціально-сатирическаго значенія своихъ прежнихъ твореній, а съ другой, въ стремленіи тронуть, по его же словамъ, доселѣ-нетронутыя еще струны, представить несмѣтное богатство русскаго духа, представить мужа, одареннаго божественными доблестями и чудную русскую дѣву, какой не сыскать нигдѣ въ мірѣ, со всею дивною красотою женской души, всю составленную изъ великодушнаго стремленія и самоотверженія — словомъ, снѣдаемый желаніемъ непременно сыскать и представить идеалы, обрекаетъ себя на трудъ упорный, насильственный.

«Мнѣ хотѣлось (высказываетъ онъ потомъ въ своей «Исповѣди»), чтобы, по прочтеніи моего сочиненія, предсталъ, какъ бы невольно, весь русскій человѣкъ, со всѣмъ разнообразіемъ богатствъ и даровъ, доставшихся на его долю, преимущественно передъ другими народами, и со всѣмъ множествомъ тѣхъ недостатковъ, которые находятся въ немъ также преимущественно передъ всѣми другими народами. Я думаю, что лирическая сила, которой у

меня былъ запасъ, поможетъ мнѣ изобразить такъ эти достоинства, что къ нимъ возгорится любовью русскій человѣкъ, а сила смѣха, котораго у меня также былъ запасъ, поможетъ мнѣ такъ ярко изобразить недостатки, что ихъ возненавидитъ читатель, еслибы даже нашелъ ихъ въ себѣ самомъ. Но я почувствовалъ въ то же время, что все это возможно будетъ сдѣлать мнѣ только въ такомъ случаѣ, когда узнаю очень хорошо самъ, что дѣйствительно въ нашей природѣ есть достоинства, и что въ ней дѣйствительно есть недостатки. Нужно очень хорошо взвѣснить и оцѣнить то и другое, и объяснить себѣ самому ясно, чтобы не возвестя въ достоинство того, что есть грѣхъ нашъ, и не поразить смѣхомъ вмѣстѣ съ недостатками нашими и того, что есть въ насъ достоинство» (стр. 262 «Авт. Исп.»).

На первый взглядъ покажется, что подобную задачу, достойную великаго мастера, Гоголь принимаетъ на себя съ величайшею добросовѣстностью и что иначе приступить къ ней вельзя: но надобно быть хоть немного знакомымъ съ процесомъ творчества, чтобы понять, до какой степени этотъ приемъ искусственъ, и какъ мало въ немъ довѣрія къ инстинкту художника. Положительно можно сказать, что Шекспиръ, воспроизводя жизнь въ ея многообразной полнотѣ, создавая идеалы добра и порока, никогда ни къ одному изъ своихъ произведеній не приступалъ съ подобнымъ напередъ составленнымъ правиломъ, и бралъ изъ души только то, что накопилось въ ней и требовало изліянія въ ту или въ другую сторону. Поэтъ узнаетъ жизнь, живя въ ней самъ, втянутый въ ея колдоворотъ за самый чувствительный нервъ,

а не посредствомъ собиранія писемъ и отбиранія показаній отъ различныхъ свѣдущихъ людей. Ему нѣ для чего устраивать въ душѣ своей судъ присяжныхъ, которые говорили бы ему, виновенъ онъ или невиновенъ, а, освѣщая жизнь даннымъ ему отъ природы свѣтомъ таланта, онъ узнаетъ и видитъ ее яснѣ всякаго трудолюбиваго собирателя фактовъ.

Почти нагляднымъ доказательствомъ мысли моей о силѣ и художественной зрѣлости въ одну сторону и о напряженности труда въ другую, можетъ служить вторая часть *Мертвыхъ Душъ*. Безусловно-подкупленный достоинствами первой части, я задавалъ себѣ постоянно, съ нѣкоторымъ опасеніемъ, вопросъ: какіе еще новые типы выведетъ намъ Гоголь, и какъ ихъ выполнить? Началомъ труда такъ ужъ много было сдѣлано, что только вѣра въ громадность его таланта заставляла надѣяться на прогрессъ, а доходившіе по-временамъ слухи, что то-то и то-то хорошее есть во второй части, укрѣпляли это ожиданіе. Съ такого рода опасеніями и надеждами приступилъ я къ чтенію второй части—и не могу выразить, какое полное эстетическое наслажденіе чувствовалъ я, читая первую главу, съ появленія въ ней и обрисовки Тѣнтѣтникова. Надобно только вспомнить, сколько повѣстей написано на тему этого характера, и у сколькихъ авторовъ только еще надумывалось что-то такое сказаться; надобно потомъ было приглядываться къ дѣйствительности, чтобъ понять, до какой степени лицо Тѣнтѣтникова, нынче ужъ отживающее и рѣдѣющее, тогда было современно и типично. Образованный не фактами, а душой науки, утонченно-развитой нрав-

ственно, стремившійся къ живой дѣятельности, съ возбужденнымъ честолюбіемъ, юноша Тѣнтѣтниковъ вступаетъ въ службу, и, вмѣсто того, чтобъ побороть этотъ первый, трудный шагъ въ жизни, онъ сразу охладѣваетъ къ избранной имъ дѣятельности: она перестаетъ быть для него ужь первымъ дѣломъ и цѣлью, но дѣлается чѣмъ-то вторымъ; знакомство съ двумя личностями, которыхъ авторъ называетъ людьми огорченными, доканчиваетъ начатое. Передаю объ этомъ обстоятельствѣ его собственными словами.

«Это были (говоритъ онъ) тѣ безпокойно-страстные характеры, которые не могутъ переносить равнодушно не только несправедливостей, но даже и всего того, что кажется въ ихъ глазахъ несправедливостью. Добрые по началу, но безпорядочные сами въ своихъ дѣйствіяхъ, требуя къ себѣ снисхожденія и въ то же время исполненные терпимости къ другимъ, они подѣйствовали на него сильно и пылкой рѣчью, и образомъ благороднаго негодованія противу общества. Разбудивши въ немъ нервы и духъ раздражительности, они заставили замѣчать всѣ тѣ мелочи, на которыя онъ прежде и не думалъ обращать вниманія. Федоръ Федоровичъ Лѣнцынъ, начальникъ одного изъ отдѣленій, помѣщавшихся въ великолѣпныхъ залахъ, вдругъ ему не понравился. Онъ сталъ отыскивать въ немъ бездну недостатковъ» (стр. 18 второй части «Мертвыхъ Душъ»).

А вслѣдствіе того:

«Какой-то злой духъ толкалъ его сдѣлать что-нибудь неприятое Федору Федоровичу. Онъ на то

наискивался съ какимъ-то особымъ наслажденіемъ и въ томъ успѣлъ. Разъ поговорилъ онъ съ нимъ до того крупно, что ему объявлено было отъ начальства либо просить извиненія, либо выходить въ отставку. Дядя, дѣйствительный статскій совѣтникъ (опредѣлявшій Тѣтѣтнкова на службу), пріѣхалъ къ нему перепуганный и умоляющій: «Ради самого Христа! помилуй, Андрей Ивановичъ, что это ты дѣлаешь? оставлять такъ выгодно начатый карьеръ изъ-за того только, что попался не такой, какъ хочется, начальникъ. Помилуй, что ты? Вѣдь если на это глядѣть, тогда и въ службѣ нѣмного бы не остался. Образумься, отринь гордость, самолюбіе, поѣзжай и объяснись съ нимъ.

«Не въ томъ дѣло, дядюшка, сказалъ племянникъ: Мнѣ не трудно попросить у него извиненія. Я виноватъ; онъ начальникъ, и не слѣдовало такъ говорить съ нимъ. Но дѣло вотъ въ чемъ: у меня есть другая служба: триста душъ крестьянъ, имѣнье въ разстройствѣ, управляющій дуракъ... Что вы думаете? Если я позабочусь о сохраненіи, сбереженіи и улучшеніи участи вѣранныхъ мнѣ людей и представляю государству триста исправнѣйшихъ, трезвыхъ, работающихъ подданныхъ» (стр. 19 и 20 второй части «Мертвыхъ Душъ»).

Словомъ, Тѣтѣтниковъ избираетъ другую дѣятельность, въ которой — увы! оказывается та же благородная мысль и энергія въ начинаніи и та же слабость и отсутствіе упорства въ исполненіи; а затѣмъ слѣдуетъ полное отрицаніе отъ предпринятаго труда — и начинается жизнь байбака, небокопгителя. Но это не было полнымъ смертвѣніемъ: при

всей видимой внѣшней недѣятельности, въ душѣ Тѣнтѣтнникова чутко живутъ всѣ нравственные потребности хорошей и развитой натуры. Въ своей апатіи онъ обдумываетъ еще великое сочиненіе о Россіи: въ немъ не угасло еще честолюбіе — этотъ рычагъ-двигатель большей части великихъ человѣческихъ дѣлъ.

«Когда привозила почта газеты и журналы (говорить авторъ), и попадалось ему въ печати знакомое имя прежняго товарища, уже преуспѣвашаго на видномъ поприщѣ государственной службы, или приносящаго посильную дань наукамъ и дѣлу всемірному, тайная, тихая грусть подступала ему подъ сердце, и скорбная безмолвно-грустная, тихая жалоба на бездѣйствіе свое прорывалась неволью. Тогда противной и гадкой казалась ему жизнь его. Съ необыкновенной силою воскресало предъ нимъ школьное минувшее время и представалъ вдругъ, какъ живой, Александръ Петровичъ... и градомъ лились изъ глазъ его слѣзы...» (стр. 28 и 29 второй части «Мертвыхъ Душъ»).

Наконецъ въ сердце его забродывается что-то похожее на любовь, но и тутъ кончилось ничѣмъ, и не столько по апатіи, а изъ того же тонкаго самолюбія. Онъ влюбился въ дочь генерала Бетрищева. Генералъ принималъ сначала Тѣнтѣтнникова довольно-хорошо и равнодушно, потомъ позволилъ себѣ нѣсколько-фамиллярный тонъ и сталъ относиться къ нему свысока, говоря: «любезнѣйшій», «*послушай братецъ*» и одинъ разъ сказалъ даже *ты*. Тѣнтѣтнниковъ не вынесъ этого.

«Скрѣпя сердце и стиснувъ зубы, онъ, однако

же, имѣлъ присутствіе духа сказать необыкновенно учтивымъ и мягкимъ голосомъ, между тѣмъ какъ пятна выступили на лицѣ его и все внутри его кипѣло: «Я благодарю васъ, генераль, за расположеніе. Словомъ: *ты*, вы меня вызываете на тѣсную дружбу, обязывая и меня говорить вамъ *ты*. Но различіе въ дѣлахъ препятствуетъ такому фамильярному между нами обращенію.» Генераль смутился. Собирая слова и мысли, сталъ онъ говорить, хотя нѣсколько несвязно, что слово *ты* было имъ сказано не въ томъ смыслѣ, что старику иной разъ позволительно сказать молодому человѣку *ты* (о чинѣ своемъ онъ не упомянулъ ни слова)» (стр. 33 второй части «Мерт. Душъ»).

Читатель видитъ, какой истиной все это дышетъ, и какъ живо лицо Тѣтитѣтнкова. Родятся ли ужъ сими-собою такіе характеры, или они образуются потомъ, какъ порожденіе обстоятельствъ? спрашиваетъ самъ себя художникъ и, вмѣсто отвѣта, честно рассказываетъ то, что я сейчасъ передалъ. И къ этому-то человѣку приводитъ онъ своего героя, Чпчикова. Нельзя себѣ вообразить болѣе-счастливаго сведенія двухъ лицъ, какъ по историческому значенію, такъ и по задачамъ юмориста. Ни одна, вѣроятно, страна не представляетъ такого разнообразнаго столкновенія въ одной и той же общественной средѣ, какъ Россія; не говоря ужъ объ общественныхъ сборищахъ, какъ, напримѣръ, театральная публика или общественныя собранія, — на одномъ и томъ же балѣ, составленномъ изъ извѣстнаго кружка, въ одной и той же гостиной, въ одной и той же, наконецъ, вы постоянно можете

встрѣтить двухъ, трехъ человѣкъ, которые имѣютъ только нѣкоторую разницу въ лѣтахъ, и уже говоря между собою, не понимаютъ другъ друга! Вотъ довольно-откровенная бесѣда, которая возникаетъ между хозяиномъ и гостемъ. Чичиковъ, пообедавъ и замѣтивъ, что Андрей Ивановичъ карандашомъ и перомъ вырисовывалъ какія-то головки, одна на другую похожія, разъ послѣ обѣда, оборачивая, по обыкновенію, пальцемъ серебряную табакерку вокругъ ея оси, сказалъ такъ:

— У васъ все есть, Андрей Ивановичъ, одного только не достааетъ. — Чего? спросилъ тотъ, выпуская кудреватый дымъ. «Подруги жизни,» сказалъ Чичиковъ. Ничего не сказалъ Андрей Ивановичъ. Тѣмъ разговоръ и кончился. Чичиковъ не смутился, выбралъ другое время, уже передъ ужиномъ; и, разговаривая о томъ и о сѣмъ, сказалъ вдругъ: «А право, Андрей Ивановичъ, вамъ бы очень не мѣшало жениться.»—Хоть бы слово сказалъ на это Тѣтѣтниковъ, точно какъ бы и самая рѣчь объ этомъ была ему неприятна. Чичиковъ не смутился. Въ третій разъ выбралъ онъ время, уже послѣ ужина, и сказалъ такъ: «А все-таки, какъ ни переверочу обстоятельства ваши, вижу, что нужно вамъ жениться; впадете въ ипохондрію». Слова ли Чичикова были на этотъ разъ такъ убѣдительны, или же расположеніе духа въ этотъ день у него особенно настроено было къ откровенности, онъ вздохнулъ и сказалъ, пустивши кверху трубочный дымъ: «На все нужно родиться счастливымъ, Павелъ Ивановичъ,» и тутъ же передалъ гостю все, какъ было, всю исторію знакомства съ генераломъ и разрыва.

Когда услышалъ Чичиковъ отъ слова до слова все дѣло, и увидѣлъ, что изъ одного слова *ты* произошла такая исторія, онъ оторопѣлъ. Съ минуту смотрѣлъ пристально въ глаза Тѣнтѣтникову и не зналъ, какъ рѣшить: дѣйствительно ли онъ круглый дуракъ, или только съ придурью?

— Андрей Ивановичъ! помилуйте! сказалъ онъ наконецъ, взывши его за обѣ руки:—какое жь оскорбленіе? что жь тутъ оскорбительнаго въ словѣ *ты*?

— Въ самомъ словѣ нѣтъ ничего оскорбительнаго,—сказалъ Тѣнтѣтниковъ:—но въ смыслѣ слова, но въ голосѣ, съ которымъ сказано оно, заключается оскорбленіе. *Ты!* это значитъ: иомни, что ты дрянъ; я принимаю тебя потому только, что нѣтъ никого лучше, а пріѣхала какая-нибудь княжна Юзякина—ты знай свое мѣсто, стой у порога. Вотъ что это значитъ!—Говоря это, смиренный и кроткій Андрей Ивановичъ засверкалъ глазами; въ голосѣ его послышалось раздраженье оскорбленнаго чувства.

— Да хоть бы даже и въ этомъ смыслѣ, что жь тутъ такого?—сказалъ Чичиковъ.

— Какъ? — сказалъ Тѣнтѣтниковъ, смотря пристально въ глаза Чичикову.—Вы хотите, чтобы я продолжалъ бывать у него послѣ такого поступка?

— Да какой же это поступокъ? Это даже не поступокъ! — сказалъ Чичиковъ.

— Какъ не поступекъ? спросилъ въ изумленьи Тѣнтѣтниковъ.

— Это не поступокъ,— Андрей Ивановичъ. Это просто генеральская привычка, а не поступокъ; они всѣмъ говорятъ: *ты*. Да впрочемъ, почему жь этого и не позволить заслуженному, почтенному человѣку?..

— Это другое дѣло,—сказалъ Тѣтѣтниковъ:— если бы онъ былъ старикъ, бѣднякъ, не гордъ, не чванливъ, не генераль, я бы тогда позволилъ ему говорить мнѣ *ты* и принялъ бы даже почтительно.

«Онъ совсѣмъ дуракъ;» подумалъ про себя Чичиковъ. «Оборвышу позволить, а генералу не позволить!» (Стр. 46, 47, 48 второй части «Мертвыхъ Душъ»).

Не правда ли, что во всей этой сценѣ какъ-будто разговариваютъ два человѣка, отдаленные другъ отъ друга столѣтіемъ: въ одномъ ни воспитаніемъ, ни жизнию никакія нравственныя начала нетроуты, а въ другомъ они ужъ черезчуръ развиты... странное явленіе, но въ то же время поразительно-вѣрное дѣйствительности! Перехожу къ послѣдствію этого разговора, которое состояло въ томъ, что Чичиковъ, тоже къ крайнему удивленію Тѣтѣникова, взялся хлопотать о примиреніи его съ генераломъ и поѣхалъ къ генералу.

Многіе, конечно, изъ читателей, прочитавъ еще въ рукописи, знаютъ, помнить и никогда не забудутъ генерала Бетрищева; лично же на меня онъ, при каждомъ новомъ чтеніи, производитъ впечатлѣніе совершенно живаго человѣка. Фигура его до того ясна, что какъ-будто облечена плотью. Но, кромѣ этой, внолиѣ-законченной, внѣшней представительности, посмотрите, какимъ полнымъ анализомъ раскрывается его нравственный складъ.

«Генераль Бетрищевъ заключалъ въ себѣ, при кучѣ достоинствъ, и кучу недостатковъ. То и другое, какъ водится въ русскомъ человѣкѣ, было набросано у него въ какомъ-то картинномъ безпорядкѣ. Въ рѣшительныя минуты великодушіе, храбрость,

умъ, безпримѣрная щедрость во всемъ, и въ примѣсь къ этому капризы честолюбія, самолюбія и та мелкая щекотливость, безъ которой не обходится ни одинъ русскій, когда онъ сидитъ безъ дѣла и не требуется отъ него рѣшительности. Онъ не любилъ всѣхъ, которые опередили его по службѣ, и выражался о нихъ ѣдко, въ колкихъ эпитафияхъ. Всего больше доставалось его прежнему сотоварищу, котораго онъ считалъ ниже себя умомъ и способностями, который, однакожь, обогналъ его и былъ уже генераль-губернаторомъ двухъ губерній и, какъ нарочно, тѣхъ, въ которыхъ находились его помѣстья, такъ-что онъ очутился какъ бы въ зависимости отъ него. Въ отмщеніе, язвилъ онъ его при всякомъ случаѣ, порочилъ всякое распоряженіе и видѣлъ во всѣхъ мѣрахъ и дѣйствіяхъ его верхъ неразумія. Въ немъ было все какъ-то странно, начиная съ просвѣщенія, котораго онъ былъ поборникомъ и ревнителемъ; онъ любилъ блескъ, любилъ похвастать умомъ, знать то, чего другіе не знаютъ, и не любилъ тѣхъ людей, которые знаютъ что-нибудь такое, чего онъ не знаетъ. Воспитанный полуиностраннымъ воспитаніемъ, онъ хотѣлъ сыграть въ то же время роль русскаго барина. И неумудрено, что съ такой неровностью въ характерѣ, съ такими крупными, яркими противоположностями, онъ долженъ былъ неминуемо встрѣтить по службѣ множество непріятностей, вслѣдствіе которыхъ и вышелъ въ отставку, обвиняя во всемъ какую-то враждебную партію и не имѣя великодушія обвинить въ чемъ-либо себя самого. Въ отставкѣ сохранилъ онъ ту же картинную, величавую осанку. Въ

сюртукъ ли, во фракъ ли, въ халатъ, онъ былъ все тотъ же. Отъ голоса до малѣйшаго тѣлодвиженія, въ немъ все было властительное, повелѣвающее, виушавшее въ низшихъ чинахъ если не уваженье, то, по крайней мѣрѣ, робость (стр. 56 и 57 2-й ч. «Мертвыхъ Душъ»).

Чичиковъ, прїѣхавшій къ генералу, почувствовалъ и уваженье и робость.

«Наклоня почтительно голову на бокъ и разставивъ руки наотлетъ, какъ бы готовился приподнять ими поднось съ чашками, онъ изумительно-ловко нагнулся всѣмъ корпусомъ и сказалъ: «Счелъ долгомъ представиться вашему превосходительству. Питая уваженье къ доблестямъ мужей, спасавшихъ отечество на бранномъ полѣ, счелъ долгомъ представиться лично вашему превосходительству.»

«Генералу, какъ видно, не понравился такой приступъ. Сдѣлавши весьма благосклонное движенье головою, онъ сказалъ: «Весьма радъ познакомиться. Милости просимъ садиться. Вы гдѣ служили?»

— Поприще службы моей, — сказалъ Чичиковъ, садясь въ кресла не на серединѣ, но наискось, и, ухватившись рукою за ручку кресель, — началось въ Казенной Палатѣ, ваше превосходительство. Дальнѣйшее же теченье оной совершалъ по разнымъ мѣстамъ: былъ и въ Надворномъ Судѣ, и въ Коммисіи Строеній, и въ Таможнѣ. Жизнь мою можно уподобить какъ бы судну среди волнъ, ваше превосходительство. Терпѣньемъ, можно сказать, повить, спеленанъ, и будучи, такъ сказать, самъ однолицетворенное терпѣнье... А что было отъ враговъ, покушавшихся на самую жизнь, такъ это ни слова,

ни краски, ни самая даже кисть не съумѣетъ того передать... Такъ что на склонѣ жизни своей ищу только уголка, гдѣ бы провести остатокъ дней. Приостановился же покуда у близкаго сосѣда вашего превосходительства...

— У кого же?

— У Тѣнтѣтнникова, ваше превосходительство. — Генералъ поморщился.

— Онъ, ваше превосходительство, весьма расбаивается въ томъ, что не оказалъ должнаго уваженія...

— Къ чему?

— Къ заслугамъ вашего превосходительства. Не находить словъ... Говорить, еслибъ я только могъ передъ его превосходительствомъ чѣмъ-нибудь... потому что точно, говорить, умѣю цѣнить мужей, спасавшихъ отечество, говорить.

— Помилуйте, что жъ онъ? Да вѣдь я не сержусь, — сказалъ смягченный генералъ. — Въ душѣ моей я искренно полюбилъ его и увѣренъ, что современемъ онъ будетъ преполезный человекъ.

— Совершенно справедливо изволили выразиться, ваше превосходительство: истинно преполезный человекъ можетъ быть, и съ даромъ слова, и владеетъ перомъ...

— Но пишетъ, чай, пустяки какіе-нибудь, стишки.

— Нѣтъ, ваше превосходительство, не пустяки... онъ что-то дѣльное пишетъ... исторію, ваше превосходительство.

— Исторію? о чемъ исторію?

— Исторію... тутъ Чичиковъ остановился. И от-

того ли, что передъ нимъ сидѣлъ генералъ, или просто, чтобъ придать болѣе важности предмету, прибавилъ: — исторію о генералахъ, ваше превосходительство.

— Какъ о генералахъ? о какихъ генералахъ?

— Вообще о генералахъ, ваше превосходительство, въ общности. То-есть, говоря собственно, объ отечественныхъ генералахъ.

Чичиковъ совершенно спутался и потерялся; чуть не плюнулъ самъ и мысленно сказалъ себѣ: «Господи, что за вздоръ такой несу!»

— Извините, я не очень понимаю... что жъ это выходитъ, исторію какого-нибудь времени, или отдѣльныя біографіи, и притомъ всѣхъ ли, или только участвовавшихъ въ 12-мъ году?

— Точно такъ, ваше превосходительство, участвовавшихъ въ 12-мъ году.

Проговоривши это, онъ подумалъ въ себѣ: «хоть убей, не понимаю!»

— Такъ что жъ онъ ко мнѣ не пріѣдетъ? Я бы могъ собрать ему весьма много любопытныхъ матеріаловъ.

— Робѣеть, ваше превосходительство.

— Какой вздоръ! Изъ-за какого-нибудь пустаго слова... Да я совсѣмъ не такой человекъ. Я, пожалуй, къ нему самъ готовъ пріѣхать.

— Онъ къ тому не допуститъ, онъ самъ пріѣдетъ, — сказалъ Чичиковъ, оправаясь совершенно, ободрился и подумалъ: «какая оказія! какъ генералы пришли къ стати, а вѣдь языкъ взболтнулъ сдуру!» (Стр. 58, 59, 60 и 61 2-й части «Мертв. Душъ»).

Можетъ ли что-нибудь быть съ болѣе-живымъ юморомъ по содержанию и художественнѣе выполнено, какъ эта сцена?... Тутъ входитъ дочь генерала, Улинъка, предметъ любви Тѣтитѣнникова, и, какъ можно подозрѣвать, та чудная славянская дѣва, которая была обѣщана авторомъ въ первой части «Мертвыхъ Душъ», и за которую, признаться, я тогда еще опасался, не потому, чтобъ невозможно было вывести прекрасной славянки — она ужъ есть у насъ въ лицѣ Татьяны Пушкина, но считалъ это вѣдъ средствъ Гоголя. Опасенія мои сбылись въ самыхъ громадныхъ размѣрахъ: онъ какъ-бы сразу теряетъ творческую силу и впадаетъ въ самый неестественный, фальшивый тонъ:

«Въ кабинетѣ послышался шорохъ; орѣховая дверь рѣзнаго шкафа отворилась сама собою, и на отворившейся обратной половинкѣ ея, ухватившись рукой за мѣдную ручку замка, явилась жпвая фигурка. Еслибы въ темной комнатѣ вдругъ вспыхнула прозрачная картина, освѣщенная сильно сзади лампами, она бы такъ не поразила внезапностью своего явленія. Видно было, что она взошла съ тѣмъ, чтобы что-то сказать, но увидѣла незнакомаго человѣка. Съ нею вмѣстѣ, казалось, влетѣлъ солнечный лучъ, и какъ-будто размѣялся нахмурившійся кабинетъ генерала. Пряма и легка, какъ стрѣла, она какъ бы возвышалась надъ всѣмъ своимъ поломъ: но это было обольщенье. Она была вовсе невысока ростомъ. Происходило это отъ необыкновеннаго соотношенія между собою всѣхъ частей ея тѣла. Платье сидѣло на ней такъ, что, казалось, лучшія швей совѣщались между собою, какъ бы убраться ея. Но это было

также обольщенье. Одѣлась она какъ-будто бы сама собой; въ двухъ, трехъ мѣстахъ схватила, и то кое-какъ, неизрѣзанный кусокъ одноцвѣтной ткани, и онъ уже собрался и расположился вокругъ нея въ такихъ сборкахъ и складкахъ, что ваятель сейчасъ же перенесъ бы ихъ на мраморъ. Всѣ барышни, одѣтыя по модѣ, показались бы предъ ней чѣмъ-то обыкновеннымъ». (Стр. 61 и 62 2-й части «Мертв. Душъ»).

Описаніе это, по моему мнѣнію, ниже самыхъ напыщенныхъ описаній великосвѣтскихъ героинь Марлинскаго, потому-что тамъ по-крайней-мѣрѣ видно больше знанія дѣла и наконецъ положено много остроумія. Тонъ рѣчи этой восемнадцатилѣтней дѣвушки превосходитъ своею фальшивостью самое описаніе. «Онъ плутовать, гадковать», — говоритъ она объ одномъ Вишнепокромовѣ, или слѣдующимъ образомъ возражаетъ отцу: «Я не понимаю, отецъ, какъ съ добрѣйшей душой, какая у тебя есть, и съ такимъ рѣдкимъ сердцемъ ты будешь принимать этого человѣка, который, какъ небо отъ земли, отъ тебя.» Грустнѣй всего, что эти ошибки великаго мастера не могутъ быть извинены недоконченностью въ отдѣлкѣ, или какими-нибудь пропусками, а напротивъ, ясно видно, что все это сдѣлано съ умысломъ, обдуманно, съ цѣлью поразить читателя, и въ то же время безъ всякаго эстетическаго чутья. Непріятность впечатлѣнія этого фальшиво-выполненнаго лица снова выкупается въ дальнѣйшей сценѣ генераломъ и развернувшимся, но постоянно-вѣрнымъ самому-себѣ Чичиковымъ, въ которомъ можно развѣ только укорить автора за анекдотъ о черненькихъ

и *блѣнькихъ*. Видимо, что анекдотъ этотъ подслушанъ у рассказчика, придавшаго мастерствомъ рассказа самому анекдоту значеніе, котораго въ немъ нѣтъ. Поставленъ онъ съ понятною цѣлью вызвать отъ генерала нѣсколько честныхъ и энергическихъ замѣчаній на счетъ взятокъ; но для этого слѣдовало бы взять болѣе рѣзкій и типичный случай, которыхъ много ходитъ въ устныхъ рассказахъ.

За визитомъ къ генералу слѣдуетъ большой пропускъ, и мы ужь встрѣчаемъ Чичикова, ѣдущаго къ родственнику генерала, полковнику Кошкареву, и попадающаго, вмѣсто того, къ помѣщику Пѣтуху. Пѣтухъ этотъ очень напоминаетъ собой первоначальные веселые типы Гоголя, и читатель, конечно, съ удовольствіемъ съ нимъ встрѣчается, хотя первая сцена, гдѣ тащатъ Пѣтуха въ водѣ неведомъ, невозможна и потому каррикатурна; но что истинно хорошо, такъ это два сына Пѣтуха, гимназисты, которые ужь и трубку курятъ, и за столомъ безъ всякихъ замѣтныхъ послѣдствій рюмку за рюмкой опрокидываютъ, и одинъ изъ нихъ съ первыхъ же разовъ сталъ рассказывать Чичикову, что въ губернской гимназіи нѣтъ никакой выгоды учиться, что они съ братомъ хотятъ ѣхать въ Петербургъ, потому что провинція не стоитъ того, чтобъ въ ней жить. «Понимаю, — сказалъ Чичиковъ, — кончится дѣло кондитерскими да бульварами!» При такомъ легкомъ очеркѣ милые мальчики стоятъ предъ вами, какъ живые, и вы знаете ужь всю ихъ дальнѣйшую карьеру. Приѣхавшій затѣмъ Платоновъ — лицо, хорошо на первый разъ показанное, но очень мало потомъ развитое, и потому о немъ ничего нельзя

сказать, но въ то же время невозможно удержаться отъ выписки того, какимъ образомъ Пѣтухъ заказывалъ кулебяку.

«И какъ заказывалъ! У мертваго родился бы аппетитъ. И губами подсасывалъ и причвакивалъ. Раздавалось только: «да поджарь, да дай взопрѣть хорошенько!» А поваръ приговаривалъ тоненькой фистулой: «Слушаю-сь. Можно-сь. Можно-сь и такой.»

«— Да кулебяку сдѣлай на четыре угла, — говорилъ онъ съ присасываньемъ и забирая въ себя духъ:— Въ одинъ уголь положи ты мнѣ щеки осетра да визиги, въ другой грешневой кашицы да грибочковъ съ лучкомъ, да молокъ сладкихъ, да мозговъ, да еще чего знаешь тамъ этакого... какого-нибудь тамъ того.

«— Слушаю-сь. Можно будетъ и такъ.

«— Да чтобы она съ одного боку, понимаешь, подрумянилась бы, а съ другагопусти ее полегче. Да исподку то пропеки ее, такъ, чтобы всю ее прососало, проняло бы такъ, чтобы она вся, знаешь, такъ разтого, не то, чтобы разсыпалась, а пстаяла бы во рту, какъ снѣгъ какой, такъ, чтобы и не услышалъ. — Говоря это, Пѣтухъ присмакивалъ и подшлепывалъ губами.

«— Чортъ побери! не даетъ спать, — думалъ Чпчиковъ и закуталъ голову въ одѣяло, чтобы не слышать ничего. Но и сквозь одѣяло было слышию:

«— А въ обкладку къ осетру подпусти свеклу звѣздочкой, да снѣточковъ, да груздочковъ, да тамъ знаешь, рѣпушки, да моркови, да бобковъ, тамъ чего-нибудь этакого, знаешь, того разтого, чтобы

гарниру, гарниру всякого побольше. Да сдѣлай ты мнѣ свиной сычугъ: кольни ледку, чтобы онъ взбухнулъ хорошенько.

«Много еще Пѣтухъ заказывалъ блюдо» (Стр. 96 и 97, 2 ч. «Мертв. Душъ»).

Отъ Пѣтуха Чичиковъ ѣдетъ къ зятю Платонова, помѣщику Костанжогло, на котораго я просилъ бы читателя обратить вниманіе, потому что онъ преимущественно заслуживаетъ этого по отношенію къ нему автора. До сихъ поръ всѣхъ героев «Мертвыхъ Душъ» (за исключеніемъ неудавшейся Улинъки) художникъ подчинялъ себѣ и своимъ возрѣніемъ стоялъ далеко выше ихъ, но въ Костанжогло вы сейчасъ чувствуете, что онъ самъ подчиняется ему, и изъ этого, полагаю, можно заключить, что это лицо — одинъ изъ обѣщанныхъ доблестныхъ мужей, къ которымъ долженъ возгораться любовью читатель. И посмотрите, сколько приемовъ употреблено поэтомъ, чтобъ освѣтить своего любимца приличнымъ свѣтомъ! Разумно-практическій и нравственно-здоровый, выведенный на поученіе публики, Костанжогло, по словамъ автора, не обдумываетъ своихъ мыслей заблаговременно сибаритскимъ образомъ у огня передъ каминомъ: онъ у него родятся на мѣстѣ, и гдѣ приходятъ въ голову, тамъ же и превращаются въ дѣло, но прежде чѣмъ открывается вся его практическая мудрость Чичикову, а вмѣстѣ съ тѣмъ и читателю, ради наученія, показывается съ своими хозяйственными распоряженіями карриатура-Кашкаревъ. Костанжогло говоритъ о немъ такимъ образомъ:

«Кашкаревъ <http://rain.org.pl> утѣшительное явленіе. Онъ нуженъ

затѣмъ, что въ немъ отражается каррикатурно и виднѣе глупость всѣхъ этихъ умниковъ, которые, не узнавши прежде своего, забираютъ дурь изъ чужи: завели и конторы, и школы, и, чортъ знаетъ, чего не завели эти умники. Поправились было послѣ француза, такъ вотъ теперь все давай разстраивать съизнова» (стр. 117 2-й ч. «Мертвыхъ Душъ»).

Съ этою цѣлью онъ, вѣроятно, введенъ и въ романъ; а чтобъ придать ему хоть сколько-нибудь человѣческую форму, авторъ называетъ его сумашедшимъ. Лицо это совершенно не удалось, и въ созданіи его вы рѣшительно не узнаете не только юмориста, но даже сатирика, даже пасквилиста, и оно мнѣ собой очень напоминаетъ изображенія Евроны, Азіи, Африки, Америки въ видѣ мифологическихъ женщинъ. Азія, напримѣръ, съ черными волосами, съ огненными глазами и съ кинжаломъ въ рукѣ, а Европа бѣлокурая и сидитъ съ книгой въ рукѣ и съ циркулемъ. Но возвратимся опять къ Костанжогло. Самое осязательное доказательство его практической мудрости составляютъ богатства, которыя плывутъ ему въ руки. Система же хозяйственная состоитъ въ томъ, что онъ заводитъ фабрики только для того, чего у него есть избытки и есть въ окрестности потребители. По его мнѣнію, въ хозяйствѣ всякая дрянь даетъ доходъ; такимъ образомъ, рыбу шелуху сбрасывали на его берегъ впродолженіе шести лѣтъ и онъ началъ изъ нея варить клей, до сорока тысячъ и взялъ, и кромѣ того онъ занялся этимъ потому, что набрело много работниковъ, которые умерли бы безъ этого съ голоду.

«Думаютъ (разсуждаетъ онъ потомъ), какъ про-свѣтить мужика. Да ты сдѣлай его прежде богатымъ да хорошимъ хозяиномъ, а тамъ его дѣло! Вѣдь какъ теперь, въ это время, весь свѣтъ поглупѣлъ, такъ вы не можете себѣ представить, что пишутъ теперь эти щелкоперы! Вотъ что стали говорить: крестьянинъ ведетъ ужь очень простую жизнь: нужно познакомить его съ предметами роскоши, внушить ему потребности свыше состоянья! Сами, благодаря этой роскоши, стали тряпки, а не люди, и болѣзней, чортъ знаетъ, какихъ понабрались. И ужь нѣтъ осьмнадцатилѣтняго мальчишки, который бы не испробовалъ всего: и зубовъ у него нѣтъ, и плѣшивъ, какъ пузырь. Такъ хотятъ теперь и этихъ заразить. Да слава Богу, что у насъ осталось хоть одно еще здоровое сословіе, которое не познакомилось съ этими прихотями. За это мы просто должны благодарить Бога. Да хлѣбопашецъ у насъ всѣхъ почтеннѣе, что вы его трогаете? Дай Богъ, чтобъ всѣ были, какъ хлѣбопашецъ.

«— Такъ, вы полагаете, что хлѣбопашествомъ доходливѣй заниматься? — спросилъ Чичиковъ.

«— Законнѣе, а не то что доходнѣе. Воздѣлывай землю въ потѣ лица своего, сказано. Тутъ нечего мудрить. Это ужь опытомъ вѣковъ доказано, что въ земледѣльческомъ званіи человекъ нравственнѣй, чище, благороднѣй, выше. Не говорю, не заниматься другимъ, но чтобъ въ основаніи легло хлѣбопашество — вотъ что! Фабрики заведутся сами собой, да заведутся законныя фабрики того, что нужно здѣсь, подъ рукой человеку, на мѣстѣ, а не эти всякія потребности, разслабившія теперешнихъ

людей. Не эти фабрики, что потомъ для поддержки ихъ, для сбыту употребляютъ всё гнусныя мѣры, развращаютъ, растлѣваютъ несчастный народъ. Да вотъ же не заведу у себя, какъ ты тамъ ни говори въ ихъ пользу, никакихъ этихъ внушающихъ высшія потребности, производствъ: ни табаку, ни сахару, хоть бы потерялъ миллионъ. Пусть же, если входитъ развратъ въ міръ, такъ не черезъ мои руки. Пусть я буду передъ Богомъ правъ... Я двадцать лѣтъ живу съ народомъ; я знаю, какія отъ этого слѣдствія.

«— Для меня изумительнѣе всего, какъ, при благоразумномъ управленіи, изъ остатковъ, изъ обрѣзковъ, изъ всякой дряни можно получить доходъ, — сказалъ Чичиковъ.

«— Гм! политическіе экономы! — говоритъ Костанжогло, не слушая его съ выраженіемъ желчнаго сарказма въ лицѣ. — Хороши политическіе экономы! Дуракъ на дуракѣ сидитъ и дуракомъ погоняетъ. Дальше своего глупаго носа не видитъ осель, а еще взлѣзетъ на каеэдру, надѣнетъ очки... Дурачье... — И въ гнѣвъ онъ плюнулъ (стр. 120 и 121 2-й части «Мерт. Душъ»):

Оправдывая себя противъ общественнаго мнѣнія, что будто онъ сквалыга и скупецъ первой степени, Костанжогло говоритъ:

«Это все оттого, что не задаю обѣдовъ, да не даю имъ займы денегъ. Обѣдовъ я потому не даю, что это бы меня тяготило. Я къ этому не привыкъ, а пріѣзжай ко мнѣ ѣсть то, что я ѣмъ, — милости просимъ. Не даю денегъ займы, это вздоръ. Пріѣзжай ко мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, нуждающійся, да

разскажи мнѣ обстоятельно, какъ ты распорядишься моими деньгами; если я увижу изъ твоихъ словъ, что ты употребишь ихъ умно и деньги принесутъ тебѣ явную прибыль — я тебѣ не откажу и не возьму даже процентовъ» (стр. 124 и 125 2-й ч. «Мерт. Душъ»).

Сколько во всѣхъ этихъ рѣчахъ высказано хозяйственныхъ и историческо-нравственныхъ мыслей, а все-таки въ Костанжогло вы видите резонѣра, а не живое лицо, и онъ рѣшительно, мнѣ кажется, не способенъ поселить въру въ то, что онъ хорошій человекъ и дѣльный хозяинъ. Припомните, наирямѣрь, Собакевича, и вы сейчасъ скажете: «Нѣтъ, Собакевичъ кулакъ, а все-таки, кажется, хозяинъ проще и лучше, чѣмъ Костанжогло, и скажете потому, что Собакевичъ — типъ, свободно, творчески безпристрастно-созданный авторомъ въслѣдствіе личныхъ наблюденій надъ людьми, а Костанжогло — идея, для выраженія которой присканы въ жизни только формы, и присканы посредствомъ собиранія свѣдѣній и бесѣдъ съ свѣдущими людьми, а не черезъ непосредственное столкновеніе съ жизнью; тогда бы, я увѣренъ, глубоко-проницательный взглядъ художника проникъ дѣло глубже. Скажу еще болѣе откровенно: вглядываясь внимательно въ живыя стороны Костанжогло, насколько ихъ авторъ далъ ему, сейчасъ видно въ немъ какого-нибудь, должно быть, греческаго выходца, который, еще служа въ полку и нося эполеты, начиналъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, обзаводиться выгоднымъ хозяйствомъ, а въ настоящее время уже монополистъ и *загребистая*, какъ прекрасно выразился Чичиковъ, *лана*, которому

и слѣдовало предоставить опытный, практическій умъ, оборотливость, твердость характера и ко всему этому приличную сухость сердца. Поэтическій взглядъ Костанжогло на хозяйство, доброе дѣло въ отношеніи къ Чичикову, которому онъ, не зная, кто онъ и чтѣ онъ за человѣкъ, даетъ десять тысячъ займы подъ росписку, — все это звучитъ такимъ фальшемъ, что даже грустно говорить объ этомъ подробно...

Обратимся лучше къ новому лицу. Вѣрный своей задачѣ поучать читателя Констанжогломъ, авторъ везетъ Чичикова къ разорившемуся помѣщику Хлобуеву. Лицо это по выполненію далеко недокончено и рѣшительно не получило еще наружной шлифовки; но по тонкости задачи, по правильности къ нему отношеній автора, равняется, если не превосходить, даже Тѣнтѣтникова. Вотъ какъ авторъ опредѣляетъ его:

«На Руси, въ городахъ и столицахъ водятся такіе мудрецы, которыхъ жизнь необъяснимая загадка. Все, кажется, прожилъ, кругомъ въ долгахъ, ни откуда никакихъ средствъ, а задаетъ обѣдъ, и всѣ обѣдающіе говорятъ, что это послѣдній разъ, что завтра же хозяина потащатъ въ тюрьму. Проходитъ послѣ того 10 лѣтъ. Мудрецъ все еще держится на свѣтѣ, еще больше прежняго кругомъ въ долгахъ и также задаетъ обѣдъ, на которомъ опять всѣ обѣдаютъ и думаютъ, что это уже въ послѣдній разъ, и снова всѣ увѣрены, что завтра же потащатъ хозяина въ тюрьму. Домъ Хлобуева въ городѣ представлялъ необыкновенное явленіе. Сегодня попъ въ ризахъ служилъ тамъ молебень, завтра давали ре-

петицію французскіе актеры. Въ иной день ни крошки хлѣба нельзя было отыскать, въ другой — хлѣбосоольный пріемъ для всѣхъ артистовъ и художниковъ и великодушная подача всѣмъ. Бывали подчасъ такіа тяжелыя времена, что другой давно бы на его мѣстѣ повѣсился или застрѣлился; но его спасало религіозное настроеніе, которое страннымъ образомъ совмѣщалось въ немъ съ безпутною его жизнію. Въ эти горькія минуты читалъ онъ житія страдальцевъ и тружениковъ, воспитавшихъ духъ свой быть превыше несчастій. Душа его въ это время вся размягчалась, умилялся духъ и слезами исполнялись глаза его. Онъ молился, и странное дѣло! почти всегда приходила къ нему откуда-нибудь неожиданная помощь, или кто-нибудь изъ старыхъ друзей его вспоминалъ о немъ и присылалъ ему деньги, или *какая-нибудь проѣзжая незнакомка, нечаянно услышавъ о немъ исторію, съ стремительнымъ великодушіемъ женскаго сердца прислала ему богатую подачу*, или выплывалось гдѣ-нибудь въ пользу его дѣло, о которомъ онъ никогда и не слыхалъ. Благоговѣнно признавалъ онъ тогда необъятное милосердіе Провидѣнія, служилъ благодарственный молебень, и вновь начиналъ безпутную жизнь свою» (стр. 158 и 159, 2-я ч. «Мертвыхъ Душъ»).

Не смотря на это странное соединеніе добраго сердца, свѣтлаго, сознательнаго ума съ распущенностью, пустой въ высшей степени жизни съ религіозностью, Хлобуевъ составляетъ органически-цѣльное, поразительно-живое лицо. Вы, читатель, вѣроятно, имѣете одного или двухъ такихъ знакомыхъ. Никто васъ такъ не сердилъ, и никого вы

не способны такъ скоро и душевно простить, какъ этихъ людей. Никто вамъ столько не надоѣдалъ своими вздорными надеждами и бесполезнымъ, но искреннимъ раскаяніемъ, и въ то же время ни съ кѣмъ вы не желаете такъ встрѣтиться и побесѣдовать, какъ съ ними.

Окончаніе четвертой главы и пятая глава не могутъ подлежать никакому суду, потому-что это скорѣе конспекты, и тѣ съ пропусками, по которымъ, впрочемъ, ясно видно, какъ много живыхъ струнъ предназначталъ себѣ великій юмористъ тронуть изъ русской жизни, и намъ, читателямъ, остается только скорбно сожалѣть о томъ, что онъ не довершилъ своихъ предназначтаній, или, какъ говорятъ, и довершилъ, но уничтожилъ свой трудъ. Въ критическомъ же отношеніи, изъ всѣхъ набросанныхъ силуэтовъ нельзя не замѣтить откупщика Мазурова. Не произнося надъ этимъ лицомъ приговора, по его неоконченности, нельзя не замѣтить въ немъ, какъ и въ Костанжогло, идеала и, вмѣстѣ съ тѣмъ, рѣшительнаго преобладанія идеи надъ формой.

Такова, по нашему крайнему разумѣнію, столь-долго ожидаемая вторая часть «Мертвыхъ Душъ» съ ея громадными достоинствами и недостатками. Трудясь надъ ней, Гоголь, говорятъ, читалъ ее нѣкоторымъ лицамъ — и не знаю, раздался ли между ними хоть одинъ разъ такой искренній голосъ, который бы сказалъ ему: «Ты писалъ не грязныя побасенки, но вывелъ и растолковалъ глубокое значеніе народнаго смѣха. Ты великій, по твоей натурѣ, юмористъ, но не лирикъ, и весь твой лиризмъ поглощается юморомъ твоимъ, какъ

поглощается ручеекъ далеко, бойко и широко несущейся рѣкою. Ты не безнравственный писатель, потому-что, выводя и осмѣивая черную сторону жизни, возбуждаешь въ читателей совѣсть. Неужели по твоей чуткости къ пороку, къ смѣшному, ты не раскрываешь добра собственной души гораздо-нагляднѣе какого-нибудь поэта, кокетствующаго передъ публикой поэтическимъ чувствомъ? Смотри: одновременно съ тобой дѣйствуютъ на умы два родственные тебѣ по таланту писателя — Диккенсъ и Тэккерей. Одинъ успокоиваетъ себя и читателя на сладенькихъ, въ англійскомъ духѣ, героиняхъ, другой хоть, можетъ быть, и не столь глубокой сердце-вѣдецъ, но за то онъ всюду безпристрастно и отрицательно, господствуетъ надъ своими лицами и постоянно вѣренъ своему таланту. Скажи, кто изъ нихъ лучше совершаетъ свое дѣло!» Не знаю, повторяю еще разъ, пришелъ ли къ нему на помощь хоть разъ подобный голосъ, но самъ поэтъ, не въ одно и то же, конечно, время, понималъ это и сознавалъ ясно.

«Нѣтъ (говоритъ онъ, опредѣляя значеніе смѣха и уясняя нравственное его значеніе), смѣхъ значителнѣй и глубже, чѣмъ думаютъ: онъ углубляетъ предметъ, заставляетъ выступать ярко то, что проскользнуло бы; безъ проникающей силы его мелочь и пустота жизни не испугала бы такъ человѣка. Несправедливы тѣ, которые говорятъ, будто смѣхъ возмущаетъ. Возмущаетъ только то, что мрачно, а смѣхъ свѣтелъ. Многое бы возмутило человѣка, бывъ представлено въ наготѣ своей; но, одаренное силою смѣха, несетъ оно уже примиреніе въ душу. Несправедливо говорятъ, что смѣхъ не дѣйствуетъ на тѣхъ,

противу которыхъ устремленъ, и что плутъ первый посмѣется надъ илутомъ, выведеннымъ на сценѣ; плутъ-потомокъ посмѣется, но плутъ-современникъ не въ силахъ посмѣяться. Насмѣшви боится даже тотъ, кто уже ничего не боится на свѣтѣ. Засмѣяться добрымъ, свѣтлымъ смѣхомъ можетъ только одна глубоко-добрая душа. Но не слышатъ могучей силы такого смѣха: что смѣшно, то низко, говоритъ свѣтъ; только тому, что произносится суровымъ, напряженнымъ голосомъ, тому только даютъ названіе высокаго» (стр. 587 «Театр. Разъѣзда» въ «Сочиненіяхъ» Гоголя. Изд. 1842).

Какое истинное и глубокое эстетическое положеніе, которое юмористъ высказываетъ въ періодъ своего нормальнаго творчества! И теперь посмотрите, какъ болѣзненно начинаетъ онъ, подъ гнѣтомъ неисполнимой задачи, вторую часть «Мертвыхъ Душъ».

«Зачѣмъ же изображать бѣдность да бѣдность, да несовершенство нашей жизни, выкапывая людей изъ глуши, изъ отдаленныхъ закоулковъ государства? Чтожь дѣлать, если уже таковы свойства сочинителя, и заболѣвъ собственнымъ несовершенствомъ, онъ уже не можетъ изображать ничего другаго, какъ только бѣдность да бѣдность, да несовершенства нашей жизни.»

Не можетъ, повторяю и я вмѣстѣ съ этими искренними строками, но только по другой причинѣ. Идеалъ Гоголя былъ слишкомъ-высокъ; воплотить его всецѣльно было, мнѣ кажется, дѣломъ неисполнимой задачи для искусства.

Во всей моей статьѣ, не касаясь великаго писателя, какъ человека, что представляю будущимъ

его біографамъ, я смотрѣлъ на него какъ на художника, и надѣюсь, что меня не упрекнутъ въ нѣсколько-рановременной, можетъ-быть, откровенности: чѣмъ предметъ ближе къ сердцу, тѣмъ, скорѣе и откровеннѣе хочется говорить о немъ, и сверхъ-того я высказалъ не свои почти мысли, а тѣ, которыя живутъ и вращаются между бѣльшей части искреннихъ почитателей его таланта. Желая по преимуществу одного: чтобъ статья моя вызвала рядъ другихъ статей, которыя дополнили бы то, что мною не досказано, расширили бы высказанный мною взглядъ, или даже совершенно отринули его, какъ односторонній, и замѣнили бы его другимъ, болѣе-общимъ и вѣрнымъ. Наконецъ, въ заключеніе, могу пожелать всѣмъ вамъ, писателямъ настоящаго времени, призваннымъ проводить животворное начало Гоголя или внести въ литературу свое новое, — одного: чтобъ, имѣя въ виду ошибки великаго мастера, каждый шелъ по избранному пути, не насилуя себя, а, оставаясь къ себѣ строгимъ въ эстетическомъ отношеніи, говорилъ, сообразуясь съ средствами своего таланта, публикѣ *правду*.

Іюля 27-го, 1855 года.

КОНЕЦЪ ПЯТАГО ТОМА.

INSTYTUT
 BADAŃ LITERACKICH PAN
 BIBLIOTEKA
 00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 72

Tel. 26-68-63

<http://rcin.org.pl>

Оглавленіе V-го тома.

	Стр.
Старческій грѣхъ. (Совершенно романическое приключеніе).	
Батька, Разсказъ	135
Уже отцвѣтшіе цвѣтки	179
Русскіе лгуны. Очерки	200
I. Конкурентъ	201
II. Богатые лгуны и бѣдный	208
III. Кавалеръ ордена пуръ-ле-меритъ	215
IV. Другъ царствующаго дома.	221
V. Блестящій лгунъ	231
VI. Сантименталы	244
VII. Исторія о пѣтухѣ.	260
VIII. Красавецъ	264
Путевые очерки:	
I. Астрахань	300
II. Татары.	327
III. Астраханскіе армяне	342
IV. Калмыки	366
V. Бирючья коса.	419
VI. Баку	423
VII. Тюкъ-Караганскій полуостровъ и Тюленій островъ	438

	Стр.
Записки Салатушки	448
Обличительное письмо изъ ада	477
Завѣщаніе моимъ дѣтямъ Василю и Николаю	489
По поводу сочиненія Н. В. Гоголя, найденнаго послѣ его смерти: «Похожденія Чичикова или Мертвыя Души» — часть вторая	498

INSTYTUT
BADAN LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA
 00-320 Warszawa, ul. Nowy Świat 72
 Tel. 26-68-63

F

24.186/5